

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 06703150 4

Slav. Reserve
Chelkov

РУСКІЯ СКАЗКИ,

СОДЕРЖАЩІЯ

Древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя, и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

ВЪ МОСКВѢ.

Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

PRINTED IN RUSSIA.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

764499 A

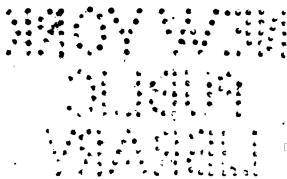
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

R 1935 L

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Рускія Сказки, Часть IX. и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Красноярчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУСКІЯ СКАЗКИ.

Попѣсть о богатырѣ Булатѣ.

Видимирѣ, Князь Рускій, наследовалъ раззоренныя области отца своего Желатуга. Сей несчастный Государь, борясь во всю жизнь свою съ мяшущимися подданными, (покоренными дѣдомъ его Княземъ Русомъ и брашомъ онаго Славеномъ, когда вошли они въ предѣлы нынѣшнія Россіи съ своими Славянами) не былъ щастливѣе и при концѣ: не довольно, что видѣлъ онъ государство свое, приведенное къ паденію междоусобными бранями. Финскіе народы, стремившіеся сложить съ себя иго своихъ побѣдителей, истребляли пришельцевъ, истребляясь сами,

Часть IX. А 2

но

Колан JAN 18 1935

но надлежало, чшобѣ дожилѣ онѣ бѣдственнаго дня, вѣ кошорый Царь Дѣвица (*) разграбила сполничный его городѣ Русу. Онѣ не могѣ воспрощившися, чшобѣ не вышла сѣ рашница сѣ опрядомѣ опборнаго войска, приславшаго сѣ своими судами кѣ берегу озера Ирмера на его земли, и чшобѣ обремененная корысшми не опплыла сѣ шоржесшвомѣ вѣ свое опечештво. Князь Желашугѣ умерѣ сѣ печали, оставя малолѣшнаго сына своего Видимира, шакѣ сказашь, Государемѣ безѣ государствва. Полководецѣ его Драшко, усердный всегда кѣ престолу, воспощалѣ шого, кому оный надлежалѣ. Сей искусный вельможа проикнулѣ вѣ причины, произведшїя пламень, опустощившїй его опечештво.

За-

(*) Царь Дѣвица не есть собственное имя. Дрепнїе Россы придавали оное поовще пѣсѣмѣ пладѣющимѣ Монархинямѣ.

Законъ Рускіе учинили старожилѡвъ рабами пришельцовъ, Славяне получили отъ нихъ всѣ права и преимущества, и ушѣснили покоренныхъ. Онъ отврашилъ сіе зло, уравниалъ Финѡвъ и Славянъ и учинилъ изъ нихъ одинъ народъ. Мятежи пошчасъ пресѣклись. Когда же не за что было воевать, и область Руская съ достиженіемъ своего Князя въ совершенный возрастъ начала приходиль въ прежнее свое цвѣтущее состояніе, Драшко, обремененный лѣтами, съ радостію сложилъ съ себя тягость правленія, и возвелъ на престолъ Видимира. Надлежало онаго вѣнчашъ короною праотца его Руса, но сія обще со всѣми сокровищами досталась въ добычу храброй Царь Дѣвицѣ; а обычаи Славянъ не позволяли возлагашъ діадиму на главу новаго Государя, кромѣ шой, кошарую носили его предки. Корона Русова считалась нѣкоею святынею; жрецы увѣряли, что она низпала съ неба, и

что сей даръ боговъ былъ единственной причиною благоденствія и побѣдъ Славянскаго народа. Слѣдовало оную возвратить, или ждаль погибели. Самъ Видимиръ почувствовалъ нетвердость власти своей, поколь чело его лишено будетъ сего идола его подданныхъ. Онъ собралъ верховный совѣтъ и требовалъ наставленія, что въ такомъ случаѣ предпріять должно.

Голоса начались; каждый предлагалъ то, что соразмѣрно было его склонностямъ. Одинъ говорилъ: надлежитъ отмстить вооруженною рукою хищницѣ, и съ короною Русовою сорвать съ нее собственную. Другой думалъ: должно употребить хитрость и подкупить вельможъ къ тайной выдачѣ вѣнца сего. Иные согласны были послать искуснаго вора, чтобъ стянуть оную, и именovali нѣсколькихъ способныхъ къ тому жрецовъ. Нѣкоторые чаяли, что слѣдуетъ призвать на помощь чародѣевъ, и сверхъестественною
силою

силою возвратишь покищенное по народному праву; ибо все, чѣмъ можно взятьъ верхъ, по онымъ дозволяешся. Многіе были другаго мнѣнія, но Видимиръ не соглашался на сіе, какъ и на вышеписанныя. Я не вѣрю чародѣйствамъ, сказалъ онъ, не могу положиться на жрецовъ, всего меньше на воровъ; согласился бы можетъ подкупить вельможъ, естлибъ не опасался подать шѣмъ поводъ моимъ собственнымъ прі случаѣ продать меня. Чпожъ принадлежитъ до опнятія вооруженною рукою, война есть участь храбрыхъ Славянъ, и я согласенъ бы былъ вести ихъ самъ для освобожденія свящины, естлибъ только не чувствовалъ, что несправедливо собственной моей выгодѣ принестъ на жертву нѣсколько тысячъ воиновъ. Кромѣ того опечество наше не собрало еще испощенныхъ силъ въ браняхъ междоусобныхъ. Кто знаетъ, шакже ли вѣряшъ о вѣицѣ Русовомъ новые наши собрашія, народы Финскіе?

скія? и въ оплучку нашу не вздумаютъ ли они заплашить надъ оппцами и родственниками нашими пѣмѣ же, какъ поступили мы нѣкогда съ ними? Но естли бы не было и сихъ препяшшвй, довольно того, что мы не имѣемъ достапочнаго флота къ нападенію на островъ Царя Дѣвицы. — Великая надежда къ щасію Славянъ имѣтъ Государя, шакъ разсуждающаго! вскричалъ молчавшій дошолъ Драшкѣ. Поиспиннѣ, Государь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Видимиру, не всѣ Монархи располагаютъ шакъ къ достиженію своихъ желаній. Весьма безразсудная вещь воевать за святыню: боги не пребуютъ нашей помощи въ дѣлахъ, коими мценіе ихъ побуждается. Естлибъ корона Русова дана опѣ оныхъ была только твоему роду, давно бы уже Перунъ поразилъ шѣхъ, кои насильно обратили на свою сторону ихъ даваніе; воля ихъ не претерпѣла бы подрыва набѣгомъ нѣсколькихъ иноземцовъ.

Са-

Самый предразсудокъ нашего народа, что слава и побѣды на спорочѣ владѣющаго вѣнцемъ Русовымъ, ещѣ уже довольное основаніе поколебашься твоимъ ратникамъ, при нападеніи на войски Царя Дѣвицы. . . Но здѣсь въ тайномъ совѣтѣ да позволишя мнѣ говоришь чистосердечнѣе: я сомнѣваюсь, чтобъ щастіе и благоденствіе народа могло заключашься въ кускѣ золота, упавшаго съ воздуха; вопервыхъ пошому, что шаковый дождь никогда еще не окроплялъ землю, по крайней мѣрѣ въ нашей памяти; а во вторыхъ, что разумъ, добродѣтель и челоувѣколюбіе не требуютъ помощи ни отъ каковаго металла для возведенія народовъ на верхъ щастія. Мудрое и крошкое правленіе суть онаго источникъ; и для того, какъ Монархъ нашъ оказываетъ въ себѣ всѣ сіи превосходныя дарованія, то кажешя мнѣ, что онъ можешъ доставишь намъ благоденствіе въ вѣнцѣ, сдѣланномъ рукою и земнаго художника.

жника. Боги не раздражаются на правосудіе и добродѣшель Государя, оказывающаго оныя по доброй волѣ безъ ихъ помощи, и благословляющъ всякій вѣнецъ, изъ котораго оныя испекаютъ; шолчки, нанесенные намъ отъ покоренныхъ Финовъ, доказываютъ, что вѣнецъ Русовъ худую оказалъ намъ защиту. — Не смѣли возражать противу сей истинны; но и не соглашались вѣнчать Видимира другою короною; надлежало выдумывать средства къ возвращенію Русовой. Царь Дѣвица владѣла островами Бришшовъ; о ней носилась молва, что она великая волшебница, и что имѣетъ въ услугахъ цѣлое войско крылатыхъ змievъ. Начальствующій надъ оными хранилъ сполчный городъ, и былъ полъ великъ, что окружалъ оный своимъ шѣломъ, схватя конецъ хвоста въ свои зубы. Змій пожиралъ всѣхъ, дерзающихъ войти въ столицу безъ дозволенія Государыни; а сія, имѣющая особое пристрастіе къ завоеван-

еванному ею вѣнцу Русогу, употре-
 бляла всевозможное раченіе испыты-
 вать пребующихъ входа. Самые ея
 подданные не всегда имѣли смѣлость
 проходить мимо челюстей все погло-
 щающаго чудовища. Царь Дѣвица
 пользовалась сею защитою, и уеди-
 нялась во внутренніе чертоги, чтобъ
 упражняться въ волшебной наукѣ.

Вельможи, разсудивъ о обстоя-
 тельствѣ, усмотрѣли, что предпріа-
 тіе ихъ не можетъ совершиться, раз-
 вѣ чрезѣсестественными средствами,
 или отважностію каковаго нибудь
 богатыря; а потому и заключили
 кликать кличь, не выищется ли кто
 снать на себя сей подвигъ. Драшко
 одобрилъ сіе намѣреніе; онъ думалъ,
 что войско крылатыхъ змievъ не въ
 иномъ состоишь, кромѣ множества
 кораблей, снабженныхъ парусами, и
 что молва шолько обрапила оныя
 въ чудовищѣ. Далѣе разумѣлъ онъ,
 что змій, обвившійся около столицы
 Брисшской, не можетъ быть иное,
 какъ крѣпкая стѣна, снабженная спра-
 жею;

жею; о волшебствѣхъ заключалъ, что чарованія женщины смѣлый и предприимчивый мужчина легко можетъ разрушить.

Кличь начашъ: бирючи ходили по площадямъ обширнаго города Русы, по всѣмъ улицамъ, по берегамъ соленатаго озера и рѣкѣ Порусы и Полисны; гонцы скакали по всѣмъ большимъ и малымъ городамъ и деревнямъ; всюду возглашенъ призывъ на подвигъ; но чрезъ мѣсяць никто не вызвался снятъ оный. Князь Видимиръ съшовалъ, и гоповъ былъ самъ пайнымъ образомъ оставилъ свое государство и подвергнуться опаснѣйшему приключенію. Въ сихъ расположеніяхъ нашелъ его Драшко; онъ не похвалилъ его предпріятія, и говорилъ, что чрезъ нѣсколько дней въ состояніи удовлетворить заключенію, положенному въ пайномъ совѣтѣ. Я нашелъ богатыря, продолжалъ онъ, который въ состояніи возвратитъ намъ то, чего мы ищемъ. Называютъ его Булатомъ.

Онъ

Онъ родился въ земляхъ Вашего Величества, и недавно возвратился изъ странствованія. Сей самый Булашъ есть шопъ, о коемъ мы слышали, что убилъ онъ на поединкѣ въ Варягѣ исполина, имѣвшаго желѣзную голову, а у Кесоговъ двенадцатиглаваго Смока, опустошавшаго страну ихъ, и который съ одною дубиною побилъ на голову Римское войско, находясь во служеніи у Кигана, Аварскаго Короля. Увѣнчанный лаврами побѣдъ возвратился онъ въ свое отечество, и провелъ по своему обыкновенію цѣлый мѣсяцъ въ попойкѣ съ своими пріятелями; а теперь высыпается съ похмѣлья, на что также употребляетъ мѣсяцъ, и чрезъ девять дней онъ проснется. Видимиръ благодарилъ Драшку за его спараніе, и просилъ, чтобъ онъ представилъ къ нему богатыря по пробужденіи. Сей приставилъ къ спящему Булашу стражу, чтобъ при самомъ пробужденіи приглашенъ былъ онъ

онъ къ своему Государю, и не удался на иные подвиги.

По прошествіи девяти дней Булашъ предсталъ предъ Князя Рускаго. Кожа убишаго имъ Смока висѣла, какъ закинушый плащъ, за плечми его; а изъ колецъ, снятыхъ съ першовъ побѣжденныхъ имъ Римлянъ, сдѣлалъ онъ нѣкоторый родъ перевязей, по взнизаніи оныхъ на ремешки; къ симъ прикрѣплены были клыки желѣзноголоваго исполина, яко вѣрные трофеи побѣдъ его. Видимиръ, оказавъ ему многіе знаки милосшей, предложилъ, каковой пребуешь ошъ него услуги. Вельможи съ своей стороны учинили описаніе острова Царя Дѣвицы, ея волшебную силу, крылатыхъ змievъ, войско, всѣ обстоятельства, кошорыя надлежитъ вѣдать, и всѣ спрахи, коимъ должно подвергнуться для полученія вѣнца Русова. Булашъ улыбался, слушая повѣсть; опасныя приключенія ему нравились.

— Я общаю вамъ, великій
Госу-

Государь , сказааь онь радо-
 стно , принести священный залогъ
 благоденствія Рускаго , но съ усло-
 віемъ , чшобъ я доведенъ былъ къ
 острову Бриштскому ; ибо я только
 крыль не имѣю для перелетѣнія
 чрезъ моря , въ прочемъ я управляю
 съ зміями и съ хищницею вѣнца
 Русова. — Надежда и веселіе рас-
 просперлись при Дворѣ Видимировомъ ;
 и между шѣмъ , какъ приуговоряли
 Варяжскую мореходную ладію на
 озерѣ Ирмерѣ близъ урочища , называ-
 ваемаго Короспань , богатырь Бу-
 латъ угощенъ на учрежденномъ для
 него пиршествѣ. Въ назначенный
 часъ къ отбѣзду Булатъ провожденъ
 съ честію до самаго пристанища , и
 при восклицаніи шекшаго во слѣдъ
 его народа съаь въ ладію. Вѣприла
 подняшы , и вскорѣ ладія сокры-
 лась изъ вида зришелей. Богатырь
 не слышалъ вопля благословляющихъ
 пушь его своихъ соопчичей ; но
 оный восходилъ еще къ безсмерт-
 нымъ.

Между

Между тѣмъ ладія пробѣгаетъ рѣку мушную, наводящую препешѣ пловцамъ ошѣ воспоминанія лютаго Волхова, сына Князя Славена, обогрившаго струи ея человѣческою кровію. Искусный кормчій управляетъ оную чрезъ опасные пороги волнующагося Ладожскаго озера, и вводитъ въ море Варяжское. Уже безконечный Океянъ представлялся неустрашимому Булашу изъ пролива Готфскаго, какъ жестокая буря покрыла море сѣдыми волнами. Кормчій не могъ управляшь кормиломъ, вѣтрилы оборвало ударами вихря, и ладія неслась по волѣ ярящихся вадовъ въ неизвѣстную сторону. Всѣ отчаялись и ожидали неминуемой смерти, кромѣ Рускаго богашыря, незнающаго, что есть ужасъ. Онъ ободрялъ мореходцевъ, принудилъ оныхъ взяться за веслы и самъ схватилъ упавшее кормило изъ ослабшихъ рукъ кормчаго. Порывъ волнъ учинился недѣйствителенъ, когда мѣшцы Булашовы прошиву-

доспа.

поспавили силу силѣ, и ладія поплыла, куда желалѣ богашырь; онѣ хошѣлѣ приспашѣ кѣ показавшемуся вдали неизвѣсному оспрову, и вскорѣ приспали они кѣ берегу онаго. Буря продолжалась еще; ушомленные пловцы, укрѣпя ладію, предались опдохновенію; а не знающій усналости Булашѣ пошелѣ внутрь оспрова, чшобѣ узнашѣ, обшасемый ли оный и не удасшя ли ему провѣдашѣ, какѣ далеко опнесло ихѣ ошѣ пуши кѣ оспровамѣ Бришшскимѣ. Проходя чрезѣ нѣскольکو часовѣ въ разныя стороны, не примѣпилѣ онѣ ни малыхѣ знаковѣ, чшобѣ жили шущѣ человѣки; но напослѣдокѣ вспалѣ онѣ на пѣшеходную спезю, удвоилѣ свои шаги, и приведенѣ сею въ дремучій лѣсѣ. По продолженіи нѣскольکو пуши сего, предѣставилась взорамѣ его обширная поляна, и посреди оной левѣ, сражающійся сѣ великимѣ зміемѣ. Булашѣ изумился, увидя Царя звѣрей въ шой часши свѣсна, гдѣ не можно было ожидашѣ

Часть IX.

Б

его

его обитанія; бой его съ зміемъ казался ему также чрезвычайностию, а особливо стоящій близь нихъ златый сосудъ подавалъ ему мысль, что въ семъ предметѣ заключается какое нибудь таинство. Богатырь подшелъ; сражающіеся продолжали поражать другъ друга, и присутствіе свидѣтеля было какъ бы причиною усугубить имъ взаимную злобу. Булашъ, опершись на свою дубину, оставался спокойнымъ зрителемъ до шѣхъ поръ, какъ побѣда начала склоняться на сторону зміеву. Жалостный стонъ ослабѣвающаго льва принудилъ богатыря подать ему помощь; онъ бросился, и однимъ ударомъ налешаго свинцомъ своего оружія раздробилъ голову чудовища. Звѣрь мстилъ и уже бездушному своему пропивнику, разшерзавъ шрупъ онаго въ мѣлкія части оспріемъ когшей своихъ. Потомъ, перекинувшись на своихъ лапахъ, обратился въ человека, имѣющаго густую до колѣнъ досязающую бороду.

бороду. Храбрый мой избавитель, сказалъ онъ изумленному богашырю: благодарность моя будетъ вѣчно соразмѣрна швоему одолженію; ибо безъ помощи швоей погибъ бы я отъ люшоспи чародѣя Зміулана, коего видишь предъ собою бездушныя ошташки. . . . Но ты упоменъ, и для шого, прежде нежели учиню я тебѣ опыты моего признанія, и повѣсть вражды моей съ пораженнымъ шобою моимъ непріятелемъ, и о семъ злпомъ сосудъ, должно принять тебѣ успокоеніе; ты найдешь довольство въ моей пещерѣ. Сказавъ сіе схватилъ онъ съ нѣкошорыми особливими обрядами злпый сосудъ, поставилъ оный себѣ на голову, и поддерживая одною рукою, другую подалъ богашырю, кошый слѣдовалъ съ нимъ до ошверстія пещеры, находившейся въ неприступномъ каменномъ шпесѣ, и ошстоящей отъ подошвы горы саженьяхъ во шѣ.

Въ приближеніи ихъ къ утесу горному водипель богашыревъ за- свисталъ громко, и въ самое то время спѣна горная раздвоясь, оказа- зала въ себѣ всходъ по ступенямъ, усланымъ злапотканными Персид- скими коврами. Старикъ съ сосу- домъ слѣдовалъ на верхъ; бога- шырь помогалъ ему нести шажестъ бремени его, и соверша шесть сотъ ступеней, очутились они въ про- странномъ сводѣ. Булашъ не могъ безъ удивленія видѣть, что мѣсто, удаленное въ глубочайшую внутрен- ность горы, было освѣщено сполько, какъ бы способствовало шому особ- ливое солнце. Свѣтъ сей исходилъ отъ великаго въ срединѣ свода ушвер- жденнаго стекляннаго шара, напол- неннаго явкіимъ сіяющимъ веще- ствомъ. Оный былъ подкрѣпляетъ бьющимъ изъ средины пола водо- мешомъ, изъ коего вмѣсто жидкой спихи вылетала на поверхность рпушь, и разсыпаясь изъ вѣющаго- ся своего клуба въ дождевныя капли, упа-

упадала съ блистаніемъ въ серебряную лахань. Казалось, что богатства Царей Индійскихъ чрезъ многіе вѣки совокуплены были на украшеніе сей горной палаты: стѣны ея испускали смѣшенные огни великихъ алмазовъ, яхонтовъ и изумудовъ; сводъ изъ цѣльнаго сапфира, со вѣданнымъ крупѣйшимъ восточнымъ жемчугомъ, обманывалъ глаза, и представлялъ безконечное возвышеніе небесной тверди, испещренной различными звѣздами; полъ, насланный въ шахматы самоцвѣтнымъ каменіемъ неизвѣстныхъ названій, изображалъ смѣсь всѣхъ четырехъ стихій, со всѣми ихъ цвѣтами и красками; и золото могло быть сочтено за послѣднѣйшую вещь, изъ которой кованы и липы были всѣ прочія утвари. Въ одной сторонѣ стоялъ на возвышеніи спрашныи испуканъ Чернобоговъ съ желѣзными вилами, коими поражалъ онъ зіяющее пламенемъ чудовище. Предъ нимъ стоялъ жершвенникъ, изпи-

санный черными неизвѣстными ха-
 рактерами. Спарецъ, бывшій львомъ,
 приблизился къ оному, и поспавя
 злшый сосудъ на средину жершвен-
 ника, распросперся предъ иштука-
 номъ. Богъ мспишель, возо-
 пилъ онъ! — Тебѣ вручаю я свя-
 щенный залогъ судьбы храбраго Сла-
 вянскаго народа. Твоя поражающая
 злыхъ рука низвергла во адъ люпа-
 го Зміулана, она привела на помощь
 миѣ храбраго богатыря Рускаго, и
 ею подкрѣпленъ я въ защищеніи
 моихъ дней опѣ заклывшагося врага
 всему роду моихъ собратій. Буди вос-
 хваленъ, великій Чернобогъ, да вос-
 поюшъ шебѣ тѣмъ чистѣйшихъ ду-
 ховъ, служащихъ огненному твоему
 престолу, и буди проклятъ низпад-
 шій въ геенну злобный чародѣй!
 Окончавъ сію молитву спарецъ воз-
 сналъ, и понуждалъ богатыря при-
 нести жершву Богу, защитнику его
 опечества. Булатъ, обѣяшый свя-
 щеннымъ ужасомъ, изпоргъ нѣсколь-
 ко волосовъ изъ главы своей, сорвалъ
 клыкъ

влѣкъ побѣжденнаго имѣ желѣзно-
 головаго исполина, и обвивѣ оный
 своими волосами, возложилѣ на жер-
 швенникѣ съ колѣнопреклоненіемѣ.
 Тогда истуканѣ Чернобоговѣ поколе-
 бался, густое облако окружило жер-
 швенникѣ, и гремящая молнія, раз-
 шоргнувѣ оное, воспалила жреніе, и
 обратила вѣ пепелѣ, не смѣя прико-
 снушься кѣ священному злапому со-
 суду. Старецѣ и богатырь вновь
 распросперлись предѣ истуканомѣ,
 и по окончаніи божеспвеннаго явленія
 и служенія, первый началѣ кѣ Бу-
 лашу слѣдующее: — Богатырь
 Рускій! познай надѣ собою покро-
 вительство небесѣ; буди ободренѣ
 вѣ печеніи швомѣ на подвигѣ, и
 ожидай щасливаго окончанія слав-
 ному приключенію во освобожденіи
 вѣнца Русова!.... Но доколѣ пред-
 варю я шебя о причинахѣ, воздвиг-
 шихѣ бурю, остановившихѣ печеніе
 пуши швого, поколь узнаешь шы
 кшо я, и кому долженѣ шы успѣха-
 ми прешедшихѣ швоихѣ подвиговѣ,

и о дальнѣйшихъ подробностяхъ сего
наспоящаго, должно принять шебѣ
успокоеніе по шрудахъ сего благо-
получнаго дня. — Сказавъ сіе,
подалъ онѣ ему руку, и велѣ чрезъ
равно освѣщенные покои до удален-
наго чершoga. Тамѣ возлегли они
на мягкихъ возглавіяхъ, покрытыхъ
злапошканнымъ аксамитомъ. Спа-
рикѣ спукнулъ ногою обѣ полѣ, и въ
самое шо время появился шполѣ, на-
полненный изобиліемъ вкусныхъ вшпвѣ
и напишковѣ. Въ продолженіи обѣ-
да Булашѣ не могѣ скрышь своего
удивленія, какѣ о семѣ шпанномѣ
явленіи, такѣ и о шомѣ, что безѣ
помощи прислужащихъ, коихъ не
было ни одинаго, всѣ нужды испол-
няемы были опѣ одного шолько
спукнушія рукою въ шполѣ: спа-
каны, блюды пропадали и новыя
появлялись на ихѣ мѣсна; онѣ не
пропустилъ вопрошшь хозяина сво-
его о причинахъ сего дѣйствія. —
Другѣ мой, отвѣчалъ ему пущыи-
жикѣ! съ шобою могу я говоршшь
чисшо-

чистосердечно, и выведи себя изъ сомнѣнiя, что видимое шобою не есть волшебство. Правда, что отъ меня не скрыты и всѣ шайны каба- лиспики, но всѣ важнѣйшiя оныя дѣйствiя основывающся на причинахъ естественныхъ. Вѣрь мнѣ, что вся сила невидимыхъ духовъ не власна ни мало нарушишь печенiе и порядкъ природы. Сами Боги никогда не употребляютъ могущество свое къ преобращенiю дѣйствiй ея; ибо созданное ими единожды не должно никогда бытъ нарушаемо. Все, что намъ кажется чрезвычайнымъ, есть только слѣдствiе человеческого разума. Люди, вникающiе во испытанiе естества, доходящъ во ономъ до начальныхъ причинъ, и чрезъ сiя предузнающъ имѣющее случить- ся, употребляютъ шаковые случаи, и слѣдствiями удивляютъ людей столько, что бывающъ отъ нихъ считаемы за волшебниковъ. Правда, что обладанiе невидимыми духами много способствуетъ къ дѣйствiямъ

чудеснымъ; шы вкорѣ увидитъ сему опытъ. — Но какъ для себя не сполько нужно узнать сии шайншва, сколько свѣдать обшпояшельства о судьбинѣ Россовѣ, и для шого начну я.

Попѣсть о златомъ сосудѣ.

Когда размноженіе людей на долинахъ Сенаарскихъ подвигло многихъ родоначальниковъ искашь себѣ земель для поселенія, Русъ, избранный отъ своихъ собратій въ вождя, оставилъ оныя, и слѣдовалъ къ сѣверу со многочисленнымъ народомъ. Аспаругъ, отецъ его, величайшій кабалистъ своего времени, безпрешанно упражнялся въ шайншвенныхъ наукахъ. Онъ шарался изыскашь средство ко учиненію народа своего непобѣдимымъ, и на сей конецъ въ приближеніи великой Руской Орды во Алянцію удадился онъ.

онъ вѣ гору Аланъ, (*) гдѣ и началъ прудиться вѣ своемъ намѣреніи. Я слѣдовалъ за нимъ, какъ любимецъ и ученикъ его. Всѣ металлы и спихіи были пережигаемы и раздробляемы, смѣси отъ оныхъ отдѣляемы и чистѣйшія начальныя часпицы извлекаемы, шьмы служебныхъ духовъ вѣ шомъ работали. На послѣдокъ изъ сихъ составовъ соорудилъ онъ вѣнецъ и видѣнный шобою златый сосудъ. Во оныхъ заключилъ онъ судьбу Рускаго народа.

(*) Алане, народъ Славенскій, жили на восточномъ берегу рѣки Дона, которая отдѣляла область ихъ отъ Готфонъ, плывущихъ Финскими дикими народами. Гору Аланъ Птоломей поставляетъ внутри нынѣшней Россіи, простирающуюся до уѣзда Алатарскаго; но какъ сей великой горы по ономъ мѣстѣ нынѣ не находится, то надобно думать, что она разрушена землетрясеніемъ.

рода. МеталлЪ, или лучше сказаць смѣсь, изЪ коей оныя были составлены, не могли бытъ ничѣмЪ разрушены; слѣдственно благоденствіе нашего опечесва сохранено спало въ надежномЪ мѣстѣ. Но чшобъ вѣщующую придашь сему прочностъ, АспарухЪ вознамѣрился освятить трудЪ свой предЪ престоломЪ Чернобога. РоксоланЪ! сказалЪ онЪ мнѣ тогда; имѣешь ли ты довольно бодрости, чшобъ послѣдовать за мною въ чертоги Бога, покровителя нашей науки? Я возблагодарилЪ его за сіе дозволеніе нѣмЪ съ большею ревностію; ибо извѣстно мнѣ было, что нелобзавшій ступень престола Чернобогова не можетЪ достигнуть совершенства въ шайнахЪ кабалистики. Мы начали собираться въ пущь сей. Дары и жертва изгоповлена: сорокъ вороновЪ и сполькожЪ совЪ посажено въ злашихЪ клѣшкахЪ; тридевять черныхЪ оводовЪ связано вервями чернаго шелка; начальныя изЪ служебныхЪ АспаруховыхЪ духовЪ возло-

жили

жили на себя бремена сіи : я несъ
 вѣнецъ, а самъ онъ злшый сосудъ
 По прочшеніи Аспарухомъ иъкопорыхъ
 шаинспвенныхъ словъ, пламенный
 неопалющій вихрь окружилъ насъ,
 и съ невѣроящюю быспросстію по-
 мчалъ къ сѣверному пупу земли. Въ
 приближеніи ко оному, казалось мнѣ,
 что сія страна земли забыта не-
 бомъ и природою. Неспертимый мразъ
 учинялъ заспывшій воздухъ недви-
 жимымъ; тамъ вѣчный снѣгъ по-
 крывалъ пвердь, а вода до самага
 дна моря соспавляла лишь одну
 глыбу никогда неспаявнаго льда;
 нигдѣ не видно было ни малѣйшаго
 распѣнія, и однѣ шускмы ледяныя
 горы едвали имѣли сполько блеска,
 чтообъ различать видѣ ихъ посреди
 господспвующаго шумѣ мрака вѣч-
 ной ноци. Лишь сполько ноги наши
 коснулись земной посперхности, усиль-
 носпѣ хлада потчасѣ уничпжила
 прохладную шеплошу неспшаго насѣ
 неопалющаго огненнаго вихря, и я
 ожидалъ съ каждымъ мгновеніемъ
 ока,

вѣка, что превращусь я въ ледъ;
 но и въсколко прочтенныхъ Аспарухомъ
 словъ основали дѣйствіе мороза
 и предали меня новому ужасу. Двѣ
 ледяныя горы, какъ бы брошенныя
 съ обѣихъ сторонъ, слепясь совоку-
 пились и заключили насъ во внуш-
 ренносшь себя, подобно какъ видимыя
 бывающъ насъкомыя, запершыя въ
 прозрачныхъ шѣлахъ окаменѣвшей
 смолы, извергаемой Варяжскимъ мо-
 ремъ на берега Порускія. Земля
 съ ужаснымъ шрескомъ и громopodob-
 нымъ спухомъ разверзлась подъ
 нами, и мы съ окружающими насъ
 льдами опустились въ горящую про-
 пасшь. Тогда узналъ я, какую
 взялъ учинель мой предосторожность;
 ибо безъ помощи застывшей воды
 сей мыбы погибли въ клокочущей ге-
 ениѣ. Цѣлое море кипящей смолы,
 расплеленныхъ металловъ и сѣрныхъ
 маслъ шумѣ шумѣло раскаленными
 вихрями; огненныя рѣки приносили цѣ-
 лыя горы селишры, и сіи разрыва-
 юсь разсыпались ще въ пламенный
 дождь,

ледъ, по вѣ сверкающихъ молні-
 ахъ, носясь по безднѣ, колебали
 ошбны шаршара. Казалось, что над-
 лежишѣ намъ уничтожиться, какъ
 мухамъ, влѣтѣвшимъ вѣ горящую
 печь; но сраженіе противоборствующихъ
 силъ сохранило насъ. Таю-
 щій ледъ отражалъ пламенные ва-
 лы, чтобы придать имъ новое рве-
 ніе и усугубить нападеніе. Не
 можно имѣть лучшей идеи о сраже-
 ніяхъ элементарныхъ вѣ древнемъ хаосѣ:
 громъ, ревъ, вихри, молнія умножа-
 лись по мѣрѣ быстроты нашего по-
 лета. Защищающій насъ ледъ усту-
 палъ вѣяному огню, и почти со-
 всѣмъ уже исчезъ; я вѣ трепещѣ
 ожидалъ послѣдней минуты моей
 жизни; однако мы совершили путь
 сквозь геенну и очутились вѣ про-
 странствѣ, наполненномъ тихимъ
 свѣтомъ вечерней зари. Твердь, на
 которой остановились ноги наши,
 состояла изъ блестящаго хруста-
 ля; я слышалъ вѣ одной сторонѣ
 закрытой чернымъ густымъ обла-
 комъ

комѣ спонѣ пресшупниковѣ осужденныхѣ и звукѣ цѣпей; въ другой же сіяли чертоги великаго Чернобога. Представѣ себѣ тысячу солнцевѣ, совокупленныхѣ во едино; сей будешѣ можешѣ бышѣ сходный видѣ славы чертоговѣ Бога мспшителя. Оныя, казалось, стояли на воздухѣ, окружаемыя шридевяшью сверкающихѣ огнемѣ радугѣ; шмы пламенныхѣ служебныхѣ духовѣ носились около его по воздуху: иныя сперегли входѣ, иныя покоились на лучахѣ радуги, а прочіе, раздѣлясь хорами, воспѣвали чудныя подвиги Бога, низложишеля исполиновѣ. Я не могу изѣяснить шебѣ славы сего мѣста; нѣшѣ для человекѣ выражений, въ коихѣ бы можно было описать красоту обители безсмершнаго. Священный ужасѣ обѣялѣ меня входящаго во врата желѣзныя, ведущія во внутренность чертоговѣ. Насѣ не ошановляли, двери растворялись сами собою, и мы пали предѣ прешоломѣ великаго Чернобога. Блескѣ его

его ослѣплялъ насъ. Дары поставлены, а жертвенная по возложеніи на олтарь обращены въ пепѣль молніею, излетѣвшею отъ престола. Тогда сіяніе, насъ ослѣпляющее, ушло, и мы узрѣли великаго Бога мстителя въ образѣ человѣка, съ божественною милостію насъ благословляющаго. Послѣдую водительство Аспарухову, учинилъ я тридевять колѣнопреклоненій до престола, и лобзалъ, такъ какъ и онъ, ступень онаго. Я не могу изъяснить тебѣ, какая учинилась во мнѣ послѣ того переменна: бодрость вселилась въ мое сердце, и очи мои опроверзлись къ познанію сокровенныхъ таинствъ. Я услышалъ слова изъ устъ Бога мстителя, которыхъ подѣ въчною моею погубелію никому открывать не долженъ.

Между шѣмъ Аспарухъ распростерся предъ престоломъ, поставя прежде золотой сосудъ и вѣнецъ на подножіе престола, и возставъ на колѣнахъ, вѣщалъ шако: Великій
Часть IX. В Богъ

Богъ мстишель! прими моленіе раба
 швоего, посвящающаго шебѣ залогъ
 вѣрнаго шебѣ народа; учини судьбу
 Русовъ недвижиму во вѣки, и изре-
 ки швой непремѣнный предѣлъ на
 сей таинственный сосудъ и на сей
 вѣнецъ, да учиняшся оныя освяще-
 ніемъ швоимъ въ забрало храброму
 ошродію Славенскому, и да будешъ
 оноя спрашно всѣмъ странамъ свѣ-
 ша! — Тогда божественный свѣшъ
 возблисталъ окрестъ прешола; слу-
 жишели онаго воспѣли похвалы без-
 омершному, на немъ сѣдящему, и
 мы, немогущіе терпѣшь блеска, по-
 верглись на полъ. По времени бли-
 станіе ушишилось, и увидѣли мы
 Чернобога, держащаго въ рукахъ кни-
 гу судебъ развершную. Внимаи,
 ошець Русовъ, вѣщаль онъ къ
 Аспаруху; небеса покровишельству-
 юшъ ревность швою къ швоему оше-
 честву; судьба опредѣляешъ не-
 успрашимость и побѣды участію
 швоего народа. Оный покоришъ
 страны, въ кошорыя шествуешъ; весь
 сѣ.

сѣверѣ и части востока, юга и запада подвергнушыя его власти; прочіяжѣ страны и народы воспрещушѣ единого имени. Я всегда буду покровитель его, вѣнца и златого сосуда. Доколь Князи Рускіе будутѣ вѣнчаны вѣнцемѣ симѣ, доколь будутѣ сохраняшѣ таинственно предписанные во ономѣ законы, держава и мечь ихѣ не поколеблуются; но возсненаетѣ свое ошечество, когда они ошѣ сихѣ уклоняшся. Вѣнецѣ ихѣ впадетѣ вѣ руки чуждыхѣ; борьбы, смятенія покроютѣ лице славной Славенской области; и сіе будетѣ время, когда должно бы ей испровергнутѣся. Однако я всегда воздвигну ее изѣ ея чашныхѣ развалинѣ. Златый сосудѣ, хранящій судьбу Русовѣ, удержишѣ перевѣсь противу хищниковѣ вѣнца сего. Я опредѣляю себя хранителемѣ онаго. Твоя ошечественная ревность достачна постановишѣ вѣ тебѣ бодрого оному спража, чшобѣ не впаѣ оный вѣ руки непрятелей. Доколь ты живѣ,

В 2

живѣ, никакой злодѣй Русовѣ, ни самѣ врагѣ ихѣ, и врагѣ мой чародѣй Зміуланѣ похитишь его немогущѣ. Я дамѣ тебѣ волшебное зеркало, копорое предваритѣ тебя о всѣхѣ на злпшый сосудѣ покушеніяхѣ, и чрезѣ кое ты будешь извѣстенѣ о всемѣ происходящемѣ въ свѣтѣ. По удаленіи швоемѣ въ жилище душѣ блаженныхѣ, ученикѣ швой Роксоланѣ будешѣ наслѣдникомѣ сей спражи и швоего искусства. Я просвѣщу разумѣ его и наполню оный шайнственными знаніями. Но какѣ дальнѣйшія подробности о судьбинѣ Русовѣ не могущѣ быль по совѣту Боговѣ открыты, шо да обратишь ты въ пути небесѣ свое проицаніе; избранные люди могущѣ разсужденіями и просвѣщеніемѣ своимѣ разверзашѣ мрачныя завѣсы предбудущаго и слѣдующаго. — Тогда служебные духи привесли предвѣщающее зеркало. Огнѣ, изшедшій изѣ устѣ Чернобога, свернувшись клубомѣ, помѣспился невидимо

въ

вЪ златомЪ сосудѣ , и начерпалЪ незагладимыми буквами должнѣши Государя на вѣнцѣ РусовомЪ (ибо самый пошѣ былЪ вѣнецъ сей , который ты , о Булашѣ , освободишь щистишься изЪ рукЪ Царя Дѣвицы). Мы учинили вновь шридевяшь коѣвно-преклоненій , и слѣдовали вонЪ изЪ обителѣ Чернобога на югЪ , по пупи , опверштому намЪ его пламенною острогою сквозь внушренности земли до самой нашей пещеры , находившейся вЪ хребтѣ горы Алана . Службные духи съ пѣснопвнѣемЪ насЪ провождали , и мы не видали уже ни шраха шартарскаго , ни ужаса опѣ шраны , гдѣ господствуетъ вѣчная зима ; пушь нашѣ усланѣ былѣ цвѣтами . Дорогою безпрешанно чистая законѣ , начертанный на вѣнцѣ , зашвѣрдилѣ я оный наизустѣ , и извлекѣ изЪ онаго единое сіе содержаніе : *Монархъ ! козь хочешь быть достойнымъ , завудѣ себя , и будь лишь отецъ , стражъ и слуга твоего народа .* — О не-

возможная къ сношенію заповѣдь: возопилъ я во внутренности души моей. Сколь ни неопровергаемо сіе положеніе, но вижу я, что предснотяшъ великія бѣды моему отечеству, познаю я, сколь важно должно бытъ нѣкогда мое бѣднѣе. Мы прибыли въ нашу пещеру.

Тутъ Аспарухъ, пославъ на огражденный шалисманами столъ сосудъ, вѣнецъ и зеркало, началъ шрудиться въ составленіи лешающаго ковра. Всѣхъ родовъ птицы дали дань на его сооруженіе: большія и малыя перья сошккалъ онъ художественною своею рукою; а я между шѣмъ бодрешвовалъ при столѣ, хранящемъ залогъ благоденствія Рускаго. Взирая безпрестанно въ зеркало, видѣлъ я происходящее въ моемъ отечествѣ. Миѣ представлялось, какъ многочисленная Орда, подъ предводительствомъ Русовымъ, очищала себѣ мечемъ путь къ своей державѣ, какъ храбрые Алане ополчились, не допуская се
 прой-

пройши сквозь свои земли, и съ
 какимъ мужеспвомъ сражались; но
 бывъ побѣждены, нашлись прину-
 женными заключить вѣчный союзъ,
 дасть свободную дорогу и пропиша-
 ніе непобѣдимымъ Русамъ; и по-
 томъ видѣлъ я вшествіе ихъ въ
 предѣлы нынѣшнія земли Рускія и
 Славенскія, и побѣждающихъ старо-
 жипельствовавшихъ шамъ народовъ
 Финскихъ, которые либо покорялись,
 либо осшавляли мѣста свои, бѣжа
 въ необитаемыя страны къ сѣверу,
 востоку и югу, чшобъ учинишься
 начальниками государствъ: Череми-
 скаго, Мордовскаго, Чувашскаго,
 Вошяцкаго и прочихъ; казалось
 мнѣ, какъ возносили главы свои двѣ
 новыя Имперіи Славянъ и Русовъ,
 какъ созидались столицы: великій
 Славенскъ и великая Руса, какъ
 строились многочисленные города и
 населялись храбрыми моими сошчи-
 чами. О всемъ шомъ доносилъ я
 шрудящемуся Аспаруху, и мы ра-
 довались о шастіи нашихъ собраний.

Наконецъ лешающій коверъ сталъ гошовъ. Онымъ можно было управляшь шакъ на воздухъ, какъ ладію на водѣ; оный поднимался на высоту, опускался внизъ, спремился вдоль и оборачивался въ каждую желаемую сторону. Посредствомъ ковра сего, о Роксоланъ, — сказалъ мнѣ Аспарухъ, — намъренъ я подкрѣпишь храбросшь и надежду нашего народа. Ты вѣдаешь, что нужно ушверждать простолоудиновъ въ предразсудкахъ, какъ для того, чтообъ привести ихъ въ повиновение, шакъ и за шѣмъ, чтообъ можно было при всякомъ нужномъ случаѣ возбудишь ихъ ревность и храбросшь, подъ предлогомъ защищенія вещи, кою сочтешъ онъ за свяшыню. Венецъ, мною содѣланный, конечно заслуживаетъ сіе предпочтеніе, въ разсужденіи предписанныхъ на ономъ законоположеній; однакожъ надлежишь дѣяшельнѣйшимъ способомъ привести народъ къ рабскому онаго обогошворенію; ибо безъ сомнѣнія швердо

до проспойшь держава, гдѣ Государь слѣдуетъ надписанному на вѣнецѣ семѣ, и гдѣ подданные каждое повелѣніе своего Государя приѣмлютъ за глаголѣ божественный. Я намѣренъ предстать къ моему сыну Русу, и увѣришь его о покровительствѣ Боговѣ, и о обѣщаніи оныхъ послать ему съ неба вѣнецѣ, на коемѣ предписаны будутъ правила, какѣ ему должно вести себя на престолѣ. Я подвигну его ко всенароднымъ моленіямъ, и тогда предѣ собраніемъ народнымъ пы долженъ будешь, сокрывшись въ лежающемъ коврѣ, опустишь оный на златой ниши на главу Русову. Я ошрѣжу припомѣ нишь шакѣ, что народѣ сего не примѣшитъ, и сочнешъ вѣнецѣ слѣдѣвшимъ съ небесѣ по воздуху. Ты предвидишь, я чаю, всю пользу шаковаго благонамѣреннаго обмана? Я не сомнѣвался въ сей истиннѣ, и слѣдовалъ волѣ моего учителя.

ВЪ назначенный часъ сѣли мы на коверъ, забравъ съ собою сосудъ, вѣнецъ, зеркало, шаинственныя книги и орудія, и поднявшись на воздухъ, пустились къ сполницѣ Руской. Доспигнувъ оныя, опустились мы въ великомъ лѣсу близъ соленого озера съ южной онаго стороны. Аспарухъ, взявъ съ собою злшый сосудъ и зеркало, пошелъ во Дворецъ, а меня съ вѣнцемъ оставилъ, повелѣвъ, чтобъ въ слѣдующее утро поднялся я на коверъ довольно высоко, и высматривалъ надлежащаго времени, когда слѣдовашь будешь опустишься ниже и свѣсишь вѣнецъ.

Аспарухъ принявъ былъ какъ нѣкое благодѣтельное божество. Князь Русъ и весь шайный его совѣтъ внимали съ набожностію его пророческіе глаголы, и сдѣлали распоряженіе къ ушреннему всенародному моленію.

Едва багряная Зимцерла распростерла на восшокъ свои оживляющія
щія

щія природу ризы, и отворила враша
къ изшествію благошворительнаго
Свѣшовада (*), я поднялся на коврѣ
въ вышину, и ожидалъ надлежащаго
времени, держа въ рукахъ конецъ
длинной къ вѣнцу укрѣпленной зла-
шой ниши. Вскорѣ показался Русъ,
водимый родителемъ своимъ Аспа-
рухомъ, въ провожаніи несчисленныхъ
полковъ воинства, всего народа и
самыхъ женъ и дѣшей. Они шествовали
на поле до холма, посвященнаго
громносному Перуну; жрецы несли
шоржественно испукаѣ Чернобоговъ,
иѣкошорые изъ нихъ пѣли пѣсни,
а прочіе вели черныхъ агнѣвъ, по-
крытыхъ чернымъ аксамитомъ на по-
жреніе Богу мспшешлю, и бѣ-
лыхъ увѣчаныхъ связками кра-
сныхъ цвѣтовъ для всесозженія
предъ Перуномъ. Въ приближеніи
ихъ къ холму дневальные жрецы
близъ стоящаго жертвенника неуга-
сае-

(*) Зимцерла есть Слалянская Богиня зари; а Свѣтоидѣ солнце, или Рускій Февъ.

саемаго Знича (*), повергли на огонь благовонія, и съ гласомъ трубъ и роговъ соединили встрѣчную пѣснь. Наконецъ приходящіе жрецы, перемѣняясь съ стоящими на холмѣ, пѣли похорно похвалу обоимъ Богамъ; народъ всемъ множествомъ оканчивалъ послѣдніе стихи пѣсней, и колебалъ воздухъ своими восклицаніями. Испукаяъ Чернобоговъ поставили рядомъ съ Перуновымъ: заклали агнцовъ, возложили на пылающіе жершвенники, и общественно упавъ на колѣни, приносили благодарныя мольбы за обѣщаніе, низпосланное небесами чрезъ уста мудраго Аспаруха. Сей по пожраніи огнемъ жершвъ приступилъ къ испу-

(*) Зничъ есть неугасаемый огонь, какъ надобно думать, представлявшій солнце, или Бога Спѣтоида. Славяне по многихъ городахъ имѣли его жертвенники, и прибѣгали къ оному для исцѣленія въ спонхъ болѣзняхъ.

исшуканамъ , и упавъ на одно колѣно , простеръ вверхъ свои руки , и произносилъ слѣдующую молитву : Великій Перунъ , опецъ Боговъ ! и ты о Чернобогъ , защитникъ Рускаго народа ! примите сію жертву благодаренія отъ страны , ожидающей исполненія священнаго вашего обѣща , да познаютъ враги наши , что мечъ , шoliko имъ страшный , управляется вашимъ водительство , что заскупленіе ваше будетъ вѣчно на Князяхъ , увѣчаныхъ вѣнцемъ небеснымъ . Я съ колѣнопреклоненіемъ исповѣдую , что слова божественныя не могутъ быть премѣняемы ; но чтобъ не произошло нѣкогда сомнѣнія о предсказаніи моемъ о вашей волѣ , явите , что уста шаковаго , какъ я , сѣдинами покрышаго сарца , жи вѣщашь не могутъ . Да низпадетъ всенародно съ небесъ вѣнецъ вашего благословенія на главу шого , коего избраше вы водителемъ Рускаго народа , и котораго попомство до-
стойно

стойно будетъ споспѣшествовать его славу и благоденствію! — Въ сіе мгновеніе опустилъ я летающій коверъ къ низу. Народъ, чающій видѣть спускающееся облако, не сомнѣвался о присутствіи божества; а особливо когда я зажегъ приговоренные гремящіе и выпускающіе блестящій огонь сосавы; оный палъ на колѣна, и произносилъ набожныя восклицанія. Тогда я, въ малое отверстіе ковра высмотрѣвъ Князя Руса, опустилъ вѣнецъ прямо на главу его. Аспарухъ, рачительно сіе примѣчающій, возгласилъ шрокращно: о велие чудо! и повелѣвъ жрецамъ воспѣть благодарныя пѣсни, сѣвшилъ искусною ухваткою опрѣзать злшую нить ошъ вѣнца. Между тѣмъ народъ, не сомнѣвающійся въ благоволеніи небесъ къ себѣ, палъ на колѣна, наполняя воздухъ радостными восклицаніями; а я поднялся на высоту, продолжая бросать на всѣ стороны гремящіе огненные сосавы.

По

По совершении сего благонамѣреннаго обмана, Аспарухъ, взявъ Князя за руку, возвелъ на холмъ, и облекъ его въ лежавшую на престолѣ исшукана Перунова багряную поволоку. Верховный жрецъ по приказанію его подшавилъ сшулъ съ подушкою червчатаго аксамита, посадилъ на оный Руса, и снявъ съ главы его вѣнецъ, вписалъ съ онаго шаинсшвенныя начертанія въ священную книгу, подъ заглавіемъ: О должностяхъ Государей, которыя поднесъ еще читаютъ каждому нововѣчаемому, и о силѣ коихъ просшый народъ вѣдать не долженъ; ибо щастіе онаго въ томъ заключается, чтобъ не знашь того, что рѣдкіе вѣнценосцы наблюдаютъ. Наконецъ низпадшій съ небесъ вѣнецъ торжественно носимъ былъ для обозрѣнія посреди народа; всякъ падалъ предъ онымъ, и воздавалъ ему божескую честь. Попомъ возложенъ оный опять на главу Князя. Исшуканъ Чернобоговъ съ пѣніемъ

под-

поднятъ, и съ прежними обрядами торжественъ проваженъ во Дворецъ Русовъ.

Тамъ Аспарухъ исполковалъ сыну своему должноти, къ коимъ назначили его небеса, и которыя Русъ и многіе попомки его сохранили свято. И въ продолженіи празднествъ, учрежденныхъ на сей славный случай, Аспарухъ просился съ своимъ сыномъ, и пришелъ ко мнѣ, дождавшемуся его въ лѣсу. Тутъ совѣтовалъ онъ съ предвѣщательнымъ зеркаломъ о мѣстѣ, которое назначатъ ему небеса къ спокойному обиталищу, и въ хранилице сосуда, заключающаго судьбину Русовъ. Сей самый островъ, на которомъ ты нашелъ меня, храбрый Булатъ, изобразился съ сею горою, въ коей мы находимся въ зеркалѣ. Послѣдовано сему божественному совѣту, и по возложеніи на коверъ сосуда и прочихъ нашихъ вещей, взошли мы на коверъ, и пренеслись сюда. Пещеру сію со всѣми ея укра-

Украшеніями соорудило искусство Аспарухово. Злашый сосудъ съ тяжкими заклинаніями - поставленъ на шой полянѣ, гдѣ шы нашелъ меня біющагося съ зміемъ, и ввѣренъ въ стражу двумъ шьмамъ служебныхъ духовъ. По силѣ оныхъ клятвъ, ушверженныхъ самимъ великимъ Чернобогомъ, никто не могъ прикоснуться къ сосуду во все время жизни Аспаруховой, и никто не могъ овладѣть имъ, поколь попомство Русово будетъ слѣдовать предписанному на вѣщѣ его. Въ случаѣ нарушенія сего закона позволено было сражаться врагамъ благоденствія Рускаго съ хранишелемъ сосуда, но не прежде овладѣть онымъ, какъ низложя противоборствомъ сего хранишеля.

По совершеніи сего Аспарухъ, яко первый хранишель сосуда, имѣлъ неусыпное бдѣніе: ежедневно до нѣсколька разъ прибѣгалъ онъ къ волшебному зеркалу, чшобъ узнать о состояніи своего отечества. Двѣсти

Часть IX

Г

ЛѢШЬ

лѣтъ прошло, въ которыя не могъ онъ жаловаться на поведеніе владѣшелей Рускихъ, кромѣ бѣдственнаго устава, коимъ новопокоренные Финскіе народы учинены невольниками своихъ побѣдителей. Онъ предвидѣлъ всѣ истекajúщія и впредь имѣющія случиться отъ того неспроенія, но не могъ оныхъ опшратить; ибо клялся не отлучаться съ острова, будучи хранителемъ на ономъ суда. Хотя чрезъ служебныхъ своихъ духовъ и нерѣдко посылалъ онъ свидѣнія Рускимъ Государямъ, побуждающія къ уравненію побѣдителей и побѣжденных; но либо Государи, зараженные предразсудкомъ о благородствѣ Славянъ предъ Финнами, или вельможи, имѣющіе выгоды отъ невольничества покоренныхъ, всегда находили не слѣдовашь сему спасительному вліянію. Лучше скажашь, судьба Русовъ содержала нѣкоторыя частныя нещастія, положенныя въ совѣтъ Боговъ, коихъ усердіе Аспарухово опшративъ было не въ

въ силахъ, и предписанное въ книгѣ
вѣчныхъ усшавовъ долженствовало
совершиться. Аспарухъ, усмошря при-
ближеніе конца своего, опкрылъ мнѣ
всѣ тайны глубокаго своего знанія;
я испилъ изъ златаго сосуда, кляв-
шись бышь вѣчнымъ онаго храните-
лемъ, и по опшествіи Аспаруха,
проведшаго девять сошъ осьмдесять
лѣтъ на свѣтѣ, въ жилищѣ душъ
блаженныхъ, учинился здѣсь его
наслѣдникомъ.

Чтобъ бышь вѣрну моимъ клят-
вамъ, забылъ я самъ себя, и по-
свящилъ безъ изъятія заботамъ о
благоденствіи моего опшества. Я
почши не опходилъ опъ волшебнаго
зеркала. Сколь болѣзненно было ви-
дѣнь мнѣ въ ономъ владѣніе Князя
Желашуга, раззоряемое междуособ-
ными бранями, и приведенное почши
къ паденію! но я принужденъ былъ
покоряться необходимости, и до-
вольствоваться сохранять цѣлостъ
судьбины ихъ, запершую въ за-
томъ сосудѣ; я уповалъ, что мило-

сердіе Боговъ възспавишъ нѣкогда главу славнаго народа изъ покрывающихъ оную развалинѣ. Но все сіе было еще слѣдствіе необходимости, происпекающей отъ погрѣшностей въ правленіи; не было еще врага, съ кошорымъ бы я сражаясь, прешердѣлъ несказанные шруды.

Нѣкогда заглянувъ въ зеркало, увидѣлъ я во ономъ совѣшъ злыхъ духовъ, благодѣшельствующихъ Финамъ и враждующихъ Русамъ. Звѣрообразный Ашарофъ, Князь демонскій, сидѣлъ въ огненныхъ креслахъ, поставленныхъ на множествѣ мертвыхъ головъ, собранныхъ на мѣстѣ побоища въ послѣднюю междуособную бившу Русовъ близъ лѣсовъ Изборскихъ; сіе придавало кресламъ его нѣкошорый видъ ужаснаго престола. По правую руку его сидѣлъ пронырливый Аштулфъ, начальникъ духовъ вѣсповосцевъ, а на лѣвѣ Демонмахъ, покровишель чародѣевъ, съ первыми изъ своихъ служебныхъ духовъ. Вокругъ сего адскаго

адскаго собранія снояли полки мрачныхъ силъ, въ видѣ вооруженнаго воинства, Злоба и кровожадность изображались въ ихъ темныхъ лицахъ, и ненависть сверкала изъ раскаленныхъ очей ихъ; они пошрясали пламеннымъ и напоеннымъ ядомъ оружіемъ своимъ. Смертоносный смрадъ заражалъ всю окрестность сего адскаго сборища. Предчувствуя важность сего открытія въ пользу моего опечесства, приклонилъ я внимательное ухо, и ожидалъ, что произойдетъ въ семъ богопротивномъ совѣщѣ. — Могуція силы и власпи сонмища, спорющаго съ небесами, началъ Ашарофъ! я собралъ васъ на совѣщѣ для предложенія важнаго вопроса: чѣмъ должно низложить крѣпость народа, покровительствуемаго Богами и пришедшаго побѣдити страны Финновъ, обожающихъ меня и васъ вмѣсто Творца своего? Извѣстно вамъ, съ какою швердостію прешивоборствовалъ я волѣ небесъ, предающихъ мою державу въ область

Г 3

народу,

народу, мнѣ ненавистному : едва
 только Русы двинулись съ востока,
 я не ослабѣвалъ прошивупоснавянъ
 имъ всевозможныя препяпствія на
 пуши ихъ. Я возбуждалъ на нихъ
 всѣ спихіи; внушалъ къ нимъ не-
 нависть во всѣхъ народахъ, сквозь
 обласни коихъ имъ проходить дол-
 жно было; съ своею, е Демонахъ,
 помощію разсѣвалъ я ядовитыя
 травы и плоды, чшобъ скешы ихъ
 и сами они, по необходимости вкуса,
 погибали. Но все то осталось пищеп-
 но : ненавистный мнѣ опецъ вожди
 ихъ Аснарухъ уничтожалъ всѣ сіи
 препоны : мудрость его, кошорой и
 самъ я не могу не удивляться, низ-
 ложила мои происки; онъ испре-
 билъ ядъ приговоренной ошравы, и
 преобразилъ оный въ здоровую
 пажить; онъ принуждалъ рассту-
 пашься воздвигаемыя мною на пуши
 непроходимыя горы, и принуждалъ
 ихъ давать свободныя спези; воз-
 буждаемыя бури и громы прогонялъ
 ояъ въ необитаемыя вусшыни; а
 внѣ-

внушенную ненависть въ народы
укрощалъ онъ мечемъ, провож-
даемымъ побѣдами и добродѣтелию,
такъ что враги Русовъ дѣлались
добровольно либо ихъ союзниками,
или данниками. Финны, въ странѣ
коихъ шло много вѣковъ обожалось мое
имя, совершенно ими покорены, и
учинились имъ невольниками. Прав-
да, что не упустилъ я внушить
гордый предрасудокъ въ мысли
Князя Руса, чрезъ каковой онъ,
подавая законы побѣжденнымъ Фи-
намъ, учинилъ своихъ Славянъ
надъ ними господами. Я довольно
предвидѣлъ все должествующія изъ
того произойти слѣдствія: Финны
лишаютъ неисребимую вражду къ
своимъ владѣтелямъ, при всякомъ
возможномъ случаѣ берутъ они ору-
жје, и наносятъ не малый вредъ
своимъ успѣшителямъ; сами Русы
способствуютъ своему ослабленію,
междоусобствуя за участки влады-
чества, коего они по себѣ уравнишь
не могутъ, и область Руская не-

примѣтными шагами идетъ къ своему паденію. Однако прозорливый Аспарухъ предусмотрѣлъ всѣ случаи; онъ соорудилъ вънецъ и златый сосудъ съ таковыми шайнами, что нѣкогда Русы должны воспрянуть отъ бѣдственнаго сна своего. Законы, предписанные на вѣнцѣ для Государей, когда нибудь вразумящъ ихъ ошнать неравенство у побѣжденныхъ, и учинишь изъ нихъ одинъ народъ и братство съ ихъ побѣдителями. Тогда владычество наше въ странѣ сей совершенно испребишся. Русы хотя заблуждающъ въ понятіяхъ своихъ о Творцѣ своемъ, но они чистосердечно поклоняющся небесной власи, и проклинаящъ силу адекую. Финны не слѣдуютъ вѣрѣ ихъ только по вкорененной ненависти къ народу, оную исповѣдающему; но они вшайнѣ одобряющъ святость оныя, и когда ошнимешся причина ненависти, они ошступящъ отъ меня; и имя Аспарофа учинишся чуждо и

нст

ненавистно посреди древнихъ прельщеныхъ его обожашелей. Далѣ скажу вамъ, хотя не проникъ я шайнства, заключаемаго для судьбы Русовъ въ златомъ сосудѣ, но вѣдаю, что есъли бы оный съ вѣнцемъ Русовымъ похищенъ былъ въ руки Финовъ, они бы Славянъ учинили своими невольниками, и истинное познаніе Творца никогда бы не просіяло въ странахъ ихъ. Я не нахожу дальнихъ затрудненій въ похищеніи вѣнца Русова; ослабленная междуособіями страна, не можешъ долго защищать оный, но иное обстоятельство съ златымъ сосудомъ. Вспорый Аспарухъ, ученикъ его Роксоланъ, владѣющій всѣми его знаніями и покровительствуемый Чернобогомъ, содержишъ оный въ неусыпномъ храненіи на одномъ изъ острововъ сѣвернаго океана, и подкрѣпляется помощію спражи двухъ шѣмъ служебныхъ духовъ, предстоящихъ престолу Чернобогову. Какъ уже потомство Русово нарушило

законъ , предписанный на вѣнцѣ ,
 пришѣсеніемъ покоренныхъ Финовъ ,
 шо время испытать намъ свои по-
 кушенія къ похищенію сихъ Сла-
 вянскихъ свящынъ. Противупоста-
 вимъ силу силъ ; должно воздвигнуть
 чародѣевъ , и воспитать оныхъ съ
 непримиримую злобою къ Славянамъ.
 Я берусь за сіе ; а Демонахъ
 долженъ обогатить ихъ всѣми шай-
 нами адскаго искусства. Когда бу-
 дешъ шаковый , кшо можешъ сразитъ-
 ся съ Роксоланомъ , мы можемъ облег-
 чить борьбу его бипвою съ спражею
 духовъ служебныхъ ; не разъ уже по-
 бѣды ихъ надъ нами дѣлали мы со-
 мнительными. Теперь ожидаю я вашей
 помощи и совѣта , могущіе Князи шьмы ;
 нареките орудіе , долженствующее по-
 служить намъ въ семъ достохвальномъ
 предпріятіи. — Тогда Ашулфъ ,
 возставъ съ мѣсна , просилъ о внима-
 ніи , и предложилъ : — Я , имѣющій
 достовѣрное свѣдѣніе о всемъ , проис-
 ходящемъ въ концахъ свѣта , знаю ,
 что вчерась въ народъ Финскомъ близъ
 Голм-

Голмгарда родился младенецъ ,
 достойный нашей радости. Онъ
 произшелъ отъ отца, убившаго сво-
 ими руками своихъ родителей, и
 отъ матери, поядающей собствен-
 ныхъ дѣшей своихъ; а какъ вѣшь
 сомнѣнія, что чада заимствуютъ
 съ кровію всѣ свойства давшихъ
 имъ жизнь, такъ что отъ добро-
 дѣшительныхъ добрыя, а отъ развра-
 щенныхъ злыя на свѣшь происхо-
 дящъ, то поистинѣ младенецъ
 Зміуланъ достоинъ нашего воспита-
 нія и обогащенія дарованіями Князя
 Демономаха. — Все собраніе вос-
 плескало отъ восхищенія, и опре-
 дѣлило Демономаху похищать сего
 Зміулана отъ груди лютой его ма-
 тери, чтобъ она не сожрала его
 рановременно, и тѣмъ не уничто-
 жила бы намѣренія, заключеннаго въ
 совѣщѣ адскомъ. Сей Князь злобы
 принялъ на себя усердно сіе возло-
 женіе. Я видѣлъ, какъ онъ похи-
 щилъ его отъ сосцовъ его матери,
 и отвесилъ въ пещеру горъ Валдай-
 скихъ,

скихъ, положилъ на постелю, прѣугоповленную изъ ядовитыхъ травъ; какъ онъ въ видѣ страшной женщины пишалъ его вмѣсто млека мѣвиною кровію, и какъ вдыхалъ въ него адскую злобу, Зміуланъ возрасталъ чрезъбестественно, и въ шесть мѣсяцовъ достигъ почти иноплинскаго роста, и учинился сполько влюбенъ, что я, примѣчающій его въ волшебномъ зеркалѣ, видѣлъ въ немъ непреодолимое желаніе и всегдашнія покушенія задавить и растерзать адскую свою кормилицу. Демонахъ училъ его всѣмъ чародѣйнымъ знаніямъ, и менѣе нежели въ годъ, учинилъ его страшнымъ не токмо смертнымъ человѣкамъ, но и самому аду. Онъ могъ принуждать къ повиновенію всѣхъ служебныхъ духовъ адскихъ, и призывая повелѣвалъ ими, какъ своими невольниками; имѣлъ власть превращать самъ, и превращать все, что бы ни вздумалъ, въ различные виды; воздвигать бури и войну стихіевъ на

на вредъ Человѣческому роду; онъ могъ узнавать о всемъ происходящемъ въ свѣтѣ, и пошому не пропускалъ злодѣйствовати, гдѣ только видѣлъ возрастающее начало благоденствія. Въ сихъ обстоятельствахъ оставилъ его Демономахъ непримиримымъ врагомъ Славенскому племени, и никогда не являлся предъ него явно; но вшайнѣ онъ и все адское сборище водилъ дѣйствіями и склонностями; для того что адскіе духи, не имѣющіе власни сами вредити Божію созданію, враждуютъ оному чрезъ шаковыхъ изверговъ Человѣческаго рода, каковъ былъ Зміуланъ. Онъ, оставшись самъ попечителемъ о своей жизни, удержалъ склонность свою къ питанію змѣиною кровію. Боги, извлекающіе изъ всякаго зла нѣчто доброе, употребили его въ орудіе очистиши непроходимыя Валдайскія горы отъ размножившихся тамъ великихъ змѣевъ, чтобъ со временемъ сіи непроходи-

ходимыя пущыни учинились не токмо
 безопасными странспвенникамъ, но
 и могли бы заселены бытъ попом-
 ствомъ размножающагося опродія
 Рускаго. Зміуланъ на сей конецъ
 ловилъ змievъ, и шерзая оныхъ
 питался ихъ кровію; а чшобъ удоб-
 нѣе постигашъ сихъ вредныхъ пва-
 рей и въ самыхъ глубочайшихъ
 земныхъ нѣдрахъ, принялъ онъ
 самъ образъ змія, и сполько оный
 возлюбилъ, что до самаго гибель-
 наго конца своего во ономъ оспал-
 ся. Въ семъ образѣ ловилъ онъ
 удобно не осшерегающихся его змievъ,
 и такъ оныхъ испребилъ, что
 нынѣ не токмо въ горахъ Валдай-
 скихъ, но и во всѣхъ предѣлахъ,
 занимаемыхъ Славянами, рѣдко ви-
 димы сіи чудовищи. Оспашокъ оспо-
 рожнѣйшихъ изъ нихъ убѣжалъ
 въ глубочайшія земныя пропасти;
 но и шамъ чародѣй изловилъ оныхъ,
 и какъ не могъ всѣхъ ихъ вдругъ
 пожрать, то въ разныхъ мѣстахъ
 связалъ ихъ волшебными вервями.

по

но нѣскольку вмѣстѣ, чѣмобѣ оныя не могли убѣжать, и готовы были, какъ домашняя скопина, на всякій разѣ ко уполенію его алчности. Волшебныя верви имѣютъ дѣйствіе свое только на годичное время; послѣ того приобщаются они къ пѣлу того, что связуютъ. Отъ сего-то произошли всѣ чудовища, наполняющія свѣтъ ужасомъ, когда гладъ принуждаетъ ихъ исходить на земную поверхность. Изъ числа сихъ былъ и шомъ двенадцатиголовый смокъ, или какъ Римляне именуютъ драконъ, коего ты храбрый Булатъ убилъ въ землѣ Косоговъ. — Но обратимся къ нашей повѣсти. — Зміуланъ, по вліяній въ него адомъ ненависти къ Славянамъ, не пропускалъ нигдѣ наносить имъ пакости. Но какъ я чрезъ служебныхъ духовъ и кабалистику отъвращалъ посылаемыя имъ бѣдствія, то пришелъ въ великую ярость, и клялся адомъ не прежде осмѣяться спокойнымъ, какъ узнаешь своего прошиво-

противоборца, и расперзаетъ онаго въ мѣлкія части.

Сіе было способнѣйшее обстоятельство, которое Астарофъ могъ употребить въ пользу своего намѣренія. Онъ предсталъ къ нему въ своемъ собственномъ ужасномъ видѣ, и требовалъ кляшвеннаго на душу его рукописанія, безъ чего, говорилъ ему, не можешь онъ ни узнать своего противника, ни возмочь низложить онаго. Злоснѣ Зміуланова считала требованіе сіе малою жертвою, каковая только можетъ принесена быти въ ея удовлетвореніе. Чародѣй далъ вѣчное рукописаніе на свою душу Князю шьмы, написанное своею кровію; онъ съ удовольствіемъ раскусилъ себѣ губу, чтобъ употребить кровь изъ раны вмѣсто чернилъ. Принявъ рукописаніе и учинясь вѣчнымъ владѣтелемъ души Зміулановой Астарофъ, сдѣлалъ ему темное обо мнѣ описаніе; открылъ ему мѣсто моего обиталища, и вразумилъ, что до тѣхъ поръ не можешь онъ со мною сразиться, пока

пока которая нибудь изъ чужестран-
ныхъ державъ не овладѣетъ вѣн-
цемъ Русовымъ. Тогда можешь онъ
съ нимъ прошивоборствовать, но не
успѣешь низложить до тѣхъ поръ,
какъ овладѣетъ златымъ сосу-
домъ, находящимся въ его охране-
ніи. Въ сихъ шемныхъ понятіяхъ
оставилъ его Аспарфъ, обѣщавъ
ему вспомошествовать всѣми сво-
ими адскими силами.

Зміуланъ, до того времени за-
нимавшійся одними только побужде-
ніями своей злобы, позналъ шеперь
всю нужду, сколь пошребенъ ему
совѣтникъ къ произведенію такого
важнаго дѣйствія. Онъ прибѣгнулъ
къ своей чародѣйной наукѣ, и ужа-
сными заклинаніями привелъ весь
адъ въ трепетъ. По призыву его
цѣлые полки злыхъ духовъ къ нему
предстали; онъ видѣлъ между ими
Астулфа, начальника духовъ вѣспо-
лосцевъ. Сея Князь геенскій явился
въ полкъ мрачныхъ силъ не по убѣ-
жденію власти Зміулановой; ибо онъ

Часть IX.

Д

по

по данному рукописанію самъ былъ рабъ ада, но по сходству склонности своей ко злобѣ, чтобъ спомоществовать чародѣю хитростію въ произведеніи покушенія его на злѣшій сосудъ. Онъ совѣтовалъ ему опустити всѣхъ духовъ, увѣряя его, что силы ихъ недостаточны удовлетворити его пребыванію, и самъ взялъ на себя быти водителемъ его въ семъ предпріятіи. По учиненіи сего Зміуланомъ коварный Аспулфъ началъ внушать ему о всѣхъ подробностяхъ употребленія /шюкаго разума, какъ оный обращать въ пользу свою посредствомъ предательства; онъ доказывалъ ему, что лѣсть, вѣроломство, убивство, измена и все то, что глупые смертные, называющіеся онъ шаковыхъ же протасковъ добродѣтельными, считаютъ за дѣла безбожныя, суть орудія, коими разумный человекъ долженъ дѣйствовать безъ всякаго опасенія, естли только хочешь достигнуть мѣры своихъ желаній.

Онъ

Онъ приводилъ ему въ примѣръ мно-
гихъ вельможъ, кои означенными
средствами производили великія дѣла
на свѣшѣ, и сидя въ чешырехъ
спѣнахъ, могли ворочашь, такъ
сказашь, своимъ опечесвомъ, его
Государемъ и смѣжными областьюми.
Зміуланъ находилъ шайное побуж-
деніе въ желаніяхъ души своей
слѣдовашь сему наславленію; Аспульфъ
проницалъ сіе, и для того распо-
ложилъ съ нимъ планъ къ нападе-
нію на меня и опечесво мое съ
разныхъ сторонъ, чшобъ шѣмъ
удобнѣе было имъ низложитъ насъ,
есшли копорая нибудь изъ сихъ
сторонъ не будетъ довольно защи-
щаема опѣ ихъ хитростей. Одна-
кожъ все, что Зміуланъ чаялъ бытъ
сокрытымъ опѣ всѣхъ смертныхъ,
подробно представляло мнѣ волшеб-
ное зеркало.

Какъ Аспарофъ адскою своею
пронырливостію проникъ, что благо-
денствіе и возстановленіе Рускаго
народа заключается въ сохраненіи за-

коновъ, предписанныхъ на вѣнцѣ Русовомъ, отъ коихъ потомки его уже начали уклоняться, шо чаялъ онъ, что неминуемое оному паденіе воспослѣдовашь должно тогда, когда съ похищеніемъ вѣнца сего и ошашокъ наспавленія Аспарухова изъ памяти Государей испребится. Но понеже адская и чародѣйная сила не въ состояніи была покуситься на вещь, защищаемую Чернобогомъ, пошому слѣдовало употребить къ шому постороннія руки каковаго нибудь смершнаго. Аспулфъ вразумленъ былъ въ томъ адскимъ Княземъ, по коего велѣнію и предсталъ онъ къ чародѣю, и для того говорилъ ему: прежде нежели сразимся мы съ Роксоланомъ о златомъ сосудѣ, ты вѣдаешь, сколь нужно лишишь Славянъ вѣнца Русова. Доколь еще въ народѣ семъ ошанушся нравы добродѣшельные, доколь еще Государи ихъ будутъ возбуждаемы къ своей должности, шрудно намъ будешь имѣшь каковый либо успѣхъ.

успѣхъ. Но и въшъ сомнѣнiя, что Русы, по лишенiи вѣнца сего, впадутъ во всѣ пороки, и шѣмъ прогнѣвають Боговъ; они опнимутъ отъ нихъ свое покровишельство, и Роксоланъ безъ сей защиты будетъ слабъ пропявуснашь шебѣ. Однакожъ не долженъ я скрыть отъ тебя, что хотя ты обладаешь всѣми чрезъестественными знанiями, хотя превосходишь силами своими всѣхъ смертныхъ, но безъ конечной своей погибели не можешь самъ собою покушиться на шатъбу вѣнца Русова. Должно употребить къ тому способную особу изъ простыхъ смертныхъ, и думаю, что не ошибусь я въ опредѣленномъ мною оной выборѣ. Къ западу за проливомъ Готфскимъ есть при великіе разбойничьи острова; народъ, на оныхъ обитающій, дикъ и кровожадливъ. Управляетъ онымъ Царь Дѣвица, которая поднесъ еще величайшею сурею славою пошавляетъ разбѣзжать на большихъ лодкахъ около береговъ Варяжскаго

скаго моря, и грабитъ суда торго-
выхъ людей. Я примѣшилъ въ ней
непреодолимую склонность къ вол-
шебной наукѣ; но какъ въ странѣ,
поль дикой, нѣшъ обладающихъ
симъ превосходнымъ знаніемъ, то
и оспалась она поднесъ съ однимъ
шолько желаніемъ. Прозорливый Де-
монамахъ нарочно опсрочивалъ
удовлетворитъ ея шoliko ему благо-
пріятной склонности, чшобъ подашь
ей въ тебѣ достойнаго наспазника,
и купно пришомъ употребитъ ее
орудіемъ къ похищенію вѣнца Ру-
сова. Шестшуй, почтенный Зміуланъ,
преподашь ей нѣкоторую часть ве-
ликаго твоего знанія; но не пропу-
скай внушашъ ей безпрестанно, что
она никогда не достигнешъ совер-
шенства въ ономъ, поколь не бу-
детъ имѣть въ своей власпи вѣнца
Русова. Предпріимчивость сей жены
обѣщаетъ намъ успѣхъ въ нашемъ
намѣреніи.

Сколько Зміуланъ былъ злобенъ,
шолькожъ и неперпѣливъ: онъ въ
шожъ

шожь мгновеніе ока изгоповиася ле-
 тѣшь въ острова разбойничьи. Не
 оставляя своего любимаго змѣинаго
 вида, прибавилъ онъ къ оному шоль-
 ко двенадцать крыль, изъ коихъ
 каждое сославляли по два духа.
 Оныя помчали его по воздуху, и
 опустили близъ города Царя Дѣвицы
 на заповѣдныхъ лугахъ, въ ко-
 торыхъ она тогда прогуливаясь,
 рвала разныя травы, содержащія по
 миѣнію ея таинственную силу. Пред-
 ставъше себѣ неустрашимость сей
 женщины, что она, увидя предъ со-
 бою спадшее съ воздуха таковое
 ужасное чудовище, ни мало не оро-
 бѣла, но приготоовилась къ защите-
 нію копіемъ и мечемъ своимъ. Одна-
 ко Зміуланъ не на долго оставилъ
 ея въ семъ смяшеніи; онъ пере-
 кинувшись назадъ, принялъ на себя
 свой собственный видъ, прибавя
 шолько къ оному нѣкошорыя укра-
 шенія, на примѣръ: звѣрообразное
 лице его не было уже запачкано змѣ-
 инною кровію; клокастыя его волосы

не порчали вверхъ, какъ рога; оныя увѣнчаны были блистающею короною; мохнатое и черное его шѣло покрыто было долгою одеждою съ изображеніемъ различныхъ дѣволовъ и пылающаго пламени; (*) въ рукъ держалъ онъ чародѣйный жезлъ, обвитый змѣею. Неустрашимостьъ швоя, великая Государыня, — сказалъ онъ ей, — заслуживаетъ полное мое къ тебѣ почтеніе. Знай, что я Царь чародѣевъ и вѣдаю склонность твою къ сей важной наукѣ; для сего-то и предсталъ я къ тебѣ, чтобы учинить тебя въ оной могущею, и чтобы привесни тебя въ состояніе повелѣвать духами и всемъ адомъ. Царь Дѣвица такъ обрадовалась сему неожиданному

(*) Сія - то можетъ быть одежда служила подлинникомъ, съ которой преподавательшіе отцы инквизиторы толь удачно сняли свою копию.

моему щастію, что забывъ свой санъ,
 бросилась предъ нимъ на колѣна;
 благодарила его и обѣщала ему,
 какъ училелю, совершенное свое по-
 виновеніе. Обѣщаніе мое непремѣнно,
 продолжалъ Зміуланъ; ты конечно
 вскорѣ познаешь таинства моего зна-
 нія; но одно только предстоитъ
 тебѣ препяшствіе, которое конечно
 безъ труда преодолѣетъ швоя не-
 устрашимость. Расположеніе швоихъ
 созвѣздій, подъ коими ты родилась,
 не дозволяетъ тебѣ учиниться со-
 вершенною въ таинственной наукѣ,
 поколь ты не овладѣешь вѣнцемъ Ру-
 совымъ. Сей вѣнецъ есть шотъ,
 коимъ вѣнчающся Князи храбраго
 Рускаго народа, покорившаго обла-
 сти Финскія и устрашившаго всѣ
 здѣшнія спраны непобѣдимымъ сво-
 имъ оружіемъ. Столица, въ коей
 хранился вѣнецъ сей, лежитъ не
 въ дальности отъ береговъ великаго
 озера, Ирмеръ называемаго, и до ко-
 торой съ острововъ швоихъ можно
 пройши водянымъ пушемъ. Не на-

Д 5

дѣйся

дѣйся на мое вѣпомѣ покровительство; ты должна овладѣть симѣ вѣнцемѣ съ однимѣ швоимѣ воинствомѣ, безѣ всякой чрезѣснественной помощи. Все, что ты можешь опѣ меня ожидаешь вѣ семѣ случаѣ, будетѣ состоять вѣ показаніи шебѣ пути до города великой Русы, и что я введу шебя невидимую вѣ храмѣ, гдѣ хранится вѣнецѣ оный, чтобѣ ты, узнавѣ его, не могла учинить ошибки во время нападенія. Если хочешь, сей часѣ мы шуда отпра-вимся; избирай путь, по воздуху ли, или водою ?

Царь Дѣвица имѣла довольно отважности, чтобѣ предпочестѣ чрез-вычайное шествіе обыкновенному; она открыла о томѣ чародѣю, и принесла ему швердыя кляшвы, что или погибнешѣ, или вѣ надлежащее время овладѣетѣ вѣнцемѣ Русовымѣ. Зміуланѣ посредствомѣ своего чародѣйнаго жезла учинилѣ пошребныя учрежденія. По проченіи имѣ вѣ-кошорыхѣ таинственныхѣ словѣ, огнен-

огненное облако въ быспромѣ вихрѣ крушась, опустилось предѣ удивленную обладательницу разбойничьихъ острововъ, и разорвавшись съ громомъ изъ своего клуба, представило колесницу, запряженную двумя крылатыми змїями. Чародѣй вошелъ во оную, оставя своей ученицѣ занимать большое мѣсто, и вручилъ ей вожжи для управленія чудовищныхъ возниковъ. Царь Дѣвица съ великою смѣлостію пронула вожжами; колесница поднялась на воздухъ, и какъ стрѣла помчалась въ шу сторону, куда чародѣй приказывалъ спущеницѣ своей править. Примѣчайше прилѣжно путь сей, говорилъ онъ ей, дабы безъ ошибки могли вы съ морскими своими судами плыть и пристать въ надлежащемъ мѣстѣ. Они лешѣли на сѣверѣ чрезъ проливъ Готфскій, чрезъ море Варяжское до устья Невы рѣки, а потомъ надъ оною до Ладина озера. И такъ Царь Дѣвица усмотрѣла наконецъ, что изъ сего озера есть

со-

сообщеніе рѣкою Мупною съ великимъ Ирмеромъ, на берегу котораго въ густомъ лѣсу опустились на землю. — Намъ не болѣе десяти верстѣ осталось до столицы Руской, сказалъ чародѣй. Невидимою ли, или во образѣ какойнибудь мѣлкой швари желаете вы осмотрѣть великую Русу и храмъ, гдѣ хранится вѣнецъ? — Она избрала послѣднее; почему Зміуланъ обратился ея въ бабочку, а самъ принялъ видъ шершня, и въ образѣ сихъ насекомыхъ повелъ ея шихимъ лешаніемъ въ назначенное мѣсто. Примѣчайте, государыня моя, — продолжалъ Зміуланъ, — сіе обстоятельство, что вамъ легко овладѣть нужною для васъ вещью; сей лѣсъ простирается отъ самаго озера до столичнаго города; на берегахъ бывшія крѣпости раззорены въ междоусобную войну, засады изъ оныхъ выведены, подзорныя башни безъ часовыхъ; вотъ что причиняется государству, въ кошоромъ правитель печется только о самомъ себѣ и о удо.

удовлетвореніи своимъ спрашямъ; гдѣ вельможи, забывъ опечеснво, споряшъ только о начальствѣ и заняты лишь своекорыстіемъ; гдѣ государственныя сокровища расточаются, а войски служатъ безъ награжденія, и гдѣ каждый вельможа имѣетъ на своей сторонѣ нѣсколько подкупленныхъ ратниковъ, чтобъ начинать вѣ выгоду свою войны междоусобныя. Нынѣ нѣтъ здѣсь рати ни оборонительной, ни наступательной; воины упражняются либо вѣ разбояхъ, или служатъ за наемъ врагамъ своего опечеснва; но нѣкогда войти вѣ предѣлы Рускіе съ мечемъ было дѣло невозможное, и вы опнюдь не могли бы овладѣшь вѣнцемъ Русовымъ. — Вѣ сихъ и подобныхъ шому разговорахъ достигли они сполницы и осмошрѣли безпрепятственно все, что нужно было видѣшь. Потомъ чародѣй, принявъ обыкновенный свой змѣиный образъ, опнесъ Царь Дѣвицу вѣ ея Дворецъ. Тамъ сдѣлалъ оцъ

онъ ей наставленіе, какимъ образомъ можно соорудить мореходныя безопасныя суда, управляемыя въ-трилами, кошорыя въ десять крашъ могутъ быспрѣе плавать, нежели чрезъ греблю веслами, и сдѣлавъ ей прочія нужныя наставленія, удался въ свою пещеру.

Между шѣмъ, какъ Царь Дѣвица упражнялась въ строеніи флота и въ прочихъ вооруженіяхъ, предвидѣлъ я бурю, грозящую моему отечеству; но чѣмъ могъ я оную отъразить? Мнѣ въ силу клятвъ моихъ, какъ хранишело злшаго сосуда, не можно было съ острова сего сплутаться. Тщешно посылалъ я несчастному Князю Желашугу наставленія чрезъ свидѣнія; онъ внимашь онымъ не хотѣлъ, или не могъ, бывъ приведенъ въ слабость своими льщецами, либо отъ того, что недоброжелатели своему отечеству, укряпясь во время междуособій, весьма ограничили его верховную власть. Обстоятельство сіе было весьма бѣдственнo въ народъ, кошорый издревле привыкъ

выкъ жить подѣ одною самодержав-
 ною особою. — Но чшобѣ не општу-
 пить вѣ излишнїя околичности ,
 скажу тебѣ , любезный богатырь ,
 что Царь Дѣвица напала неужи-
 даемо на столицу Рускую , почти
 безѣ всякой обороны разграбила оную ,
 и обще сѣ государешвенными сокро-
 вищами похитя вѣнецѣ Русовѣ , воз-
 вратилась шоржествующею вѣ острова
 свои. Чародѣй уже дожидался ее
 во внутреннихѣ покояхѣ Дворца ,
 чшобѣ сдержать свое безбожное обѣ-
 щанїе вѣ преподанїи ей наставле-
 нїя вѣ чародѣйной наукѣ. Онѣ вѣ
 короткое время изучилѣ ее многимѣ
 таинствамѣ , и учинилѣ повели-
 тельницею надѣ начальникомѣ вѣспо-
 носныхѣ духовѣ Астулфомѣ. Сей
 дарѣ его былѣ прїятнѣйшїй , како-
 вымѣ шолго могѣ онѣ одолжить
 Царя Дѣвицу. Врожденная женскому
 полу страсть любопытства заняла
 ее безѣ изѣятїя ; она безпрестанно
 почти упражнялась вѣ слушанїи слу-
 чаевѣ , происходящихѣ во всѣхѣ спра-
 нахѣ

нахъ свѣта, и Аспулфъ, попчивая ее смѣсью изъ испивны и лжи, довольно имѣлъ рабшны на всякій день. Но самъ чародѣй препровождалъ время сіе не въ одномъ только ученіи Царя Дѣвицы; онъ считая, что Боги по похищеніи вѣнца Русова совершенно отврашились отъ народа Славянскаго, и что во ономъ послѣ того имѣющіе умножились пороки еще и болѣе подвигнушъ ихъ на гнѣвъ; чаялъ, что уже время покуситься ему на злшый сосудъ; и чтобъ удобнѣе было прошивоборствовать миѣ, какъ Кабалисту, составлялъ онъ чародѣйную броню, которая учинила бы удары мои на него недѣйствительными. Князь адскій Аспарофъ способствовалъ ему ковать оную изъ спали, приуголовляемой на собственныя свои расходы во внутренностяхъ геены. Нападеніе на меня оплагалось только до совершенія сего чародѣйнаго вооруженія.

Между

Между шѣмъ похищеніе вѣнца Русова пронзило душу мою жесточайшею скорбію; бѣя себя въ грудь, повергся я предъ испуканомъ великаго Чернобога. О Богъ мстителъ, вопіялъ я! . . . и шакъ несчастныя Русы учинились недостойны твоего покровительсва, и такъ предаешь ты ихъ беззащитныхъ во власть враговъ твоихъ! Но должно ли погибнуть моему опечесиву, гдѣ всегда опдаешь усердное тебѣ поклоненіе? должно ли и мнѣ дожить сего пагубнаго часа? Вѣнецъ благоденствія Рускаго спалъ добычею чужеземныхъ! О! естли въ книгѣ вѣчныхъ уставовъ предписано народу моему сіе злополучіе, не лиши послѣднія надежды, да не прикоснется злоба адская къ сосуду, сохраняющему послѣдки судьбы его! . . .

Но что бы ни было (продолжалъ я съ пролитіемъ слезъ и наполнясь опчаяніемъ), Зміуланъ не восторжествуетъ, пока я живъ; погибель моя соединена съ участію златаго

Часть IX.

Е

со-

сосуда, и я всегда буду вѣренъ къ принесеннымъ мною себѣ клятвамъ. — Тогда почувствовалъ я шайное утѣшеніе, разливающееся во внутренности моей; я вспалъ и принесъ жерству умилоствленія Богу мсти-телю. Едва пламень началъ обра-щать оную въ пепелъ, исшуканъ Чернобоговъ возблисталъ божественнымъ свѣтомъ, и попряснись вѣщалъ ко мнѣ колѣнопреклоншемуся въ присушествіи божества: бодрствуй Роксоланъ! благоволеніе мое о Рускомъ народѣ не можетъ отвращено быть тѣмъ, что онъ впадаетъ въ пороки; всякія пресупленія не суть по себѣ казни виновнику и служатъ ему во исправленіе. О! если бы ты могъ проникнуть въ судьбы Боговъ, ты не ропсалъ бы прошиву случающихся временныхъ нещасній; все, что смертные счита-ютъ за гнѣвъ ихъ, есть только орудіе, влекущее ихъ къ исправленію. Боги людей считаютъ своими чадами, и самое то, что смертные вѣ-
кляющъ

ияють въ крайнее злощастіе, есть
 только спезя, коею ведушся они
 къ щаспію. Бѣды научають ихъ
 познавашь дѣянія, влекуція по себѣ
 слѣдствія вредныя; и можешь ли шы
 чадолюбивое насшавленіе полагать
 за мщеніе небесъ, когда слѣпые
 смерпные не могушъ инако вразум-
 ляться, какъ дѣяшельнѣйшими при-
 мѣрами? Уронъ вѣнца Русова оп-
 кроешъ глаза пшого народа; владѣ-
 шели его познають, сколь пагубно
 для нихъ самихъ не слѣдовашь дол-
 жносшамъ, нужнымъ для Государя
 въ опшошеніи къ его государству,
 а вельможи и народъ усмопрятъ,
 что никакая собшвенность ихъ не
 можешъ бышь безопасна, естля
 они не будушъ строго наблюдашь
 слова законодательныя. Связь сія
 шоль между собою заимствевна, что
 малѣйшее оныя нарушеніе влечешъ
 за собою паденіе цѣлому. Вѣдай,
 что добродѣшельный Драшко, сей
 истинный сынъ своего опчества,
 поправляетъ уже раченіемъ своимъ

всѣ сїи всколзнувшїя неустройства. Онѣ въ малолѣтство Князя Видимира, нося кормило государства, читаешъ ревностно списокъ съ вѣща Русова, сохраненный въ книгѣ у жрецовъ, шолкуешъ оный юному Видимиру, и шѣмъ укрѣпляя его къ сношенію предлежащаго ему бремени, нечувствительно всѣваешъ въ сердце его съмена добродѣтели. Русы возстанушъ, какъ я предрекъ иѣкогда Аспаруху, изъ своихъ развалинъ и подѣ правленіемъ мудраго Видимира возобновяшъ свою славу; слѣдственно все ухищреніе адской силы не можешъ достигнуть своего намѣренія, и владычество Аспарофово совершенно изгибнешъ въ областяхъ отечества швоего; ибо Фины, учинясь единымъ съ Русами народомъ, воспримушъ истинную ихъ вѣру и не будутъ поклоняшся имени Князя шьмы. Вѣнецъ Русовъ возвратишся на главу законныхъ онаго носителей, и хошя адъ воздвигнулъ прошиву шебя чародѣя, но небеса приуто-

утешивали шебѣ помощника : волшебное зеркало покажетъ шебѣ, кшо онѣ, а ны печеніе подвиговѣ его мѣй въ своемѣ подеченіи. Но чшобѣ никакая кознь злобы не имѣла успѣховѣ и чародѣйная броня готовящася наисасть на шеба Зміулана была пронцаемою, я дамѣ шебѣ средство, чѣмѣ прошивоборсшвовашѣ шебѣ своему прошивнику, и когши льва расперзаютѣ упробу зміеву, — Посемѣ исшуканѣ Чернобоговѣ простерѣ руку свою и желѣзныя виды его обрашись въ львиную кожу съспальными великими когшми. Въ сію кожу облекайся ты, въщаль мнѣ божешвенный тласѣ, исходя на рашоборсшво съ чародѣемѣ. По семѣ безсмертное сіяніе около исшукана стало невидимо; я распросперся вновь предѣ исшуканомѣ, приносилѣ усердное благодареніе Богу мшшиселю, и возложѣ до надлежащаго времени божешвенную мою защиту предѣ ноги жершвелика, оншелѣ къ волшебному зеркалу,

калу, чшобѣ узнать моего помощника.

Вѣ ономѣ, храблй богатырь, представилось мнѣ швое рожденіе, дѣшсново и наконецѣ многіе богатырскіе подвиги; но кому шы обязанѣ вѣ оныхѣ помощію, узнаешь вскорѣ ошѣ меня и чрезѣ помощъ волшебнаго зеркала; а шеперь послѣдуемѣ мы вѣ окончаніи моей повѣсши.

Зміуланѣ, по приутошвовленіи чародѣйной брони, шопчасѣ дерзнулѣ приближшсь на сей островѣ. Я предчувсшвовалѣ сіе по необычайной перемѣнѣ вѣ природѣ и шопчасѣ вооружшлся вѣ данную мнѣ Чернобогомѣ львиную кожу; чрезѣ что я получилѣ видѣ насшпящаго льва и шполь великую силу и смѣлосшь, что вѣ состояніи былѣ сразшсь сѣ цѣлымѣ свѣшомѣ. Едва вышелѣ я изѣ моей пещеры, все гопювящееся мнѣ нападеніе изобразшлось. Казалось, что все есшество приближаешся кѣ своему паденію; земля
шоя.

твряслась, море волновалось, ужас-
 ные вихри ревели всюду, и вы-
 рывая великіе дубы изъ кореня, но-
 сили, какъ перо, по мрачному воздуху.
 Весь видимый мною воздухъ напол-
 нился пламенемъ, и сверкающія
 молніи съ преспрашнымъ громовымъ
 шумомъ самое небо представляли
 адомъ. Сіе сравненіе приведено очень
 къспаци; ибо цѣлыя полки адскихъ
 силъ, въ предводительствѣ князя
 своего Ашарофа, въ разныхъ мрач-
 ныхъ своихъ видахъ неслись на
 огненныхъ облакахъ сразишся съ
 хранящими злашый сосудъ чистыми
 служебными духами. Я не внималъ
 сему, поколь занялъ мое мѣсто
 близъ злашаго сосуда; но тогда
 увидѣлъ я битву, которую вообра-
 женіе человѣческое едва ли себѣ
 представишь можешь. Цѣлыя камен-
 ныя горы лешали подобно быстрой
 молніи; повергаемые изъ пращей
 удары, отъ коихъ должно бы разру-
 шисья земаѣ, падали, какъ дождь,
 съ обѣихъ сторонъ; адскіе духи,

раздробляемые оными въ прахъ, падали какъ листъ, взвѣваемый вѣтромъ, во глубину моря; но какъ существа, немогущія уничтожиться, появлялись они съ новою яростію. Посреди сего смященія смердящій клубъ, опустясь съ великимъ стукомъ на землю, рассыпался и представилъ мнѣ спрашнаго Зміулана въ видѣ крылатаго и чешвероногаго змія. Онъ бросился на меня съ злобною яростію, чтобъ разперзашъ на части, но когти львиные произвели неожиданное имъ дѣйствіе. Когда его пораженія не дѣйствовали сквозь покрывающую меня кожу, то мои напрошивъ въ малое мгновеніе ока покрыли его ранами и кровію. Онъ съ ужаснымъ ревомъ и каряченіемъ скрылся опъ меня бѣгствомъ. Мрачныя силы, видя неудачливость его покушенія, престали удерживать служебныхъ духовъ опъ поданія мнѣ помощи своимъ нападеніемъ и съ великимъ смрадомъ исчезли.

Но

Но сіе было не одно только похушеніе. Зміуланъ почши еженедѣльно нападалъ на меня, по шайными происками, по явною силою, но всегда безъ успѣха.

Между шѣмъ я не упускалъ тебя, храбрый богатырь, изъ моего надзиранія; волшебное зеркало вело меня всюду за твоими подвигами. Я, помня предсказаніе великаго Чернобога въ разсужденія важныхъ услугъ, ожидаемыхъ отъ тебя нашимъ отечествомъ, имѣлъ попеченіе, чтобъ укрѣпить тебя въ добродѣтели; служебный духъ воспыивалъ тебя по моему приказанію подъ видомъ пустынноика. А чтобы и сила твоя была дѣятельнѣйшею и побѣды рѣшительными, искусствомъ моимъ соорудилъ я сію твою дубину, и наливая оную свинцомъ, вложилъ внутрь ея одинъ изъ когшей кожи львиной, данной мнѣ Чернобогомъ; ибо по опытамъ узналъ, что прошиву когша сего ничто устоять не можешь. Впрочемъ тебѣ извѣстно,

Е 5

какъ

какъ оную нашелъ шы при своемъ пробужденіи послѣ двухмѣсячнаго сна близъ своего бока, и каковую услугу приносила оная тебѣ въ швоихъ подвигахъ.

Наконецъ узналъ я о искожденіи швоемъ, храбрый богатырь, на приключеніе къ возвращенію вѣнца Русова. Нужда, кошорую имѣешь шы въ моихъ наставленіяхъ, и собственная моя польза въ помощи къ низложенію моего прошивника, принудили меня учредить прешерпѣнную шобою бурю, чшобъ оная принесла тебя на сей оспровъ. Однакожъ каково ни жестоко было во время сіе сраженіе стихій, вамъ не предстояло опасности кораблекрушенія; ибо служебные мои духи берегли рачительно каждую часть судна вашего отъ поврежденія. При самомъ швоемъ искожденіи на сей оспровъ Зміуланъ, предчувствующій, что съ возвращеніемъ вѣнца Русова лишится онъ всякой надежды къ овладѣнію злымъ сосу- домъ,

домъ, и слѣдственно къ изложению меня, вѣчнаго врага своего; для сего собралъ онъ послѣднiя силы адской помощи и искусства, чѣмъ прежде, нежели достигнешь ты въ области Царя Дѣвицы, испыташь конечнаго на меня покушенiя. Онъ вѣдалъ, что побѣдя меня легко уже можешь воспрепятствовать своимъ успѣхамъ. Астарофъ соорудилъ желѣзную стѣну съ отверстiями, чѣмъ въ оныя бросаешь свои удары на духовъ, спрегущихъ злшый сосудъ, и чѣмъ стѣна, подхватывая ихъ пораженiя, дѣлала оныя недѣйствительными. Стѣну сію несли по воздуху, а вооруженные духи стояли на оной и за оною въ надлежащемъ бранномъ успроенiи. Зміуланъ, извѣдавши шягость пораженiй когшей львиныхъ, выдумалъ прошиву сихъ средство, оказавшее ему на нѣсколько помощь: онъ обшилъ тѣло свое шодстыми кожаными набишыми хлопчатною бумагою и пухомъ полешьями; ноги свои вооружилъ онъ

ве-

великими спѣльными когшями, чѣмъ разрушилъ крѣпость когшъ львиной. И какъ таковое пятоспшное одѣяніе препятствовало самому ему лешѣшь по воздуху, употребилъ онъ чародѣйную колесницу. Она появилась въ глазахъ моихъ сверкающею различными огнями; везли ее двенадцать огненныхъ престрашной величины нешопырей. Надлежѣвъ къ мѣсту, гдѣ я ожидалъ его, бросился онъ какъ молнія прямо къ злшному сосуду, чтобъ подхвѣстишь оный, однако я, предупредя его, принудилъ спарашься о защищеніи жизни его. Девятикратно ошражалъ я его, не могши учинишь на немъ ни малой язвы; прикрывающія шѣло его полсти выдерживали дѣйствіе когшей львиныхъ. Девятикратно принимали мы ондохновеніе; ибо при-нуждаясь борошься только силою, мы крайнѣ ушомлялись. Между шѣмъ видѣлъ я сраженіе добрыхъ и злыхъ духовъ; искусствомъ сдѣланныя молніи, раскаленные спрѣлы

и

и камни свисшали, повергаемые съ непоспужимою быспросію изъ опверстїй желѣзной стѣны; но спража злашаго сосуда могла оныя, безвредно подхваща, обращаешь въ своихъ прошивниковъ; и естѣлибѣ полько не защищала оныхъ стѣна, они разрушены бы были собственнымъ своимъ оружіемъ. Аспарофъ, видя неудачливое дѣйствіе своихъ ударовъ, подвигъ стѣну на ополченіе благихъ духовъ, и шѣмъ по нѣсколькихъ сопрошивленіяхъ принудилъ ихъ уступать съ мѣста сраженія. Я восшрепешалъ, примѣшя сіе, для того что ожидалъ, что по прогналіи спражи Аспарофъ можешь пришли на помощь чародѣю, и шѣмъ принудишь меня раздѣлишь мою силу и обороняться со всѣхъ сторонъ. Однако въ самое то мгновеніе ока, когда ожиданіе мое начало совершаться, Аспарофъ съ часнію мрачныхъ силъ своихъ поспѣшалъ ко мнѣ, а Зміуланъ, усмошря сіе, бросился на меня съ сугубою яростію, тогда небо раз-

разверзлось, великій Перунъ въ божественномъ блишаніи появился на своемъ пламенномъ орлѣ, и пустя изъ десницы своей смертоносный громъ, разрушилъ бѣсовское ополченіе, и низвергъ Аспарофа со всѣми его силами въ глубочайшія пропасти адскія. Ты, храбрый Булашъ, какъ простой смертный, не могъ видѣть сего, ни слышать онаго страшнаго небеснаго грома, отъ коего безъ особливаго божественнаго промысла надлежало бы испровергнувшись основаніямъ земли, но Зміуланъ возчувствовалъ обнаженіе свое отъ адской помощи, и опчаяніе придало ему такую швердосць, что я принужденнымъ нашелся опшупать отъ его нападенія; а особливо когда когти львиные, хопя проникая полсти, не могли дѣлать въ шѣло его важныхъ язвъ, а свою зміеву голову увершками умѣлъ онъ сберегать отъ моихъ пораженій. Въ сіе шоль надлежащее время подоспѣли вы, храбрый богатырь, и однимъ уда-

ударомъ таинственной дубины, улученнымъ въ самую голову, повергли чародѣя бездушна.

По окончаніи сей важной побѣды я, по вліянію великаго Чернобога, долженствовалъ опнести зланный сосудъ на его жертвенникъ, какъ въ безопаснѣйшее мѣсто къ сохраненію судьбины нашего отечества. Прочее тебѣ извѣстно. — Возрадуемся теперь, храбрый Булатъ! главнѣйшее препяшствіе къ совершенію своего подвига изложено. Тебѣ не оставалось бы за чѣмъ здѣсь медлить, кромѣ принятія отъ меня потребныхъ наставленій; но какъ надлежитъ тебѣ узнать о состояніи береговъ области Царя Дѣвицы, о положеніи ея столицы, Дворца и нѣкоторыхъ прочихъ обстоятельствъ, то должны мы призвать въ помощь волшебное зеркало. Оно вразумитъ тебя какъ о тебѣ самомъ, такъ и о всемъ нужномъ. Послѣдуй мнѣ.

Бога-

Богатырь шествовалъ за по-
 чтеннымъ Роксоланомъ сквозь узкій
 ходъ по мраморнымъ ступнямъ на
 вершину горы. Тамъ въ кругломъ
 покоѣ, имѣющемъ окна на всѣ дваш-
 цать чешыре стороны въспровѣ,
 увидѣлъ онъ на златомъ преножцѣ
 сіе шаинственное зеркало. Ободы
 онаго были серебряные съ начерпа-
 ніемъ иѣкопорохъ непоспизимыхъ
 характеровъ и изображеній; зеркаль-
 ноежъ сшекло было синевашаго цвѣ-
 ша и не представляло глазамъ его
 никаковаго впечатлѣнія, кромѣ
 мрачной колеблющейся шьмы. Рок-
 соланъ, приблизясь предъ зеркало,
 сошворилъ проекратное колѣнопре-
 клоненіе и читалъ иѣкопороую краш-
 кую молишву кѣ Чернобогу, что и
 богатырь долженъ былъ учинить по
 повелѣнію своего водилешя. Потомъ
 сѣли они на скамѣ: Булашъ предъ
 самое зеркало, а Кабалистъ позади
 онаго, положивъ голову свою
 на плечо богатыря. Желай, ска-
 залъ онъ Булашу, возложа ему
 руку

руку свою на голову, что нибудь видѣшь. Я хочу, чтобъ представилась мнѣ область Царя Дѣвицы и мѣсто, гдѣ хранится вѣнецъ Русовъ, сказалъ богатырь. Едва онъ произнесъ слова сіи, волшебное зеркало вспыхнуло свѣшлымъ пламенемъ, потомъ пламень съ мрачною колеблющеюся пшмою исчезъ, и область Царя Дѣвицы весьма ясно изобразилась. Булашъ видѣлъ, что оную составляющъ два великіе острова, не въ дальности отъ матерой земли находящіеся. Роксоланъ показывалъ ему города, называя оные поимянно, разныя удобныя морскія пристави, и особливо шу, въ коей богатырю Рускому безопаснѣе приставъ можно. Потомъ представилась столица хищницы вѣнца Русова; оную окружалъ великій змій, распросершій дебелое шѣло свое вокругъ всего города и схватя конецъ хвоста своего въ свои зубы. Не принимай вещь по ея виду, сказалъ богатырю Роксоланъ; шы въ

Часть IX. Ж над-

надлежащее время усмотришь, что шушь меньше опасности, нежели спраха. — Можешь бышь я не увижу ни того, ни другаго, отвѣчалъ богашырь; для того что ваше покровительство и сердце Руса въ состояніи учинишь меня презирающимъ всякія ужасности. Но въ копорой части города хранится сокровище, для копорого я шествую, продолжалъ Булашь? Тогда волшебное зеркало представило сначала Дворецъ Царя Дѣвицы, построенный Гопфскимъ обычаемъ, къ южной сторонѣ города на холму, омываемомъ волнами моря. Глаза Булашовы пробѣгали по окрестностямъ и внутренностямъ онаго, и не представляли ему ни спражи, хранящей входъ, ни служителей царедворныхъ. Причиною сего было то, что Царь Дѣвица, занявшіеь волшебною наукою, довольно полагалась на свое знаніе, чшобъ не имѣть ни опъ чего опасности, а служителей удаля для того, чшобъ не препяшшвовали ей оныя въ

ея

ея упражненіи, употребляла къ услугамъ своимъ средства чародѣйныя. Послѣ сего взоры Булашовы проникли во внутренность чертоговъ; оныя не занимались великолѣпіемъ украшеній, и представили ему Царя Дѣвицу, упражнявшуюся въ списываніи изъ большей черной книги нѣкопныхъ знаковъ. Вѣнецъ Русовъ былъ на головѣ ея, и Булашъ легко узналъ оный по описанію.

Когда надлежащее число знаковъ вписано было на харшю углемъ, Царь Дѣвица положила оную въ горящую жаровню. При обращеніи оныя въ пепелъ воскликнула она, обращаясь на югъ, шроекрапно: Аспулфъ! — тогда Роксоланъ, держувъ богатыря за полу, сказалъ: пригошовься къ забавнѣйшему явленію и ко вниманію важнѣйшихъ для тебя разговоровъ; ибо она призываетъ шеперь Аспулфа, начальника духовъ вѣстоносцевъ. Его слова долженствуюшъ подробно бышь замѣченны. Волшебное зеркало окажетъ

Ж 2

тебѣ

шебѣ и сію услугу, для того что оно явственнѣе доноситъ слуху рѣчи особѣ, коихъ представляешъ. — Чрезъ нѣсколько мгновеній ока двери съ южной стороны отворились навъшижь и Булапѣ увидѣлъ вшедшаго во оныя челсвѣка въ Римскомъ одѣявіи. Оный выступалъ съ гордою осанкою начальника и съ коварнымъ видомъ придворнаго. Поклоны его изъясняли, что не весьма слѣдуешъ полагаться на его увѣренія, а сквозь услужливое лица его положеніе можно было примѣшнѣе злобу съ рабскимъ ласкательствомъ. Великолѣпіе одеждъ его являло, что оныя сдѣланы на щетъ чужаго кошелька, и что за взяшыя въ долгъ дорогія прикрасы никогда не будетъ заплачено. О всемъ семъ можно было догадываться по тому, что изъ подъ багрянаго длиннаго плаща выступали совиныя лапы съ острыми когтями; а между перьевъ, украшающихъ его шапку, торчали искусно прикрытые два рога. Всегда го-
товый

повый къ исполненію повелѣній вашихъ , сказалъ Аспулфъ Царю Дѣвицѣ , предшааъ я удовлетворить волѣ Вашего Величества. — Да , дорогой мой Аспулфъ , отвѣчала она ; я призвала тебя для обыкновеннаго чрезвычайнаго выслушанія случаевъ , происходящихъ въ свѣтѣ. Скажи мнѣ , что воспослѣдовао съ эшимъ глупымъ Македонскимъ владѣльцемъ , который покорилъ земли великаго Царя ? Мнѣ кажется , что оное учинено для того , чтобъ оными никогда не владѣть. — Такъ , сударыня , сказалъ Аспулфъ ; сіе есть необходимая участь разбойниковъ , или людей , немогущихъ ничѣмъ бытъ довольными. Приобрѣвши великое , они желаютъ еще величайшаго , и въ сихъ ненасытныхъ хотѣніяхъ пренебрегаютъ и бросаютъ изъ рукъ то , что могло бы въ оныхъ остаться. Вѣдайте , что Александръ шеперь , овладѣвъ извѣстнымъ , направилъ желанія къ неизвѣстному , и разумѣя , что покореніе

ніе цѣлаго свѣша займетъ всѣ дни его, слѣдственно не удастся назадъ возвратиться, но для лучшаго исцребленія изъ головы сихъ мыслей раззоряетъ онъ все позади себя. Вчера въ угодность одной распущной женщины и при славномъ случаѣ учинилъ память свою безсмертною, сожегъ онъ пьяной пошлѣ огромный городъ, который былъ удивленіемъ свѣша и надъ которымъ прудились многіе вѣки, испоща всѣ свои сокровища, великіе Государи; словомъ, Персеполь. — Но послѣдующіе ему вольныхъ державъ Елины, подхватила Царь Дѣвица, какую находилъ выгоду. — О спрашний часъ! вскричалъ Аспулфъ воспрепетавшій; оставыше, сударыня, чужія выгоды и помыслише о своихъ собственихъ. Въ сіе мгновеніе ока по шаинствениному вліянію узналъ я великую грозящую вамъ опасность. — О! я оныхъ мало спрашусь, отвѣчала Царь Дѣвица съ улыбкою; я довольно уже успѣла въ знаніи, сообщен-

ценномѣ мнѣ великимѣ Зміуланомѣ, чшобѣ возмочь ошврашшь покушенія на меня смершныхѣ и самаго ада. — Не очень полагайшесь на сіе, подхвятилѣ Асшулфѣ; богашырь Рускій, убившій самого учителя гашего Зміулана, покровительшвуемѣ Чернобогомѣ, коего шрепещетѣ весь адѣ. Всѣ дѣла его учреждающя по наспавленіямѣ Кабалиста Роксолана. Сей богашырь естѣ шотѣ самый Булашѣ, кошорый имѣетѣ у себя непобѣдяемое оружіе, и кошорый весь свѣшѣ удивилѣ славными своими подвигами; и сей-шо Булашѣ приближашся къ обласи вашей, чшобѣ лишишь васѣ единшвенной крѣпости вашей науки, вѣнца Русова. — И шакѣ Зміуланѣ убишѣ? сказала Царь дѣвица съ нѣкошорымѣ малымѣ сожалѣніемѣ; для шого чшо хотя она щитала себя чародѣю сему обязанною, но внушренно имѣла къ нему ненависть за шо, чшо онѣ болѣе ее разумѣлѣ чародѣйштво. Но сіе естѣ, продолжала она,

дстойное наказаніе его дерзости. Онъ, такъ какъ Александръ, хотѣлъ все завоевать, что было и выше силъ его; онъ нападалъ и хотѣлъ всемъ овладѣть; ибо я знаю о покушеніяхъ его на злшый сосудъ, которшй впрочемъ не принесъ бы ему ни малой пользы; а я, не подвергая себя никакимъ предпріятіямъ, довольно найду силы оборонить себя въ моемъ государствѣ. Сей змій, окружающій мою столицу, сіе владѣніе вѣнцемъ Русовымъ и мое знаніе довольно дѣлающъ меня безопасною. Развѣ подвласныя мнѣ духи не имѣютъ сколько силы, чтобъ уничтожить нападеніе одного смершнаго? но есшлы бы онъ и могъ похитить вѣнецъ Русовъ, развѣ войско крылатыхъ змievъ не можешъ, достигнувъ его на пущи, расперзашъ и опшнать у него добычу? — О, сударыня, говорилъ Аспулфъ съ негодованіемъ! я вижу, что вы много полагаешесь на себя и мало на мое къ вамъ усердіе. Вѣдайте, что никакая

какая чрезбеспештвенная сила, никакіе происки духовъ и никакія очарованія не могутъ коснуться къ богатырю, имѣющему дубину, въ которой залита часть скипетра великаго Чернобога. Но я познаю, что мнѣ не можно будетъ увѣришь васъ, пока не расскажу я вамъ повѣстия богатыря сего, и какъ подвиги его, не взирая на сопротивленіе ада, оканчивались всегда славою. —

Царь Дѣвица, имѣя первую свою страстью любопытство, охотно согласилась выслушать сію повѣсть. И такъ, посадя Асшулфа близъ себя на софу, просила онаго рассказать то, что онъ хотѣлъ. Почему Асшулфъ началъ:

Приключенія собственныя богатыря Булата.

Богатырь сей родился близъ древняго города Изборска, при великомъ Бѣломъ озерѣ, отъ благородныхъ

Ж 5

ныхъ родителей, служившихъ Рускимъ Князьямъ. Отецъ его при самомъ его рожденіи, во время междоусобныхъ браней, убишъ буншовавшими Финами. Нѣжная его супруга не могла снести сего урона, и въ малые дни горестію вселена въ гробъ; а Булашъ въ младенчествѣ при разграбленіи дому своего похищенъ былъ въ пеленахъ буншорщиками, кои и отдали его за одинъ пѣнязь нѣкопорому, пожелавшему купить его, пустыннику. Кшо таковъ былъ сей пустынникъ, я со всемъ моимъ стараніемъ провѣдать не могъ; но по всѣмъ чрезвычайнымъ его свойствамъ заключаю я, что былъ шо изъ числа духовъ, хранившихъ злшый сосудъ. Сей пустынникъ воспитывалъ его своими руками. Львиное молоко, коимъ онъ поилъ его, дѣйствовало, что онъ возрасталъ не по годамъ, а какъ говорится по часамъ, и всасывая въ себя соки крѣпчайшаго на свѣтѣ звѣря, утверждалъ свои мышцы къ хранилицу сверхъестественной

ной силы. Десяти лѣтъ онѣ могъ уже выдергивать великіе дубы изъ кореня, къ чему можешь быть дѣйствовало помощію шо, что пусшынникъ, предъ даваніемъ пишомцу своему молока, охлаждалъ во ономъ раскаленный булашный мечъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что по шому получилъ онѣ свое имя. Все, могущее вліять въ него склонность къ добродѣтели, соединишь сію съ его природою и намѣреніями, не было упущено въ понеченіяхъ онаго пусшынника. По доспигеніи Булашомъ дващашилѣшняго возраста, былъ онѣ образецъ благонравія и со всѣми достоинствами къ вступленію въ званіе богатыря. Сего довольно было возбудить во мнѣ и моихъ адскихъ собратіяхъ жестокую къ нему ненависть. Мы не могли предвидѣшь, къ чему небеса предопредѣляютъ сего рѣдкаго юношу, но не могли и ожидать въ немъ, кромѣ злѣйшаго себѣ непріятеля; а сего достаточно было привлечь насъ послѣ-

слѣдовать ему всюду и въ малѣйшихъ его дѣйствіяхъ, предпославляя ему хитрѣйшія искушенія. Все, казавшееся намъ удобнымъ къ нарушенію его добродѣтели, было исполнено, но къ досадѣ нашей порсегда безъ успѣха. Ненавистный пустычникъ умѣлъ уничтожать наши лесты и удержать въ своей власти невинное Булашово сердце. Колико коварнѣйшихъ сѣтей распорѣ онъ доблественно! со всѣмъ тѣмъ я не опчаявался улучшить время, и отъ природы ожидалъ помощи, чтобъ учинить его неспособнымъ къ званію, въ которое посвятилъ его пустычникъ. Между наставленій, подаваемыхъ отъ него ему, слышалъ я заповѣдь, воспрещающую богатырю покориться прелестямъ вѣжнаго пола прежде совершенія трехъ личныхъ подвиговъ; сіе-то и казалось мнѣ тѣмъ, гдѣ могу я воспоржествовать. Я вѣдалъ, что происхожденіе природы гораздо превосходнѣе происхожденія разума. Первая
есть

есть дѣло Боговъ, а другій дѣяніе
человѣческое, и что по сей причинѣ
часто разумъ уступаетъ природѣ;
слѣдственно отъ чувствъ его возра-
ста ожидалъ, что оныя покорятся
побужденіямъ врожденнымъ.

Пустынникъ совершилъ уже свои
наставленія богатырю Рускому; по-
велѣлъ ему итти для сисканія при-
ключеній, могущихъ имя его про-
славить. Онъ простился съ нимъ
навсегда и не дозволилъ, кромѣ
трехъ дней, медлить въ его пустынь.
Съ шѣхъ поръ Булашъ не видалъ
своего наставника, но почитая
шаинственнымъ закономъ пре-
днее пребываніе въ его жилищѣ,
заклучилъ до того времени изъ
онаго не исходить. Тогда-то ожи-
далъ я успѣха въ моемъ намѣре-
ніи. Въ первые два дни старался
я внушать ему во снѣ роскошнѣй-
шія мечтанія, чтобъ пріуготовить
его къ преступленію обѣта своего
на яву; онъ видѣлъ себя многократ-
но побѣдителемъ въ опаснѣйшихъ
приклю-

приключеніяхъ, окруженна славою и че-
 стію, избавишелемъ прекрасѣйшихъ
 Царевенъ ошъ хищныхъ исполиновъ;
 родители ихъ угощали его великолѣп-
 но, предлагали наслѣдницъ своихъ въ
 супружество; придворныя красавицы
 предлагали ему прелести свои ко
 услугамъ и тому подобное. Но
 богатырь пробуждаясь забывалъ о
 сихъ мечтаніяхъ и помышлялъ
 только о томъ, что нѣтъ у него
 оружія; онъ на сей конецъ выдерги-
 валъ великія деревья съ корнями,
 и испытывалъ крѣпость оныхъ уда-
 реніемъ о каменный утесъ; одна-
 кожъ, раздробляя оныя единымъ
 ударомъ, воображалъ, что данная
 ему безсмертными сила должна
 получить ошъ оныхъ приспое
 себѣ оружіе, и ожидалъ, что за
 шѣмъ только и должно ему мед-
 лить три дни въ пустынь. Прони-
 кая по симъ обстоятельствомъ въ
 его мысли, учредилъ я новое ему
 искушеніе, которое при томъ согла-
 совалось и съ моимъ намѣреніемъ.

Я

Я претворился въ образъ шестнадцатилѣтней дѣвицы, одаренной наибольшими прелестями невиданности и красоты, и имѣющей на себѣ столько одѣянія, чѣмъ лишь не можно было почестъ совсѣмъ нагою; но чѣмъ взоры его не имѣли труда досадовать на вѣжливость порочнаго, гнилую лупошку обратилъ я въ видъ богатырскаго обоюднаго меча, и съ онымъ, окружась темнымъ облакомъ, лешлъ къ отверстію пустынного жилища, гдѣ Булашъ покоился крѣпкимъ сномъ. Я изумился, нашедъ близъ его богатырскую дубину, и потчасъ вознамѣрился оную, какъ препятствіе въ моемъ предпріятіи, похитить, но прикосновеніе къ ней прошло мнѣ не даромъ; я опаленъ произительною молніею и принужденъ обратишься въ бѣгство. Я взялъ мое приближище къ Демономаху, начальнику чародѣевъ, и сей по таинственному всему искусству позналъ, что въ сей дубинѣ вложена часъ скипетра

петра великаго Чернобога, и что пошому владѣющій симъ оружіемъ безопасенъ не токмо отъ всѣхъ возможныхъ нападеній, но и отъ силы самаго ада. Больше сего, къмъ сооружена сія дубина и какимъ образомъ принесена къ богатырю, мы не могли провѣдать.

Не можно изобразить вамъ досады, возчувствованной мною отъ толикаго препятствія въ моемъ предпріятіи, коимъ уповалъ я оказать великую услугу начальнику моему, адскому Князю Ашарофу. Однакожъ по внушенію его надѣялся произвести то ласкою, чего не можно было силою; я предсталъ въ сказанномъ уже мною образѣ дѣвicy съ мнимымъ мечемъ къ спящему богатырю, и ожидалъ его пробужденія. Но къ удивленію моему прошли два мѣсяца, въ которые сонъ, не взирая на всѣ покушенія мои къ разбуденію Булата, владѣлъ имъ. Я сравнивалъ заповѣдь пущыинника о шредневному шоль-
ко

ко въ пустынь его пребываніи съ симъ двумѣсячнымъ сномъ, и не могъ извлекашь изъ того иного заключенія, кромѣ что сонъ сей есть дѣйствіе непосредственное отъ Боговъ, служащее къ лучшему укрѣпленію силъ въ богатырь, какъто и въ самомъ дѣлѣ было; ибо послѣ узнавъ я, что Булашъ, проведши двумѣсячное успокоеніе, могъ цѣлые два года бодрствовать безъ малѣйшаго природѣ своей ошягощенія. Наконецъ сей несносный мнѣ богатырь проснулся.

Первый предметъ, представшій взорамъ его, былъ я, или лучше сказать привидѣнная дѣвица Ояъ съ великимъ удовольствіемъ насыщаль зрѣніе свое прелестями, коихъ до того времени еще не видывалъ. Я примѣчалъ дѣйствіе всецѣльной природы по раждающемуся на щекахъ его розовому пламени, и для того не медлилъ пользоваться симъ расположеніемъ чувствъ юности. Я подшелъ къ нему съ нѣжнымъ взоромъ,

Часть IX.

3

и

и взявъ его руку, говорилъ ему: Богашырь, опредѣленный къ славнымъ подвигамъ! сѣшование пивое о недо-
 стапкѣ оружія услышано безсмерт-
 ными; я предстаю по ихъ велѣнію,
 чшобъ учинишь тебя владѣтелемъ
 меча сего, естли только согласишься
 шы исполнишь нѣкоторыя условія,
 отъ коихъ можешъ бышь ни одинъ
 смертный отказашься не въ состоя-
 ніи. Вѣдай, что я одиночная
 дочь славнаго Царя волшебниковъ;
 родишель мой препровелъ всю жизнь
 свою и ишощилъ всю силу знанія
 своего въ сооруженіи меча сего, ко-
 торый владѣющаго имъ учиняешъ
 непобѣдимымъ. Но со всею его таин-
 ственною наукою, хошя посредствомъ
 оныя могъ онъ повелѣвать спихіями,
 не въ силахъ однако былъ укре-
 пишь одного буншующаго своего под-
 даннаго, который, овладѣвъ волшеб-
 ною его книгою, изучился по оной
 всѣмъ чрезѣстественнымъ знані-
 ямъ и учинился ему въ силахъ ра-
 венъ. Пишаемая имъ ненависть къ
 све-

своему господину побудила его учинить ему жесточайшее озлобление: когда не могъ онъ дѣйствовать надъ моимъ родителемъ, вздумалъ онъ чрезъ меня приключить ему смертельное огорченіе. Буншовщикъ зналъ, что никто не можетъ достигнуть на престолъ родителя моего, какъ мой будущій супругъ; и по сему предпріявъ воспользоваться онымъ правомъ, учинилъ меня въ глазахъ всѣхъ мужчинъ полъ гадкою, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ взирать на меня безъ отвращенія. — Но ты, любезный богатырь, видишь, что я заслуживаю лучшую участь, нежели бы осмѣялся вѣчно дѣвицею! — Сей возгласъ провождаемъ ошъ меня былъ съ шаковымъ взоромъ и нѣжнымъ пожиманіемъ руки, что богатырь просилъ меня скорѣе кончить мою повѣсть и объявить условія; я чувствовалъ, что рука его, заключенная въ моей, дрожала. — Буншовщикъ, продолжала я, ожидалъ, когда уже

я не могу по очарованію его сыскашь себѣ пристойнаго жениха, що принуждена буду вытти за него. Родитель мой, обѣясня миѣ все обстоятельство его умысла, прилагалъ великое стараніе выдать меня замужъ; онѣ дѣйствовалъ всеми силами своего знанія, но безплодно; все призыванные имѣ на сей конецъ Царевичи и богатыри, взглянувъ только на меня, содрогались и увѣжали тайно изъ нашей столицы. Естественнаго, что отецъ мой, полагающій во миѣ всю будущую свою надежду, возчувствовалъ отъ того великую печаль, повергнувъ его во гробъ. Предъ смертію своею вручилъ онѣ миѣ сей мечъ, сказавъ: дочь моя! если ты не будешь щастлива, чтобъ каковъ нибудь добродѣтельный богатырь разрушилъ, очарованіе нашего злодѣя, по крайней мѣрѣ не достанешься ты ему въ добычу; ибо владѣніе мечемъ симъ сохранитъ тебя отъ его хищности. Желаящій владѣть симъ непобѣдимымъ

мымъ оружіемъ долженствуетъ прежде учиниться своимъ супругомъ. Я заклинаю тебя не нарушай сего условія; ибо оно избавитъ тебя отъ нашего врага, немогущаго коснуться къ человеку, имѣющему сей мечъ. Три дни прошло послѣ преданія земаѣ шѣла моего родителя, какъ въ одно утро блестящее облако, влетѣвъ въ окно моихъ покоевъ, произнесло гласъ, повелѣвающій мнѣ вручить тебѣ, о Булашѣ, мечъ сей на необходимомъ условіи учиниться моимъ супругомъ. Оно принесло меня сюда, и я давно уже дожидалась твоего пробужденія, не смѣя нарушить сна, разсыпающаго на лицѣ твоемъ пріятности, раждающія во мнѣ желанія, коимъ стыдливость моя едва можетъ противоборствовать. — Теперь скажи, любезный богатырь, находишь ли ты меня довольно отвратительною, чшобъ не послѣдовать волѣ Боговъ, желающихъ учинить тебя владѣтелемъ непобѣдимаго оружія? — О пре-

краснѣйшая Царевна! вскричалъ Булашъ, схватя мои колѣна; сіи условія, кошорыя самихъ Боговъ могушъ учинить благополучными! — Я опустилъ руки мнимой красавицы на его шею; уста богатыря коснулись ея груди. . . . Я чаялъ воспорешествовать, но вдругъ сей, покровительствуемый небесами, воспрянулъ изъ своего заблужденія, и вырвавшись изъ очаровательныхъ объятий, отскочилъ. — О Боги, вскричалъ онъ! едва я не помрачилъ достоинства моего званія! сколь ни прелестны ваши, несравненная Царевна, предложенія, но я не могу оными пользоваться; я не совершилъ еще никакихъ подвиговъ. Законъ моего чина и принесенныя при вступленіи въ оной клятвы обязуюшъ меня сохранить чистоту моего юношества. Владѣйте вы своимъ мечемъ и ожидайте отъ времени и мсего щастія, что можетъ быть заслужу я оный съ вашею рукою. Между шѣмъ Боги пошлюшъ мнѣ оружіе. . . . Ахъ! я вижу

вижу оное, вскричалъ богашырь, взглянувъ на близъ лежащую дубину, и схватилъ сію въ руки.

Безплодно спарался я увѣрить его, что сія нечаянно оказавшаяся дубина должна бысть лишь очарованная палица, подложенная ошъ врага ея за шѣмъ, чтобъ воспрепятствовашъ ему въ щастіи овладѣть непобѣдимымъ мечемъ и прешоломъ Царя волшебниковъ; тщетно напрягалъ я дѣйствіе заразъ мечтательной красавицы, ея убѣжденія, слезы, чтобъ побудишь его къ скорѣйшему заключенію брака. Онъ ошвергъ всѣ мои доводы и лишь желалъ испышашъ, справедливо ли мнѣніе мое о найденномъ имъ оружіи дѣйствіемъ моего меча. Легко догадашься можно, что я не въ состояніи былъ на сіе согласиться; я чаялъ ласками дѣвицы уснѣшь еще въ моемъ намѣреніи, и для того заключилъ его въ привидѣнныя объятія. Я употреблялъ ласкъ и силу, но не менѣшасію, которому и духи

иногда пропившись немогушѣ, мечъ мой между шѣмѣ коснулся Булаповой дубины и получилъ наспоющій видѣ свой лупошки. Богатырь сіе примѣшилъ; онѣ пришелъ вѣ великій гнѣвѣ, что я дерзнулъ поставитъ ему шаковое искушеніе, и далъ дочери Царя волшебниковѣ шоль сильную пощечину, что она изчезла и наспоющій Астулфѣ лишился припомѣ лѣваго уха.

Богатырь, воспоржествовавѣ своею побѣдою, благодарилъ небеса какѣ за избавленіе свое вѣ шоль опасномѣ искушеніи, такѣ и за низпосланное ему оружіе, коего дѣйствіе онѣ уже испыталъ надѣ очарованіемѣ, и ни мало не мѣшкавѣ, пошелъ вѣ мѣста, гдѣ призывала его слава. Тогда еще вѣ Руской державѣ продолжались междуособія. Булапѣ прислалъ кѣ сторонѣ законнаго своего Государя и далъ ей шаковый перевѣсѣ, что вскорѣ мянущіеся Финны принуждены были вѣ покорности ожидать своей судьбы.

Раз-

Разумное правленіе вельможи Драшка, уравнивавшего ихъ съ побѣдителями, предположило вѣчный миръ въ сердцахъ ихъ, наполня оныя вмѣсто кичливости и вражды благодарностію. Булашъ, неимѣющій упражненія по своему званію, готовился искать опаснѣйшихъ приключеній и развѣдывалъ о случаяхъ, достойныхъ его подвига.

Я съ моей стороны, продолжалъ Астулфъ, имѣя къ прежней моей противу Булаша ненависти новое озлобленіе, что лишенъ былъ лѣваго уха его рукою, не упускалъ его изъ вида, неусыпно стараясь нанести ему каковъ нибудь вредъ. Въ то время появился въ Варягѣ исполинъ необычайнаго роста и силы. Оный требовалъ у Варяжскаго Князя, чшобъ сей опдалъ ему добровольно свою корову, или бы противопоставилъ ему богатыря, могущаго на единоборствѣ съ нимъ оспорить сіе его требованіе.

Смѣжность Варягѣи съ областями Русскими подавала мнѣ надежду, чю Булатъ при первомъ призывѣ на подвигъ не пропустишь искашь въ ономъ своей славы. Увѣрясь въ семъ, обратился я къ поварицамъ моимъ Князьямъ шьмы для совѣшу, каковымъ бы образомъ учинишь дѣйствіе оружія Булатова недѣйствующимъ на исполинъ, и шѣмъ бы приключишь неизбежную гибель ненавидимому мною богатырю. Посредствомъ крайнѣйшей силы очарованія составили мы воду, и обливъ оною у спящаго исполина голову, обратили сію въ крѣпчайшее желѣзо. Въ добавокъ къ тому я съ тысячею подвластныхъ духовъ опряженъ былъ помогашъ исполину, и подхватывашъ во время сраженія удары, имѣющіе упадашъ на его шѣло.

Между шѣмъ Варяжскій Князь, устрашенный таковымъ требованіемъ исполина, не зналъ что дѣлать. Всѣ винызи его, имѣвшіе усердіе къ своему Государю и довольно храброси,

броси, чтобъ сразиться съ исполи-
номъ, были жертвою своей неустра-
шимости, и погибли на поединкахъ.
Опчаянный Монархъ засѣлъ въ
своей столицѣ и послалъ гонцевъ
во всѣ страны свѣта, призывая бо-
гатырей на подвигъ. Булашъ пер-
вый изъ оныхъ услышалъ кличъ сей
и первый предсталъ Варяжскому
Государю съ предложеніемъ услугъ
своихъ. Обрадованный Князь осы-
палъ его благодарностію и почестъ-
ми, и между тѣмъ, какъ богатырю
оказывано было угощеніе, исполну
возвѣщено, что на упрѣ имѣешь вы-
ступить противу его на единобор-
ство богатырь.

Лишь только солнце освѣтило
берега моря Варяжскаго, стѣны го-
рода покрылись несчислимымъ мно-
жествомъ народа. Государь прово-
ждалъ торжественно храбраго сво-
его защитника изъ Дворца до град-
скихъ воротъ, у коихъ, принеши
жертву

жертву великому Перкуну (*), простился съ нимъ и возшелъ на подзорную башню, чипобъ быть препенущимъ свидѣтелемъ избавленія своего, или лишенія престола. Тогда ворота градскія при звукѣ бубновъ и ратныхъ роговъ отворили, и Булашъ, вооруженный единою своею дубиною, изшелъ на подвигъ.

Исполинъ, гордящійся своимъ ростомъ, началъ громко смѣяться, увидя приближающагося своего противника, и сей смѣхъ его былъ столь пронзителенъ, что опсноявшіе въ полуверстѣ на стѣнахъ градскихъ зрищели принуждены были заткнуть свои уши. Онъ оскорблялъ богатыря ругательными названіями: отъ сей лягушки, говорилъ онъ съ презрѣніемъ, ожидаетъ Варяжскій Князь обороны вълицу своему! Я спарался,

(*) Божество, коему поклонялись Варяги, почитавшееся оными за Бога враней.

рался, присушествуя при немъ тайно, вливать въ него гордость и презрѣніе, чтобъ шѣмъ, возбуждая въ богатырѣ досаду, привести его въ излишнюю запальчивость, учинить нападеніе съ стороны его нерасположительнымъ, и желѣзноголовой исполинъ продолжалъ свои насмѣшки и угрозы. Куда ты идешь, мѣлая шварь, кричалъ онъ Булапу? мнѣ спыдно будетъ, ешьли упошреблю я прошиву тебя оружіе; одной оплеухи довольно для уничтоженія дерзкаго Варяжскаго защитника со всемъ его высокомѣріемъ. . . . Но слушай, сіе уже въ послѣдній разъ: раздавая себя, я не хочу больше медлить, и Варяжскій Князь долженъ мнѣ послѣ сего отдать свою корону, или я сорву оную съ него обще съ его головою. Дай мнѣ въ семъ клятвенное съ стороны его обѣщаніе. — Я не удостоилъ бы тебя отвѣтомъ, сказалъ Булапъ съ презрѣніемъ, ешьлибъ не касался ты до чести защищаемого мною Государя. И шакъ прину-

нужденъ я унизишь себя, чшобъ ош-
вѣчашь тебѣ. Я вижу, что желѣзная
твоя голова мало имѣешъ въ себѣ
мозгу, что ты судишь о человѣкѣ
по его росту. Не обѣщая тебѣ ни-
какихъ условій съ стороны защи-
щаемаго мною Государя, объявляю
тебѣ его именемъ, чшобъ ты при-
гошовился заплашишь жизнью за дерз-
ское твое претребованіе. — Сказавъ
сіе, пригошовился онъ къ нападенію.
Я, вѣдая важность оружія богашыря
Рускаго, распорядилъ подвластныхъ
мнѣ духовъ къ подхватыванію уда-
ровъ; каждый членъ тѣла исполни-
ва заняли по нѣскольку духовъ и съ
раченіемъ ожидали начашія бишвы.
Исполинъ, раздраженный словами бога-
шыря, воскрикнулъ спрашно, и наско-
чивъ хотѣлъ раздавить его ногою;
но Булаинъ вспрѣшилъ оную шоль же-
стокимъ ударомъ своей дубины, чшо
безъ сомнѣнія учинилъ бы его одно-
ногимъ, еспыли бы духи, со вредомъ
своимъ подоспѣвъ совокупно, не под-
хватили ударъ. Однакожъ исполинъ
ли-

лишился всей нашей защиты; ибо молнія, изшедшая изъ оружія Булашова, низвергла меня со всѣми моими во адъ. Исполняъ предоставленъ спалъ полько еспешственнымъ своимъ крѣпостямъ, и лишь единая желѣзная голова его на нѣсколько мгновеній ока выдержала жестокость поражений Булашова оружія. Бой былъ спрашный; шущъ видимъ былъ споръ искусства съ дарованіями природы: борьба небесъ со адомъ. Удары исполиновы, удобные по одиначкѣ разрушить великую гору до основанія, упадали безъ дѣйствія, отражаемые проворствомъ Булашовымъ. Сей уклонялся отъ наскоковъ дебелаго шѣля его, и каждымъ опущеніемъ смертоноснаго оружія своего опшоргалъ часть либо брони исполиновой, либо мяса до костей. Очарованная голова онаго была неприступна; ибо какъ вершина дуба, землѣ равнолѣтнаго, возвышалась оная почши до облаковъ. Богатырь видѣлъ сіе препяшшвіе своей побѣдѣ; ѳнѣ

онъ усугубилъ удары, и ошбивая стремящіяся въ него ошъ его противника, поразилъ купно исполиновы ноги, такъ что съ каждымъ прикосновеніемъ дубины убавлялся ростъ сего чудовища саженими. Составъ за составомъ ошлешалъ прочь, и сія гордая громада, лишенная ногъ, опиралась уже вмѣсто пяшъ на колѣнахъ, а потомъ, ставъ безъ лядвій, поддерживалась только на однихъ заднихъ, но всегда укрѣпленная въ злобѣ, чтобъ расперзашъ, или хотя бы раздавить надеженіемъ шѣла своего богатыря, ее уничтожающаго. Исполинъ, чувствующій свою гибель, ревѣлъ ужасно, проклиналъ Боговъ, пѣна била клубомъ изъ его окровавленнаго рта, онъ кусалъ собственное свое шѣло, и частыми онаго съ цѣлыми водоносами крови плевалъ въ Булаша. Сія, соединяясь съ текущею изъ ошбившихъ ногъ его, наполнила мѣсто побоища, такъ что богатырь стоялъ въ крови по самый поясъ. Исполинъ

лишѣ ослабѣвалъ, и видя конецъ свой неминуемый, наполнился ярости и опчаянія: онѣ, изрекши псячкія хулы, собралъ остатки силъ своихъ и бросился на богатыря, чѣнобъ паденіемъ своимъ раздавить его, но сіе совершило бишву. Едва только наклоненная голова исполинова учинилась досязаемою, Булатъ поразилъ въ оную своею дубиною и ударъ былъ столь жестокъ, что мозгъ изъ раздробленнаго черепа брызнулъ до самыхъ градскихъ стѣнъ. Богатырь возгласилъ побѣду, и вырвавъ клыкъ изъ челюстей исполиновыхъ, возвращался къ обзанному имъ Варяжскому Государю, который, встрѣтивъ его шоржественно, проводилъ во Дворецъ свой. Радость о избавленіи отъ столькой опасности оказывана была празднованіемъ чрезъ цѣлые два мѣсяца во всей Варягии. Булатъ, увѣнчанный славою и осыпанный почестями и награжденіями, былъ первымъ лицомъ во всѣхъ пиршествахъ и забавахъ;
 Часть IX. И онѣ

онѣ умѣлъ оживляшь оныя своимѣ веселымѣ нравомѣ и съ того времени сдѣлалъ онѣ привычку, чшобѣ послѣ каждой знаменитой побѣды провождашь въ веселіи и попойкѣ съ пріятелями по цѣлому мѣсяцу. Но какѣ послѣ шаковаго богатырскаго шумства потребно было довольное и отдохновеніе, то и заснулъ онѣ крѣпко въ увеселительныхъ чертогахъ Князя Варяжскаго.

Во время сна сего, продолжавшагося цѣлый мѣсяцѣ, адѣ, приспѣженный неудачею своего намѣренія, кипѣлъ злобою и изѣ непроницаемаго коварства соплелалъ новую сѣть, въ кошорую бы запускать и низложитъ богатыря, дерзко стремящагося къ славѣ.

Тогда чародѣй Зміуланѣ былѣ еще живѣ; онѣ, случась по нѣкошорымѣ обстоятельствамѣ при Дворѣ Косожскаго Князя, смертельно влюбился въ дочь его Княжну Свѣшану, уже просватанную невѣсту Аварскаго Короля Кигана. Онѣ бы легко

це-

похишилъ ее посредствомъ своей адской науки, еспьлибъ не мѣшалъ тому палисманъ, повѣщенный ей на шею при самомъ еще ея рожденіи по дружбѣ съ родителемъ ея отъ Кабалиста Роксолана. Зміуланъ, бывъ знаемъ при Дворѣ Косожскомъ просрымъ только чужеземцомъ, не успѣдилъ взять дерзость просить торжественно Княжну Свѣтану себѣ въ супружество. Легко догадавшись, что ему съ презрѣніемъ было въ томъ отказано и учинена поносная высылка изъ областей Косожскихъ. Онъ удалился, заклевавъ себя явно отмстить обиду свою Косогамъ чувствительнымъ образомъ; кипя злобою, опредѣливъ онъ совершенно раззорить ихъ отечество, и на сей конецъ, призвавъ на помощь проклящую свою науку, воздвигъ онъ двенадцатиглаваго Смока и послалъ опустошать ненавистную себѣ страну. Чудовище сіе имѣло станъ львиный, крылья подобныя неопыревымъ, ноги и хвостъ покрышныя

И а

не.

непроницаемую чешую съ преоспрыгми когшми, а между числа змѣиныхъ головъ своихъ одну человѣческую и могущую говорить страшнымъ голосомъ. Въ одинъ ясный лѣшній день густое черное облако покрыло столицу Косожскую, и учиня шѣмъ въ обѣденное время вечерній мракъ, привело всѣхъ въ ужасъ. Облако сіе, свиваясь въ клубъ на поляхъ предъ городомъ, разорвалось съ великимъ громомъ и изрыгнуло изъ себя чудовище. Ужаснувшіеся Косоги бѣжали на градскія стѣны, чтобъ удосповѣриться во образъ, каковымъ разгнѣванные по мнѣнію ихъ Боги ихъ казнишь хотятъ, и едва облако исчезло, увидѣли они чудовище, идущее къ нимъ. Многихъ объялъ препетъ и принудилъ бѣжать въ сокровенныя мѣста, но было довольно и отважныхъ, кои пускали въ него стрѣлы и мѣшали съ бойницъ изъ пращей великими камнями, хотя безъ всякаго успѣха. Смокъ глошалъ камни и стрѣлы, не
прони-

проницающія шло его, и говорилъ съ спрашнымъ хрипнѣемъ слѣдующее: Косоги! не помышляйте нападать на меня обыкновенными человѣческими силами; покушенія ваши будутъ гибельны и безплодны; иба и самыя чрезбеспественныя средства прошиву меня не могутъ. Одно вамъ предлагаю на выборъ: естли не хотите, чшобъ я въ спранъ вашей испребилъ всѣхъ живущихъ, отдайте мнѣ на свиденіе Княжну Свѣшану, послѣ сего я безъ всякаго оплагашельства удаюсь изъ земли вашей въ необитаемыя Валдайскія пустыни. Сказавъ сіе, чудовище легло на великомъ камнѣ и ожидало, какое по пребыванію его взято будетъ вознамѣреніе. Слышавшіе сіе Косоги съ печальнымъ ужасомъ бѣжали возвѣспити о происшедшемъ своему Государю. Несчастный Князь оцвпенѣлъ отъ словъ сихъ. Хотя онъ былъ и добрый Монархъ, но порфиросецъ и человекъ сражались жестоко въ его

особѣ. Погибель государства и по-
гибель единичной дочери два пред-
мета, равно драгоценныя. Великоду-
шіе его побуждало самого себя при-
нести на жертву въ пользу народную;
онъ хотѣлъ самъ ипши сразиться съ
чудовищемъ, чшобъ по крайней мѣрѣ
погибнувъ, не быть жестокосердымъ
свидѣтелемъ конца бѣдной своей
Свѣшаны. Но вельможи не допусти-
ли его предаться очевидной опасно-
сти, равно не хотѣли они слышать,
чшобъ надежда Княжескаго рода
пресѣклась въ единой наслѣдницѣ
престола, естлибъ согласишься на
требованіе чудовища. Они къ ош-
чаянному Государю приставили вѣр-
ныхъ хранишелей, чшобъ не допу-
стить въ дѣйствіе гибельнаго оше-
честву его великодушія, и въ сей
разъ впервые на свѣшѣ Монархъ
по усердію подданными взятъ былъ
подъ шражу. Между шѣмъ собранъ
великій совѣтъ на градской площади.
Общая опасность не допускала раз-
дѣляясь голосамъ, какъ шо обы-
чно-

киновенно бываетъ въ прочемъ, когда частныя корысти владѣющіе вельможами; они и народъ согласно приговорили опказать чудовищу въ его пребываніи, хотя бы стоило по погибели всего государства, и доколь небо пошлетъ имъ избавленіе, сражась съ нимъ и искавъ средствъ умершвишь его. Множество юношей, испытанныхъ вищизей и опрядныхъ полковъ снимали на себя сей подвигъ; предложеніе ихъ принято съ надлежащею благодарностію, заключено оставишь на волю ихъ, купно ли, или по одиначкѣ выходишь имъ на сраженіе, и послашь гонцовъ во всѣ сосѣдственныя государства для возвѣщенія о семъ приключеніи сильнымъ могучимъ богатырямъ, а особливо къ Королю Кигану, чшобъ узналъ онъ о опасности своей обручицы и государства, коего владѣющій родъ онъ возстановишь долженствуетъ. Однако всѣ опважные погибли въ своемъ доблестивенномъ предпріятіи; ни сила, ни искусство не

возмогали прошиву Смока; онъ терзалъ и пожиралъ всѣхъ нападающихъ. Посланные гонцы не лучшую имѣли участь: чудовище прилѣжно сщерегло всѣхъ изходящихъ изъ города и всѣ они были плачевною добычею алчныхъ челюстей его. Не лъзя было ожидать спасенія, кромѣ отъ молвы, разнесшей всюду слухъ о несчастіи земли Косожской. Опечаленные жителя ея не смѣли выйти изъ домовъ своихъ и взяли послѣднее прибѣжище въ молитвахъ къ безсмертнымъ; ибо человекъ тогда лишь прилѣжно вопіюшъ на небо, когда сами въ себѣ не видяшъ помощи. Между шѣмъ Смокъ, немогущій войти шолько въ городъ, опустошалъ деревни, сшадя, нивы и луга, и въ малые дни можно уже было сказать, что цвѣтущая Косожская область вскорѣ учиницца плачевною пустынею.

Я (продолжалъ Аспулфъ) радовался о успѣхахъ мщенія повелѣнаго Астарофомъ чародѣемъ.

дѣя. Не чшобѣ вѣщшей подвергнувъ
 опасносши богатыря Булаша; —
 ибо не сомѣвался я, что ояѣ при-
 первой вѣспи о семѣ приключеніи
 усшремшся вѣ Косогию, — взду-
 малѣ я соорудитѣ ему сильнѣйшихѣ
 непріятелей, нежели двенащати-
 главный Смокѣ. Римляне, присвои-
 шіе себѣ право завладѣшь всемѣ
 свѣшомѣ, имѣли на сей конецѣ
 войска во всѣхѣ спранахѣ обшир-
 ныхѣ границѣ своихѣ. Полководцы
 оныхѣ гшповы были на всякій слу-
 чай воспользовашься удобнымѣ вре-
 менемѣ кѣ завладѣнію какою ни-
 будь обласнію. Камилла, возвра-
 шившагося тогда сѣ побѣдою ошѣ
 славнаго города Вей, безпрестанныя
 войны сѣ Нѣмецкими народами при-
 нудил и расположшсья рашію
 близѣ Булгаріи, и слѣдственно былѣ
 ошѣ не вѣ дальности ошѣ земли Ава-
 ровѣ и Косоговѣ. Мнѣ извѣстенѣ
 былѣ гордый и влюбчивый нравѣ
 сего Римлянина; чѣмѣ и заключилѣ
 я воспользовашься, чшобѣ внуша ему
 И 5 страсти

спраситъ къ Княжнѣ Свѣшанѣ, учинитъ его врагомъ Королю Аварскому Кигану, и шѣмъ сего отвлечь оупъ помощи странѣ, надлежащей оупу его возлюбленной; а при томъ, что неудастся ли и богатыря Булаша, гошоваго всегда въ близъ происшедшихъ войнахъ искашь своей славы, повертнуть на мечи Римскіе. Въ шаковыхъ расположеніяхъ принялъ я на себя образъ старухи, и въ приспойномъ придворной Косожской одвѣяннѣ требовалъ допуска предъ Камилла. Получа сей, говорилъ ему, что слава, разнесшаяся о его достоинствахъ и побѣдахъ, заочно плѣвила сердце единственной наследницы сильной области Косожской и шаковой красавицы, какъ-вая достойна учинишь щастливѣмъ жребій подобнаго ему ироя, что Княжна, Государыня ея, бывъ принуждена повиновашься власши своего родителя, прошиву воли обручена за Аварскаго Короля, и считаая участь еію для себя весьма низкою и нещастною,

щастною, принуждена, забывъ дѣ-
вическую благоприсшойносшь, взяшь
чрезъ меня прибѣжище къ побѣди-
телю почти всего извѣснаго свѣта,
въ швердой надеждѣ, что Камиллѣ
храбросію своею избавишь ее ошѣ
противнаго для ней брака, и мо-
жешъ бышь сочшешъ, что ему при-
личиѣ учинишья Государемъ Ко-
сожскимъ и супругомъ Княжны, со-
ставляющей прелесшми своими укра-
шеніе сего вѣка. — Потомъ пока-
залъ я Римскому военачальнику мѣ-
чшательный списокъ съ лица ея и
умѣлъ шполь сильно заразишь его
къ Свѣшанѣ любовію, что онъ въ
шожъ время ошправилъ пословъ, какъ
къ Косожскому Князю съ требова-
ніемъ дочери его за себя въ супру-
жешво, шакъ и къ Аварскому Ко-
ролю съ грознымъ повелѣніемъ оспа-
вить намѣреніе его о союзѣ съ Свѣ-
шаною. Ожидаемо, что онъ, хопя
посолъ его, провождаемый мною, без-
опасно ошъ Смока проѣхалъ къ
Двору Косожскому, въ обоихъ мѣ-
стахъ

спяхъ получилъ опказы. Родитель Свѣпаны опвѣчалъ ему, что несчастное обстоятельство спраны его не позволяешъ ему помышляшъ ни о какихъ союзахъ, а особливо когда дочь его обручена уже по собственному ея выбору за Короля Кигана; а сей сполько былъ раздраженъ наглостію Камилловою, что прогнавъ посла съ безчестіемъ, объявилъ Римлянамъ войну и готовился учинить впаденіе въ ихъ области.

Во время сихъ возстановленныхъ мною и чародѣемъ Зміуланомъ смятеній въ двухъ союзныхъ государствахъ одно изъ нихъ доходило до паденія своего отъ всепожирающаго Смока. Киганъ не зналъ о опасности, грозящей его возлюбленной, и занимался пріутоповленіями къ войнѣ на Римлянъ; а родитель Свѣпаны, предолѣнный бѣдствіемъ своего опечества, упросилъ вельможъ своихъ, чтобъ оныя покорились волѣ небесъ, и погибелію его дочери забавили бы себя и всю спрану отъ не-

неминуемой смерти; ибо надлежало
 пропасть либо отъ чудовища, или съ
 голода, для того что провозъ
 съѣстныхъ припасовъ всюду учинася
 невозможнымъ. Вельможи, изъ ко-
 ихъ каждый оплакивалъ уже потерю
 сына, либо родственника, или цѣлой
 волости своихъ подданныхъ, не
 упоршвовали прошиву сего велико-
 душнаго предложенія. Назначенъ
 день, въ кошорый по принесенія къ
 Богамъ послѣднихъ жерствъ умло-
 шивленія, надлежало извести Свѣ-
 шану на сѣденіе чудовищу. Она
 неминуемо погибла бы, естльи бѣ
 благодѣшельствующій Косогама Ка-
 балисъ Роксолая не ускорилъ по-
 дасть ей помощь, возбуждая спящаго
 богатыря Булаша. Онъ, явась ему
 въ сновидѣніи, увѣдомилъ о славномъ
 подвигѣ, призывающемъ его въ
 страну Косожскую. Булашъ восприя-
 нулъ отъ сна, возвѣстивъ о явленіи,
 и просясь съ Варяжскимъ Го-
 сударемъ, осыпавшимъ его благо-
 дарностію и подарками, коихъ онъ,
 кромѣ

кромѣ одного багрянаго богатырскаго плаща, не принявъ, шествовалъ бодрственно на приключеніе, обѣщающее ему новую славу.

Между тѣмъ роковой часъ для Княжны Свѣтаны наступилъ; время моливъ кончилось, Боги не внимали воплю унылаго народа, никто не явился защитишь несчастный ей жребій. Одѣли ее въ черное платье и едва дышущій опъ горестни родитель самъ возвелъ ее на шорженную колесницу; онъ везъ ее за врата градскія, не помышляя ни о какой опасности, либо самъ желая погибнуть съ нею купно, или подкрѣпляемый иройскимъ мужествомъ къ произведенію добродѣтельнаго своего вознамѣренія къ благу общества. Рыдающій народъ омочалъ путь его чистосердечными слезами; болѣзненные вопли онаго пронзали воздухъ и возлещали на небо. Но сіе позорище удобнѣе вообразить только сердцамъ чувствительнымъ, нежели мнѣ повѣстествовавшей начертать

шасть перомъ моимъ ; должно бытъ самовидцу, или имѣть поняшїе о томъ, сколько прогаешъ любовь Монаршая подданныхъ, видящихъ шоль крайній опытъ попеченїа о спасенїи ошечества, чшобъ представить въ мысляхъ жалостное оное шесшїе. Не было никого, кшобъ не пронзенъ былъ совершеннымъ свшванїемъ ; всякъ рыдалъ, всякъ желалъ испустить душу свою къ спасенїю свшшаны ; однакожъ никто не остано-вилъ печенїе коней, везущихъ смершную колесницу своей Государыни, и ошавался проливать слезы въ стѣнахъ градскихъ. Князь Косожскїй, въ послѣднїе обнявъ свою возлюбленную дочь, упалъ въ обморокъ ; усердные вельможи отвезли его во Дворецъ, а Княжну ошавили на произволъ судьбы и чудовища. Она полумершва брела къ великому камню, гдѣ обшшалъ Смокъ, чшобъ скорѣе скончашъ свои мучишельныя минушы. Сколь ни ужасно было ожидаемое позорище, сколь ни поражены были вель-

вельможи и народъ, однакожъ мно-
гіе взошли на градскія стѣны,
чтобъ въ послѣдніе благословишь
душу своей Княжны, когда она
полетитъ на небо, а особливо усерд-
ные жрецы, коимъ запертіе города
не дозволяло ходитъ по деревьямъ,
для обманыванія народа и собира-
нія богоговѣйныхъ серебряниковъ въ
кошельки свои, съ нетерпѣніемъ
ожидали сего благополучнаго часа
своему опечеству. Но Смокъ, уда-
лившійся на добычу, медлялъ пред-
стать съ своими спасительными на
пощъ разъ Косогамъ челюстями. Уже
набожнѣйшіе изъ жрецовъ проекрат-
но съ надлежащимъ умиленіемъ вос-
кликнули: о Бичъ боговъ, ужасный
Смокъ! приди взять свою жертву
и оставь страну нашу. Наконецъ
крупящаяся вдали пыль столбомъ
показала быстрое шествіе чудовища.
Зрители вострепетали и готовы
были зажать глаза свои, чтобъ не
видать жалостнаго дѣйствія, кото-
рое однако они посмотрѣвъ вышли:

Бе-

Болѣзненныя восклицанія возобновились, но остановлены были появленіемъ двухъ богатырей. Одинъ изъ нихъ шелъ пѣшкомъ быстро, опираясь своею тяжкою дубиною, а другой, вооруженный полными доспѣхами, скакалъ на бодромъ конѣ, и раздувающіяся у онаго пламенные ноздри доказывали, что богатырь въ пущи своемъ не медлялъ. Оба они вдругъ присѣли къ великому камню. Конный сокочилъ опрощью и воскликнулъ: — Боги! . . . Свѣтана! въ какой часъ . . . и въ какомъ ты состояніи! — бросился къ ней съ объятіями, а пѣшій спалъ, опершись на свою дубину. Княжна, которая была почти безчувствъ, пришла въ себя; слезы, упавшія изъ глазъ присѣвшаго всадника, горячестію своею ее возбудили. Ахъ, возлюбленный Киганъ, вскричала она! еще Боги ко мнѣ милосивы, еще я тебя вижу! . . . Но удались; я должна погибнуть; не умножай смертельной

Часть IX.

I

Мсей

моей горести своею опасностію. —
 Мы погибнемъ вмѣстѣ, говорилъ
 Киганъ, или чудовище расперзает-
 ся моими руками. — Да! сказалъ
 холодно богатырь, опершійся на свою
 дубину, еспьли Булашъ позволишь
 тебѣ опнись у себя честь шаковаго
 славнаго подвига. Смоки не вездѣ
 попадаются. . . . Довольно съ
 тебя, чшобъ ты ушѣшалъ сію дѣ-
 вицу, между шѣмъ, какъ я спану
 управляться съ чудовищемъ. —
 А! ты шобъ славный богатырь
 Рускій, убившій желѣзноголовата
 исполина, сказалъ Киганъ со удивле-
 ніемъ; я почишаю швою неуспра-
 шимосшь, но не соглашусь никогда,
 чшобъ кто нибудь, кромѣ меня,
 былъ избавишелемъ моей невѣсшы.
 — Избавляй ты ее во всѣхъ дру-
 гихъ случаяхъ, подхвашилъ Бу-
 лашъ, а шеперь . . . сказать пра-
 вду, я не люблю дѣлиться ни съ
 кѣмъ опасными приключеніями. —
 Какъ бы шо ни было, опѣчалъ Ко-
 роль, но я не меньше швоего имѣю
 вѣ

въ себѣ ошважности снятъ на себя
 сіе. Киганъ не привыкъ никому
 обязанъ бытъ избавленіемъ въ соб-
 ственномъ своемъ дѣлѣ. Еще ни
 одинъ богатырь не имѣлъ труда
 защищать меня. — Короче сказать,
 богатыри говорили хотя съ почте-
 ніемъ, но отъ часу крупнѣе, и согла-
 сились рѣшить дѣло, кому доспа-
 нется съ чудовищемъ драться,
 чрезъ поединокъ. Можетъ бытъ
 одинъ изъ храбрыхъ лбовъ оспа-
 ся бы разкроснымъ, естлибъ Кня-
 жна Свѣшана не вошла въ посред-
 ство. О мой возлюбленный Киганъ,
 сказала она Королю Аварскому! ты
 подаешь мнѣ великіе опыты швоей
 ко мнѣ горячности; ты пришелъ
 спаси жизнь мою, шебѣ надлежа-
 щую, или окончатъ свою гмѣстѣ со
 мною. Не довольно ли, что ты пришелъ
 почти на извѣстную погибель, но
 какое имѣешь ты право подвергать
 опасности дни свои, единственно
 мнѣ надлежащіе? Для чего не хо-
 чешь ты бытъ благодарнымъ бога-
 тырю,

шырю, признаніе швое заслуживающему? Ты пришелъ по должности и побуждаемый спрасстію, а побѣдишель исполна для шого только, что его привлекло великодушіе. Справедливо ли вамъ ополчаться другъ противъ друга, и взаимно нанося удары крѣпости мышцъ, еше неиспытанныхъ, лишая свѣшъ единаго изъ двухъ первѣйшихъ его покровителей? Разсуди прилѣжиѣ, должно ли щерять вамъ междуособствую силы, нужныя къ моему защищенію? кпобѣ ни выигралъ изъ васъ право сразиться съ Смокомъ, которій появиться не замедлишь, то ослабленному ли ополчаться на шаковое чудовище? Но ежели по нещастію рука швоего противника въ великодушіи и храбрости лишитъ меня моего возлюбленнаго? . . . Ахъ! нѣшъ, я не допущу . . . я заклинаю шебя не опходишь отъ меня ни на шагъ и подкрѣпляшь мою слабость во время шоль ужаснаго позорища? — Свѣшана къ сему повелишельному гласу любви

любви умѣла присоединить таковыя даски, провождаемыя слезными взорами, что Киганъ вложилъ въ ножны мечъ свой, уже въ половину обнаженный. — Повинуюсь тебѣ, прекрасная Княжна! сказалъ онъ съ видомъ негодующей храбрости. . . . А ты, славный богатырь, говорилъ онъ, обращаясь къ Булашу, ты побѣдилъ меня не сражаясь со мною. Я уступлю тебѣ честь славнаго подвига, но съ условіемъ заплашишь мнѣ за сей даръ еще неоцѣненнѣйшимъ, то есть вѣчною швоею ко мнѣ дружбою. — Да, неустрашимый Король! я клянусь тебѣ Богами, что не употреблю во зло сего почтительнаго швоего мнѣ награжденія; оно будетъ законъ, обязывающій меня навсегда къ швоимъ услугамъ, сказалъ Булашъ, повергая свою дубину и стремясь съ обѣщаніями къ Кигану, подающему ему свою руку. При своей храбрости, продолжалъ онъ, ты превосходишь меня своимъ великодушіемъ. Я при-

знаюсь, что не былъ бы подобно
 тебѣ щедръ въ добровольномъ
 уступленіи сего подвига. . . Но ты
 могъ бы теперь принудить меня
 быть во ономъ зришелемъ, естлибъ
 дружба, коею я тебѣ клялся, доз-
 воляла мнѣ оскорбить тѣмъ
 твою возлюбленную. Признайся, что
 непрощительно тебѣ иѣжную дѣ-
 вицу учинишь зришельницею твоей
 опасности, и можешь быть язвѣ,
 легко ожидаемыхъ; и впрочемъ
 можешь ли ты счестъ себѣ во одол-
 женіе, естли я убью Смока, и тѣмъ
 избавлю твое достояніе отъ поги-
 бели, когда, что легко случиться
 можешь, долженъ будешь подать
 мнѣ помощь, буде я ослабѣю?
 Друзьямъ прощиву общаго врага
 должно сражаться общими силами,
 а не чрезъ междоусобія подавать
 ему выгоды. И такъ помоги мнѣ,
 естли то будешь нужно; я не по-
 стыжусь назвать себя моимъ изба-
 вишелемъ, но безъ нужды не нару-
 шай долга къ твоей возлюблен-
 ной.

ной. — Сказавъ сіе, они обнялись и возобновили клятвы о вѣчномъ дружествѣ.

Въ самое сіе время ужасный свистъ и крушѣщаяся пыль возвѣстили имъ приближеніе Смока. Булапъ подхватилъ свою дубину и приготоновился вспрѣпшишь чудовище; а Король Аварскій охватилъ одною рукою трепещущую Княжну, другою же держался за рукоятъ меча своего, чтобъ быть гошову въ случаѣ нужды на помощь новопріобрѣшенному своему другу. Чудовище, считавшее добычу свою досповѣрною, стремилось съ злобною алчностію къ великому камню; но увидя прошиву себя Булапа оштановилось, какъ бы въ изумленіи, нападашь ли, или удалиться ему должно. Но побуждающая его адская сила рѣшила его въ мгновеніе она; оно, приподнявщев на заднія ноги, выпустия изъ оныхъ острые по аршину длиною когти, склубя свой хеостъ и раззинувъ одинашущашь змѣвиныхъ челюстей,

бросилось на богатыря, чшобѣ вдругѣ расшерзать и пожрать онаго. Но сей встрѣшилъ его таковымъ жесто-
кимъ пораженіемъ своею дубины, что при головы съ ногою и кры-
ломъ отбишы были однимъ разомъ, и оплешѣли на великое разстояніе,
Смокъ, узрѣвъ люющуюся изъ ранъ своихъ кровь, усугубилъ ярость свою; напрыги его были опасны, но про-
ворство богатыря и дѣйствіе непо-
бѣдимаго оружія учинили оныя не-
дѣйствительными; чудовище отъ
каждаго пораженія лишалось головы,
и когда осталась у него одна только
человѣческая, оно не могло уже на-
падать, и лишь прыгая, старалось
сберечь отъ ударовъ голову, содер-
жащую остатокъ жизнечности. Го-
лова сія редела страшнымъ обра-
зомъ и угрожала богатырю осва-
вить ея шѣло, естли онѣ не хочеть
съ смертію ея погибнуть. Однако
Булашѣ, не взирая на сіи угрозы, про-
должалъ наносить удары, но не могъ
никакъ улучить въ желаемое мѣсто;
го-

голова умѣла проворно уклоняясь, и лишь шѣло Смоково раздувалось съ ударовѣ дубины. Наконецъ богашырь, скучивѣ продолжашъ почти окончанное сраженіе, бросилъ свое оружіе, и схваця чудовище руками, повергѣ оное съ жестокостію о землю, попомѣ, насшупя на него ногою, оторвалъ послѣднюю голову и шѣмѣ выгналъ ядовишый парѣ, оживотворявшій сіе вредное чудовище. Кигаѣ въ ратный роѣ воспрубилъ побѣду; Свѣтана пришла въ себя отѣ ужаса, и благодаря богашыря, превозносила его похвалами, а Булатѣ не медля началъ сдирашъ кожу съ убишаго Смока на знакѣ сего совершившагося знаменишаго подвига, которую попомѣ всегда носилъ на себѣ вмѣсто плаща.

Таковымѣ образомѣ злополучившій день обратился Косогамѣ въ совершенно радостившій. Рыданіе и слезы превѣнились въ торжественныя восклицанія; сіи скоро достигли до Дворца Княжескаго, и падшій

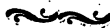

подъ бременемъ горести Государь
 возсталъ, и слезы утѣшительныя
 изъясляли обязанность его за мило-
 сннн Боговъ. Онъ собралъ своихъ
 вельможъ и нѣдохранищелей и шелъ
 шоржественно встрѣпить богаты-
 рей, защитившихъ его кровь и оше-
 чество. Коль великое увеселеніе
 было для него увидѣшь возлюблен-
 ную дочь свою, кощорую за нѣсколь-
 ко часоѣ обнялъ онъ въ послѣдніе
 жиѣу, и редомую ея храбрымъ обру-
 чникомъ. Онъ не сомнѣвался, чтобѣ
 не Король Аварскій былъ ея избави-
 телемъ и благодарилъ его за шо
 сѣ дружескими обѣяшїями, но сей
 ирой не принималъ сего, и обѣявлялъ,
 что онъ равно со всеми Косогами
 обязанъ шѣмъ славному богатырю
 Булату. Тогда все гласы призна-
 нїя обратились къ богатырю Руско-
 му. Князь возвелъ его сѣ собою на
 шоржесивенную колѣсницу и при
 восклицанїи народа и воиновъ: да
 здравствуетъ побѣдншель желѣзно-
 головаго исполина и спрашнаго Сmq-
 ка,

ка и избавишель страны Косожскія! — слѣдовалъ во храмъ для принесенія безсмертнымъ жертвы благодаренія. Тамъ Булашъ увѣнчанъ дубовымъ вѣнцемъ, и облеченный въ багряный плащъ приглашенъ на пиршество во Дворецъ Княжій. Цѣлый мѣсяцъ продолжалось торжество сіе, на которомъ Булашъ по обыкновенію своему исправно пилъ нектаръ Боговъ за благополучіе державъ Косожской и Аварской, и клявшись спокрашно о вѣчномъ дружествѣ Королю Кигану, заснулъ въ опивденныхъ ему великолѣпныхъ чершоггахъ, и забылъ о своемъ другѣ и о самомъ себѣ. По повелѣнію Княжескому никто не смѣлъ сдѣлать до время сего опдохновенія ни малаго шума, не токмо во Дворцѣ, но и въ близъ лежащихъ улицахъ; всюду разспавлены были шѣлохранищели, хотя шо совсѣмъ не нужно было для Булаша; ибо шо соединенныхъ громовыхъ ударовъ не могли бы разбудить его.

Между

Между шѣмъ Король Киганъ не имѣлъ времени медлить; по объявленіи имъ войны Римлянамъ войски его шли уже къ мѣсту Римскаго ополченія. Онъ на семъ походѣ узналъ о несчастіи, случившемся его возлюбленной и ея государству, и для того, оставя мщеніе, поспѣшалъ се избавить. Таковымъ образомъ случилось, что онъ нечаянно припѣлъ къ великому камню, гдѣ Булацъ побѣдилъ чудовище. Онъ, объяснявшись съ Княземъ Косожскимъ о причинѣ Римскаго къ нимъ посольства, совѣщавалъ о мѣрахъ, каковыми слѣдуетъ вести войну съ народомъ, прославившимся въ свѣтѣ своею храбростію. Ожидаемо было, что опказъ Камиллу въ сватовствѣ за Княжну Свѣшану навлечетъ его оружіе и въ области Косожскія, и для того заключили они общими силами напасть на Римлянъ въ ихъ опечесствѣ, и шѣмъ предупредить грозимое раззореніе своимъ державамъ. О бракѣ Кигана съ Свѣшаною

ною не было забыто; сей положено совершить по первомъ благополучномъ успѣхѣ оружія въ столице Король Аварскаго. И шакъ Князь Косожскій, послѣдуемый своею дочерью и собравъ свои войска, отправился съ Киганомъ въ Аварію. Бояринъ, оставшійся правителемъ въ Косогіи, получилъ повелѣніе объявить Булашу по его пробужденіи о причинѣ опшесствія Государей, и о томъ, что осмѣется на его волѣ, бысть ли ему до возвращенія обоихъ Государей первымъ хранителемъ княжества, или участвовать въ войнѣ своего друга, или въ случаѣ другихъ его какихъ нибудь важныхъ предпріятій получить болашырскаго коня со всѣми доспѣхами.

Сонъ Булашовъ продолжался мѣсяцъ, въ которое время успѣхъ оружія друга его не былъ удаченъ: онъ проигралъ Римлянамъ два сраженія, и на послѣднемъ, не взирая на то, что оказалъ удивительные подвиги силы своей и храбрости, лишился

шился своего нареченнаго шестнаго
 Князя Косожскаго, и съ малымъ
 остаткомъ рати, преслѣдуемый Рим-
 лянами, бѣжалъ въ свою столицу
 и осажденъ во оной. Тутъ защи-
 щался онъ храбро, и шѣмъ съ опас-
 нѣйшимъ для враговъ своихъ му-
 жествомъ, что въ сей осадѣ уча-
 ствовалъ неогнѣнный залогъ добро-
 дѣтельной любви его Княжна Свѣ-
 шана. Сія Государыня, оплакиваю-
 щая кончину родителя своего, жерш-
 вовала оной не одними слезами:
 она не однократно приспѣвала на
 помощь жениху своему въ опаснѣй-
 шихъ вылазкахъ, и своею полъ ея
 превосходящею храброспю подавая
 помощь, не рѣдко перемѣняла успѣ-
 хи неуспрашимости Римской, и
 избавляла Кигана отъ величайшихъ
 опасностей. Можно сказать, что
 осаждающіе и осажденные были не-
 пріятелями, другъ друга достойные.
 Чего не могъ выдерживать цѣлый
 свѣшѣ, сію ужасную и сильнѣйшимъ
 народамъ спремительность въ бит-
 вахъ

вахъ Римскихъ, сей поядающій огнь
 ироиспа охлаждали малое число
 соединенныхъ Аваровъ и Косоговъ;
 ибо предводимы были Киганомъ и
 Свѣшаною. Римляне, купившіе доро-
 гою цѣною невообразимаго множе-
 ства крови своихъ войскъ свои по-
 бѣды, не смѣли опважиться на при-
 ступы, и довольствовались только
 осаждашь городъ, уповая принудить
 оный къ здачѣ чрезъ пресѣченіе
 привоза сѣбѣстныхъ припасовъ. Въ
 самомъ дѣлѣ голодъ угрожалъ вели-
 кою опасностію осажденнымъ. Воз-
 гордившійся побѣдами Камиллъ
 предлагалъ уже о мирѣ на понос-
 ныхъ условіяхъ: чтобъ Король Авар-
 скій присягнулъ Римлянамъ въ
 подданствѣ, и отрехшись права на
 Княжну Свѣшану, отдалъ бы оную
 изъ своихъ рукъ жениху ея, предъ
 нимъ достойнѣйшему. Предложеніе
 сіе опвѣштвуемо было сильными
 вылазками, и воины Римскіе пла-
 шили несчешнымъ числомъ головъ
 своихъ за наглость своего полко-
 водца.

водца. Со всѣмъ тѣмъ безъ поспѣ-
ронней помощи городъ не могъ бы
выдержатъ на долго осаду. Княжна
Свѣшана послала грамошу въ свое
государство о скорѣйшемъ собраніи
остальныхъ войскъ и довольнаго
числа сѣспныхъ припасовъ; а Ко-
роль Киганъ отправилъ гонца къ
другу своему богатырю Булашу,
чтобъ онъ поспѣшилъ избавить его
въ опасности. Грамоша его была
слѣдующаго содержанія:

„Король Аварскій Киганъ другу
„своему непобѣдимому богатырю Бу-
„лашу желаетъ здравія.

„Я ни о чемъ не прошу тебя;
„ибо не смѣю убѣжденіями моими
„оскорбить наше дружество; доволь-
„но, еспли скажу тебѣ, что я про-
„игралъ Римлянамъ два сраженія;
„лишился на послѣднемъ изъ оныхъ
„отца моей возлюбленной, и вмѣспѣ
„съ нею осажденъ въ моей споли-
„цѣ. Голодъ преодѣваетъ оную
„больше, нежели оружіе враговъ мо-
„ихъ; и я не могу сказати, на
„долѣ

„долго ли въ гостояніи будемъ мы
 „выдерживашь осаду. Гордый Ка-
 „милъ предлагаетъ мнѣ миръ на
 „условіяхъ, чшобъ я добровольно
 „уступилъ ему мою невѣсту, и
 „учинился бы его подданнымъ; но
 „для друга Булашова приличнѣе
 „умереть съ оружіемъ; онъ не бу-
 „дешь Римскимъ невольникомъ. „

Въ послѣдній день, предъ про-
 бужденіемъ богатыря Рускаго, го-
 нецъ съ посланнымъ отъ Княжны
 Свѣшаны достигли въ Косогію. Бо-
 яринъ, правившій государствомъ, не
 смѣлъ ни разбудить Булаша, ни въ
 сходственность повелѣнія своего Го-
 сударя безъ воли его собирать вой-
 ско; ибо не зналъ, согласился ли онъ
 быть самъ правителемъ, и одо-
 брилъ ли посылку вспомогательнаго
 войска. И такъ, держа въ рукахъ
 грамоты, дождался окончанія сна
 богатырскаго.

Я (говорилъ Аспулфъ) радовал-
 ся видя обстоятельство сіе; ибо ожи-
 далъ, что Булашъ не раздумаетъ

Часть IX.

К

по

по ошважности своей одинъ на-
 пастъ на войско Римское, и что уже
 непобѣдимая дубина его не будетъ
 имѣшь возможности защищать шѣло
 его отъ извѣстной гибели, когда
 нѣскольکو сошѣ тысячь мечей и
 стрѣлъ обращающа въ одного чело-
 вѣка. На послѣдокъ Булашѣ про-
 снѣлся. Бояринѣ подалѣ ему грамо-
 шы, и объявилѣ повелѣнїе своего Го-
 сударя, учиняющее его первымъ
 хранишелемъ Косогїи; припомѣ пре-
 бовалѣ онѣ отъ него изреченїа, на-
 мѣренѣ ли онѣ ошашься шумѣ, или
 желаетъ вѣхашь, чтообѣ по тому
 можно было учинить надлежащїа
 распоряженїа. Богатырь не отвѣчалѣ
 ему ничего и читалѣ грамоты.
 Далеко ли отсюди до столицы Авар-
 ской, спросилѣ онѣ окончавши чше-
 нїе? Восемь дней верховою вѣдою,
 ошвѣстствовано ему. Но прикажете
 ли собирать вспомогательное войско,
 спросилѣ еще бояринѣ, и какое
 ваше вознамѣренїе? — Да, сказалѣ
 Булашѣ; я хочу на сей разѣ быть
 пра-

правителемъ княжества, чтобъ избавишь Косожскія войски отъ труда. Я не приказываю оныхъ собирать, и иду одинъ помогать моему другу. Не смѣли возражать прошиву столь отважнаго предпріяшя однако докладывали ему о выборѣ доспѣховъ, богатырскаго коня и шлохранителей. Миѣ ничего не надобно, отвѣчалъ богатырь, крѣмъ мѣшка сухарей; я хожу пѣшкомъ, а шло мое храню моею дубиною. . . Ну, продолжалъ онъ къ боярину, шеперь будь ты правителемъ, и дай миѣ сухари. Топчасъ исполнено его повелѣніе, и онъ пошелъ въ путь свой. Разстояніе до столицы Аварской совершилъ онъ шестивіемъ двухдневнымъ, и на зорѣ прешьяго разсвѣшанія увидѣлъ башни оныя.

Между шѣмъ голодъ принудилъ Кигана учинишь рѣшительную вылазку съ шѣмъ, чтобъ либо прогнашь непріятелей, или съ остаткомъ войскъ погибнуть на сраженіи; або равно было умирашь и не отъ

доспашка пиши. Булави, взойшед-
 шій на высокій хоамъ, близь опол-
 ченія Римскаго и почти въ равномъ
 разстояніи отъ города находившійся,
 примѣшилъ выходящее изъ города
 войско; онъ ожидалъ спокойнымъ
 зрѣшелемъ послѣдства сраженія, не
 хоша безъ нужды вмѣшаться во
 оное, и участвованіемъ своимъ
 отнять часть славы, ожидаемой отъ
 храбрости его друга. Сей воинъ
 заслуживалъ, чтобъ весь свѣтъ былъ
 тогда свидѣтелемъ его подвиговъ.
 Сраженіе началось съ равнымъ съ
 обѣихъ сторонъ жаромъ; множество
 однихъ и опчаяніе другихъ произ-
 водили равновѣсіе въ битвѣ; однако
 Римляне всюду принуждены были
 уступать, гдѣ присутствовалъ Ки-
 ганъ; онъ одинъ гналъ цѣлые ле-
 гіоны; но гдѣ вспомоществовала ему
 Княжна Свѣтана, тамъ въ мину-
 ты лишались Римляне когортами (*)

жизни

(*) Когорта было у Римлянъ нѣкоторое раздѣленіе воинскихъ силъ, можетъ быть подобное ротѣ, или батальону.

жизни и мѣста сраженія. Стократъ уже Буланъ билъ въ ладони отъ радости, взирая на чудеса храбрости, производимыя его другомъ, но наконецъ множество начало преодолѣвать его: Авары и Косоги начали уступать; Киганъ не могъ всюду поспѣвать; Сившана была схвачена, и влечена павицею и щещно Король, женихъ ея, спремился освободить предметъ своей горячности; онъ самъ изнемогалъ отъ множества полученныхъ ранъ. — А! уже поздно будетъ, еслили я помедлю еще, сказалъ Буланъ, прыгнувъ однимъ скокомъ съ холма долой. Онъ побѣжалъ сквозь густѣйшія холмы Римскихъ силъ; онъ не дрался и не оружіемъ очищалъ путь себѣ, но давилъ людей, гдѣ шелъ, и подобно валящему вихрю, опровергающему лѣсъ полоскою поспешнаго стремленія своего, раздвигалъ войски. Вдругъ очутился онъ на мѣстѣ, гдѣ торжествующіе побѣдишели съ гордостію влекли не-

овиенную для Кигана, и для сво-
 его полководца добычу, и гдѣ
 другъ его не искалъ уже кромѣ смер-
 ши. Онъ въ мгновение ока попоп-
 шалъ ногами плѣнншихъ, освобо-
 дилъ невѣсту своего друга и кри-
 чалъ къ нему: ободрись, Король
 Аварскій! ты побѣдилъ уже; оставь
 мнѣ довершишь слѣдствія твоей
 храбрости. Веди свою возлюбленную
 и свои войски обратно въ городъ,
 чинобъ я имѣлъ мѣсто полуциви-
 лизаціи эшихъ разбойниковъ. Ска-
 завъ сіе, началъ онъ работать
 своею дубиною; удары ея были же-
 стоки: поражая одного, убивалъ
 онъ десятками; ибо пораженные
 ошлепали прочь подобно камню,
 брошенному изъ пращи, и тѣлами
 своими побивали стоящихъ позади
 себя. Онъ давилъ ногами опровер-
 женныхъ и погналъ Римлянъ по-
 добно быстрому соколу стадо га-
 локъ; онъ шелъ не по землѣ, поля
 позади его устилались шрупами;
 ибо онъ махалъ на право и на лѣво,

пры-

прыгалъ впередъ и опскакивалъ назадъ, гдѣ оспавались кучи опчаянныхъ Римлянъ, и словомъ, онъ проворно разносилъ смерть всюду. Вскорѣ обрадованный Киганъ, опспунающій съ войскомъ своимъ къ городу, началъ терять изъ виду бѣгущую рать своихъ непріятелей; но какъ густая пыль сокрыла изъ вида и его друга, то началъ онъ опасаться о его жизни. Онъ не могъ вообразить, чтобъ силы одного человека достаточны были гнать цѣлое войско, и пошому жалѣлъ, что много положился на слова своего друга и оспавилъ его погибнуть неминуемо. Хотя видѣлъ онъ чудесную его силу, храбрость и проворство, хотя примѣшно было, что онъ гонитъ непріятелей, однако приказалъ вновь трубить на брань, и спдѣля опборныхъ ратниковъ, поскакалъ къ нему на помощь. Приближась къ мѣсту, гдѣ былъ Римскій воинскій шанъ, увидѣлъ онъ шолько пусшыя шапры

и всѣ припасы брошенные, Аваровѣ, побранныхъ во время войны въ плѣнѣ, сбивающихъ уже съ себя оковы; ибо и спража, хранившая ихъ, обратилась въ бѣгство. Киганѣ, ошдавѣ приказѣ о занятіи спана съ корыстями, продолжалъ неспѣшать на помощь Булапу, но до самой ночи не могъ достигнуть ни его, ни бѣгущихъ; онъ скакалъ только по полямъ, услааннымъ садами. Подуха изъ того надежду не успѣхъ своего друга, и разщипая по пространству, занимающему число побитыхъ, усмотрѣлъ, что непріятелей живыхъ не осталось уже ни одной части; и такъ остановился онъ съ своими висязямъ и войскомъ. На разсвѣтѣ продолжалъ онъ ѣхать тихимъ шествіемъ по пуши, указываемому ему садами победы его друга, и видѣлъ, что число шлѣвъ Римскихъ началось отъ часу уменьшаться; наконецъ оныхъ уже не было. И тогда по огорчился былъ онъ, думая, что другъ его упомясь по-

погибъ отъ оставшихъ враговъ своихъ; однакожъ ободрился, увидя впереди себя вопиющую въ землю его дубину и повѣщенную на опой кожу Смокову и мѣшокъ съ остаткомъ сухарей отъ дороги. Надобно, чтобъ онъ былъ живъ, говорилъ Киганъ къ своимъ полководцамъ; кажется, что Римское войско все побито, но гдѣжъ онъ и куда удалился отъ своего оружія? — Между тѣмъ, какъ всѣмъ не могъ постигнуть сему причины, увидѣли они Булаша, возвращающагося къ нимъ и ведущаго на веревкѣ самаго Римскаго полководца Камилла (*), въ послѣдова-

К 5

ніи

(*) Можетъ быть о семъ происшествіи нѣтъ ничего вѣрнаго въ лѣтописяхъ Римскихъ; повѣствователи гораздо выеаютъ скромны въ разсужденіи случаевъ, приносящихъ не великую честь ихъ отечеству. Однакожъ во времяникахъ Аварскихъ видно, что Камиллъ за сіе изгнанъ изъ своего отечества, и уже прощенъ послѣ Аліанской ватаги, которую послѣ него проигралъ Римляне противъ Галловъ.

ни двухъ только его оруженосцевъ. Богатырь приближась поздравилъ Короля Аварскаго съ побѣдою, и донесъ ему въ короткихъ словахъ, что онъ не разсудилъ за благо оставишь изъ войска Римскаго никого, кромѣ Камилла съ двумя его оруженосцами. Киганъ обнялъ его и благодарилъ съ дружескими выраженіями за оказанную помощь, или лучше сказать, за сохраненіе короны своей обще съ жидію, и его возлюбленною Свѣшаною. Скромный богатырь не присвоивалъ себѣ ничего, какъ только что онъ довершилъ почти исполненное уже Кородемъ, его другомъ. Нѣтъ, храбрый Булатъ, говорилъ Киганъ, усугубляя свои обѣщанія, ты удержалъ двоекранно жизнь мою, ты увѣнчалъ мое сердце возвращеніемъ моей возлюбленной, безъ тебя была бы она плѣнницею, а я погибъ бы съ моимъ государствомъ. Послѣ сего вручилъ богатырь Королю плѣнннаго Камилла, который послалъ его подѣ спражею въ свою

сно.

стволицу, и повелѣлъ, возвѣстия Кня-
жнѣ о щасливо совершенной пре-
славнѣйшей побѣдѣ, приготовить тор-
жественную встрѣчу и все для ве-
ликолѣпнаго пиршества.

Аварскій Король, учиня распоря-
женіе о погребеніи мертвыхъ, предла-
галъ Булашу половину изъ коры-
стей, найденныхъ въ воинскомъ Ри-
млянѣ сщнѣ, но сей не принялъ
ничего, а удовольствовался только
на знакъ сей битвы собрать зла-
шныя кольца съ першовъ побитыхъ
благородныхъ Римлянъ, изъ коихъ
снялъ онъ себѣ иъкошорый родъ
перевязи и считалъ всегда оную
первѣйшимъ своимъ украшеніемъ.
Кигаиъ, взирая на множество побитыхъ,
говорилъ своему другу, чпѣ
онъ находилъ его въ особливомъ
защитеніи у Боговъ; ибо не можно
бы впрочемъ никому остаться
живу, сражаясь съ цѣлымъ войскомъ
искусныхъ ратниковъ. Булашъ, твер-
до вѣряцій въ провидѣніе небесъ,
былъ съ нимъ въ эшомъ согласенъ.

Въ

ВЪ самомъ дѣлѣ богатырь сей погибъ бы, естлибѣ прозорливый Кабалистъ Роксоланъ, узнавшій про разоспанные ему отъ адскихъ Князей сѣщи, и видящій, что онъ неминуемо упадетъ въ оныя, и для того онъ при сущеніи его съ кола предъначашемъ сраженія прилетѣлъ на своемъ самолетающемъ коврѣ, и облилъ его таинственною водою изъ зланиаго сосуда, кошорая тѣло его учинила безвредно отъ всякихъ поражений оружія. — Булашъ, услышавъ сіе повѣствованіе Аспулфо, началъ приносить благодарность своему покровителю за одолженія, коихъ онъ до того времени не вѣдалъ; но Роксоланъ прервалъ оное и принуждалъ его внимать все происходящее въ чертогахъ Царя Дѣвицы. — Аспулфъ продолжалъ. По исполненіи всѣхъ распоряженій Король Аварскій шествовалъ торжественно въ свою столицу, имѣя у себя по правую руку своего друга и избавителя богатыря Рускаго.

скаго. Воины, составляющіе сей ходъ, почти всѣ заняшы были несеніемъ трофеевъ; споль много оныхъ ошняшо и споль велико было число Римскихъ легионовъ! Княжна Свѣтана встрѣтила побѣдителей за городомъ со всѣми вельможами и народомъ. Радостныя восклицанія наполняли воздухъ; всюду слышны были похвалы Королю Кигану, Свѣтанѣ и Булашу; жертвенники, курились во всѣхъ храмахъ, и жрецы по внушрениимъ живописныхъ прорицали о благоволенія Боговъ къ народу Аварскому и Косоужскому. Когда Киганъ входилъ съ Свѣтаною въ первенствующій храмъ, Булашъ, оспановя ихъ и созвавъ всѣхъ вельможъ и полководцевъ, требовалъ отъ нихъ награжденія себѣ. Всѣ изумились и не понимали, что значить будущъ желанія богатыря, отказавшагося отъ участвованія въ прибрѣтешныхъ корыстяхъ. Я желаю, чтобъ двѣ вещи оставлены были на мою волю, сказалъ Булашъ; чтобъ одна изъ оныхъ совершилась въ сей часъ,

и

и чтобъ Король далъ мнѣ на сіе обѣщаніе. Киганъ каялся ему во всемъ, примолвя, что другъ его по извѣстнымъ своимъ добродѣтелямъ не можешь претбовать вещей невозможныхъ. — Да! подхващилъ Булатъ; я ничего на первый разъ не хочу, какъ прибавить радости, и чтобъ въ сей благополучный часъ Король Аварскій вѣнчанъ былъ на Княжество Косожское, и сочепанъ бракомъ съ наследною онаго Княжною. — Любящаяся чеша не противилась предложенію, составляющему наилучшее изъ ея желаній. Вельможи Косожскіе, хранившіе корону и прочія утвари убишаго своего Государя, приспустили къ Кигану и просили принять оныя съ рукою ихъ Государыни. И шакъ Король Аварскій, вошедшій въ храмъ благодарить Боговъ за побѣду, вышелъ изъ онаго Княземъ Косожскимъ и супругомъ возлюбленныя своей Свѣтаны. Торжества и радость народа усугубились; всѣ были велико-
лѣдно

лѣпно угощаемы, а особливо новые подданные Косоги, и Булашѣ, любящій праздновать, оживляя всѣхъ своимъ примѣромъ.

На другой день шоржества, когда вельможи и военачальники пришли съ поздравленіемъ и подарками къ новобрачнымъ своимъ Государямъ, Булашѣ пререовалъ, чтобъ въ сходственность даннаго ему обѣщанія плѣненный Камиллѣ разрѣшенъ былъ изъ оковъ и участвовалъ при Королевскомъ пиршествѣ. Киганъ сему не противорѣчилъ, но нѣкоторые изъ ближнихъ боярѣ явно противу сего возражали. Возможно ли дѣло, говорили они, допустить врага и плѣнника къ шаковой чести? — Для чегожъ бы нѣтъ, подхватилъ богатырь шаковому великому полководцу, каковъ Камиллѣ, гораздо больше оказано будетъ чести, еслили содержать его подъ стражею. Онъ можетъ подумать, что это опасаясь. — Исполните мою прозъбу, Король Аварскій, продолжалъ онъ, обращаясь

шясь къ Кигану ; я желаю , чтобъ Камиллъ былъ призванъ , и чтобъ сей же часъ рѣшено было о судьбѣ его. Король долженъ былъ сдержать свое слово. Камиллъ приведенъ и по снятіи оковъ ошлся въ большей залѣ Дворца , между шѣмъ , какъ Король съ Булашомъ и шайнымъ своимъ совѣшомъ изшелъ для совѣщанія.

Богатырь Рускій опять предложилъ Королю , чтобъ рѣшено было о судьбѣ Римскаго военачальника. Я отдаю сіе въ собственную твою волю , сказалъ Король. Булашъ благодарилъ за оное , но хотѣлъ , чтобъ учинено было оное съ общаго согласія всего совѣща , и требовалъ вельможъ объявить свои безпристрастныя на то мнѣнія. Тогда голоса начались , но ни одинъ изъ нихъ не былъ благопріятствующъ Римлянину , ни богатырю , его побѣдившему : одинъ совѣщовалъ казнить Камилла всенародно ; другой хотѣлъ , чтобъ выколошны были ему
глаза ;

глаза; прешій предлагалъ содержать его вѣчно въ заключеніи подѣ предложомъ, чшобѣ шоль опасный полководецъ не могѣ впредѣ опечесшву ихѣ вреда причиняшѣ, и сѣ симѣ послаѣднимѣ мнѣніемѣ согласились всѣ прочіе. — Я опровергаю ваше заключеніе, государи мои, говорилъ богашырь. Я именемѣ Короля вашего объявляю Камилла свободнымѣ. — Какѣ! почему? возможно ли, вскричали вельможи сѣ ропшаніемѣ? Я докажу вамѣ, ошвѣчалъ Булатъ, что несравненно выгоднѣе для государшва Аварскаго освободитѣ его. Вообразите прилѣжно о слѣдствіяхѣ, каковыя должны будущѣ произойши въ случаѣ, ешълибѣ Камиллѣ былѣ казненѣ, или содержанѣ въ заключеніи. Вамѣ извѣсна сила Римскаго государшва; они могутѣ поспавишѣ десять шаковыхѣ рашей, каковую здѣсь поперяли; они имѣютѣ въ нѣдрахѣ своего опечесшва много Камилловѣ, шо гордостѣ Римская, привыкшая подавашѣ свѣшу законы,

Часть IX.

Д

не-

не сочтешъ ли за необходимое мстить вамъ наигорчайше за безчестіе своего полководца? не успремшя ли она всѣми силами освободить его въ случаѣ зашоченія и не подвергнется ли чрезъ то держава Аварская раззорительной войнѣ, а можешъ бышь и конечному своему паденію? Но освобожденный Камилла въ свое ошечество почтеніе къ великодушію своихъ непріятелей, ужасъ о его оружіи, и не увѣришь ли своихъ единоплеменцевъ, что съ столь опаснымъ народомъ должно искать союза, а не вражды. Не справедливо ли, почтенные вельможи, что надлежитъ дать Камиллу свободу и что несравненно выгоднѣе согласишься вамъ на мое предложеніе? — Вельможи признались въ неосновательности своихъ мнѣній и просили своего Государя о одобреніи желанія славнаго Булапа. Король вмѣстѣ оцѣвѣта обнялъ своего друга и просилъ, чтобъ онъ взялъ себѣ честь объявить свободу Римскому полку.

полководцу. Камиллѣ , предчувствовавшій , что совѣщаніе оное до него касалось , ожидалъ рѣшенія судьбы своей съ достойнымъ Римлянина равнодушіемъ. — Послушай, Камиллѣ , говорилъ , подспуная къ нему, Булашѣ ; ты, не взирая на славу своего имени и званія , долженъ дать опчетъ въ швоемъ поступкѣ прошиву Короля Аварскаго и самъ изрещи приговоръ свой. — Жребій оружія предалъ меня его волѣ , опвѣчалъ Камиллѣ ; онъ можешъ расплагашъ о мнѣ по праву своего счастья ; но не пребуй , храбрый мой побѣдитель , чшобъ я говорилъ прошивно человеческой природѣ. Довольно , что я павникъ и что сей павникъ Римлянинъ. — Но что бы ты учинилъ , продолжалъ Булашѣ , ешьлибъ ты былъ Король , ешьлибъ кто нибудь прислалъ требовать отъ себя ушупки обрученной швоей невѣшты , и наконецъ , на есши раззореніе областямъ швоимъ , попался бы къ тебѣ въ павнѣ ? —

Д а

Да ,

Да, отвѣчалъ Камиллъ, я признаюсь, что не легко бы простилъ ему подобный поступокъ. — Познай же, сказалъ богатырь, что Римляне не могутъ у Славянъ выиграть ни въ храбрости, ни въ великодушii. Король Аварскій объявляешь себя свободнымъ; ты получишь коней и приспойное число служилыхъ и можешь завтра вѣшать въ свое отечество. Онъ дѣлаетъ еще больше: онъ оставляетъ тебя на волю, продолжаешь ли войну или оставишься союзникомъ его государству, дабы Римляне подумавъ не могли, что Славяне ищутъ ихъ дружбы. — Сего много, вскричалъ обрадованный Камиллъ, обращаясь со униженiемъ къ Королю Кигану; я двоекратно побѣжденъ тобою, великодушный Король, и признаюсь въ несправедливости моего поступка, признаюсь, что успѣхи прежнихъ побѣдъ моихъ меня ослабили, но ты освободилъ меня отъ моей безразсудной гордости. Вижу я, сколь не-

невыгодно Римлянамъ вести съ Государемъ, тебѣ подобнымъ, и съ народомъ, кѣмъ ты обладаешь, войну. Почему по полномочию моему предлагаю отъ имени моего отечества вѣчный миръ, еслили только оный Государь не отвергнетъ. — Король Аварскій принялъ сіе предложеніе безъ гордости и съ видомъ, что не считаетъ оное за особенное благополучіе. Онъ оставилъ Камиллу написать условія, и сей включилъ въ грамоту безпристрастно всѣ причины, принудившія Римлянъ заключить вѣчный союзъ съ Славянами.

Такимъ образомъ Булатъ умѣлъ побѣдить вратовъ своего дуга и учинить изъ оныхъ доброжелательныхъ союзниковъ своимъ единоплеменникамъ. Пиршество началось съ живѣйшимъ веселіемъ; Камилла въ ономъ участвовала, и по нѣсколькихъ дняхъ одаренный отъѣхалъ въ свое отечество, а Булатъ остался шутъ до окончанія празд-

празднества, и послѣ обыкновеннаго
мѣсячнаго ошдохновенія отправился
въ свое отечество. На пути къ
оному имѣлъ онѣ многіе маловажные
поединки съ разными богатырями,
и прибылъ наконецъ въ столицу
Рускаго Князя Видимира. — —

Послѣ сего Асшулфъ рассказы-
валъ Царю Дѣвицѣ оспашокъ при-
ключеній Буашиновыхъ, о коихъ чи-
татель уже извѣстенъ съ начала
сей повѣсти.

Теперь разсудите, продолжалъ
духъ, основательна ли угрожающая
вамъ опасность. Богатырь, просла-
вившійся своею силою и храбростію,
успѣхами своихъ покушеній, при-
выкшій повергаться въ величайшія
опасности, который имѣетъ непо-
бѣдимое оружіе, и коего шло без-
опасно отъ пораженій, и покрови-
тельствуемый любимцемъ Чернобого-
вымъ, могущимъ Роксоланомъ, коне-
чно заслуживаетъ, чтобъ быть отъ
него осторожною. О семъ только я
и хотѣлъ сказать вамъ, больше сего
отъ

ещѣ меня не пребудете ; я не имѣю силъ вспомошествовать вамъ. Неоднократно я покушался на Булаша, и всегда поражаемъ былъ молніею, исходящею изъ его дубины. Ашулфъ, сказавъ сіе, исчезъ, оставя Царь Дѣвицу въ изумленіи. Она прибѣгла къ своей чародѣйной книгѣ, а зеркало Роксоланово не хотѣло больше ничего показывать : оно покрылось мракомъ и занавѣсь надъ нимъ самъ собою опустился.

Послѣ сего дѣйствія Кабалистъ отвелъ богатыря въ залъ, гдѣ стоялъ ищуканъ Черноботовъ. Булашъ, познавшій въ немъ первѣйшаго покровителя всехъ своихъ подвиговъ, приносилъ ему искреннюю благодарность и просилъ о продолженіи столь нужнаго его покровительства. Да, любезный мой Булашъ, отвѣществовалъ Роксоланъ ; я нахожу двойную выгоду обѣщая тебѣ любовь мою. Впервыхъ, что ты по воспитанію, отъ меня полученному, можешь назваться моимъ

сыномъ ; а вѣпорыхъ , что пред-
опредѣленіе швое составляетъ услугу
нашему опечеспву. Ты конечно воз-
вратишь вѣнецъ Русовъ , еспьли шоль-
ко свяню сохранишь мои наставленія.
Я не опасаясь , чтобъ могли пред-
споящія опасности поколебать швою
испытанную опважностъ ; но страш-
но для меня , чтобъ природа и
прелести Царя Дѣвицы не нанесли
тебѣ многихъ бѣдствій. Вѣдай , что
хотя шы и получишь вѣнецъ Ру-
совъ , но несказаннымъ подвергнешь-
ся напастямъ , еспьли зрразы кра-
савицы воздѣйствуютъ надъ шво-
имъ сердцемъ. Мнѣ не можно оп-
крыть тебѣ подробно предѣидушаго
и могущаго съ шобою случиться , но
скажу шолько , что здравый рассу-
докъ долженъ быть вожемъ шво-
имъ на всякій случай. Посему не
начинай ничего , не расположа при-
лѣжно о слѣдствіяхъ предпріяшя ; а
для шого сохраняй разумъ свой въ
чистотѣ , и во все время швоего
подвига не помрачай онаго крѣпки-
ми

ми напипками. Между шѣмъ надѣйся, что въ крайнихъ опасностяхъ пы всегда будешь имѣшь мою помощь, естли только я въ силахъ буду подкрѣплять тебя; ибо есть случаи, въ коихъ никакая человѣческая крѣпость, никакое знаніе не въ состояніи подашь защиты. Послѣ сего Кабалистъ принесъ жертву великому Черлобогу; и наполнивъ златый сосудъ водою, читалъ въ копоры молитвы, силою коихъ вода по многомъ коловращеніи обратилась въ красноватую влажностъ. Сею Роксоланъ помазалъ чело и грудь богатыря, и наполнивъ оною небольшой златый сосудецъ, вручилъ ему. Дѣйствіе сей чудной влажности, говорилъ Кабалистъ Булашу, познаешь ты во многихъ случаяхъ; она есть особливый даръ Боговъ, только избраннѣйшимъ изъ смертныхъ сообщаемый. Когда отъ чего нибудь начнешь ослабѣвать пвой силы, возьми къ ней свое прибѣжище. Впрочемъ препоручаю тебя

въ покровительство Боговъ ; иди съ миромъ ; уже начинаюшъ безпокоишься о своемъ опсушствіи.

Богатырь, учинивъ колѣнопреклоненія предъ испуканомъ Чернобоговымъ , проси́лся съ своимъ благодѣшелемъ и шествовалъ къ мѣсту, гдѣ оставилъ онъ свою ладію. Онъ встрѣтился со многими своими сопушниками , ишедшими искашь его, возвратился на судно ; и какъ уже буря премѣнилась , то повелѣлъ онъ поднятъ вѣтрилы и предаться на волю вѣтра , который и понесъ ихъ въ открытое море. Ожидается , что Боги , покровители Русовъ , управляли симъ плаваніемъ ; ибо по прошествіи малыхъ часовъ усмотрены берега , а чрезъ встрѣтившихся рыболововъ познано , что оныя суть оспрова Бритскіе. Булашъ , замѣтившій въ своей памяти видѣнное въ шаниственномъ зеркалѣ , довольно былъ свѣдущъ о положеніи оспрова , гдѣ обитала Царь Дѣвица , и повелѣлъ кормчему взвести ладію въ закрытую

шую

ную дѣсомѣ приспанъ , по близости отѣ столичнаго города. Тамо вышли всѣ на берегѣ и принесли жершву Богамѣ, хранишелямѣ острова.

Между шѣмѣ Царь Дѣвица, призывая всѣхѣ подвластныхѣ ей духовѣ, узнала, что не можешѣ ожидать отѣ нихѣ ни малой помощи. Она вѣдала, что никакая естествошвенная сила не вѣ состоянїи прошивишья крѣпости богашыря Рускаго; и для того, оставя полагашься на могущество своей стражи, прибѣгла кѣ хитрости. Она османила городѣ и дворецѣ только сѣ обыкновеннымѣ прикрышїемѣ, и помышляла соснанишъ напитокѣ, коимѣ бы лишитѣ богашыря чувствѣ, и потомѣ зашочитѣ его вѣ твердую башню, или, взирая на обшюяшельства, и жизни лишитѣ. На сей конецѣ изобрѣла она порошокѣ, имѣющїй силу приводитѣ вѣ сонѣ челошвка, ешья данѣ оный будешѣ вѣ какомѣ нибудѣ напитокѣ, и украшашься ежедневно лучшими своими уборами.

рами, ожидала прибытія Булашова. Сей оставилъ своихъ сопутниковъ, и въ провожаніи одного нѣско- оруженосца Видиминова Улада, испросившаго у него дозволеніе быть зрителемъ его подвиговъ, пошелъ къ столичному городу.

Другъ мой, говорилъ богатырь Уладу! я хвалю твою неустрашимость, что ты въ столь юныхъ еще лѣтахъ подвергаешь себя со мною почти извѣстной опасности. Но вѣдай, что во въ отважнѣйшія предпріятія оканчивающіяся неудачою оубо того только, что меньше представляють себѣ встрѣчающіеся ужасы; нежели каковыми оныя намъ кажутся. Въ самомъ дѣлѣ я неоднократно испыталъ, что страшная вещь издали претяетъ быть таковою; когда къ оной приближишься. — Да, сударь, оубѣчалъ Уладъ; слѣдуя за вами, конечно я такъ разсуждашь долженъ; но я хотѣлъ бы посмотришь, чтобъ сіе войско лешащихъ змievъ не могло быть

бышь споль ужасно вблизи. —
 Бухашъ, оглянувшись въ сторону,
 гдѣ оруженосецъ примѣтилъ чудо-
 вищъ, въ самомъ дѣлѣ усмотрѣлъ
 болѣе, нежели при ста великихъ змѣ-
 евѣ, лещащихъ опѣ берега въ откры-
 тое море. Зрѣлище сіе было споль
 страшна, что сполько Булату не
 слѣдовало радоваться о удаленіи
 ихъ въ другую сторону. Онъ на-
 чалъ ихъ приближе разсматривать
 и разобралъ, что шо были водород-
 ныя суда совсѣмъ особливаго и не-
 виданнаго еще построенія, управляе-
 мыя однимъ вѣтромъ, безъ помощи
 веслъ и сполько образъ вида оныхъ съ
 напаянутыми вѣтрилами предшавлялъ
 издали совершенно лешучими змѣ-
 ями. Булатъ объяснилъ свое откры-
 тіе Усладу, примолвя: замѣшь сіе
 для предвѣдущихъ случаевъ. Те-
 перь мы разумѣемъ, что войско кры-
 латыхъ змѣевъ у Царя Дѣвицы
 состоишѣ единственна въ изрядномъ
 мореходномъ флотѣ, съ каковымъ
 нешаково опасно сражашься, какъ
 съ

съ чудовищами; можешъ бышь и
окружающій сполічний городъ змій
вблизи премѣнился въ какое ни-
будь естественное обстоятельство.
— Между шѣмъ они шли.

Вы уменьшили мой страхъ, ска-
залъ Уладъ Булашу, тогда какъ
уже подвинулись они на немалое
разстояніе къ городу; я совсѣмъ
другими глазами потерялъ изъ виду
удаляющійся флотъ, нежели како-
выми взглянулъ на него сначала;
но что вы скажете мнѣ про сіе ве-
ликое шѣло, окружающее городъ
сей? Не лзя сомнѣваться, чтобъ не
былъ шо оный великій змій, обле-
гшій всю столицу и держащій ко-
нецъ хвоста своего въ зубахъ у
себя, о кошоромъ я довольно наслы-
шался. — Мы узнаемъ истинну
слуха сего вблизи, ошвѣчалъ бо-
гашырь. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ
болѣе они шли, шѣмъ явственнѣе
ошкрывался имъ обманъ, разсѣян-
ный слухомъ. Предметъ, казавшійся
имъ великимъ зміемъ, былъ щолько
ка-

каменная стѣна, обведенная во-
кругъ всея столицы; и какъ у
Русовъ шакобыхъ не созидали еще
въ тогдашнія времена, а всю важ-
ность крѣпостей составляли деревян-
ные оплошны и природная природа
храбрость, но и не удивительно, что
Усладъ издали счелъ стѣну
за стѣно великаго змѣя. Находя-
щееся во вратахъ крѣпости ополче-
ніе копіеносцевъ прилично могло
быть примѣнено къ острымъ зу-
бамъ, порчащимъ во главѣ мнимаго
чудовища, пожирающаго всѣхъ вхо-
дящихъ безъ дозволенія владѣтель-
ницы въ ея столицу. Но въ сей
разъ справа, имѣющая повелѣніе
отъ Царя Дѣвицы, готовящейся
низложить силу хитростью, не сра-
жась съ богатыремъ Рускимъ,
удовольствовалась только спросить
Булаша о имени и допустила ему
свободный входъ. Богатырь шелъ по
длиннымъ улицамъ, соснавающимся
изъ порядковъ огромныхъ домовъ,
не занимаясь оныхъ великолѣпіемъ.

Слава

Слава вела его стопы во Дворецъ хищницы вѣнца Русова, чшобы скорѣе совершить подвигъ, который она ему предопредѣляла. Гдѣ чаялъ онъ найши враговъ и гдѣ руки его гошovy были къ пораженію, шамъ вспрѣчалъ онъ миролюбивый народъ, оказывающій ему почести. Тѣлохранищели, расположенные во входахъ вѣ Царскій замокъ, очищали для него пушь; вридворные отворяли ему двери, и удивленный богатырь, оставя Улада вѣ переднихъ покояхъ Дворца, прошелъ свободно до внутреннихъ чершоговъ Царя Дѣвицы.

Женщина, приготошвившаяся побѣдигъ мужшину своею хитростію, и кромѣ чародѣйной науки дозволено имѣетъ средствъ къ достиженію своего намѣренія. Царь Дѣвица вспрѣшила богатыря во всемъ сіяніи красошы, каковое шолько могла она имѣть ошъ заразъ цвѣшущаго возраста и ошъ дарованій природы, подкрѣпленныхъ искусствомъ, чшобъ при-

ли-

личными уборами возвысиль блескъ ея: правильныя чершы лица, нѣж-
нестъ шѣла, віющіеся и въ кудряхъ
по спройному стану разсыпающіеся
русые волосы, и служащіе бѣлѣйшей
снѣга кожѣ вмѣсто шѣни, величе-
сшвенная выступка, сопровождае-
мая пронзительнымъ взоромъ изъ
голубыхъ и управляемыхъ пламе-
немъ любви очей были вспрѣчи, къ
коимъ богашырь Рускій себя не прі-
угошовилъ. Онъ возчувствовалъ дѣй-
ствіе ихъ въ своемъ сердцѣ; одна-
кожъ иройская душа его довольно
еще имѣла твердосши, чшобъ удер-
жать въ памяти предпріятіе, для
коего онъ шествовалъ. — Я по-
знаю въ тебѣ непобѣдимаго Булаша,
слазала Царь Дѣвица съ взглядомъ,
могущимъ всякаго мужчину прину-
дитъ позабыть о храбрости; да, сіи
богашырскія чершы не могутъ обма-
нывать; сіи доводы славныхъ по-
двиговъ подкрѣпляютъ мои понятія;
такъ, я увѣрена, что въ сей день
имѣю щастіе угостить у себя ироя,

Часть IX.

М

при-

приведшаго весь свѣтъ въ удивленіе
 своими славными дѣлами. — Вы
 не ошиблись, прекрасная Царь Дѣвица,
 опивѣчалъ богатырь; точно я Бу-
 лашъ Рускій, кромѣ того только,
 что намѣреніе посѣщенія моего спо-
 лицы вашей можетъ быть не столь
 приятно для васъ будетъ, какъ вы
 ожидаете, и при прощаніи съ вами
 я не надѣюсь, чтобъ проводили вы
 меня тѣми милоспивыми взорами,
 каковыми я встрѣченъ, словомъ
 сказать, вѣнецъ Русовъ содержитъ
 въ себѣ судьбу моего опечесства, и
 для того весьма неприлично, чтобъ
 служилъ оный только къ просщому
 вашему украшенію. — О! это не
 полагаешъ никакого препяшствія
 удовольствію моему въ угощеніи
 васъ, подхватила Царь Дѣвица съ
 припворнымъ спокойствомъ духа. Ты
 самъ признаешься, что тогда опе-
 чесство швое недостойно было хра-
 нить сей небесный даръ въ своихъ
 нѣдрахъ, когда я онымъ завладѣла;
 былъ ли тогда достойный Государь
 къ

къ ношенію онаго? вельможи забывалия своекорыстіе и прилѣплялись ли, какъ сыны опечесства, къ общему благу? словомъ, была ли храбрость Булашова, подкрѣпляющая благоденствіе страны своей? . . . Вѣрь мнѣ, что я признашельна, и охотно уступлю мнѣ ненадлежащее, и не шокмо сей вѣнецъ, но и всѣ сокровища, дославшіяся мнѣ по праву войны; однакожъ на условіи, чтобъ сей день вы приняли угощеніе и не помышляли ни о какихъ намѣреніяхъ, кромѣ веселосшей; а ввечеру я позволяю вамъ снять съ головы моея вѣнецъ Русовъ. —

Хотя для богатыря, помышляющаго о одной шолько славѣ, и не могли бытъ пріяшны таковыя предложенія, но прелести успѣхъ, изъ коихъ излещали шоль ласковыя приглашенія, дѣйствовали надлежащимъ образомъ. Богатырь, упражнявшійся шолько въ оружіи, не имѣлъ времени навикнуть въ обращеніи съ женщинами, и природа съ своей стороны

помогла къ забвенію насшавленій его
 благодѣтеля Роксолана : онѣ согла-
 сился бытъ покорнымѣ, и занялся
 полько воображеніями красоты, коею
 овладѣтъ не находилѣ великихѣ за-
 прудненій. Пронырливая Царь Дѣ-
 вица умѣла соединитѣ изобиліе и
 великолѣпіе съ искусствомѣ: слу-
 жебные духи въ видѣ придворныхѣ слу-
 жипелей накрыли столѣ во вну-
 шреннихѣ черпогахѣ. и наполнили
 оный избраннѣйшими ѣствами, ка-
 ковыя полько могутѣ почесться рѣд-
 костію во всѣхѣ чепырехѣ спранахѣ
 свѣша ; пошомѣ напишки принесены
 въ злапыхѣ сосудахѣ, и богапырь
 съ хозяйкою оставлены наединѣ.
 Обращеніе ихѣ становилось опѣ часу
 живѣе; богапырь воздерживался питѣ,
 опговариваясь, что онѣ ничего хмѣль-
 наго не упошребляетѣ; однакожѣ на-
 послѣдокѣ согласился всякую чашу
 опоражнивашѣ пополамѣ съ хозяй-
 кою ; ибо уповалѣ, что сіе послу-
 житѣ ему къ удобнѣйшему дости-
 женію конца въ предпріятіи, распо-
 лагая,

лагая, что крѣпость напишковѣ вскорѣ лишитѣ Царя Дѣвицу чувствѣ. Въ самомѣ дѣлѣ она упала безѣ памяти на софу; но и Булашѣ, непримѣнно испивши всыпанный въ сосудѣ порошокѣ, началѣ ослабѣвать во всѣхѣ членахѣ; сонѣ клонилѣ его жестоко. Все погибло бы, и храбрый Булашѣ отѣ невоздержности поперялѣ бы свободу, или и самую жизнь, естлибѣ благодѣшельствующій ему Кабалистѣ шайнственнымѣ присущствіемѣ не вложилѣ ему въ мысль о его опасности, и не привелѣ въ наминаніе помощь, каковую можно ему получить отѣ злаго сосуда. Булашѣ воспрянулѣ какѣ бы отѣ безумія; вспомнилѣ о завѣщаніи Роксолановомѣ, воздрогнулѣ о своей опасности и пошчасѣ раскрылѣ злшый сосудецѣ. Благовоніе, изшедшее изѣ онаго, коснулось его носа и произвело жестокое чханіе, которое въ нѣсколько минутѣ освободило его голову отѣ онягчавшихѣ оную паровѣ и уничтожило дѣйствіе чародѣйнаго по-

рошка. Первое дѣйствіе Булашова по пришествіи въ память состояло въ томъ, что онъ бѣжалъ въ покой, гдѣ Царь Дѣвица хранила свою чародѣйную книгу, разорвалъ оную въ мѣлкіе лоскушки и уничтожилъ всѣ ея прочія адскія орудія. Пошомъ, уже считая себя въ безопасности отъ сверхъестественнаго нападенія, пренебрегалъ всѣ прочія и множество равныхъ ему человекѣ, и шелъ къ лежащей безъчувствѣ хищницѣ вѣнца Русова. Онъ сорвалъ оный съ головы ея, и обвивъ въ чистый плашъ, положилъ въ свою дорожную суму. Но тогда представило ему новое искушеніе: онъ взглянулъ на Царя Дѣвицу, лежащую въ пріятнѣйшемъ безнорядкѣ: ослабленныя нервы собрали кровь подъ тончайшія часши кожи и произвели колеблющійся розовый пламень на ея щекахъ; вздымающаяся сильнымъ движеніемъ грудь нечувствительно оборвала засшежки ея одеждъ и открыла пару райскихъ яблокъ, на
 кои

кои не можно было взглянушь, не почувствовавъ величайшаго побужденія оныя поцѣловашь; словомъ, всѣ предметы были очаровательны, все привлекало къ восхищенію; вліянія Кабалистовы успунили природѣ: храбрый богатырь забылъ все, и . . . опамятовавшись позналъ, что онъ худо слѣдовалъ завѣщанію своего покровителя.

Замѣшательство и стыдъ окружили его, понятіе о преступленіи угрожало ему послѣдствіемъ всѣхъ бѣдствъ; смѣлость его ослабла, и онъ не отважился уже возвращаться шѣмъ путемъ, которымъ шелъ, но оставя Улада собственной его участи, бѣжалъ къ морской споронѣ Дворца, и выбросясь въ окно, поплылъ въ ту спорону, гдѣ чаялъ найши своихъ соповарицей. Если ли измѣнила ему его храбрость, поражаемая робостными предразсудками, но не оставила еще врожденная ему сила, и онъ благополучно доплылъ къ своей ладіи. Поспѣшно

удаляйся, кричалъ онъ поропно къ кормчему; ешьли я и возвращаюсь съ-побѣдою, но Уладъ погибъ и всѣ мы предшоимъ великой опасности: мое преступленіе... Не медли, поспѣшай плаваніемъ! — Кормчій повиновался; вода зашумѣла подъ веслами, и ладія вскорѣ удалилась изъ виду отъ береговъ Бришскихъ.

Испинно шо, что ни одинъ человекъ, какими бы предразсудками ни удерживалъ себя въ предѣлахъ добродѣтели, не можетъ предохранить себя въ неопшпленіи отъ оныя. Свѣшъ, спеченіе случаевъ, чувства природы, сложеніе, сущъ встрѣчи, отводяція насъ отъ нашихъ вознамѣреній. Мы часто дѣлаемся преступниками, не вѣдая и начала, коимъ образомъ внали въ преступленіе. Булатъ конечно не пожелалъ бы, чтообъ произошли неудобства въ печеніи славнаго его подвига; онъ швердилъ безпрешанно завѣщанія Роксолановы, и не думалъ, чтообъ что либо могло въ немъ оныя нарушить; однако

однако бывають минушы, вѣ ко-
шорыхъ и ирои не больше какъ цело-
вѣки. Богатырь укорялъ себя своею
слабостию и гошовился выдержашъ
нещастія, угрожающія ему по пред-
сказанію Кабалиста; онъ жалѣлъ
пожмо о томъ, что сіи продляшъ
возвращеніе его опечесшву досповѣр-
наго благоденствія чрезъ вѣнецъ
Русовъ. По крайней мѣрѣ онъ воз-
намѣрился погибнушъ, или сохранилъ
сію свящину посреди всѣхъ своихъ
бѣдствій. Между шѣмъ ладія при-
стала для опдохновенія къ нѣко-
шорому острову.

Едва только Булашъ съ нѣ-
сколькими изъ своихъ спущниковъ
выступилъ на берегъ, кормчій за-
кричалъ, что онъ видилъ летящихъ
къ нимъ множество крылатыхъ змі-
евъ. Это погоня за нами отъ
Царя Дѣвицы, опвѣчалъ богатырь,
спараясь сколько можно внушишъ вѣ
своихъ людей смѣлосшъ, и обьясня
онимъ, что сіи зміи не иное что,
какъ только вооруженный Бришскій
М 5 флотъ,

флотъ, однако никто не смѣлъ полагаться на слова его, и лучше вѣрили глазамъ кормчаго. Молва о чародѣйствѣ владѣтельница Брисской наполняла всѣхъ единымъ ужасомъ. Тщешно богашырь принуждалъ всѣхъ сокрышся во внутренности острова, обѣщая одинъ уничтожить силу своихъ непріятелей. Никто ему не вѣрилъ, спрахъ изгналъ изъ нихъ повиновеніе, всякъ за лучшее находилъ бѣжать на уходѣ въ ладіи; въ смященіи бросались за первымъ, вскочившимъ на судно, принимались за весла и отвалили отъ берега, оставя на ономъ Булата, ожидавшаго, что подчиненные ему не могутъ учинить прошиву его таковой дерзости. Онъ покорился своей участи, считая оную первымъ себѣ наказаніемъ, и съ жалостію ожидалъ, что безъ помощи его ладія истреблена будетъ великимъ Бришскимъ флотомъ.

Ожиданіе его было справедливо; плавающія на вѣтрилахъ подобно вихрю

закрю суда Бришскія усмотрѣли ладію, погнались за оною, догнали и въ виду острова попопили оную бросаніемъ изъ пращей великихъ камней. Булашъ горѣлъ досадою и мщеніемъ, но не могъ подашь никакой помощи несчастнымъ своимъ единосемцамъ, и былъ шолько со-страдающимъ зрителемъ ихъ гибели. Онъ видѣлъ, какъ спарались между ушопаящими сыскашь хищника чести своей Государыни, какъ должно думать, для отвлеченія на жестокою казнь; и такъ, не нашедъ желаемого, всѣхъ побили копіями и стрѣлами. По совершеніи сего Флотъ возвратился и плылъ прямо къ острову, на коемъ находился Булашъ. Сей, кипя мщеніемъ, досадовалъ, что противный въпрѣ препятствуетъ доплышь непріятелямъ его къ берегу, и что шѣмъ лишается онъ средства употребить прошиву ихъ свое оружіе. Гнѣвъ приводилъ его въ изступленіе; онъ ударилъ самъ себя рукою въ грудь и жестокостію сего

сего пораженія сшибъ крышку съ златаго сосуда, даннаго ему Кабалишомъ, который онъ носилъ повѣшенный на груди своей. Едва сіе произошло, какъ изъ сосуда выскочилъ подобный молніи пламень, и вѣяся быспрыми вихрями, понесенъ былъ вѣтромъ прямо на суда враговъ Рускихъ. Въ нѣсколько мгновеній ока сіи ужасные виды лешучихъ змievъ, или лучше сказать водоходныя громады, обьясны были огнемъ и обращены въ пепелъ со всѣми на нихъ бывшими.

Булашъ радовался, что само небо опмсшило погибель его соопчицей; но съ другой стороны оспался безъ всякой надежды къ возвращенію въ свое опечество. Оспровъ, на которомъ онъ находился, казался ему необитаемый; песокъ, каменистыя горы и сухая права составляли дно онаго. Не было ничего вѣрнѣе, что храбрый Булашъ умреть шушъ съ голода. Всякъ бы, кромѣ его, предался жесточайшему опчаянію,

нію , но Булашъ пошелъ во внутрен-
ность оспрова. Въ нѣсколько часовъ
исходилъ онъ его вдоль и поперегъ ,
не нашедъ ничего удобнаго къ сво-
ему насыщенію ; по крайней мѣрѣ
сыскалъ узкій проливъ , отдѣляю-
щій оный оспровъ отъ другаго ве-
ликаго оспрова , или можетъ быть
и маперой земли. Богатырь рѣшил-
ся плыть ; бросился въ воду и
вскорѣ вышелъ на берегъ желаемаго
мѣста.

Хотя только одинъ узкій про-
ливъ отдѣлялъ отсюда оспровъ ,
но страна сія во всемъ имѣла про-
тивоположенія. Казалось , что шутъ
природа истощила всѣ свои щедро-
ты , коихъ лишила она близъ лежа-
щее мѣсто. Булашъ шелъ по пре-
краснымъ лугамъ , укрытымъ свѣ-
жею правою и испещреннымъ пы-
сячами родовъ благовонныхъ цвѣ-
шовъ ; по сторонамъ представлялись
ему зеленѣющіеся лѣсоочки , служа-
щіе убѣжищемъ неслыханному мно-
жеству пшичекъ , наполняющихъ
воздухъ

воздухъ пріятнымъ пѣніемъ ; всюду попадались ему плодовицыя деревья , и стоило лишь просянушь руку , чшобъ насыпиться разнообразными вкусами изобильныхъ даровъ природы . Не лзя ему было остано- виться и помыслишь объ отдохно- веніи ; ибо , приближаясь къ какому нибудь привлекательному предмету , бросался ему въ глаза иный еще привлекательнѣйшій . Шествуя ша- ковымъ образомъ , очутился онъ на пространномъ полѣ , покрытомъ мерт- выми человѣческими костями ; пере- ломанное , или заржавѣвшее оружіе , всюду разбросанное , показывало бывшее нѣкогда на мѣстѣ ономъ кровопролитное сраженіе . Во уеди- неніи оставляющъ человѣка всякія пристрастія и предающъ сердце его естествовымъ разсужденіямъ . Булашъ размышлялъ о суетности человѣческихъ дѣйствій , о ослѣде- ніяхъ мщенія и ложной славы , при- нуждающихъ ихъ ненавидѣть , гнать и убивать другъ друга , и можетъ
быть

бышь извлекѣ бы заключеніе, что
 нѣшѣ для нихѣ лучшаго, какѣ
 жить вѣ покоѣ, наслаждаться безѣ
 драки дарами природы и опказашь-
 ся навсегда отѣ всякаго оружія,
 кромѣ шого, коимѣ добываютѣ изѣ
 земли хлѣбѣ. Однако мы человекѣ
 несчастны, пошому что когда естѣ
 вѣ насѣ здравыя разсужденія, шо
 на свѣшѣ естѣ и встрѣчи, мѣщаю-
 щія намѣ слѣдовать совѣшамѣ раз-
 ума. Булашѣ увидѣлѣ богатыр-
 скую голову, валяющуюся вѣ без-
 чесшіи и лишенну погребенія. Вдругѣ
 философскія умствования исчезаютѣ
 вѣ головѣ его и наполняютѣ оную
 гнѣвомѣ; онѣ проклинаетѣ безчело-
 вѣчныхѣ побѣдителей, грозитѣ по-
 ступить сѣ ними еще безчеловѣчиѣе,
 есшѣли только окажущя онѣ на
 лицо, и приближается кѣ неща-
 снымѣ остаткамѣ своего богатыр-
 скаго собрата. Онѣ видитѣ испо-
 линскій ошавѣ, одѣтый бронею;
 долгоша времени, обнажившая кости,
 не лишила сію красоты ея: броня
 сіяла

сіяла отъ лучей солнечныхъ, и великій мечъ лежалъ вмѣсто возглавія подъ черепомъ богатырскимъ. Булашъ хотѣлъ оный выпацишь и употребить къ ископанію могилы, но испоща всѣ силы, не могъ пронуть съ мѣста голову, придавившую шягеспію своею мечь. Онъ удивлялся недѣйствию своихъ мышцъ и началъ опасаться о потерянніи ихъ крѣпости, какъ произшедшій неизвѣстно откуда голосъ остано-вилъ его и повергъ въ вящшее изумленіе, а потомъ въ радость. Богатырь Рускій! вѣщалъ ему голосъ невидимаго; оставь бесплодное покушеніе, и не мни, чшобъ безпримѣрныя швои силы шебя оставили, шолько мои превосходяшъ оныя; ты не можешь поднять сидящаго на главѣ богатыря Сидона охранительнаго его духа. Ты имѣешь при себѣ средство возвратить ему жизнь, а помышляешь зарыть его въ землю; испытай помощь златаго сосудца. — Голосъ умолкъ, и Бу-

Булатъ , учиня колѣнопреклоненія предъ безсмертнымъ существомъ, открылъ зланный сосудецъ. Въ то мгновеніе ока изшедшіе изъ онаго пары покрыли влажностію сухія коспи богашырскія. Булатъ со удивленіемъ взиралъ на живошворное оныхъ дѣйствіе ; онъ видѣлъ , какъ топовыя разрушились плѣніемъ коспи покрывались жилами, и какъ сіи, сплешаясь непонятными узлами, соспавляли шѣло. Но вскорѣ онъ лишился сего пріятнѣйшаго позорища : зланный сосудецъ испустилъ изъ себя огненные пары , кои, окружа шѣло, обратились въ непроницаемый облакъ. Булатъ не ужасался о участи шѣла Сидонова, и съ набожностію ожидалъ конца сему чрезвычайному явленію. Чрезъ нѣсколько мгновеній ока сильный чохъ разорвалъ облакъ , копорый поднялся на воздухъ и представилъ Булату встающаго съ земли богашыря прекраснаго и въ лучшемъ цвѣтѣ возраста. Не можно изобразить , каковымъ удовольствіемъ

Часть IX.

Н

емъ

емъ наполнилось Булашово сердце отъ чувствованія, что его посредство возвратило жизнь Сидону. Сей-
 потчасъ схватился своей брони, кою отвергло съ костей дѣйствіе божественныхъ паровъ, подбиралъ оную и свое оружіе, и возлагая оную на себя, благодарилъ Булаша за разбуденіе его отъ сна. Кто бы вы ни были, почтеннѣйшій богатырь, — говорилъ Сидонъ, — но я вижу, что вы съ дружескимъ намѣреніемъ возбудили меня отъ сна, овладѣвшаго мною посреди моихъ непріятелей. Будьте увѣрены, что я знаки вашей пріязни не пренебрегу воище, и вѣчно останусь вашимъ другомъ; я клянусь въ томъ моимъ оружіемъ. Сказавъ сіе, призывалъ онъ Боговъ во свидѣтельство своего обѣщанія, цѣловалъ конецъ меча своего и проспиралъ обѣщанія къ Булашу. Да, любезный другъ, отвѣчалъ ему сей; Рускій богатырь не отвергнетъ никогда ешоль лестнаго пріобрѣшенія. Но
 благо-

благодари своего духа хранишеля, наславившаго меня, коимъ образомъ могъ я прогнать смертоносный сонъ шной, который безъ сего легко бы учинился вѣчнымъ. Послѣ того разсказалъ ему Булашъ все, касающееся до его живошворенія; увѣдомилъ также и о себѣ. Сидонъ довольно наслышался въ жизни своей о славѣ и подвигахъ богатыря, своего избавителя, и сугубо обрадовался, что щасливый случай привелъ его съ нимъ увидѣться. Они обнялись, и по прозвѣ Булашовой ожившій богатырь разсказалъ свою повѣсть слѣдующими словами:

Приключенія богатыря Сидона.

Прозваніе мое имѣю отъ славнаго купеческаго города Сидона, лежащаго при Средиземномъ морѣ. Отецъ мой былъ славенъ по великимъ торгамъ своимъ, учинившимъ его богатѣйшимъ гражданиномъ въ

Н 2

страницѣ

спранѣ своей. Онѣ воспитывалѣ меня, предопредѣляя къ своему промыслу, но я оказывалѣ еще и въ малыхъ моихъ лѣтахъ единственную склонность къ оружію. Сколько ни препяшествовалѣ сему родителю моему, но не могѣ удержашь, чшобѣ я тайно не упражнялся въ навѣчкѣ владѣть оружіемъ. Я досталѣ уже себѣ чрезѣ Египетскихъ купцовъ полное вооруженіе, когда нечаянный случай привелѣ въ Сидонѣ славнаго богатыря Еруслана Лазаревича. Похвалы его храбрости и подвигамъ воспалили врожденную мою спрасъ; я горѣлъ нестерпѣніемъ достигнуть равной славы и учинишь имя мое свѣпу извѣстнымъ. На сей конецъ удалился я изѣ родителскаго дома, оставя къ отцу моему письмо, извѣщающее его о моемъ предпріятіи, и пришелѣ къ богатырю Еруслану. Сей, узнавъ о желаніи моемъ посвящитъ себя славѣ долго удерживалѣ меня отъ опаснаго рода жизни, въ кошорый я всшупишь желалѣ; раз-
ска-

сказывалъ всѣ трудности, съ оною сопряженныя; но видя, что я непоколебимъ, принялъ меня къ себѣ въ оруженосцы. У сего-то славнаго богатыря научился я употреблять оружіе противу враговъ добродѣтели, не щадить жизни въ нужномъ случаѣ и преодолевать всѣ затрудненія въ знаменитыхъ подвигахъ. Я былъ очевидцемъ ста дваццати поединковъ его съ славнѣйшими богатырями, изъ коихъ повсегда выносилъ онъ побѣду. Рѣдкаго изъ покоренныхъ имъ богатырей лишалъ онъ жизни, а только въ необходимыхъ обстоятельстве сопротивленія довольствовался отнятіемъ оружія у побѣжденнаго. Сіе собиралъ онъ и хранилъ въ особой пещерѣ, находящейся въ горахъ Кавказскихъ. Мы обѣхали съ нимъ почти весь востокъ, наполняя слѣды наши честью и славою. Я имѣлъ уже щастіе помогать моему богатырю въ нѣсколькихъ опасныхъ сраженіяхъ, и напоследокъ съ обы-

кновенными обрядами произведенъ въ достоинство богатыря, и опоясанъ отъ Еруслана мечемъ, который вы шеперь на мнѣ видите. Хотя уставы богатырскіе и не дозволяютъ новопроизведенному слѣдовать за своимъ начальникомъ; ибо богатырь у богатыря не долженъ брать преимущества, кромѣ оружія; но я упросилъ его не оплучаться отъ меня до перваго имѣющаго встрѣшиться приключенія, чтобъ онъ былъ свидѣтелемъ моей неустрашимости.

Приближаясь къ странѣ Иберовъ и Целшовъ, гдѣ въ древности являющійся богатырь Иракль разорвалъ землю и пропустилъ проливъ изъ Океана, остановились мы для отдохновенія при подошвѣ великой горы. Успокоеніе наше нарушено было приближеніемъ къ намъ глубокихъ лѣтъ старика. Не взирая на видимую въ лицѣ его печаль и безпорядокъ его одеждъ, можно было примѣнить, что онъ человекъ знаменитый. Взглянувъ

нувъ на насъ , остановился онъ въ изумленіи ; сіе поощрило меня вспахъ , и спросишь его о причинѣ его сѣшования. — Великодушный богашырь , опвѣчалъ мнѣ старикъ ! я не могу удовольствоваться своего любопытства , естли ты не учинишь мнѣ кляшеснаго обѣщанія опвращить бѣдешвіе , коему я предоставленъ. — Государь мой , сказалъ на сіе ему я ! опвращать бѣдешвія перпящимъ нещастія естъ моя должность , но не ожидайте , чшобъ я учинилъ вамъ кляшву и предложилъ мои услуги , не вѣдая причины вашихъ бѣдешвѣ. Можетъ быть оныя суть заслуженное наказаніе ; а въ шаковыхъ случаяхъ званіе мое воспрещаетъ мнѣ быть вашимъ заццишникомъ. — Сіе доказываетъ мнѣ вашу добродѣшель , подхващилъ старикъ ; почему несправедливобъ было требовать мнѣ опъ васъ кляшвѣ и скрывать нещастія мои опъ челоука , коему небо можешъ быть на-

значило оныя разрушить; и такъ внимаи великодушный богатырь.

— Я несчастный владѣтель страны сея Иверонъ, Царь Целтиберскій. Имѣлъ я сына и дочь, въ коихъ была вся моя надежда. Зоранъ, такъ называется сынъ мой, прославился уже въ трехъ битвахъ противу Африканцевъ; а Зенида, дочь моя, приобрѣла зависть своихъ современницъ какъ въ разсужденіи красоты, такъ и остроумія разума. Я считаемъ былъ щасливымъ супругомъ, благополучнымъ отцемъ и спрашнымъ Государемъ отъ всѣхъ моихъ сосѣдей. Но произволь судьбъ вдругъ уничтожилъ мои пріятные дни: кончина супруги моей наполнила оныя горестію и бѣдствіями. Я не зналъ, что она была волшебница, и что сила ея знанія предохраняла царствованіе мое отъ множества скрытыхъ злодѣевъ. Смертельная ея непріятельница, волшебница Нагура, несчастнымъ случаемъ возчувствовала безпредѣльную любовь

любовь къ сыну моему. Спократно покушалась она увезти его въ свой очарованный замокъ; но дѣйствіе палисмановъ жены моей при жизни ея учинило всѣ намѣренія Нагурины бесплодными. Съ другой стороны братъ сея волшебницы чародѣй Зи-віялъ плѣнился красою моею дочери. Едва тѣло жены моей предано землѣ, еще не оплакали мы довольно уронъ сей, какъ оба чудовища появились во Дворцѣ моемъ. Нагура влетѣла въ окно на огненномъ орлѣ, а братъ ея предсталъ въ видѣ крылашаго исполина. Царь Целшиберскій, сказала мнѣ волшебница! ты видишь во мнѣ великомочную Нагуру, кошорая повелѣваетъ премою спами тысячь духовъ воздушныхъ, и по великомъ же числомъ обитающихъ въ землѣ и въ водахъ, и коя однимъ словомъ можетъ преобращать всѣ стихіи; а сей исполинъ есть братъ мой Зи-віялъ, Король чародѣевъ. Мы терпѣли несказанныя обиды отъ по-

койной жены швоей, періѣли оныя безъ возможности опплатитъ ей оныя; ибо сила ея палисмановъ уничтожала всѣ наши покушенія; во смерть ея учинила насъ господами надъ всѣмъ, послѣ нее оспаривимъ. Однакожъ мы не мспитъ пришли. шебъ, но учинитъ шаковое предложеніе, опъ коего никто изъ смертныхъ не можетъ онказаться. Я люблю сына швоего, а братъ мой по же чувствуетъ къ швоей дочери; приступи къ сему союзу и слава швоя умножится. Учинясь наслѣдницею прешола Целпиберскаго, покорю я оному весь свѣтъ, и Цари всѣхъ извѣстныхъ державъ будущъ швои данники. Чшо жъ надлежитъ до Зениды, братъ мой учинитъ ее величайшею Королевою, нежели могутъ найшиться на земли сей. — Я пораженъ былъ какъ громомъ опъ сего предложенія. Женитъ сына на вѣдмѣ, имѣющей полько одинъ глазъ, свиные клыки и шерную испещренную бородавками кожу; а

дочь

дочь выдать за подобное чудовище, казалось мнѣ невозможностію. Хотя бы обольстили меня великолѣпныя предложенія ихъ, но могъ ли бы я склонить къ тому дѣтей моихъ, находящихся въ лучшемъ цѣвѣнѣ лѣтѣ своихъ? Зоранъ и Зенида были при мнѣ во время сего ужаснаго посѣщенія: дочь моя упала въ обморокъ отъ страха, а сынъ сказалъ на отрѣзъ, что прелести великомочной Нагуры созданы не для него. Я ожидалъ, что наглость сына моего произведетъ опасныя слѣдствія; почему собралъ распоченный мой разумъ и мыслилъ, чѣмъ бы отъвершить угрожающее намъ бѣдствіе. Мнѣ вспало на умъ подѣлать какимъ нибудь предлогомъ отложить на время удовлетвореніе ихъ требованію, чтобъ тѣмъ выиграть свободу для лучшаго размышленія; почему говорилъ въ отвѣтъ слѣдующее: — Великая Нагура и великомочный Король духовъ! простите дерзскія слова моего сына; онъ еще

еще очень молодъ и не можетъ прямо чувствовать добра своего. Дочь моя также не власна располагать судьбою своею, и если бы произошло съ сторовы ихъ нѣкое упорство, то вамъ не должно взирать на сіе, мое рѣшеніе опредѣлишь ихъ участь. Однакожь какъ дѣло сіе великой важности, то прошу дать мнѣ на три дни срокъ, чтобъ я съ вельможами моими о семъ посовѣтовать и расположить могъ. — Чародѣи казались бытъ онымъ довольны; дали требуемый срокъ, и обратясь въ густыя облаки, исчезли въ глазахъ нашихъ. Я собралъ мой тайный совѣтъ, предложилъ оному о случившемся, и требовалъ мнѣнія ихъ и совѣтовъ: согласишься на предложеніе чародѣевъ, или въ противномъ случаѣ чѣмъ спасишь отъ предстоящаго ихъ мщенія. Вельможи долго перешепывались между собою, и наконецъ первенствующій изъ нихъ говорилъ мнѣ, что долгъ Государей есть жертво-

жертвовать собою народному благу; и какъ обстоятельство мщенія чародѣевъ угрожаютъ всѣми возможными бѣдскими государству, по лучше наследнику престола сочешась бракомъ по неволѣ, чѣмъ опровергнуть оный чрезъ отказъ. Зениду также опредѣлили они въ жертву безопасности опечесства. Я самъ чувствовалъ ужасную сію необходимость и готовъ былъ возвѣспить дѣшамъ моимъ страшный сей приговоръ, какъ сынъ и дочь моя, слушавшія тайно происходящее въ совѣтѣ, вошли ко мнѣ. — Здѣсь заключено о нашемъ несчастіи, сказалъ Зоранъ; меня, какъ наследника вашего престола, опредѣляютъ въ жертву благоденствія онаго; но я отказываюсь отъ всѣхъ сихъ преимуществъ, еслии оныя на весь вѣкъ мой должны учинить меня страдающимъ. — Я также, о родитель мой, сказала Зенида, пронжу сердце мое въ самое по мгновеніе, когда отдадите вы мою руку

руку чудовищу. — Весь совѣтъ приведенъ былъ шѣмъ въ замѣшательство. Всѣ чувствовали, что требуемое отъ дѣшей моихъ есть выше человѣчества; но и не вѣдали, какимъ образомъ можно отвратить угрожаемую опасность. Я распустилъ совѣтъ мой; призывалъ на помощь волшебниковъ, но при имени Нагуры и Зивіяла отрекались они своею помощію, говоря, что знаніе ихъ далеко не равняется силѣ Короля чародѣевъ и сестры его. Опчаяніе овладѣло мною; хотя я былъ Государь, но притомъ былъ и отецъ, и не могъ вознамѣриться погубить дѣшей моихъ для моего покоя. Съ другой стороны видѣлъ невозможность принудить дѣшей моихъ къ сему опрашительному браку, хотя бы и нашелъ въ себѣ швердость учиниться ихъ мучителемъ. Я призывалъ къ себѣ Зорана и Зениду и открылъ имъ, что взявъ намѣреніе подвергнуться всѣмъ люностямъ чародѣя и сестры его, нежели учинить

на-

насиліе сердцамъ дѣшей своихъ. Они
 облились слезами; бросились въ мои
 объятія и каялись, что не проживутъ
 часа, если приключится мнѣ ка-
 кое нибудь несчастіе. Мы сѣповали,
 но не изобрѣли никакой помощи
 прошиву нашего злосчастія. Роковые
 три дни почти прошли, каждый
 шорохъ наполнялъ меня ужасомъ;
 ибо я чаялъ быть приходу чародѣ-
 евъ. Наконецъ умученныя чувства
 мои повергли меня въ крѣпкій сонъ.
 Едва закрылъ я мои вѣжды, пред-
 ставилась мнѣ умершая моя супруга.
 Блестящій облакъ принесъ ее окру-
 женную сіяніемъ, безсмертіе видимо
 было въ лицѣ ея и одеждахъ. Не-
 щастный супругъ, сказала она мнѣ!
 гоненія враговъ моихъ не даюшъ
 мнѣ покоя въ вѣчности, и я при-
 нуждена была оставить жилище ра-
 досты, чтобы избавить дѣшей мо-
 ихъ отъ угрожающаго имъ несчастія.
 Черезъ два часа кончится данный
 тебѣ отъ Натуры и брата ея срокъ;
 они не промедлятъ ни минушы и
 явятся

являясь къ закончанію ихъ пребыванія. Обѣщай имъ все, естли исполнятъ они одно швое предложеніе, и проси, чшобъ они обѣщали шо кляшвенно. Тогда предлжи имъ на разрѣшеніе загадку, кою найдешъ ты написанну на золотой дощечкѣ въ шомъ ящичкѣ, кошорый при смерши я отккрывашъ тебѣ запрешила. Естли они оную ошгадаютъ, шо разумѣй, чшо само небо опредѣляетъ бѣдствіе нашимъ дѣшамъ; но когда въ шомъ не успѣютъ, шо со стыдомъ должны будутъ ошказаться ошъ своего пребыванія. — Я столько былъ обрадованъ симъ видѣніемъ, чшо въ шо же мгновеніе ока прсснулся и бѣжалъ въ покой, гдѣ хранился ящичекъ, содержащій въ себѣ загадку. Ошкрывъ оный, прочелъ я написанное на золотой дощечкѣ и наполнился великою надеждою въ разсужденіи хипраго смысла загадки; можетъ быть показался оный мнѣ шакowymъ для шого, чшо я самъ онаго не пошпигъ.

ВЪ

Въ надлежащее время Нагура и братья ея появились въ великолѣпныхъ колесницахъ, везомыхъ огнедышущими змѣями. Они вошли съ гордоспѣю въ мои чертоги и пребывали рѣшительнаго оповѣща. Великомочная Нагура, сказалъ я! съ моей стороны ничто уже не мѣшаетъ учиниться мнѣ съ дѣшми моими благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ: Зоранъ согласенъ дать вамъ свою руку, а Зенида готова повергнуться въ объятія прелестнаго вашего брата, еспьли только вы, или братецъ вашъ, разрѣшите одно клятвенное мое завѣщаніе. Я не думаю, чшобъ великое ваше знаніе обрѣло затруднѣніе уничтожить сіе слабое препятствіе. Жена моя, оставляя сей свѣшъ, взяла съ меня присягу, чшобъ я не отдавалъ ни дочери моей въ супружество, ни сыну моему не позволялъ жениться, еспьли невѣста сего и женихъ той не отгадаютъ одну загадку. — Волшебница и Король чародѣевъ, услышавъ сіе, подняли

Часть IX. О гром-

громкій смѣхъ. Естли полько и препяшшвія, говорили они, то бракъ нашъ конечно нынѣжъ совершится. — Но я не предложу загадки, подхватилъ я, естли вы не учините клятвеннаго обѣщанія оставишь ваше требованіе, вѣ случаѣ, когда оную не отгадаете. Нагура и Зивіалъ не опреклись отъ сего: они клялись ужаснѣйшими клятвами и написали кровію своею завѣщаніе оставишь меня вѣ покоѣ, естли предложенную загадку не разрѣшатъ. Тогда я, вынувъ золотую дощечку, чиналъ имъ слѣдующее:

Я взоры обольщаю,
Влеку къ себѣ я всѣхъ;
Хотяжъ и привлекаю,
Могу лишитъ утѣхъ:
Стремясь неосторожно,
Меня взять невозможно.

На другой споронѣ дощечки написана была отгадка, что это значить розовый кустъ; и какъ впрочемъ ни проста была задача, но ни Нагура, ни Зивіалъ разрѣшишь

шишь оной не могли. Они пришли въ великое замѣшательство, просили меня повторить чтение, чесали себя въ головѣ, шопали ногами, изъясняли неоднократно, но повсегда на выворотѣ, и наконецъ, пришедъ въ великую злобу, открылись, что хоща они задачи не опгадали, и потому оставляющъ пребываніе свое на союзѣ съ моими дѣшми, но найдущъ средства дасть мнѣ возчувствовать, что заслуживаетъ дерзкій, учинившій себѣ непріятелями Нагуру и Зивіяла. Выговора сіе, исчезли они, оставя по себѣ въ покояхъ несшерпимый смрадъ.

Хоща угрозы ихъ наполнили меня ужасомъ, но оный прогоняло воображеніе, что я споль легкимъ средствомъ отвратилъ ненавистныя союзы для дѣшей моихъ. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, въ который опасность моя о мщеніи отъ чародѣевъ начала въ мысляхъ моихъ проходить. Они нарочно дали мнѣ на сполько ошдохновенія, чшобъ шѣмъ жесто-

О 2 чае

чае повергнушь меня въ чувствованіе моихъ бѣдствій. Вдругъ прибѣжалъ ко мнѣ вѣспникъ, что на государство мое напалъ исполинъ, имѣющій львиную голову и на каждый день сѣдающій по десяти человекъ изъ моихъ подданныхъ. Не медля собралъ я моихъ вельможъ, и совѣщавши съ ними, послалъ просиѣу сего чудовища все мое войско, ожидая, что множество сихъ преодолѣетъ силу одного чудовища; однакожь оное возвратилось безъ всякаго успѣха. Исполинъ исчезалъ посреди полны воиновъ, когда его окружали; бросаемыя въ него стрѣлы и копья пролетали сквозь тѣло его, подобно какъ бы сквозь облакъ, не причиняя ему ни малаго вреда; исчезнувши же появлялся онъ въ другой сторонѣ, хваталъ по человеку и приглашая кричалъ: скажите Царю Иверону, чтобъ онъ оставилъ престолъ свой, и добровольно уснулъ оный мнѣ, или я по одному побѣмъ всѣхъ его подданныхъ.

Я

Я находился въ чрезмѣрной отъ сего печали, и еще не вознамѣрился, оставишь ли мнѣ корону, или ожидашь очередной смерти, когда исполнѣ, поѣвши всѣхъ моихъ подданныхъ, дойдетъ и до меня, какъ пришли сказать мнѣ, что дочь моя, прогуливаясь въ садахъ, похищена низпадшимъ облакомъ. Горестъ пронзила мое сердце, и я впалъ въ жестокое опчаянiе, которое мучило меня шѣмъ несноснѣе, что я не зналъ, гдѣбу ли Боговъ, или Нагуръ и ея брата приписать мои несчастiя. Но на семъ оныя не кончились; Зораиъ, сынъ мой, узнавъ о безплодномъ покушенiи войскъ на исполина, не увѣрился, чтобъ рассказываемое объ ономъ военачальниками было истинно; мечтательное его шѣло приписалъ онъ къ недосыпкѣ храбрости, и вознамѣрился самъ испытать оное, напавъ на чудовище. Онъ уѣхалъ искать исполина, не сказавъ мнѣ о своемъ предпрiятiи, до коего бы я конечно его не допустилъ.

спилъ. Одинъ только его оружено-сецъ былъ препенущимъ свидѣтелемъ, съ какою неуспрашимостию нападалъ онъ на исполина, сколько разъ принуждалъ его обращаться въ бѣгство, и какъ... увы! напоследокъ исполинъ обезсилѣвшаго сына моего проглотилъ. Оставшись безъ всякой надежды, лишившись дѣтей моихъ, я не имѣлъ причины дорожить моею короною: чрезъ опытъ позналъ я, что чѣмъ долѣе буду имѣть оную на головѣ моей, тѣмъ больше убудетъ моихъ подданныхъ, и что наконецъ останусь я Царемъ безъ царства; ибо исполинъ продолжалъ пожирать людей. И такъ рѣшился я ийти къ исполину, и добровольно вруча ему мое государство, удалиться въ пустыню, чтобъ свободно могъ оплакивать потерю возлюбленныхъ мнѣ особъ. Чудовище приближилось тогда къ столицѣ моей, и я не имѣлъ труда въ сысканіи онаго. Я шелъ безъ робости; ибо не считалъ за особенное бѣдствіе въ

въ моемъ злосчастіи, естѣли испо-
 линѣ проглотишь и меня. Вельможи
 меня провождали. Я, приближась къ
 чудовищу, вручилъ ему корону мою,
 и просилъ о пощадѣ бывшихъ мо-
 ихъ подданныхъ. Онъ принялъ
 корону, и съ улыбкою, возложъ сію
 на голову, говорилъ мнѣ: Изверонъ!
 я принимаю швое приношеніе съ
 охотою; ибо нахожу ушѣшеніе ви-
 дѣшь тебя низверженна съ престола;
 ходя по свѣшу нищимъ, узнаешь
 шы, коль великая разнота, бышь
 шесшемъ Королю чародѣевъ и све-
 кромъ сестрѣ его, или лишишья дѣ-
 шей и царства по одному шолько
 упрямышву. Поди, я не запрещаю
 тебѣ искашь прошиву меня обороны;
 я готовъ сразишья съ каждымъ
 богатыремъ, за тебя вступишья
 имѣющимъ. Но вѣдай, что естѣли
 шы учинишь прозьбу - и откроешь о
 своихъ нещасшяхъ шаковому чело-
 вѣку, кошорый за тебя не всту-
 пишья, шо шы вѣчно не приобрѣ-
 жешь ни царства своего, ни дѣшей

своихъ. — Но развѣ сынъ мой, по-
 бою поглощенный, живѣ? развѣ могу
 я увидѣть еще дочь мою, вскри-
 чалъ я? — Я ничего не могу тебѣ
 сказать, отвѣчалъ исполинъ; пооди,
 странствуй, ищи средствъ, можешъ
 быть шы умягчишь гнѣвъ Боговъ;
 но трудно пропоровоборствовать Зи-
 вѣялу и Натурѣ. — Я хотѣлъ еще
 учинить нѣкопорые вопросы хищнику
 вѣнца моего, но онъ отвратился
 отъ меня и торжественно шество-
 валъ въ мою столицу, а я два
 года въ крайней нищѣ странствую
 по свѣшу, и по сихъ поръ еще не
 нашелъ не токмо защитника, но ни-
 кого, кто бы выслушалъ о моихъ
 несчастіяхъ. Можешъ быть вамъ,
 великодушный богатырь, предоспа-
 влено пресѣчь мои злосчастія. . . .
 Однако можно ли мнѣ шребовать,
 чтобъ вы подвергли себя дословѣр-
 ной опасности сразиться съ чудо-
 вищемъ чрезъестественнымъ? я
 хочу погибнуть, но довольствуюсь
 тѣмъ, что обьяснилъ вамъ, что
 не

не причиною я моихъ бѣдспвій. — Сказавъ сіе, Царь Иверонъ предался своей печали, и слезы покашились на бѣлающуюся его бороду.

Я взглянулъ на богатыря Еруслана, желая прочесть изъ взоровъ его, возможно ли мнѣ снѣтъ на себя предлагаемое приключеніе. Наспавникъ мой, примѣпя сіе, улыбнулся, и не оставилъ меня надолго въ сомнѣніи. Должно признаюсь, сказавъ онъ Царю Целшиберскому, что обстоятельство сего избавленія не изъ шѣхъ маловажныхъ подвиговъ, кои пріемлюшъ на себя богатыри за честь оружія: шупъ должно сражаться съ чародѣйствомъ, однакожь имѣйте надежду, несчастный Государь, я обѣщаю вамъ, что ученикъ мой, богатырь Сидонъ, въ состояніи уничтожитъ ваши бѣдспвія. Вѣрьте въ томъ богатырскому моему слову: возвратитесь въ вашу столицу и возвѣсните хищнику вашей короны, что чрезъ пять дней явился проповоборникъ, имѣющій оную

оную сорвать съ головы его и возложить на законнаго Монарха. — Царь Иверонъ, гошовый подвергнувшись всякимъ опасностямъ, оказалъ на лицѣ своемъ великую надежду, благодарилъ насъ за участіе, пріемлемое въ его участи, и опшелъ по слову нашему возвѣснншь брань чудовищу:

Я не вопрошаю тебя, — говорилъ мнѣ Ерусланъ по опшешствіи Ивероновомъ, — имѣешь ли ты довольно отважности повергнувшись въ опасный сей подвигъ: храбрость швоя и искусство доказаны мнѣ неоднократно. Сіе приключеніе будетъ шопъ опытъ, кошораго ты опъ меня шребовалъ, и я уступаю тебѣ за швое ко мнѣ повиновеніе чешъ сего подвига. Чѣмъ оный шруднѣе и опаснѣе, тѣмъ больше пріобрѣтешъ онъ славы швоему имени. — Я чувствую, сколько вы меня обязываеше, опѣчалъ я; но признаюсь, что безъ вашего наставленія не надѣюсь никакого получить успѣха. Ешълибъ касалось сіе до одного
шолько

только пренебреженія жизни, или прошивопоставить искусство силъ, я подвергся бы съ охотою всѣмъ опасностямъ; но сражаюсь съ очарованіями, съ привидѣніями, не долженъ ли я опасаться въ спыдѣ, когда храбрость мою устремляю только прошиву мечты? Мнѣ кажется, что не можно освободить никого отъ волшебныхъ напастей, не бывъ искусну въ средствахъ прошиву оныхъ. — Ты говоришь правду, отвѣчалъ мнѣ Ерусланъ; однакожъ я найду способъ: я познакомлю тебя съ благодѣтельной волшебницею, коя учинишь тебѣ подробное наставленіе, и шѣмъ больше, что мнѣ должно отъ тебя немедленно разлучиться. Нынѣжъ мы отправимся къ ней, и послѣ того, какъ ты приобрѣтешь въ ней покровительницу, мы простимся съ тобою.

Богатырь, сказавъ сіе, вынулъ изъ кармана клубокъ нитокъ, и сѣвъ на коня, бросилъ оный. Клубокъ покашлялся предъ нами безъ оста-

оспановки, а мы слѣдовали за нимъ, не взирая ни на какія препятствія: сила клубка сего отвращала оныя: чрезъ рѣки дѣлались мосты, горы разступались и давали намъ свободный проѣздъ, а въ непроходимыхъ лѣсахъ появлялись чистыя и равныя дороги. Ерусланъ, примѣшивъ мое о семъ удивленіе, сказалъ мнѣ: сей клубокъ получилъ я отъ самой покровительницы моей, волшебницы Тифеи; ибо безъ сего средства ни одинъ человекъ не можетъ достигнуть въ ея жилище, хотя бы весь свой вѣкъ о томъ спарался; а чтобы сократить время въ нашемъ пути, расскажу я тебѣ, каковымъ случаемъ приобрѣлъ я ея милость: — Во время спрания моего въ странахъ Славенскихъ заспигшая меня шемная ночь принудила взять ночлегъ въ одной густой рощѣ, не въ дальности отъ великаго города Кіева. Я оспановился на великой полянѣ, въ срединѣ роши шой находившейся; ибо
 мяг-

мягкая шкура, шупъ распуца, была хорошій кормъ коню моему. Я легъ и началъ уже засыпать, какъ блеснувши по срединѣ поляны огонь возбудилъ меня. Казалось мнѣ, что огонь сей самъ собою воспылалъ, для того что я не видалъ никого при ономъ. Но вскорѣ появились цѣлыя стада сорокъ; онѣ слетались съ обыкновеннымъ роду ихъ щепешаньемъ, отъ чего произошелъ шоль великой шумъ, что конь мой испугался; однакожъ я укротилъ его и онелъ въ гущину лѣса, а самъ возвращаясь примѣчалъ, что произойдетъ изъ сего сорочьяго собранія. Крикъ продолжался до нѣхъ поръ, какъ прилетѣлъ необыкновенной величины воронъ: онъ обшелъ около огня проекрашно и сороки умолкли. Послѣ чего окружили онъ ворона, который, перекувыркнувшись назадъ, спалъ челоукомъ, имѣющимъ на головѣ своей желѣзную корону, черезъ плечо поясъ съ зодіаками и въ рукѣ крас-

красный жезлъ. Вороновы его крылья
остались лежащими позади его, кои
поднял онъ и опнесъ на близъ
лежащій холмъ. Сороки послѣдовали
его примѣру, относили крылья
свои на холмъ, и чрезъ нѣсколько
мгновеній ока увидѣлъ я превращив-
шагося ворона, окруженнаго цѣлымъ
сонмищемъ женщинъ, имѣющихъ
чрезъ плечо зодіаки, а въ рукахъ
красныя палочки. Я понялъ, что
сіе было собраніе волшебницъ для
каковаго нибудь важнаго совѣща,
и что имѣющій на себѣ корону былъ
ихъ Король. Признаюсь, что над-
лежало мнѣ собрать всю мою
неустрашимость для преодоленія
нападавшаго на меня чрезъ по ужа-
са. Волшебный совѣщъ начался;
долго слышалъ я невнятный шумъ
разговоровъ, но наконецъ Король
волшебницъ махнулъ по воздуху
жезломъ своимъ, и на огнѣ появился
великій кошелъ. Волшебницы при-
нялись за работу: всякая выливала
нѣкій жидкій составъ въ кошелъ
изъ

изъ принесенной съ собою фляжки, и всыпала нѣчто подобное порошку; кошелъ кипѣлъ и Король волшебницъ мѣшалъ въ ономъ жезломъ своимъ. Чрезъ нѣсколько часовъ сняли составъ съ огня. Между тѣмъ, какъ сіе происходило, усмотрѣлъ я сову, крадущуюся къ холму, на которомъ лежали крылья; она, пользуясь тѣмъ, что волшебницы заняты были своимъ дѣломъ, начала переносить ихъ крылья. Долго искала она въ кучахъ, и казалось, что выбирала изъ прочихъ крылья копорой нибудь одной волшебницы. На послѣдокъ удалось ей сыскать; она, подхвативъ сіи своимъ носомъ, полетѣла стремительно чрезъ самага меня. Не знаю, какое чувствованіе вложило въ меня охоту опустить у хищницы ея добычу. Я приготовилъ мою рапную палицу, и едва сова надлетѣла на меня, бросилъ въ нее шоль удачно, что она крылья уронила, и я оныя подхватилъ. Сова, опустясь на землю, обратилась медвѣдемъ

и

и бросилась на меня ; но я успѣлъ
 взять мою палицу , коею принудилъ
 звѣря сего оставишь меня съ крыль-
 ями и обратись въ бѣгство. При-
 ключеніе сіе наполнило меня спра-
 хомъ ; однакожъ , ободряя себя услу-
 гою , оказанною мною обществу вол-
 шебниковъ , не весьма я опасался
 превращающейся совы , и смотрѣлъ
 на происходящее у огня. Король
 волшебницъ , вошедъ въ кошель , оку-
 нулся проскрашно въ составъ , и по-
 шомъ мазалъ онымъ лбы каждой
 подходившей къ нему волшебницы.
 По окончаніи сего дѣйствіемъ его
 жезла кошель обратился въ велико-
 лѣпную колесницу ; волшебницы
 принесли съ холма вороновы крылья ,
 и прилѣпили оныя напереди колесни-
 цы , опъ чего оная поднялась на
 воздухъ и Король волшебницъ уле-
 тѣлъ. Послѣ сего все волшебницы
 бросились къ холму разбирашь свои
 сорочки крылья : онѣ прыгали въ оныя
 ногами , учинялись птицами и уле-
 тали. Вскорѣ не видно спало ни од-
 ной

ной сороки, и огнище уже изгасало, какъ по роцѣ разнесся плачевный голосъ съпующей женщины. Я счелъ, что сія должна бытъ та волшебница, у коей сова похишила крылья, и что уронъ сей приключаетъ ей печаль. Я не хошѣлъ воспользоваться пріобрѣтеніемъ, мнѣ не принадлежащимъ, и пошелъ въ сторону, откуда приходили ко мнѣ спенанія. Могущая волшебница, кричалъ я приближась! не съпуй о своей потерѣ: я опнялъ крылья твои у хищницы. Ахъ, благодѣтель мой! воззопила волшебница, и вдругъ очутился я въ ея объятіяхъ. Я рассказалъ ей, какимъ образомъ достались она мнѣ въ руки. Храбрый богатырь, сказала она мнѣ, выслушавъ меня! ты чрезмѣрную оказалъ заслугу волшебницѣ Тифеѣ, и вѣрь, что она за сіе на весь вѣкъ твой останется благодарною. Вѣдай, — продолжала она, — что сіе собраніе, коего ты былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ, бываетъ у волшебницъ въ

Часть IX

II

при-

присутствіи Короля ихъ чрезъ каждыя семь лѣтъ. Составъ, который при семъ приготавливаютъ, чрезъ помазаніе на лбу возобновляетъ въ насъ волшебную силу, и волшебница, по какой либо причинѣ неучаствовавшая въ семъ, лишается права своей науки на двадцать одинъ годъ. Всѣ мы должны прилетать сюда въ видѣ сорокъ; но еслили которая изъ насъ какимъ нибудь случаемъ потеряетъ здѣсь крылья, на коихъ прилетѣла, та вѣчно теряетъ волшебное знаніе, и вмѣсто того приобретаетъ оное хищница крыльевъ. Кіевскія вѣдьмы, кои въ силѣ науки далеко ниже волшебницъ, старающіяся всѣми образами провѣдывать часъ сего нашего седмилѣшняго собранія; но оный хранился въ глубочайшей тайнѣ. Когдажъ которая провѣдаетъ и пощасливится ей украситъ крылья у одной волшебницы, та всупааетъ на ея мѣсто, а несчастная навсегда остается простолудимкою. Сіе бѣдствіе упало бы на

на меня, естлибъ пвое присущ-
ствіе, храбрый богатырь, не отвратило
оного. Но вѣдьма, имѣющая неудачу
въ намѣреніи похищенія, предста-
вляется наказанію, каковое угодно
будешъ волшебницѣ, прошивъ коей
она покушалась. Сіе обыкновенно со-
стоитъ въ лишеніи ея всего знанія,
каковое имѣютъ вѣдьмы, и происхо-
дитъ чрезъ обрѣзаніе хвостика,
съ которымъ вѣдьмы на свѣтъ
родятся. Ты будешь свидѣтелемъ
казни надъ моею непріятельницею.

— Послѣ сего Тифея очертила вол-
шебною своею палочкою два круга:
въ одинъ изъ оныхъ пославила она
меня, а въ другомъ сама спала. По
прочтеніи ею иѣкопрыхъ таинствен-
ныхъ словъ, коихъ я не разумѣлъ,
жестокій вихрь промчался и опу-
стилъ къ ногамъ Тифеи обнаженную
и связанную вѣдьму. Сколько она
ни проливала слезъ, сколько ни
старалась умягчить волшебницу жа-
лосными прозьбами, но была ли-
шена хвоста, и по развязаніи оп-

пущена на свободу. Теперь, благодѣтельница мой, сказала Тифея, должна я опплатить тебѣ за твое одолженіе, и въ залогъ всегдашняго моего тебѣ покровительства оказатъ съ моей стороны нѣкошорыя услуги. Я уповаю, продолжала она, что ты не откажешь мнѣ препроводить ночь сію въ моемъ замкѣ. Тамъ конечно пріимешь ты лучшее успокоеніе, нежели въ семъ пустомъ мѣстѣ; и хотя жилище мое опстоитъ опсюда болѣе 4000 верстъ, но сіе не причинитъ тебѣ ни малаго безпокойства въ пути, ни помѣшательства въ расположеніи твоего спранствованія; не пекись также и о конѣ своемъ: онъ будетъ цѣлъ въ надлежащемъ мѣстѣ. Все, что я видѣлъ, меня удивляло; но какъ я слышался о чрезѣсшесшвенныхъ обстоятельствахъ волшебства, и къ помужѣ зналъ, какое щастіе для богатыря пріобрѣсть милость у волшебницы, то повиновался я Тифеѣ безъ оприцанія. Она прочла еще нѣ-

нѣкошорыя непонятныя мнѣ слова, послѣ чего густой облакъ окружилъ меня и помчалъ быстрѣе молніи. Чрезъ часъ остановился я и очутился въ замкѣ волшебницыномъ. Я оставляю описаніе онаго; ибо ты самъ будешь очевидцемъ его великолѣпія, а скажу только, что я угощенъ богатѣе, нежели при всѣхъ Дворахъ Государей, коимъ я оказалъ мои услуги. Тифея сняла съ меня броню и мечъ мой и употребила все искусство своего знанія, чшобъ учинишь броню непроницаемою, а мечъ споль дѣятельнымъ, что прошиву онаго не возмощаетъ никакая сила и никакое очарованіе. Она вручила мнѣ клубокъ сей и объявила, что во всякое время, когда возымѣю я нужду въ ея помощи, слѣдуетъ мнѣ лишь бросишь оный предъ собою, что оный покашится, будетъ показывать путь и доведетъ въ нѣсколько часовъ по безпрепятственной дорогѣ въ ея замокъ, до коста бы впрочемъ надлежало слѣ-

доставъ нѣсколько лѣтъ. Помощію сей благодѣшельницы моей не однократно совершалъ я ужасныя приключенія, въ коихъ участвовало чародѣйство, и признаюсь, что ей единственно обязанъ я пріобрѣтеніемъ имени моему славы. —

Капаящийся клубокъ остановился у подошвы неприспупной горы при окончаніи повѣствованія Еруслава. Шлемъ валился съ головы, когда надлежало взглянуть на вершину оная, на коей сиялъ блистающій ошъ золота и дорогихъ камней замокъ волшебницынъ. Мы сошли съ коней; Еруславъ поднялъ клубокъ, и спрятавъ оный, возгласилъ шрижды: о Тифея! Вскорѣ оглушилъ меня жестокій громъ; гора разсупилась на двое и оказала всходъ на себя по мраморнымъ спупенямъ, украшеннымъ по сторонамъ изваянными испуканами неподражаемаго художества. Еруславъ пошелъ на верхъ, я слѣдовалъ за онымъ, и чрезъ двѣ тысячи спупеней очутился

нился на площади замка, коего великолѣпіе и истощенное ко украшенію богатство описать не можно. Стѣны замка были изъ золота, башни на оныхъ изъ серебра, самоцвѣтные камни, впершыя въ прістѣнныхъ мѣстахъ, множествомъ своимъ учиняли всякій предметъ блистающимъ. Палаты Тифейны стояли посреди замка и казались бытъ созданными изъ одного чистѣйшаго хрустала. — Но я оставляю описаніе; ибо подробно пересказать вамъ видѣнное шамъ мною не достанетъ моей памяти и опшиметъ много времени, кое лучше употребить на продолженіе собственныхъ моихъ приключеній, о коихъ вы вѣдашь желаете. — Волшебница встрѣла насъ въ огромномъ залѣ. Спарость, изображенная на лицѣ ея, и бѣлое одѣжаніе, придавали ей видъ, влагающій во всякаго къ ней подобострастіе. Я знаю причину своего прихода, возлюбленный богатырь, сказала она къ Еруслану:

предпріятіе ученика своего Сидона
доспойно славы, увѣнчашь его имѣю-
щей. Не произносите прозбѣ о мо-
емъ покровительствѣ; мои собствен-
ныя выгоды заключающя въ поспѣ-
шествованіи его намѣреніямъ. Въ-
дайше, — продолжала она, посади
насъ на богашую софу, — что Иве-
ронъ, Царь Целшиберскій, и его дѣши,
мои ближніе родственники. Жена
его была моя меньшая сестра. Но
должно вамъ знать и то, что все
мое знаніе не въ силахъ чрезъ соб-
ственныя мои руки отвратить не-
щасія моихъ родственниковъ. Се-
стра моя была волшебница, а за-
коны наши строго запрещающъ по-
могашь волшебницѣ и дѣшамъ вол-
шебницы. Я оспаюсь только огор-
ченною свидѣшельницею бѣдствій, на-
носимыхъ моимъ родственникамъ
чародѣшвомъ Зивіяла и сестры
его. Я должна бы и вѣчно состра-
дать имъ безъ надежды, ешьяли бы
небо не вложило въ себя, великоду-
шный Сидонъ, желанія помочь Царю
Иве-

Иверону. Твоя неуспрашимость и
 благоразуміе обѣщаютъ мнѣ благо-
 получное всему послѣдствіе; ибо
 кромѣ извѣстія, гдѣ ты можешь сы-
 скашь моихъ племянниковъ, и вѣкопо-
 рыхъ слабыхъ наставленій къ по-
 единку своему съ исполиномъ, имѣю-
 щимъ львиную голову, и подкрѣпле-
 нія своего оружія, я ничего не могу
 сказать тебѣ въ наставленіе. И
 такъ, дорогой Сидонъ, повѣрь мнѣ
 на нѣсколько часовъ все свое во-
 оруженіе. — Я съ радостію снялъ
 съ себя мою броню и прочее оружіе
 для того, что ожидалъ, что мое
 волшебнымъ дѣйствіемъ учинится
 шаковымъ же непобѣдимымъ, какъ и
 Ерусданово. Тифея опшела насъ въосо-
 бливую комнашу, гдѣ приготолены
 были для насъ разныя прохлажде-
 нія. Все, что вкусъ и человѣческія
 прихоти изобрѣли во всѣ вѣки, нахо-
 дилось шупъ въ избыточествѣ. Для
 отдохновенія гоповы были столь
 мягкія постели, что возлегши чаялъ
 я покоинья на самомъ воздухѣ.

II 5

Чрезъ

Чрезъ нѣсколько часовъ вошла
 къ намъ Тифея; она принесла къ
 намъ мое вооруженіе и въ сосудѣ
 нѣкое жидкое и благоуханное суще-
 ство, коимъ облила меня, по науче-
 нію Еруслаиову спавшаго на колѣна,
 съ головы до ногъ. Я не могу из-
 образить вамъ, какую возчувство-
 валъ я ошъ сего въ сердцѣ моемъ
 бодрость: воинство цѣлаго свѣта
 казалось мнѣ тогда лишь слабымъ
 ополченіемъ, естли бы надлежало
 съ нимъ сразиться. Волшебница сво-
 ими руками надѣла на меня броню
 и препоясала мечъ мой. Я видѣлъ, что
 оныя получили ошмѣнный противу пре-
 жняго блескъ, и имѣли начертаніе
 неизвѣстныхъ характеровъ, кои вы
 теперь на нихъ видите, — продол-
 жалъ Сидонъ къ Булату. — Теперь
 испытайте крѣпость своего оружія,
 сказала мнѣ Тифея. При словѣ семъ
 Еруслаиъ извлекъ мечъ свой, коего дѣй-
 ствіе мнѣ довольно было знакомо,
 и ударилъ изъ всѣхъ силъ по само-
 му слабому мѣсту моей брони. Мечъ
 ошн-

отпрыгнулъ ошъ оной какъ бы камень , ударенный о камень ; а я ни мало не почувствовалъ сильнаго дѣйствія руки моего богатыря . Извѣдайтежъ дѣйствіе вашего меча , сказала мнѣ волшебница , ошведши меня въ особый покой , гдѣ увидѣлъ я испуканъ , скованный изъ швердѣйшей стали ; рубите сей испуканъ всею силою . Я опустилъ мечъ мой не полнымъ размахомъ плеча моего ; однакожъ разрубилъ испуканъ на двѣ части съверху до низу ; я бросился на колѣна предъ волшебницею и благодарилъ ее за таковой чрезвычайный даръ . — Сіе не все еще , подхватила Тифея , познайте силу вашего меча . Сказавъ шо , ошвела она меня въ другой покой , гдѣ увидѣлъ я зіяющее на меня пламенемъ чудовище , и простирающее преоспрые свои когти , чшобъ расперзашъ меня . Самая нужда обороны принудила меня извлечь мечъ мой ; я опустилъ на оное ударъ , но предсшавъше себѣ удивленіе

ніе мое, когда чудовище вдругъ
стибло въ глазахъ моихъ, а мечъ
толь жестоко увязъ въ деревянной
колодѣ, что я съ трудомъ его вы-
свободилъ. Видишь ли, сказала мнѣ
Тифея: всѣ волшебства и очарованія
исчезають опъ прикосновенія меча
вашего. Надѣйтесь, что предпріятіе
ваше наградится желаемымъ успѣ-
хомъ. Я повсорялъ благодаренія
моей благодѣшельницѣ, а она про-
должала: ну, любезный Сидовъ!
проспись теперь съ своимъ наспа-
вникомъ; важное приключеніе отзы-
ваетъ богатыря Еруслана въ дру-
гую часть свѣта. Съ сожалѣніемъ
должна я опкрыть, что воля судебъ
опредѣляетъ вамъ другъ друга не
видашь больше. Я любилъ Еруслана
какъ отца моего, и обстоятельство
сіе испоцило слезы изъ очей моихъ.
Мы долго пребыли безмолвны, заклю-
ча другъ друга объятіями; наконецъ
Ерусланъ проснился со мною и съ
волшебницею. Сія махнула своею
волшебною палочкою, свѣшлый облакъ
окру-

окружилъ и помчалъ богатыря, и съ
того времени мы уже не видались.

Попомъ волшебница говорила
миѣ: ты пробудешь въ моемъ зам-
кѣ до назначеннаго срока поедин-
ку твоему съ хищникомъ престола
Иверонова. Не заботься о времени
на проѣздѣ твоей къ столицѣ Целпи-
берской; я берусь на себя облегчить
пусть твою. Не пребууй отъ меня ника-
кихъ наставленій, касающихся до
твоего подвига; я не могу ничего
тебѣ сказать, кромѣ сего: въ сраженіи
съ исполиномъ не щади рукъ своихъ;
ибо малѣйшее ослабленіе въ ударѣ
приключитъ тебѣ множество неща-
стій. Второе, во все время, до-
коль ты будешь покушаться пропиву
Зивіяла и сестры его, не вкушай ни-
какихъ плодовъ древесныхъ, сколь
бы привлекательны оныя ни были;
ибо по хитрости твоихъ враговъ
легко можешь ты вкусить на оныхъ
смерть свою; и наконецъ, еслили
пожелаешь ты освободишь моихъ
племянниковъ, ступай прямо на съ-
веръ.

верѣ. — Сказавѣ сіе, Тифея опшвела
 меня вѣ особливую комнапу, гдѣ во
 все время пребыванія моего угоща-
 емѣ я былѣ великолѣпно. Я швердо
 вкоренилѣ вѣ памяти моей всѣ
 слова волшебницыны, но не могѣ раз-
 сужденіями моими проникнуть вѣ
 шаиншвенный оныхѣ смыслѣ, и
 опредѣлилѣ слѣдовать единшвенному
 оныхѣ смыслу. Тифея уже больше
 ко мнѣ не появлялась, и вѣ послѣ-
 днюю ночь пяшаго дня, какѣ вѣ сро-
 чную пріѣзда моего кѣ сполитѣ Цел-
 шиберской для поединка, заснулѣ
 я сшерхѣ обыкновенія моего крѣп-
 кимѣ сномѣ. Пробудясь очушилсѣ я
 лежащій подѣ деревомѣ на проспран-
 номѣ полѣ близѣ нѣкоего великаго
 города; щитѣ мой служитѣ мнѣ
 вмѣсто возглавія, а конь мой, при-
 вязанный кѣ дереву, спокойно ѣлѣ
 бѣлую ярую пшеницу. Вспавши
 осмашривалсѣ я на всѣ стороны, не
 увижу ли кого для освѣдомленія, вѣ
 какомѣ мѣстѣ я обрѣшаюсь. Вскорѣ
 увидѣлѣ я идущаго ко мнѣ Иверона;
 по-

почему заключилъ, что помощь Тифеина доставила меня въ надлежащую спрану. — Я отчаялся было, сказалъ миѢ Царь Целпиберскій, увидѣвъ моего избавителя, и ожидалъ моей смерти; ибо хищникъ короны моей объявилъ, что если вы хотя часъ до полдень сего дня умедлите, онъ сорветъ съ меня голову. — Вы обижаете меня, оповѣчалъ я Царю Иверону; давши вамъ мое богатырское слово, никогда я онаго не нарушу. Иверонъ извинялся предо мною, говоря, что онъ, какъ несчастливый человекъ, опасался въ моемъ здравіи, чая, что и вспунающійся за него подверженъ бываетъ его злощастіямъ, а не въ словъ моемъ сомнѣвался. Онъ уведомилъ меня, что въ пятомъ часу дня исполинъ выступитъ для сраженія на сіе поле. Я просилъ Иверона остаться зрителемъ сего поединка подъ шѣмъ деревомъ, гдѣ онъ меня нашелъ; а самъ, оправя мое оружіе и укрѣпя сѣдло на конѣ

комъ моемъ, возсѣлъ на онаго, выѣхавъ на средину поля, возгласилъ шроекрашно: незаконный владѣтель прешола Царя Цѣлшиберскаго долженъ явиться къ опечену въ хищничесствѣ своемъ предъ богашыремъ Сидона. По послѣдномъ моемъ возгласеніи на городскихъ стѣнахъ вострубили въ трубы и ударили въ бубны; а чрезъ часъ времени увидѣлъ я городскія ворота разпворяющимися; а стѣны покрышыми множествомъ зрителей.

Не долго я ожидалъ; выходъ исполина начался торжественнымъ шествіемъ вельможъ: они шли по два въ рядъ, и нѣкоторые изъ нихъ несли Царскія ушвари на аксамитныхъ подушкахъ. За оными слѣдовала Царская колесница, а за сею самъ исполинъ пѣшій; ибо по величинѣ роста своего ни въ какую колесницу умѣспиться ему было не возможно. Вельможи оспановились въ полкруга, а исполинъ, приближась ко мнѣ, говорилъ страшнымъ голосомъ:

сомъ : дѣйствительно ли я намѣренъ подвергнуть жизнь свою очевидной смерти за бывшего Царя Иверона ? разсуждалъ ли я о дерзкомъ своемъ предпріятіи и о слѣдствіяхъ сраженія съ непобѣдимымъ исполиномъ ? Онъ продолжилъ бы можешь быть подобные симъ и по мнѣнію его имѣющіе меня привести въ ужасъ разговоры, ешьлибъ я не принудилъ его оные кончить и приготовить къ защищенію. Не рассказывай мнѣ басенъ , сказалъ я ему съ пренебреженіемъ ; непобѣдимъ ли ты , докажетъ мое оружіе. Я не устрашаюсь твоего роста , и вижу въ тебѣ лишь безчеловѣчное чудовище , заслуживающее истребленіе. Опдай корону Целтиберскую законному ея носителю и готовься къ достойной казни. — Раздраженный словами моими исполинъ началъ дышать пламенемъ ; все окрестъ его загоралось , и онъ чаялъ сожечь меня. Но къ изумленію его пламень не прикасался ко мнѣ , а обращаясь опалялъ самаго

Часть IX.

Р

его.

его. Пользуясь сею его разстройкою, уклонилъ я копіе мое, и пустился во всю конскую прышь, чѣтобъ пробишь насквозь его желудокъ. Жестокій сей ударъ не причинилъ ему ни малаго вреда, хошя копіе мое до самой руки моей вскочило ему въ брюхо, и шолько ударъ грудью коня моего опрокинулъ его навзничь. Исполинъ вспавалъ и зіялъ на меня пѣнящеюся свсею львиною паспїю, гошоваясь проглотить меня. Ужаснувшїеся зрители, желающїе мнѣ побѣды, пришли въ великую о мнѣ опасносшь и изѣваяли шо жалоспными восклицанїями. Однако я обнажилъ мечъ мой и ударилъ онымъ приближившагося ко мнѣ исполина сѣ шаковою силою, чѣто разрубилъ голову на двое и шѣло до самыхъ грудей. — Разрубай на полы, — доходилъ ко мнѣ голосъ неизвѣстной особы! Но какъ уже исполинъ упалъ и я считалъ его мершвымъ, шо не уважилъ словъ сихъ, а болѣе для того, чѣто не хошѣлъ постыдїть богашырскую руку,

ку, коей слѣдуетъ производить только одинъ рѣшительный ударъ. Но за сію гордость я наказанъ былъ довольно, какъ услышите въ продолженіи моей повѣсти. Едва шло исполиново коснулось землѣ, какъ вдругъ оное исчезло, а я увидѣлъ выскочившаго изъ него звѣрообразнаго эѳіопа въ одѣяніи чернокнижника. Сей прыгнувъ подобно кошкѣ на воздухъ и былъ подхваченъ появившимся огненнымъ орломъ. Ударъ меча моего, разрушившій чародѣйное исполиново шло, въ коемъ онъ сокрывался, лишилъ его только носа. Изъ язвы шекла кровь и чародѣй захватилъ оную пальцами. Тогда позналъ я, сколь нужно было повторить мнѣ удары; ибо безъ сомнѣнія истребилъ бы я оными и самаго чародѣя. Сей, поднявшись на высоту, кричалъ мнѣ: дерзкій богатырь! ты разрушилъ мое очарованіе и освободилъ отъ власти моей Царя Иверона съ его областью. Отнынѣ страна сія отъ меня безопасна:

сна: и не могу никоимъ образомъ злодѣйствовашь земаѣ, на которую истекла кровь моя. Но ты, дерзскій, заплашишь мнѣ за все сіи досады своею жизнію! Я не сомнѣваюсь, что высокоуміе твое побудитъ тебя искать освобожденія дѣшамъ Ивероновымъ. Вѣдай, что оныя въ замкѣ сестры моей; но ты прежде найдешь смерть свою, нежели мѣсто ихъ зашоченія, или скорѣе погибнешь, нежели освободишь ихъ. — Да, опъвѣчалъ я; не сомнѣвайся, что я постараюсь сорвать тебѣ и сестрѣ твоей головы, въ какомъ бы то ни случилось замкѣ. За гордосць твою, безчеловѣчный Зивіалъ (ибо я разумѣлъ, что сей чародѣй былъ самый онъ), я докажу тебѣ, что не въ силахъ ты отърашшь освобожденіе мною несчастныхъ твоихъ узниковъ; я полагаю въ томъ мою славу. — Чародѣй плюнулъ на меня и отворошилъ, а я съ досады бросилъ въ него копьемъ моимъ, хотя безъ всякаго успѣха. Потомъ чаро-

чародѣй, обращаясь къ Иверону, говорилъ : Царь Целшиберскій ! наказаніе, мною тебѣ определенное, прекратилось одновременно ; ты больше уже не бродящій по свѣшу нищій, и будешь спокойно владѣть своимъ народомъ ; однакожъ довольно съ себя и того, что ты никогда не увидишь дѣшей своихъ : сіи бѣдныя жертвы своего упрямства сносятъ достойную имъ казнь. — А я клянусь тебѣ всемъ, что свято, — подхватилъ я слова чародѣеы и говорилъ Иверону, — что я возвращу тебѣ дѣшей твоихъ, или самъ погибну. — Чародѣй не опивчалъ мнѣ, а продолжалъ къ Царю Целшиберскому : я возвращаю тебѣ твоихъ подданныхъ, коихъ я проглотилъ привидѣнно ; они всѣ живы и обращены въ деревья въ саду твоёмъ. Съ разрушеніемъ моего очарованія получили они прежній видъ свой. Выговоря сіе, онъ исчезъ. Я указалъ приближившимся вельможамъ ихъ Монарха, и Царь Иверонъ, возложавъ на

Р 3

себя

себя знаки своего достоинства, поднесенные вельможами, возшелъ на колесницу. Онъ всенародно прини-силъ мнѣ благодареніе и просилъ меня слѣдовать за собою во Дворецъ его. — Я ѣхалъ на конѣ моемъ по правую сторону колесницы, при радостныхъ восклицаніяхъ всего на-рода.

По отправленіи торжества, ко-торое не весьма было радостно для Царя Иверона въ разсужденіи пе-чали о его дѣтияхъ, повелъ онъ меня въ покои, гдѣ стояли живо-писныя изображенія дѣтей его. Видъ Зорана представлялъ прекраснаго юношу, въ коемъ свѣшъ имѣлъ ожи-дать ироя. Но могу ли я описать вамъ все, что увидѣлъ я въ лицѣ Зениды? Я чаялъ взирать на бо-жество, низшедшее съ небесъ во образѣ смертныя дѣвицы. — Вотъ каковыхъ дѣтей лишился я, ска-залъ Иверонъ воздохнувши! — Да, отвѣчалъ я; естли кисть худож-ника не польстила въ изображеніи ва-

вашей дочери, не знаю я, какой бы богатырь не подвергъ жизнь свою всѣмъ возможнымъ опасностямъ для ея избавленія. — Возлюбленный Сидонъ! подхватилъ Царь Целшиберскій, примѣтя дѣйствіе, произведенное въ моемъ сердцѣ бездушными чертами своей дочери; о ешьли бы ты видѣлъ подлинникъ, ты сказалъ бы, что художникъ не все еще изобразилъ въ подражаніи! О ешьли бы я щаспливъ былъ, чѣмъ за всѣ швои одолженія могъ воздать тебѣ, учиня тебя моимъ сыномъ, съ какою бы радостію предалъ я во объятія швои Зепиду! — Признаюсь, что я почти однимъ шолько воображеніемъ плѣнился до крайности прелестною дочерью Царя Целшиберскаго; посему не удивляйтесь, что я повергся къ ногамъ Ивероногымъ, и благодаря его за незаслуживаемую милоспѣ, повнорялъ кляшвы о презрѣннй мсей жизни для избавленія дѣшей его. Царь Иверонъ шолько былъ шѣмъ про-

Р 4

нушъ,

нупъ, что повелѣлъ съ той мину-
 ты называть мнѣ себя опцемъ
 своимъ. Есшли мы и не будемъ
 щаспливы, говорилъ онъ, узрѣшь
 въ жизни дѣшей моихъ; есшли Зо-
 ранъ погибъ и Зенида не соеди-
 нится съ шобою вѣчными узами,
 кто причине заслуживаетъ мое
 усыновленіе? кому наилучше вручу
 я наслѣдство моего престола, какъ
 тому, кто изъ единой добродѣтели
 за меня вступился? — Я благо-
 дарилъ моего благодѣтеля, обнимая
 его колѣна, и просилъ дозволенія
 въ шощъ же день отправишься на
 мой подвигъ. Тщешно старался
 онъ удержать меня при себѣ на
 нѣсколько времени; я насильно вы-
 рвался изъ его объятій. Дражайшій
 опецъ мой, сказалъ я Царю! вы
 учинили нещастія свои общими и
 мнѣ, шо простищельно ли будетъ
 любовнику прапиль время, въ кое
 можетъ онъ сократить нѣсколько
 часовъ изъ нещасной судьбы не-
 сравненныхъ Зениды. — Выговори-
 те,

сіе, простился я съ нимъ, оставилъ спрану Целшиберскую и обратилъ пушь мой на сѣверъ по назначенію волшебницы Тифеи.

Я сносилъ всѣ затрудненія спраншвованія; любовь къ Царевнѣ Зенидѣ, коею заняты были всѣ мои помышленія, облетчала шягосши, мною сносимыя; иногда проѣзжалъ я непроходимые лѣса, по взбирался на неприступныя горы, переплывалъ морскіе заливы, сражался съ дикими звѣрьми, или съ безчеловѣчными жишелями спранъ варварскихъ. Я все преодолевалъ, но не считалъ сіе достойною жертвою красавицы, кою обожалъ, не зная, шакова ли она въ самомъ дѣлѣ, какъ я чаялъ. Наконецъ, путешествуя цѣлый годъ, лишился я коня моего, и принужденъ былъ продолжашъ спраншвованіе пѣшій. Чрезъ нѣсколько дней по семъ, зашедши въ дремучій лѣсѣ, въ коемъ принужденъ былъ просѣкать себѣ дорогу мечемъ моимъ, выбрался я на прекрасный

Р 5

лугѣ.

лугъ. Я въ жизни мсей не видывалъ мѣста, гдѣ бы природа лучше могла соединить свои прелести и распочить свои щедрости: чистѣйшій воздухъ, наполненный ароматными испареніями всюду шумъ растущихъ благовонныхъ цвѣшовъ, колебался только отъ пріятнаго пѣнія ппичекъ, кои украшали видомъ перьевъ своихъ кусточки, на коихъ сидѣли. Прозрачные источники били ключемъ свѣжей воды изъ подъ всякаго дерева, кое приглашало подъ тѣнь свою; зрѣлые плоды тысячныхъ родовъ изображались прелестнѣйшимъ повтореніемъ на поверхности воды; словомъ, все тамъ было очаровательно, все привлекало. Стократно покушался я утолить мой голодъ со всѣхъ сторонъ надъ головою моею висящими плодами; но завѣщаніе Тифеино повсегда удерживало мою алчность. Наконецъ утомленный шруднымъ путешествіемъ и полдневнымъ жаромъ легъ я подъ финиковымъ деревомъ,

около

около коего обвившійся виноградъ
листвіемъ и гроздами своими со-
ставляялъ непроницаемую сѣнь. Про-
кладный вѣшпокъ, качая вѣшви
деревя, приклонялъ спѣлые вино-
градные грозды почти къ самымъ
губамъ моимъ. Представьте, какое
искушеніе человѣку, не бѣвшему болѣе
сушокъ; я сорвалъ гроздь, и держа
онъ въ рукахъ, размышлялъ, не
безразсудно ли я умираю съ го-
лоду, слѣдуя завѣщанію волшебни-
цы. Развѣ плоды всего свѣта на-
поены для меня оправою отъ ча-
родѣя Зивіаля? Если онъ можетъ
погубить меня чрезъ пищу, онъ
давно бы уже учинилъ сіе на про-
чей моей пицѣ, кою я вкушалъ.
По такихъ размышленіяхъ за-
ключилъ я сѣсть виноградъ, и
принесъ уже ягоду ко ршю, какъ
вдругъ услышалъ позади себя го-
лосъ кричащей женщины: — Ахъ,
прекрасный богатырь! удержишь отъ
вкушенія: шы въ садахъ Зивіало-
выхъ. — Я бросилъ гроздь, вско-
чилъ

чилъ и увидѣлъ позади дерева стоящую дѣвицу неописанной красоты. Легкое ея одѣяніе, едва скрывающее то, что упрямая красавицы не всѣмъ показывающъ, придавало прелесціямъ ея новыя заразы. Надлежало бытъ ушомленну, какъ я; надлежало любить Зениду, чшбъ не возчувствоватъ чего нибудь къ божеству, представшему въ надлежащемъ для искущенія мѣстѣ. По крайней мѣрѣ я не забылъ о вѣжливости; я подшелъ къ дѣвицѣ, оказавшей мнѣ одолженіе въ предохраненіи меня отъ опасной пищи. Принесши ей благодарность, осмѣлился я спросить ее, кто она такова? Я несчастная Царевна, опѣчада она мнѣ, впадшая въ руки безчеловѣчной Нагуры, сестры чародѣя Зивіада. Естлибъ лице ея сходствовало съ изображеніемъ, видѣннымъ мною въ чертогахъ Ивероновыхъ, я счелъ бы ее за Зениду, я упалъ бы пошчасъ къ ногамъ ея; столько подобно было описаніе въ сихъ первыхъ

вухъ словахъ ея. Она была прелестна, но Зениду воображалъ я еще бышь превосходяще. — Приключенія мои нѣсколько длинны, продолжала сія Царевна, и для того сядемъ, чтобъ спокойнѣе могли вы ихъ выслушать. — Мы сѣли, и она начала: я дочь великаго Царя Персидскаго. Уже обручена я была за Короля Армянскаго, который, — примолвила она вздохнувши, — во всемъ подобенъ былъ вамъ, любезный богатырь; я любила жениха моего, а онъ меня обожалъ. Но жестокая Натура похищала меня почти изъ самыхъ его объятий, почти въ самый день нашего брака. Красоша, которую, сказываютъ, что я имѣю, побудила сію чародѣйку умножить мною число злосчастныхъ, опредѣляемыхъ ею для забавы жестокому ея брату. Я нашла въ замкѣ Зивіяловомъ до сна дѣвицъ; ибо волшебница похищала всѣхъ, которыхъ ошличались въ свѣтѣ прелестными лица своего. Признаюсь, что

видѣ

видѣ, въ какомъ предсталъ предъ меня братъ ея, скоро истребилъ изъ памяти моей возлюбленнаго моего Короля Армянскаго. Я чувствую, что то было дѣйствіе очарованія; ибо впрочемъ постоянное мое сердце не могло бы истребить единственный предметъ чистѣйшаго моего пламени. Но представъ себѣ: безчеловѣчный чародѣй, очаровавъ мои чувства, наполня оныя жестокою къ себѣ страстію, презирлъ мою любовь. Онъ, едва только взглянувъ на меня, не удостоилъ меня ни одного слова. Онъ всегда убѣгалъ меня, когда я его искала. Сказываютъ, что какая-то Царевна плѣнила его. — Но благодарю Боговъ, чувства мои премѣнились, я ненавижу уже неблагодарнаго. . . . Но подумай! я женщина, и не могу сносить презрѣнія, — сказала она, схватя мою руку, и прижавши ее къ своей груди. Признаюсь, что обстоятельство сіе привело меня въ замѣшательство, и безъ особливаго случая я не вышелъ

шелъ бы изъ моего изступленія. Спращныя взоры сея дѣвицы, на меня усмиренныя, представили мнѣ, сколько бы могъ я бышь щасливъ, нашедшись въ такомъ положеніи съ Царевною Целтиберскою. Огонь, конемъ пылала грудь обручницы Короля Армянскаго, чрезъ прикасающіяся руки переходилъ въ мою. Воображенія мои заблуждали: я чаялъ мыслишь о Зенидѣ, но взиралъ на ея совѣспиницу; самъ внутренно прошивилъ родящимся во мнѣ побужденіямъ, но цѣловалъ уста, нечаянно коснувшіяся къ губамъ моимъ. . . . Ахъ! да просишь мнѣ Зенида! сіе случилось сверхъ ожиданія, сіе было лишь очарованіе! Однако въ самое опаснѣйшее для меня мгновеніе увидѣлъ я великаго шигра, бросившагося на Царевну Персидскую; смертоносныя его когти вонзились въ ея шѣю. Я вскочилъ, обнажилъ мечъ мой, и желая поразишь шигра, промахнулся и концемъ меча задѣлъ по плечу ту, кою

кою хотѣлъ избавишь. Въ сію мину
 нушу земля потряслась подъ моими
 ногами, шигръ исчезъ, прекраснѣй-
 шее мѣсто обратилось въ забытую
 природою пустыню, а Царевна Пер-
 сидская въ нагую черную шаруху,
 коея шѣло украшено было сѣдою
 шерстью, и какъ бы нарочно только
 на плечахъ прикрыто клочкомъ ме-
 двѣжей шкуры, чшобъ учинить со-
 вершенное противоположеніе преле-
 снямъ видѣнной красавицы. — О
 злодѣй! — вскричала она, обращась
 въ летучую мышъ, и удаляясь по
 воздуху въ представившееся мнѣ на
 неприступной горѣ зданіе; — сколь
 ты щаслигъ! едва ты не учинился
 добычею Нагуры; однако ты не из-
 бѣгнешь рукъ моихъ, или раздра-
 женнаго побоею ея брата. — —
 Вскорѣ вѣдьма сія исчезла въ гла-
 захъ моихъ, а я остановился не-
 подвижимъ въ размышленіи о ода-
 сномъ моемъ приключеніи.

Спыдаясь моею неосторожносци,
 извинялъ я слабость, въ кою гошовъ
 былъ

былъ опуститься только по чрезвычайному дѣйствию очарованія. Не понималъ я, кому обязанъ я за неожиданную помощь, и кому приписашъ привидѣннаго шуга, спасающаго меня отъ бѣдствія, мнѣ угрожающаго. Я не зналъ, что начашъ, хотя и радовался, достигнувъ до Зивіялова замка; ибо видимое на горѣ зданіе считалъ его жилищемъ. Надежда, что увижу, а можешъ быть и освобожду Зениду, наполняла меня бодростію. Я шелъ подвергнуться всему, что бы ни было, и уповалъ на силу моей руки и моего оружія.

Я поспѣшалъ неупомимо къ горѣ, преодолая всѣ затрудненія; ибо надлежало мнѣ перепрыгивать опасныя пропасти, спускался съ прекрутыхъ утесовъ и каменныхъ скалъ, сражашся съ обитающими на оныхъ страшными змїями. Но продолжая цѣлый день сіе, съ огорченіемъ видѣлъ, что замокъ чародѣевъ столькожъ отъ меня удалялся, чѣмъ чаялъ я къ оному при-

Часть IX.

С

бли-

ближашься. Мрачная ночь заспигла
 меня на опасной каменной скалѣ,
 шакѣ что я не смѣлѣ ни спуститься
 съ оной, ни взять моего отдохнове-
 нія: я сидѣлѣ, схватясь обѣими ру-
 ками, и щился бодрствовать. Но
 сколько я ни принуждалѣ себя въ
 томѣ, глаза мои прошиву воли мо-
 ей сомкнулись. Ужасный шумѣ воз-
 будилѣ меня: я увидѣлѣ великую
 огнемѣ пылающую гору, лешащую
 прямо ко мнѣ на голову. Въ страхѣ
 просперѣ я мои руки, чшобѣ под-
 хватить оную; но какѣ я и дер-
 жася шолько на скалѣ помощію рукѣ,
 то оборвавшись полетѣлѣ спремглавъ
 въ находившуюся подѣ ногами мо-
 ими пропасть. Ужасѣ смерти; (ибо
 не возможно мнѣ было воображать,
 чшобѣ не раздробилося шѣло мое въ
 чаши ошѣ сего паденія) при-
 велѣ меня въ безпамятство. Сколько
 я въ ономѣ находился, сказашь не
 могу, но почувствовавѣ, какѣ бы
 облило меня нѣчто подобное холо-
 дной водѣ, пришелѣ въ себя и къ
 уди-

удивленію моему очутился я у самыхъ воровъ замка. Я не имѣлъ времени разсуждать, во силѣ ли мнѣ привидѣлось паденіе мое въ пропасть, или было то въ самомъ дѣйствиіи, и какимъ образомъ я остался цѣлъ, для того что страшное привидѣніе обратило меня усречь на себя мое вниманіе. Показалось мнѣ, что ворова замка почти съ подобнымъ грому шумомъ отворились, и изъ оныхъ пролилась огненная рѣка. Смола и горячая сѣра, клокощія въ оной, лилися. Я принужденъ былъ уступить все пожирающему пламени; ибо неуспрашимость не помогла бы мнѣ отъ онаго; однакожъ горящая жидкость спремилась за мною всюду, куда я ни убѣгалъ. Упомясь безплоднымъ бѣганіемъ, видѣлъ я себя оною окруженна. Уже чувствовалъ я жаръ, долженствующій необходимо меня уничтожить, какъ вдругъ появилась приближающаяся ко мнѣ раскаленная желѣзная ладія; всѣхъ непоспешимыхъ воображенію родовъ

чудовищи влекли оную. Посреди сей узрѣлъ я безчеловѣчнаго Зивіяла съ напряженнымъ лукомъ, гошоваго пу-
 ешишь въ меня огненную стрѣлу. Не успѣлъ я еще ни къ чему возна-
 мѣриться, стрѣла сія, провождаемая
 яростнымъ взглядомъ чародѣя, по-
 летѣла въ мою грудь; я схватился
 за мечъ мой, однакожъ не помогло
 бы по мнѣ, еспьлибъ броня моя не
 была крѣпче коснувшася мнѣ ору-
 жія: стрѣла разбилась вдребезги о
 грудь мою, не причиня ни малѣйша-
 го оной вреда. Тогда-то воскипѣлъ
 я гнѣвомъ; всѣ опасности исчезли
 въ глазахъ моихъ: съ мечемъ въ
 рукѣ бросился я во вреющую рѣку,
 рубилъ въ досадѣ самые крутящіеся
 пламенные вихри, кои удерживали
 меня приблизиться къ чародѣю. Вол-
 шебная сила меча моего пошчасъ
 уничтожила привидѣніе: огонь исчезъ
 и ударъ мой упалъ уже на выю
 мерзкаго Зивіяла; но въ то мгно-
 веніе желѣзная ладія обратилась въ
 великаго крылатшаго змія, кошорый,
 по-

поглощая чародѣя, поднялся на воздухъ. Ударъ мой оспался шпещень, и лишь привелъ въ колебаніе воздухъ окрестъ меня. Въ жестокой досадѣ, что искомая добыча мщенія моего избѣгла опъ рукъ моихъ, бросился я къ ворошамъ замка, кои нашелъ запершыми замкомъ съ чародѣйными начертаніями, и началъ рубить оныя мечемъ моимъ. Очарованные затворы не усполяли прошиву дѣйствія моего оружія, и распавшись открыли мнѣ свободный входъ внутрь жилища Зивіялова. Все, что ни представлялось моимъ взорамъ, было мерзко, или ужасно для оныхъ. Въ одной споронѣ видѣлъ я прикованныхъ чудовищъ, терзающихъ еще препещущіе члены несчастныхъ челоуковъ, вданныхъ имъ на пищу; въ другой представлялись мнѣ кошлы, варящіе въ себѣ змѣй и разныхъ гадовъ; нестерпимый смрадъ заражалъ шущъ воздухъ, и все зданіе было изъ чернаго закопшлага ка-

меня. Но сколь ни побуждала меня природа удалиться изъ такового отвратительнаго мѣста, гнѣвъ удерживалъ меня; я чаялъ дожидаться нападенія на себя отъ чародѣя, въ чемъ и не обманулся. Онъ появился лепящій пропиву меня на самомъ шомъ змѣ, который его проглотилъ. Дерзскій, — кричалъ онъ ко мнѣ! — ты желалъ найши себѣ гробъ въ моемъ жилищѣ; ты безъ сомнѣнія получишь оный. Сказавъ сіе, сразился онъ со мною копіемъ, изъ коего брызгали толь пронзительныя огненные искры, что сожигали въ мгновеніе ока все, къ чему ни прикасались. Броня моя защищала меня отъ сего опаснаго оружія моего противника, и я имѣлъ свободу дѣйствовать мечемъ моимъ. Первый ударъ раздробилъ въ части копіе чародѣево, другимъ лишилъ я его руки. Змѣй хотѣлъ было опять пожрать Зивіяла, но я, повторяя удары, отсѣкъ чудовищу голову; оно исчезло и оставило чародѣя дѣйствию неумолимой руки моей.

моей. Я не сморгнул на его покорность, не вѣря словамъ любаго безбожника, и изрубилъ его въ части. Соверша сіе, готовился я къ другому сраженію; ибо не сомнѣвался, что Нагура придетъ мстить мнѣ смерть своего брата; однакожъ я, проходя палаты, переходы и погреба, находившіеся въ замкѣ чародѣвомъ, не нашелъ ее. Всюду господствовала ужасная пуспота, и я, пришедъ въ себя, началъ уже опчаяваясь сыскашь въ семъ мѣстѣ возлюбленную мою Целшиберскую Царевну. Сіе приключило мнѣ разныхъ мучительныхъ воображеній. Я чаялъ, что безчеловѣчіе чародѣевъ погубило дѣшей Царя Иверона, или удалило ихъ въ такую страну, куда желанія мои не въ состояніи довести меня къ нимъ на помощь. Но между шѣмъ вошелъ я въ прекраснѣйшій садъ.

Сколько прошивны и гнусны были первые предметы во внутренности замка, столько вапрошивъ

плабняли, они взоры мои здѣсь. Весна и лѣто соединялись шумѣ въ прелеспябйшемъ порядкѣ, а осень по мѣспамъ являла свое изобиліе. Испуканы рѣдкаго художества украшали дороги и водомешы; прохладныя сѣни привлекали къ отдохновенію. Я шелъ нечувствительнѣ опчасу далѣе; предметъ отвлекалъ меня отъ предмета, и приводилъ мнѣ въ забвеніе опасносшь, что я нахожусь въ жилищѣ смертельной моей непріятельницы Нагуры; наконецъ сіяющее зданіе обратило на себя мое вниманіе. Я удвоилъ шаги мои и очутился у хрустальнаго зданія, неимѣющаго въ себя входа. Я увидѣлъ въ ономъ, — о Боги! я увидѣлъ дѣвицу; кошорыя красосу никакое человѣческое воображеніе предсшавитъ себѣ не можешъ; но, о возлюбленный Булашъ, могу ли я изъяснишь тебѣ чувствованія, происшедшія въ моемъ сердцѣ при ономъ взглядѣ? Это была Зенида, единственнѣй предметъ моихъ желаній,

ланій, единственная мечта трудных моих подвиговъ, но несравненно прелестнѣйшая, нежели видѣлъ я ее въ изображеніи во Дворцѣ Царя, отца ея. Она спала на поспелѣ, усыпанной розами. Я приблизился, пожиралъ глазами ея прелести, не смѣя дышать, дабы не возмутишь ея покоя. Но ахъ! сей сонъ ея былъ дѣйствіе очарованія. Три дни сидѣлъ я у спѣны хрустального зданія, ожидая ея пробужденія, не вкушая никакой пищи, но бесплодно: Зенида опочивала. Голодъ ушомилъ меня; пришедъ въ безсиліе, опасался я оставить зданіе, заключающее въ себѣ божество души моей, чшобъ пошедъ искашь себѣ пищи, не утратишь мою возлюбленную. Однакожъ природа превозмогла меня: я, покоряясь моей спраси, забылъ завѣщаніе благодѣтельствующей волшебницы. Около хрустального зданія росло множество прекраснѣйшихъ видовъ спѣлыхъ яблокъ; я, взирая на Зениду, нечувствительно срыва-

С 5

валъ

валъ овощи, сѣбдалъ и насытилъ оными мою алчность. Когда голодъ престалъ меня мучить, я вспомнилъ завѣщаніе Тифеино; ужасъ объялъ меня, но проснувшаяся Зенида прогнала все изъ моихъ мыслей. Сидонъ! — вскричала она, вскочивъ въ нѣкошоромъ родъ испугленія; — я знаю, что привело тебя въ мѣсто сіе; я не пропиваюсь своимъ намѣреніямъ. Но хопя ты и испребилъ мучителя моего Зивіяла, однако не ожидай извести меня изъ сего очарованнаго зданія, поколь побдишь ты всѣхъ богатырей, коихъ чародѣи вызвалъ на сраженіе съ моимъ братомъ, Царевичемъ Зораномъ. Сшупай на право, тамъ на великомъ полѣ найдешь ты ихъ гошовыхъ вступитъ съ шобою въ бой. Чеснь победы надъ ними отдаю я по волѣ моей достойному владѣти мною. Братъ мой не имѣетъ довольно силъ сразитъ съ цѣлымъ войскомъ богатырей; но ештли бы онъ и сразился, сіе по ухищренію чаро-

чародѣя не возвратило бы ему свободы, ни меня извело изъ сего очарованнаго започенія. Онъ далъ мнѣ право избрать противоборца, а я нарекаю онымъ тебя. Снупай, возлюбленный; цѣна твоего щаспія зависитъ отъ сего подвига. Сказавъ сіе, подала она мнѣ свою руку; я цѣловалъ оную сквозь прозрачную раздѣляющую меня съ нею стѣну. Я клялся ей исполнить ея повелѣніе; хотѣлъ было изъяснить чувствованія моего сердца, какъ вдругъ примѣшилъ, что я удаляюсь отъ хрустальнаго зданія. Мѣсто, на коемъ я стоялъ, помчалось со мною весьма быстро, и вскорѣ очутился я на семъ полѣ. Богатыри, лежавшіе въ разныхъ мѣстахъ на ономъ, и какъ бы дожидавшіеся моего прибытія, вскочили и начали вооружаться. — Ты совмѣстникъ нашъ, ты мнимый братъ прекрасной Зениды, вскричали они, и бросились на меня со всѣхъ сторонъ. Я началъ обороняться, а они продолжали кри-

кричашь : послѣдній, кто изъ насъ
 оспанется, овладѣетъ прекрасною Зе-
 мидою. Бой продолжался цѣлый день,
 и наконецъ я имѣлъ удовольствіе
 видѣть всѣхъ, нападающихъ на
 меня, падшихъ на рашномъ полѣ
 отъ руки моей. Я готовился воз-
 гласить побѣду, какъ страшный
 голосъ съ воздуха пронзилъ мои
 уши. Я взглянулъ и увидѣлъ На-
 туру, сидящую на черномъ облакѣ.
 Злодѣй, кричала она ко мнѣ! на-
 конецъ хитрость превозмогла охра-
 няющее тебя волшебство Я опшмспи-
 ла тебѣ смерть моего брата своею
 собственною. Ты насытилъ голодъ
 пвой ядовитыми яблоками, отъ
 коихъ погибнешь въ сіе мгновеніе
 ока, и ничто уже тебѣ не поможетъ.
 А чшобъ горестнѣе учинишь тебѣ
 смерть пвою, вѣдай, что ты ви-
 дѣлъ не Зениду, помогшую пвоему,
 искушенію : это была я, коей руку
 лобзалъ ты съ восхищеніемъ. Я
 приказала тебѣ сражаться съ сими
 богашырями, но ты сражался лишь
съ

съ очарованными деревянными спашуями, и сіе нужно для меня было по шому, чшобъ движеніе ускорило дѣйствію яда. Погибни, злодѣй! Вошъ бракъ швой съ негодною швоею Зенидою! — Когда вѣдьма окончила рѣчь свою, смершнй сонъ распротерся на всѣ мои чувства: я упалъ и чаялъ, что спалъ до самаго шого часа, вѣ который вы, храбрый Булашъ, возвратили мнѣ жизнь мою.

Продолженіе Булатовыхъ приключеній.

По окончаніи повѣствованія Сидонова Булашъ взглянулъ на кошти, покрывающія рашное поле, и съ удивленіемъ примѣшилъ, что глаголющаго прежде обманулась; онъ не видалъ уже кромѣ деревянныхъ обрубковъ, являвшихъ на себѣ дѣйствіе сильной руки богатыря Африканскаго. — Я уповаю, началъ говорить Булашъ къ нему, что мы не вѣ даль-

дальности отъ жилища Нагуры, и попому не согласишесь ли вы докончить обѣщанное Царю Иверону? Я не хочу предлагать вамъ моей помощи; ибо вы довольно имѣете храбрости и силы для окончанія подвига, заключающаго въ себѣ судьбу желаній вашихъ, но уповаю, что вы мнѣ, какъ другу своему, позволите раздѣлить ваши опасности и не позавидуете славѣ бытъ участникомъ споль труднаго вашего приключенія. — Сидонъ благодарилъ его и просилъ, чшобъ онъ совѣтами своими и силою участвовалъ въ его предпріятіи. Я признаюсь, продолжалъ онъ, что мнѣ нужна помощь богатыря споль испытанной храбрости; ибо безъ нея гншелъ было уже я смерть себѣ. — Послѣ сего заключили они по предписанію волшебницы Тифеи шествовать на сѣверъ, и спараться прежде всего испребитъ изъ свѣща злобную Нагуру, еспшли шолько щасіе доведетъ ихъ въ ея жилище.

Ош-

Осправясь въ пущь , чрезъ нѣ-
 сколько часовъ пришли они въ пре-
 ужасную пущыню: мѣсто сіе каза-
 лось забвеннымъ отъ природы. По-
 крышыя снѣгомъ горы , сухой песокъ
 на долахъ , увядшія вѣтви без-
 лиственныхъ деревъ , ни одной жи-
 вой шравки и повсюду ни капли
 воды сославляли окрестности, сквозь
 кои они проходили. Въ три дни не
 вкушали они ничего , кромѣ без-
 сочныхъ корней , имѣющихъ про-
 шивный запахъ. Но таковое запру-
 дненіе не отвращало храбрыхъ лю-
 дей отъ ихъ намѣренія. На че-
 твертый день достигли они на нѣ-
 кошорой холмъ , съ коего усмотрѣли
 въ близкомъ разстояніи прекра-
 снѣйшіе сады , кошорыхъ зелень
 перемѣшена была различными пло-
 дами. Поспѣвшимъ шуда , сказалъ
 Сидонъ Булату ; я не думаю , чтобъ
 плоды древесные вѣчно были для
 меня ядъ ; по крайней мѣрѣ все ра-
 вно умереть , съ голода ли , или отъ
 отравы. Едва окончилъ онъ сіи сло-
 ва ,

ва, какъ холмъ, на коемъ они находились, помчалъ ихъ прямо къ тѣмъ садамъ. Они удивились сему чрезъбеспественному случаю и думали, что надлежитъ оный приписать покровительству Боговъ. Уже готовились они съ первымъ шагомъ быть подъ сѣнью каковагонибудь плодovitаго дерева, какъ холмъ, приближась къ садамъ, помчалъ ихъ тѣмъ же самымъ путемъ обратно. Очупясь на прежнемъ мѣстѣ, чаяли они, что слѣдуетъ имъ сойти на плоскую землю; но холмъ препящивовалъ въ ономъ, продолжая возить ихъ на себѣ съ несказанною быспрошою. Богатыри разсердились чрезвычайно за шаковую не во время оказываемую услугу; гоповы были мспитъ, но кому? бездушному холму. Сіе унизило бы ихъ званіе. Однакожъ надлежало чтонибудь предпринять. Они догадывались, что сіе заключаетъ въ себѣ какойнибудь умыслъ чародѣйки, ихъ непріятельницы. Движеніе холма опъ

часу

часу ускорялось и богатыри прину-
 ждены бы были задохнуться отъ бы-
 спрошы, съ кою разсѣкали они
 воздухъ, естли бы Булапу, непри-
 выкшему сносишь сопротивленія и
 препяиствія, не пришла охоша уда-
 рить о холмъ своею дубиною. Дѣй-
 ствіе сіе за одинъ разъ остановило
 очарованіе; холмъ разсыпался и изъ
 подъ онаго усмотрѣли они выскочив-
 шую Нагуру. Сія, по обыкновенію
 своему обращась въ летучую мышь,
 полетѣла, крича къ богатырямъ,
 что они конечно найдутъ смерть
 свою, естли покусятъ войти въ
 ея замокъ для освобожденія дѣшей
 Царя Иверона. Богатыри мало смо-
 трѣли на сіи ея угрозы, и ни мало
 не медля, вошли въ сады; однакожъ
 Булапъ не совѣшовавъ вкушать пло-
 довъ Сидону безъ прикосновенія къ
 онымъ его оружіемъ, уничтожаю-
 щимъ всякое очарованіе. Нѣсколько
 деревъ въ самомъ дѣлѣ содержали
 оправу, и по разрубленіи мечемъ
 плодовъ съ оныхъ выползало изъ

Часть IX.

Т

сихъ

сихъ множество маленькихъ змѣекъ, но нашли они иъкошорыя, кои были естественныя, и сими богатыри ушолли свой голодъ. Укрѣплясь пищею, приняли они успокоеніе, но были разбудены великимъ шумомъ. Вско-ча опъ сна, усмотрѣли они себя окруженныхъ цѣлымъ войскомъ огнен-ныхъ богатырей, кошорые напали на нихъ съ великою запальчивостію; однакожъ удары ихъ оружія, упадаю-щіе подобно дождю на богатырей, не причиняли онымъ ни малаго вреда, напрошивъ Булашъ и Сидонъ съ ка-ждымъ махомъ превращали въ ничто сихъ привидѣнныхъ ратниковъ; оныя, учиняясь дымомъ, исчезали. Вскорѣ не видно спало сего огненнаго воин-ства, но вмѣсто того показалась имъ сама Нагура, вдущая на препе-ликомъ слонъ, имѣющая въ рукахъ своихъ сосуды, изъ коего выходили ядовитыя пары, заражающіе воздухъ. Дѣйствіе оныхъ споль было жесто-ко, что самая земля сторала въ шомъ мѣстѣ, гдѣ оныя упадали. Словъ съ

съ своей стороны опровергалъ горы своимъ страшнымъ хоботомъ. Богатыри, взирая на приближающееся столь опасное нападеніе, не явили въ себѣ ни малаго ужаса. Не должно сего опасаться, сказалъ Сидону богатырь Рускій; сіе употреблено только для устрашенія. Я увѣренъ, что чародѣйство не поспѣетъ противу нашего оружія, но должно быть оснороженнымъ, чтобъ Нагура не могла уйти отъ заслуженной казни; ибо время уже сдѣлать конецъ симъ безплоднымъ играмъ ея привидѣній. Послѣ чего заключили они между собою, чтобъ раздѣлить бой и Булату напасть на слона, а Сидону стараться въ тожъ время истребить Нагуру.

Въ приближеніи чародѣйки ядовитые пары, начавъ изъ сосуда ея изходить жеспочае, зажгли землю подъ ногами и вокругъ богатырей, и разкалили воздухъ до того, что они едва не задыхались. Надобно думать, что Нагура употребила

важнѣйшія тайны своея науки къ сему очарованію; ибо охраняемая волшебствомъ броя Сидонова не дѣлала ему защиты, но по щастію Булапъ открылъ свой злѣпый сосудецъ и дѣйствіе онаго въ одно мгновеніе ока уничтожило вредоносныя пары. Богатыри, вдыхнувъ въ себя свѣжій воздухъ, укрѣпились и напали на Нагуру, готовящуюся возбудить дѣйствіе своего оружія. Булапъ страшною своею дубиною поразилъ слона столь сильно, что оный опрокинувшись придавилъ шѣломъ своимъ вѣдму. Тогда Сидонъ бросился къ оной, вознамѣрясь изрубить ее въ части, однако шѣло убишаго слона, почти всю ее закрывшее, въ томъ препятствовало. Вѣдма, съ своей стороны спараясь высвободиться изъ подъ придавившаго ее бремени, выснавила голову, но сіе совершило ея участь: Сидонъ, схватя за оную, потащилъ столь сильно, что оторвалъ прочь отъ шѣла. Тогда страшный громъ оглушилъ

шла въ богатшрей; сады, въ коихъ они находились, обратились въ спрashedную пущыню; шрупъ убишаго слона спалъ каменною горою и земля потрясшись проглотила сію сѣшломъ Нагуры. Огнь долго выходилъ изъ пропасти, и Сидонъ, считающая сію опверспіемъ ада, повергъ въ нее и голову чародѣйкину для достойной казни.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, Булашъ и щоварищъ его усмотрѣли погибель и замка Зивіялова, въ кошоромъ сестра его учинилась было по его смерти наслѣдницею. Земля не пощадила зданія, въ коемъ совершались великія безбожія: она пожрала его въ себя. Сидонъ воспренешалъ о участи дѣшей Царя Иверона; однакожъ среди густой мглы и дыма, изшедшаго надъ проваломъ, увидѣлъ онъ нечто блестящее и мало помалу къ нимъ приближающееся. Ожидая каковаго нибудь новаго приключенія, богашрей примѣшили наконецъ, что сіе

было свѣтлое облако, несущее на себѣ трехъ особѣ, и Сидонѣ вскорѣ узналъ, что оныя были волшебница Тифея, держащая за руки Зениду и Зорана. Облако опустилось, на землю предѣ богатырями, и сидѣвшіе на ономѣ сошли. — Благодарите своихъ избавителей, оказала волшебница дѣшамѣ Царя Иверона; они пресѣкли ваши напасти и истребили смертельныхъ вашихъ неприятелей. — Царевичъ и Царевна учинили сіе съ таковою чувствительностію, что Булашѣ принужденъ былъ отречься отъ приписываемыхъ ему благодареній. Я ничего не сдѣлалъ, говорилъ онъ къ волшебницѣ; одинъ только случай привелъ меня быть зрителемъ храбрыхъ подвиговъ богатыря Сидона. Сей съ своей стороны относилъ успѣхъ своего приключенія покровительству волшебницы. Какъ то ни было, отвѣчала она, но я вѣдаю цѣну заслугъ богатыря Сидона; безъ его великодушія, побудившаго вступиться

вѣ

вѣ несчастія Царя Иверона, я не могла бы подашь ни малой помощи моимъ племянникамъ. Изъ сего познайте вы, что сколь бы ни великъ былъ человекъ въ своей власти, но не можешь защитишь себя отъ иѣкопныхъ злощастій. Я, имѣющая силу помогать цѣлымъ народамъ, не могла по успавамъ таинственныхъ книги судебъ изкишишь отъ бѣдствія моихъ племянниковъ. Вся помощь моя въ подвигъ швоемъ, храбрый Сидонъ, состояла въ томъ только, что я надзираала швои поступки, и таинственными вліяніями предохраняала себя отъ иѣкопныхъ опасностей. И такъ вѣдай, что когда ты приближился къ садамъ Зивіяловымъ и голодъ принуждалъ тебя вкусишь ядовитый виноградъ, къ чему побуждала тебя невидимо присутствовавшая душъ Нагура, я вскричала къ тебѣ тогда и мой ты слышалъ голосъ. Но хитрая чародѣйка, видя, что я не могу воспрепятствовать ей во искушеніи тебя,

въ самое то мгновеніе ока приняла
 на себя видъ Персидской Царевны.
 Все бы погибло, естлибъ шы пре-
 дался во власть ея мнимымъ пре-
 леснямъ; шы лишенъ бы былъ вся-
 кой помощи, волшебное оружіе швое
 утратило бы свою силу и шы осмался
 бы въ вѣчномъ заточеніи у Зивіяла.
 Однакожъ я въ видъ шигра приудила
 тебя извлечь швое оружіе и онымъ
 прогнать очарованіе; попомъ когда
 Зивіялъ представилъ уже приближаю-
 щемуся тебѣ къ ворошамъ его замка
 непроходимыя горы и пронаспи,
 я показала надъ тобою въ видъ
 упадающей на тебя съ воздуха го-
 рящей горы, чшобъ шы ошъ спраха
 упалъ на землю; ибо ошъ прикосно-
 венія къ сей зависѣло прогнаіе ме-
 чшы, впрочемъ бы шы, ослаѣпяясь
 привидѣніемъ, никогда не дошелъ къ
 замку, находясь у самыхъ онаго
 ворошъ. Не могу я описать тебѣ
 моей печали, когда я, не имѣя силы
 сойши во внутрь замка Короля чаро-
 дѣевъ, видѣла тебя вкусившаго
 ядъ

ядь и не могла оному воспрепятствовать; однакожъ по смерти швоей узнала я чрезъ мою науку, что богатырь Булашъ въ своемъ златомъ сосудцѣ имѣетъ средство возвратитъ тебѣ жизнь. На сей конецъ я принудила спущивовавшихъ ему людей на ихъ ладьбѣ удалиться отъ острова. Ему казалось, что ихъ погубили Бриты, но оныя охранительными духами донесены въ ихъ опечесство; а сіе учинено мною за тѣмъ, чтобъ Булашъ принужденъ былъ слѣдовать моему водительству до мѣста, гдѣ твои лежали кости, и я вѣщала къ нему невидимо, что счелъ онъ за гласъ духа хранителя. Теперь за всѣ твои заслуги, храбрый Сидонъ, я не могу лучше воздать тебѣ, какъ подтвердитъ слово Царя Иверона: я даю тебѣ руку племянницы моей прекрасной Зениды. Вы сочешаетесь по возвращеніи нашемъ въ столицу моего зятя, а вашего отца, что воспослѣдуетъ нынѣ. —

При сихъ словахъ волшебницы Тифеи Сидонъ повергся къ ногамъ прелестной Зениды, и съ восхищеніемъ цѣловалъ ея руку. Красавица не прокивилась сему его восторгу; ибо сама по дѣйствію нѣкоторыхъ предубѣжденій, о коихъ вскорѣ услышимъ, пылала къ нему жеспочайшею любовію. Зоранъ съ своей сестроны обнималъ своего избавителя и всѣ они оказали множество ласковостей къ богатырю Рускому. Сей съ своей сестроны, приѣмая въ благополучіи ихъ истинное участіе, весьма желалъ знать о приключеніяхъ Зорана и сестры его со времени похищенія ихъ чародѣями. Любопытство его было удовольствовано, и Зенида повѣствовала слѣдующее:

— — — Когда я, прогуливаясь въ садахъ моего родителя для разогнанія печальныхъ моихъ мыслей, похищена была низпадшимъ облакомъ, пришла я отъ того въ безпамятство. Освободясь отъ нечувствія

спвія , увидѣла я себя въ преогромныхъ и богато украшенныхъ покояхъ. Нѣсколько дней находилась я въ неизвѣстїи о моей участи и о томъ , гдѣ я. Всѣ желанїя мои предупредались посредствомъ слугъ ; мнѣ слѣдовало только вообразить въ мысляхъ о какой нибудь вещи , и оная тотчасъ появлялась предо мною. Но легко разсудишь можно , что лишаюсь отечества , родителея и брата , я рѣдко пользовалась сею чудною услужливостїю ; печаль и неизвѣстность судьбы моей содержали меня въ неушѣшимости. На послѣдокъ задумчивость моя прогнана была преужаснымъ свиспомъ вихря , распворившаго навстѣжъ двери въ моей комнашѣ ; черное облако влешѣло въ оныя , и разверзшись повергло къ ногамъ моимъ чародѣя Зивїяла. Онъ стоялъ предо мною на колѣняхъ , когда я отъ страха едва пришла въ себя , и извинялся , что жестокость чувствуемой имъ ко мнѣ любви принудила его дерзнуть на мое похище-

хищеніе. Чтобѣ больше мнѣ повра-
вишься, появился онѣ во всѣхѣ укра-
шеніяхѣ, кои имѣетѣ Король чаро-
дѣевѣ. Но со всемѣ его стараніемѣ
я не видала вѣ немѣ, кромѣ чернаго
чудовища, удобнаго видомѣ своимѣ
вперяшь ужасѣ, а не любовь. Онѣ
обѣщаль мнѣ данѣ власть пове-
лѣвашѣ всѣми духами, хотѣль по-
корить мнѣ весь свѣтъ, собравѣ
окресить меня всѣ его сокровища,
всѣ изобилія, естѣли я соглашусѣ
чинишься его супругою, но ничѣмѣ
не возмогѣ онѣ испребитѣ чувствуе-
маго мною кѣ нему омерзѣнія. Я
убѣждала его слезами возвратишь
меня кѣ моему родителю, и видя,
что онѣ весьма отѣ того удаленѣ,
сказала ему на опрѣзѣ, что я
прежде умру, прежде пренесу всѣ
томленія, нежели соглашусѣ на его
желанія. Чародѣй сокрыль вѣ себѣ
почувствованную отѣ того досаду
и меня оставилѣ. Нѣсколько дней
я его не видала, но напоследокѣ
посѣщенія его сдѣлались столь ча-
сты,

стыи, и любовныя объясненія столь усильны, что я пришла въ великой препенѣ. Онъ въжливости премѣнилъ на угрозы и далъ мнѣ сроку на три дни, чтобъ я рѣшилась, бытъ ли Королевою чародѣевъ, или опданной на разшерзаніе находившимся на площади замка его чудовищамъ. Я не имѣла иной надежды къ моему спасенію, кромѣ бѣгства; на сей конецъ спаралась я сыскашь выходъ изъ палатъ, въ коихъ была заключена, но по несчастію всѣ двери и окна въ оныхъ были очарованы и выхода не позволяли. Бродя шаковымъ образомъ изъ покоя въ покой, пришла я къ однимъ маленькимъ дверцамъ, имѣющимъ золотый замокъ и въ ономъ ключъ изъ того же мешалла. На замкѣ ономъ усмотрѣла я надпись: кто въ сіи двери войдетъ, тотъ никогда уже назадъ не возвратится. Прочтеніемъ сего любопытство мое было на нѣсколько времени удержано; однакожъ разсудя не сочла я худшимъ погибнуть,

ка-

какимъ бы по образомъ ни случилось, нежели dospaшься во власшь ненави- стнаго чародѣя. Я ошперла дверцы и вошла въ комнашу, имѣющую зер- кальныя стѣны. Посреди оной ви- сѣлъ серебряный колоколъ, а подѣ онымъ на столикѣ, обитомъ чернымъ бархашомъ, лежалъ молотокъ. Я взяла оный и безъ всякаго намѣренія ударила въ колоколъ, тогда вся комнаша наполнилась синимъ ды- момъ, и чрезъ нѣсколько мгновеній ока увидѣла я предъ собою сову, укра- шенную разноцвѣтными перьями. Уди- вленіе мое возрасло, когда птица сія закричала ко мнѣ человѣческимъ го- лосомъ: я духъ предсказашель и слуга сего колокола: за чемъ при- званъ я шобю, Царевна? Принакошь, что въ несказанной я пришла отъ сего трепетъ, однакожь, примѣшя, что сова съ почщеніемъ ожидаешъ моего повелѣнія, ободрилась и по- желала узнать, что сомною впредъ случишся. Я хочу знать судьбу мою, сказала я повелительнымъ голосомъ,

и

и буду ли я избавлена отъ рукъ ненавистнаго Зивіяла? — Вамъ стоить только обратиться къ зеркалу, которое позади васъ, — сказалъ духъ; и я повернувшись увидѣла прекраснаго богатыря, сражающагося съ чародѣемъ, моимъ похищеннымъ. Не могу сокрыть, что видѣ богатыря только былъ прелестенъ, что я кромѣ собственной пользы желала ему побѣды надъ Зивіяломъ. Желаніе мое исполнилось: я видѣла его низложившаго мечемъ своимъ чародѣя, и подшедшаго ко мнѣ съ великимъ почтеніемъ; онъ открылъ мнѣ свое сердце и наговорилъ столько страстныхъ и убѣдительныхъ словъ, что я не могла не обѣщать ему взаимной любви. Но въ самое то мгновеніе, когда онъ предлагалъ мнѣ помощь, чтобъ отвезти меня въ мое отечество, и когда я протянула уже къ нему мою руку, зеркало потускло и прелестная мечта исчезла. — Не поревнуй, любезный Сидонъ, продолжала Зенида, обра-

обращаясь къ Сидону, сей богатырь похищившій мое сердце, былъ самый пы и въ самой сей бронѣ. Сидонъ отвѣщствовалъ на сіе пламеннымъ поцѣлуемъ въ ея руку, а Зенида повѣщствовала далѣе: — Хотя при-скорбно мнѣ было лишиться споль пріятнаго привидѣнія, однакожъ душа моя наполнилась веселіемъ, что учаспъ моя предопредѣляетъ меня не чародѣю. Я обратилась къ совѣ, копорая сидѣла очень чинно на своемъ мѣстѣ: шеперь я хочу отъ тебя насшавленія, какимъ образомъ вышпи мнѣ изъ сихъ очарованныхъ палатъ, сказала я къ ней? Сова напорцила свои перья при семъ моемъ словѣ и клялась, что сіе не въ ея волѣ, и что она учинишь по не смѣетъ. Я съ моей спороны употребляла повелишельнѣйшія выраженія и грозила ей разбишь колоколъ, безъ сомнѣнія судьбу ея въ себѣ заключающій, еспли она мнѣ не повинуется, и взмахнула молотъ, схватя оный въ обѣ руки.

Сова

Сова пришла отъ того въ шрепешъ, и по нѣсколькимъ спраннымъ движеніямъ и выступаніямъ взадъ и впередъ закричала: я покоряюсь тебѣ; ибо въ сіе мгновеніе Зивіялъ погибъ: я самъ оставляю сіе мѣсто. И для того ударъ молоткомъ въ стѣну, стоящую на воспокъ. Я учинила сіе; стѣна обратилась въ паръ, и когда оный вѣтромъ разогнало, увидѣла я предъ собою стеклянную лѣстницу о дващцаши чешырехъ ступеняхъ. Ни мало не размышляя, побѣжала я внизъ, сошла въ садъ и бѣжала безъ всякаго намѣренія по первой попавшейся мнѣ дорожкѣ. Казалось мнѣ, что удаляюсь я отъ замка чародѣева, и для того удвоила мои шаги до шѣхъ поръ, какъ упомясь упала я безъ памяти. Пришедъ въ себя, очутилась я лежащая въ хрустальномъ зданіи, неимѣющемъ ни дверей, ни оконъ, на богатой постелѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ увидѣла я представшую предъ меня Нагуру; сія

Часть IX. У сѣ

обращаюсь къ Си^{мону} ^вглядомъ говоря
 похипившій мо^ю ^{за}казашъ себя за шво
 пы и въ сам^у ^{за}ключаю себя вѣчно в
 отвѣщспове^не. Ты заслуживаш^а
 поцѣлуемъ ^{твою} смерть; ибо отъ любви
 повѣспово^д ^{погибъ} братъ мой, одна-
 скорбно ^{страсть} моя къ швоему бра-
 пріят^{елю} ^{держиваетъ} мое мщеніе и
 душа ^{держиваетъ} оное лишь въ семъ
 что ^{домъ} започеніи. Не ожидай, что объ
 ме^н ^{когда} либо отсюду вышла, развѣ
 со^б ^{случаѣ}, когда братъ швой увѣн-
 н^а ^{яетъ} мой нѣжныя желанія. Ты
 будешь безпрестанно спать, и не
 пробудишься кромѣ шого времени,
 когда нужны миѣ будушъ нѣкоторыя
 отъ тебя услуги. — Сказавъ сіе,
 она исчезла, а я упала безъ памяти
 на постелю. Первое мое пробужде-
 ніе было тогда, какъ шы, любезный
 Сидонъ, въ явѣ, или только по ме-
 чтанію, миѣ показавшемуся, при-
 шелъ къ заключающему меня зда-
 нію. Я хотѣла встать и бросишся
 въ швои объятія, но неимѣла силъ
 поднятшся съ моей постели. Я ви-
 дѣла

мое безчувствіе при-
 обѣ огорченія, но не въ
 стояло воли пресѣчь оное.
 ожь мучилась я, примѣшя, что
 хочешь вснѣхъ ростшійхъ близь моего
 започевія яблоки; ибо тайное пред-
 чувствіе побуждало меня опшврашшть
 себя ошѣ онаго, однакожь не могла
 ни подняшсья, ни языкомъ ше-
 ельнушть. На послѣдокъ преодолѣла
 препяшствіе, вскочила съ моей
 постели. зачала говорить; но желая
 сказать тебѣ, чшобѣ ты избавилѣ
 меня изѣ моего започевія, говорила
 непоняшвыя миѣ слова. Причиною
 сего было очарованіе Нагуры; ибо
 по удаленіи швоемъ нашла я ее
 близь себя, наложившую на меня
 свой чародѣйный жезлѣ. Послѣ того
 я пришла опятѣ въ безпамяшство,
 и возбуждена изѣ онаго страшнымъ
 стукомъ, произшедшимъ ошѣ разру-
 шенія замка Зивіялова; я увидѣла,
 какъ оный земля пожирала, и на-
 ходясь въ смертельномъ ошѣ шоѣ
 ужасѣ, подхвачена была прилетѣв-
 шимъ

шимъ ко мнѣ свѣтлымъ облакомъ, разрушившимъ хрустальное заключавшее меня зданіе, и соединившимъ меня съ моимъ брашомъ Зораномъ помощію возлюбленной нашей тешки.

Сямъ кончила Зенида свою повѣсть; Зоранъ перемѣнилъ ее, начавъ свои приключенія тако: —
— Должно сказать правду, что сестра моя была гораздо меня щастливѣе и съ небольшими хлопотами избавилась отъ нападенія своего любовника. Что лежимъ до меня, то я вышерпѣлъ таковыя случаи, къ коимъ одно припоминовеніе во всю жизнь мою будетъ наполнять меня омерзѣніемъ. Послѣ злочаснаго опыта моей неустрашимости, когда я, сражаясь съ испоиномъ, имѣющимъ львиную голову, былъ поглощенъ отъ онаго, не знаю, что со мною случилось; но когда я опомнился, шупъ вмѣсто чаемаго мнѣ мѣста въ желудкѣ испоиновомъ, очутился я въ великолѣпныхъ чершгахъ Нагуриныхъ.

ныхъ. Я лежалъ на богатой по-
 ешелъ, и первое, что кинулось въ
 глаза мои, была прелестная Нагура
 со всѣми своими отличными дарова-
 ніями, сидящая близь меня и при-
 лагающая попеченія о приведеніи
 меня въ чувство. Въмѣсто благодар-
 ности я вздрогнулъ ее увидя. Но
 сіе ее не смутило: она съ спокой-
 нымъ взглядомъ начала ко мнѣ:
 вопрошивишься ли ты, дражайшій
 Зоранъ, чистосердечному моему къ
 тебѣ пламени, когда сами Боги оный
 одобряютъ; ибо они споспѣшеству-
 ютъ любви нашей. Ты погибъ бы
 въ желудкѣ исполина, съ копорымъ
 сражался; но мои усердныя моленія
 смягчили безсмертныхъ: они удер-
 жали жизнь твою и предали тебя
 моей горячности. Не ужъ ли вопро-
 шивишься ты волѣ небесъ? — Го-
 сударыня моя, отвѣчалъ я ей нѣ-
 сколько опомнившись! я чувствую,
 что я вамъ очень много обязанъ, и
 признаюсь, что ваша набожность
 учинила чудо. Но жаль только того,

что вы не дополнили къ вашимъ прошеніямъ, и не исходатайствовали у безсмертныхъ небольшой переправки обстоятельствъ, на примѣръ: ваши восемьдесятъ лѣтъ возраста можно бы сократить шестидесятью; прелестному вашему виду дать по крайней мѣрѣ хотя бы человѣческой. Впрочемъ представьте себѣ противоположеніе, будетъ ли единообразіе и правильность, когда мы раздѣлимъ поспелю: моя кожа бѣла, а ваша уподобляется прекрасному гебану, умалчивая о сивой покрывающей васъ шерсти. Но если прибавить къ тому пару вашихъ кошечьихъ, какъ уголь, красныхъ очей, сей орлиный синій носъ и сіи довольно обширныя уста съ двумя клыками, то не простите ли вы меня, что я останусь съ единымъ къ вамъ почтеніемъ, и оставляю овладѣніе вашею красою любовнику, меня достойнѣйшему? — Я видѣлъ, что сіе объясненіе мое не слишкомъ пріятно было нѣжной моей богинѣ,

богинѣ, однакожъ она умѣла скрыть свою досаду, и съ прищфорнымъ спокойствомъ сказала, что она отъ времени ожидаетъ переменъ моей несклонности; что либо я привыкну сносишь мнимое ея безобразіе, или Боги, смягчася моими мученіями, позволятъ мнѣ предстать предъ себя въ настоящемъ моемъ видѣ. По окончаніи словъ сихъ оставила она меня, кинувъ на меня снраспный взглядъ. Я не понималъ, про какой она говорила настоящей видъ ея. Не ужъ ли какое нибудь очарованіе повергло ее въ шаковое безобразіе, помышлялъ я? но вспомня, что она была сестра Королю чародѣевъ, оставилъ сіе сомнѣніе, и приписалъ звукъ словъ ея лишь къ одной лести, кошорой мнѣ надлежитъ всѣми мѣрами остерегаться. Нѣсколько дней прошло, въ которые я не видалъ Нагуры, не имѣя впрочемъ ни малаго недосшатка въ моихъ пошребностяхъ. На послѣдокъ посѣшила она меня, и маговоря

миѢ тысячу нѣжныхъ объясненій, сказала: чшобѢ доказашь тебѢ, сколько власпенѢ ты надѢ моимѢ сердцемѢ, я опмѣняю тну неволю, вѢ коей ты до сихѢ порѢ былѢ содержанѢ: ты власпенѢ теперь ходишь всюду вѢ моемѢ замкѢ; но кѢ общственному швоему спокойству я не позволяю тебѢ вступашь вѢ увеселишельный домикѢ, находящійся вѢ концѢ моего сада. Сіе снихождение Нагурино произвело во миѢ шо, чшо я уже безѢ опшращенія сѢ нею просился. Но какѢ завѣщаніе ея наполнило меня любопытствомѢ, я не успѣлъ пошерашь ее изѢ глазѢ, какѢ былѢ уже вѢ саду, пробѣжалѢ оный и очутился у самыхѢ дверей увеселишельнаго дому. Я обшелѢ нѣсколько разѢ вокругѢ онаго, размышляя, чшобѢ принуждало вѣдьму воспрещашь миѢ входѢ шуда, и какое миѢ опѢ шого можешѢ случиться безпокойство? МиѢ казалось, чшо здѣсь могу я найши средство кѢ моему освобожденію.

жданію. Ушвердясъ въ семѣ, опворилъ я двери, кои запершы были одною только цѣпочкою. Прошелъ при комнаты, не встрѣшася ни съ какою живущею шварью, но въ четвершой увидѣлъ. . . . о Боги! что представилось моимъ взорамъ? дѣвица, содержащая въ себѣ прелести безсмертныхъ, сидѣла на софѣ, подпершись бѣлѣйшею снѣга рукою и въ глубокой печали. Долго она меня не примѣтила; а я споялъ не смѣя дыхнуть, пожирая ея прелести и влюбясь въ нее до безумія. Наконецъ она съ глубокимъ вздохомъ вскинула на меня глаза и ошановила оныя со изумленіемъ. Я не могъ больше прошивишься побѣждающимъ меня чувствованіямъ, бросился предъ нею на колѣни, и въ восторгѣ моемъ вскричалъ: кто бы вы ни были, прекраснѣйшая изъ смертныхъ, но я не могу удерживать чувствованія, произведенныя прелестями вашими въ душѣ моей. Вы учинили меня на вѣки своимъ неволь-

У 5

ни.

никомъ , и естли Царевичъ Цолпиберскій не отшратипеленъ для глазъ вашихъ , учините его щаспливымъ : соедините съ нимъ судьбу вашу , естли можете вы оною располагать .

— Признаюсь , что обьясненіе шаковое было слишкомъ вольно , но оно было искреннее и въ шогдашнемъ моемъ положеніи врядъ ли бы я сказаъ что получше , хопя бы и шарался собратъ всѣ силы краснорѣчія . Красавица вскочила съ софы , подняла меня , и посадя близъ себя на софу , сказала : предложеніе ваше для меня очень странно ; я понимаю , что вы , равно какъ и я , находитесь въ изволѣ у немилосердой Нагуры , шо какимъ образомъ дозволяете вы спрасшныя помышленія своему сердцу , когда каждую минушу должно ожидать смерти ошъ ея люпости ? Я догадываюсь , что ваша красота вринудила чародѣйку похишить васъ въ ея жилище : разсудитежъ , когда она назначила васъ себѣ въ любовники , что воспослѣдуетъ

дуетъ со мною, естли она свидаетъ, что я отъемлю у ней ваше сердце? Оставьте меня, любезный Царевичъ, или вы безъ сомнѣнiя учините меня жертвою ея ревливости. — Сколько я ни старался убѣждать ее сказать мнѣ, хотя одно слово, что я могу когда нибудь быть щасливъ, она швердила мнѣ объ одной только опасености, и напоследокъ, видя, что я не властенъ самъ въ себя, оставила меня, и ушедъ въ другой покой, заперла за собою двери. Цѣлый день дожидался я, что она ко мнѣ выдетъ, но не получа сего, впалъ въ отчаянiе и пошелъ въ мое жилище въ глубокой печали.

Нагура посѣщала меня въ пошъ же вечеръ; она пѣняла мнѣ, что я не удержался послѣдовать ея завѣщанiю. Ты видишь, продолжала она, сколько имѣю я заботы о своемъ спокойствѣ. Я за шѣмъ лишь и совѣщовала тебѣ не вступать въ увеселительный домикъ, что вѣдала о угро-

угрожающей тебѣ опасности. Ты видѣлъ прелести, учинившія себя на вѣки своимъ невольникомъ; но сей плачъ твой будешь вѣчнымъ твоимъ мученіемъ. Царевна Гальская, похитившая съ перваго взора твое сердце, есть суровѣйшая изъ своего пола; ты никогда не приобрѣдешь ея склонности и возчувствуешь казни, на кои меня жестокостію своею осуждаешь. Я рада, что нашла орудіе, коимъ могу мстить тебѣ за твою несклонность: я позволяю тебѣ посѣщать ее и столь часто, какъ вздумаешь. Сози отправу съ ея прелестей и чувствуй мои спрданія. — Выговоря сіе, она меня оставила посреди изумленія и благодарности къ себѣ, что уже безъ опасности могу я посѣщать предметъ моей любви. Всю ночь не могъ я закрыть глазъ моихъ: Царевна Гальская занимала всѣ мои чувства и опогнала отъ меня покой. Слова Нагурины повергли меня въ жесточайшее опчаяніе, однакожъ я

я вообразилъ наконецъ, что не должно вѣрять учиненному начертанію о ней совмѣстницею, и лишь разсѣло, я былъ уже въ увеселительномъ домикѣ.

Тщешно вздохи излещали изъ груди моей предъ запершою дверью ея спальни, бесплодно убѣждалъ я ее появившся хотя на одну минушу предо мною, она не внимала и увѣренію, что Нагура дозволила мнѣ безпрепятственно питаться ея прелестями. Цѣлый день провелъ я во ожиданіи безъ всякаго успѣха. Но сказать короче, я цѣлый мѣсяцъ, ходя ежечасно около оконъ ея жилища, провождая дни у дверей ея спальни, не имѣлъ и пошй опрады, чтобы взглянуть на нее. Тоска меня шакъ изнурила, что я самъ не узнавалъ себя, и во все то время ни однажды не видалъ я Нагуры; наконецъ она пришла. Не правду ли я тебѣ говорила, сказала она; но ты мнѣ жалокъ со всею швоею ко мнѣ жестокостію; я хочу помочь тебѣ

шебѣ: силою моего очарованія я учиню ее къ шебѣ склонною, естли ты согласишься шолько подѣлншься хопя опчасши со мною своимъ сердцемъ. Ахъ благодѣтельница моя, вскричалъ я, бросаь къ ногамъ ея! я чувствую цѣну швоего о мнѣ сожалѣнія. — Но послѣ одумавшись опскочилъ я прочь и, сказалъ: ты великодушна, но я не могу пользоваться швоимъ одолженіемъ. Пріятна ли будешъ для меня любовь, кою получу я опъ Царевны противу ея воли? Ахъ! нѣтъ, лучше мнѣ погибнуть въ моихъ спраданіяхъ, нежели учинишься хищникомъ покоя особы, для меня дражайшей всего на свѣтѣ. — О сколь ты жестокъ, сказала Нагура воздохнувъ! ты можешь говорить предо мною о любви къ моей совмѣстницѣ. Но вѣдай, познай, сколько ты мнѣ милъ; я дозволяю шебѣ любить ее, и буду сносить мое опчаяніе, когда шакъ угодно судьбамъ. Поди къ своей богинѣ, ты найдешъ ее меньше упорною ;

ною, и можешъ быть со временемъ . . . будешь щасливъ. Я спѣшилъ упасть къ ногамъ ея, а и того еще больше бѣжашъ къ увеселительному домику. Въ самомъ дѣлѣ я нашелъ мою красавицу на прежней софѣ и еще прелестнѣе для глазъ моихъ. Она меньше уже являла опасности опѣ моего прихода; сказывала, что сама Нагура позволила ей любить меня, и признавалась, что вся ея суровость ко мнѣ происходила опѣ страха къ Нагурѣ, и что впрочемъ она давно уже плѣнена мною, и что лице мое ей не незнакомо. Она рассказала мнѣ свою повѣсть. — Она была дочь Гальскаго Царя Гилицерта, называлась Селименою. По сосѣдству государствъ отца ея и моего слышала она довольно о моей храбрости и красотѣ. Воображеніе, родившееся въ ней опѣ сего слуха, наполнило сердце ея нѣкошорою ко мнѣ склонностію, что сія склонность принудила ее спараться узнать меня ко
роче,

роче, и что пошому посланный отъ нее живописецъ привезъ къ ней почное лица моего изображеніе. Чѣмъ больше она на сіе смотрѣла, шѣмъ больше умножалась страсть ея ко миѣ. Она до того доведена была ею, что вознамѣрилась ославить свое государство, и пріѣхавъ въ Целшиберію, старалась познакомиться со мною короче; что въ самомъ дѣлѣ она ушла тайно съ однимъ своимъ вѣрнымъ евнухомъ и въ соупшествованіи одного старичка, родомъ изъ Целшиберіи, котораго за деньги представили въ ея услуги; но что сей старичокъ была сама претворившаяся Нагура. По двухъ дняхъ вѣды открылась она ей, и учиня страшные упреки за покушеніе къ опнытію сердца у жениха ея, опнесла по воздуху въ сей замокъ, въ которомъ по увѣренію чародѣйки на вѣки должна остаться. — Сіе къ нашему щастію, сказалъ я, цѣлуя ея руки по выслушаніи ея повѣсти; когда судьба при-

привела насъ въ одно мѣсто, когда мы чувствуемъ взаимную склонность, но все равно для насъ, хопябъ были мы въ самомъ адѣ. Послѣ сего учинили мы кляшвы о вѣчной вѣрности. Мы видѣлись ежедневно, или лучше сказать, я почти ни на минушу не отходилъ прочь отъ нее. Ласки мои отчасу становились живѣе, а желанія раждали новыя желанія. Я не доволенъ уже былъ простымъ именемъ любовника: я хотѣлъ докончить. Мы здѣсь на вѣки заключены, говорилъ я Селименъ; мы соспавляемъ особое общество, но не уже ли мы должны будемъ померещь въ ожиданіи, что какое нибудь чудо освободитъ насъ отсюда и перенесетъ въ такое мѣсто, гдѣ можемъ мы сочешаться по обрядамъ нашего закона? Призовемъ мы Боговъ во свидѣтели и предадимся другъ другу на вѣки. Селимена находила множество затрудненій, кои умѣлъ я уничтожить, и что очень не прудно учи-

Часть IX.

Ф

нишь

нипть любовнику, находясь со лбу на
 лобъ въ благоприспойномъ мѣстѣ.
 Мы забыли, что находимся подѣ
 властію у Нагуры, забыли все, и я
 заснулъ во объятіяхъ моей супруги,
 считая себя благополучнѣйшимъ изъ
 смертныхъ. . . . Но о Боги! что
 учинилось со мною, когда лучи воз-
 шедшаго солнца меня разбудили: я,
 не открывая еще глазъ моихъ, при-
 жалъ къ моему сердцу предметъ
 моей горячности, чтобъ ближе раз-
 смотрѣть прелести, коими овладѣлъ.
 Я взглянулъ, и ахъ! . . . увидѣлъ
 себя во объятіяхъ самой мерзкой
 Нагуры. Я не могу довольно живо
 изобразить моего смяшенія, омерзѣ-
 нія и стыда. Вскоча бѣжалъ я,
 самъ куда не зная, и еспѣлибъ
 было оружіе, безъ сомнѣнія лишилъ бы
 себя жизни съ досады о моемъ
 заблужденіи. Нагура бѣжала въ
 слѣдъ за мною, именовала меня
 всѣми иѣжнѣйшими названіями; изви-
 нялась, что жестокая любовь при-
 вела ее къ сей хитрости и вну-
 шила

Шила въ нее средство преобразиться
 въ мнимую Царевну Гальскую для
 овладѣнія мною. Сіе обьясненіе
 взбѣсило меня совершенно: я выпелъ
 изъ себя, забылъ страхъ, и бросаюсь
 на чародѣйку, спарался выцарапать
 ей глаза. Нагура все сіе сносила,
 и видя мое опчаяніе, принуждена
 была меня оставишь. Послѣ того
 не однократно появлялась она ко
 мнѣ во образѣ мнимой Селимены,
 но не могла уже меня пронуть.
 Прежній случай учинилъ въ меня
 такое вліяніе, что я не сомнѣ-
 ваюсь, что уже никакая красавица
 не овладѣетъ моимъ сердцемъ; мнѣ
 кажется, что я вѣчно буду опа-
 саться найти въ ней послѣ пре-
 лестную Нагуру. Между тѣмъ чаро-
 дѣйка не смѣла уже ко мнѣ пока-
 зываться. Я не видалъ никого и не
 имѣлъ ни малаго свѣдѣнія о сестрѣ
 моей до тѣхъ поръ, какъ уви-
 дѣлъ оную пренесенну на свѣтѣ
 щемся облакѣ пѣшкою нашею, вол-
 шебницею Тифеею. — —

Зоранъ окончилъ шѣмъ свое приключеніе ; онъ и замолкши продолжалъ еще плевашъ въ то время, какъ все общество приведено было въ великій смѣхъ любовнымъ его похожденіемъ съ Нагурою. Наконецъ Тифея, принявъ на себя важный видъ, говорила : любезный мой Зоранъ ! не дѣлай шаковаго заключенія, чшобъ не нашлось красавицы, могущей привести тебѣ въ забвеніе обманъ Нагуринъ. Она не щещно заняла видъ плѣбившей тебѣ красавицы ; ибо у Гальскаго Царя почто есть дочь Селимена, шакова прелестна, шакову ты нашелъ въ видѣ ея Нагуру. Она судьбами опредѣлена тебѣ въ супружество, и моимъ стараніемъ найдешь ты ее въ домѣ отца швоего по нашемъ возвращеніи, чшобъ чрезъ бракъ швой съ нею учинишь неразрывный союзъ между двумя державами. Тебѣ опредѣлено царствовать съ нею надъ Галлами, а престолъ'отца швоего достанется храброму Сидону. Нынѣжъ мы будемъ

деиъ торжествовашъ бракъ швой и сестры швоей вѣ сполницѣ Целтиберской вѣ присуствіи Царя Гальскаго. — Чшо до шебя надлежишь, храбрыи Булашъ, продолжала волшебница, обращаеь къ богашырю Рускому, я не могу обѣщашъ шебѣ моего покровительсва; ибо естъ у шебя зашщитникъ, вельма вѣ силѣ меня превосходящій. Но вѣ ушѣшеніе швое скажу, чшо по нѣкопоруыхъ малыхъ зашрудненіяхъ достигнешъ шы вѣ свое отечесшво, и вскорѣ попомѣ за всѣ понесенные вѣ жизни швоей шруды увѣчанѣ будешъ спокойсшвомѣ и честію. — Сказавѣ сіе, волшебница просшилаеь сѣ нимѣ. Сидонѣ разсшавался сѣ нимѣ почти се слезами, и всѣ учаеьвовали вѣ семѣ огорченіи его; наконецѣ блестящее облако подхвашило ихѣ и вскорѣ унесло изѣ виду Булашъ одинѣ осшался вѣ пусшынѣ, и направилѣ шесшвіе свое къ сѣверу, вѣ копоруи части сѣшша находилосъ его отечесшво.

Онъ спрассивовалъ почти годъ имѣя нѣкопорыя маловажныя приключенія, какъ-то съ исполиномъ въ лѣсахъ Скиѣскихъ, кошорый укралъ было у него его дубину и златый сосудецъ, и когто Булатъ догнавши, по ошнѣннѣи похищеннаго бросилъ за ногу въ море и ушбдилъ; съ сестрою сего исполина, спаравшеюся ему отмщити смерть брата своего, и чрезъ накормленіе ядовитыми ягодами лишившей его силы, кошорая, готовясь умершвишь его изнемогшаго, влюбилась въ него, изцѣдила нѣкопорою морскою рыбою и по неволѣ держала его заперша въ замкѣ своемъ цѣлый годъ. Напоследокъ богашырь нашъ находилъ ошнѣтый у него златый сосудецъ и свою дубину, спряшанныя его любовницею; помощію находящейся въ златомъ сосудцѣ влажности возвращаетъ онъ прежнюю свою силу; мщитишь насильственницѣ раззореніемъ ея замка; наконецъ, пробираясь въ отечество, заблуждаетъ въ пу:

пустыняхъ Полянскихъ , изнемогаетъ отъ жажды и обезсилѣвъ простирается на горячихъ пескахъ.

Въ семъ его безсиліи великій левъ нападаетъ на него ; немогущій пропи-
вишься богашырь предаётся волѣ звѣря,
который , закинувъ его на хребетъ
свой , приноситъ вѣнѣскольکو часовъ
во Дворецъ Князя Видимира , и уда-
рясь объ полъ , превращается въ по-
кровишеля его, Кабалиста Роксолана.
Сей наукою своею возвращаетъ бо-
гашырю его здравіе , и къ великой
радости самодержца Рускаго пред-
савляетъ Булаша возвратившагося
сѣ освобожденнымъ вѣнцемъ Русо-
вымъ.

Во время, когда Асварухъ пол-
ковалъ Видимиру о должностяхъ Го-
сударя , начертанныхъ на вѣнцѣ
Русовомъ , готовили все къ тор-
жеству коронаванія , и непродол-
жительно за шѣмъ Видимиръ вѣн-
чанъ на царство. Однакожъ , когда
весь народъ находился о семъ въ

чрезмѣрной радости, прибѣжалъ къ нецѣ съ извѣстіемъ, что Царь Дѣвица выступила на берегахъ Ирменъ съ великимъ войнствомъ. Всюду произошло замѣшательство; всякъ бросался за оружіе, но Булашъ, догадывающійся о причинѣ, побудившей Государыню Бришшскую къ сему походу, снялъ на себя кончишь дѣло безъ дальняго кровопроліія. Онъ съ дубиною своею отправился въ станъ Бришшскій, располкалъ стражу, не хотѣвшую его допустить въ шатеръ Царицы, и представъ къ ней, вопрошалъ ее о причинѣ такового печальнаго ея впаденія въ его опечество. Царь Дѣвица вмѣсто отвѣта указала ему на колыбель, въ коей покоился прекрасный мальчикъ. Это сынъ твой, неблагодарный человекъ, сказала она ему по нѣкоторомъ молчаніи; ты похитилъ у меня лучшее мое сокровище, лишилъ меня пріятнѣйшаго упражненія, уничтожилъ мои таинственную науку содержащія книги, но не удо-

удовольствуюсь шѣмъ, у слабой дѣ-
вицы опнялъ честь ея. Но мой
приходъ не для того, чшобъ я хо-
нѣла упрекашь себя за наглый
швой поступокъ: я хочу либо сама
погибнуть отъ руки швоей, или кро-
вию швоею омышь мое безчестіе.
— Булашъ представилъ ей, что
она ни изъ того, ни изъ другаго
не получишь пользы, что онъ вѣ
оплашу своего проступка готовъ
загладить оный другимъ пріятнѣй-
шимъ образомъ. Онъ нашелъ было
вѣ семъ нѣкоторыя сѣ стороны ея
затрудненія, но какъ Царь Дѣвица,
единственно только любовію къ бо-
гатырю Рускому побуждаемая, при-
шла искашь его, то условія вскорѣ
заключены, и Булашъ во Дворцѣ
Князя Видимира сочешался бракомъ
сѣ своею непріятельницею, и чрезъ
то учинилъ Бритшовъ изъ смертель-
ныхъ враговъ вѣрными союзниками
своему отечеству. По окончаніи шор-
жествъ Булашъ отѣхалъ вѣ цар-
ство своей супруги, и препровелъ

оснашки дней своихъ въ благополучіи и покоѣ. Онъ просвѣшилъ своихъ подданныхъ, и съ того времени Бришпы преслали бысть морскими разбойниками.

Роксоланъ съ своей спорены утвердилъ благоденствіе своего отчества ; онъ перенесъ златый сосудъ во храмъ Чернобоговъ, стоявшій среди великой Русы при солономъ источникѣ, и окончилъ дни свои, служа первосвященникомъ и ошцемъ народа.

Видимиръ, слѣдуя наставленіямъ его, возснатовилъ славу Русовъ и учинилъ имя ихъ по прежнему спрашно во всѣхъ странахъ свѣща. Попомство его слѣдовало правиламъ вѣнца Русова, и до шѣхъ поръ щастіе государства сохранялось ; въ послѣдствѣхъ, когда оно отъ нихъ уклонилось, Русы раздробились и обезсилѣли ; златый сосудъ сталъ невидимъ и надписаніе на вѣнцѣ Ру-

Русовомъ загладилось. — Однакожъ Роксоланъ предсказывалъ, что нѣкогда оппечество его учинишя страшнѣе свѣшу, нежели когда либо бывало; что Монархи его вспомнишъ правила Аспаруховы и возвращашъ на землю свою злшый вѣкъ, что нынѣ исполнилось.

Д е п я т а я ч а с т ь
с о п с ъ м ъ.

2

7

РУСКІЯ СКАЗКИ,

СОДЕРЖАЩІЯ

Древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народные, и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Куратороу я читаль книгу подь заглапемь: Рускія Сказки, Часъ X. и не нашель въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Краснорѣчій Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУСКІЯ СКАЗКИ.

Приключенія Баламира, Государя Уннопѣ.

По занятіи великой части древней Россіи сильнымъ народомъ Уннопѣ, изшедшимъ отъ предѣловъ Кишая, Роасѣ, одинъ изъ ихъ полководцевъ, основалъ столицу свою въ городѣ Кіевѣ, который назывался тогда Уннигардомъ. Сей ли Роасѣ былъ построителемъ славнаго Кіева, наносившаго чрезъ многіе вѣки шрепетъ востоку и западу и инымъ странамъ, или только распространишель онаго, назвавшій его именемъ своего народа, историческое таковое изысканіе не надлежитъ до нашего намѣренія: довольно вѣдать, что онъ державу свою въ

Часть X.

А 2

цвѣ-

цвѣшущемъ состояніи оставилъ въ
наслѣдство сыну своему Баламиру.

Сей Баламиръ, учинясь само-
державнымъ Государемъ въ странѣ,
занимающей великое пространство,
обращилъ все свое раченіе устройству
блаженству своихъ подданныхъ. Ни-
кто не спорилъ въ томъ, что былъ
онъ Монархъ трудолюбивый, право-
судный, кропкій и щедрый, но по-
вѣспвуютъ, что всѣхъ сихъ добро-
дѣтелей главная пружина было его
самолюбіе. Онъ дѣлалъ добро не
для того, что оно дѣлать должно,
но чтобы прославить собственное
свое имя. Но какая и нужда при-
своить ему сіе въ порокъ; только
глубокомыслящіе Философы, восходя-
щіе до начальныхъ причинъ каждо-
го дѣянія, пошѣли надъ заключені-
емъ, дозволишь ли ему имя Государя
добродѣтельнаго. Подданные его счи-
тали шакowymъ; они были щасшли-
вы и щасшливы чрезъ Баламира.
Пусть владѣтели дѣйствуютъ по
славолюбію, или самолюбію, въ пользу
сво-

своихъ народовъ , оныя не меньше чрезъ по будущъ имъ обязаны.

Между шѣмъ , когда сей Монархъ устроялъ благоденствіе въ странѣ своей , Алаваръ , любимецъ его , спранспвовалъ по свѣшу. Вельможа сей , по своей природѣ гошоващійся со временемъ засшупишь важную степенъ въ своемъ отечествѣ , зналъ , сколь нужно вѣдать нравы и сосшояніе сосѣдственныхъ и къ онымъ заимствующихъ народовъ. Онъ обѣздалъ почти всѣ извѣстныя земли , и обогащенный свѣдѣніемъ и просвѣщеніемъ , предсталъ предъ Баламира. Сколько обрадовался онъ , видя друга своего , сѣдшаго на престолѣ и разливающего съ онаго щедршы и миръ на своихъ подданныхъ , съ неменьшимъ шого восхищеніемъ заключилъ его въ обѣщія Баламиръ , яко особу , опредѣленную имъ на поддержаніе шажкаго бремени своего правленія. Осыпанный милосшми , возвышенный на крайнюю степенъ чести Алаваръ былъ признашеленъ , и безъ

изъятія посвящилъ себя волѣ и на-
мѣреніямъ своего Государя. Онъ
забылъ самаго себя, чѣмъ быть
полезну своему опечеству, и мо-
жетъ быть единственный явилъ при-
мѣръ, что Монархъ имѣлъ друга
въ своемъ подданномъ. Алаваръ со-
вершенно слѣдовалъ сему чувствованію
и уста его никогда не произносили
льсти предъ Баламиромъ; онъ
не щадилъ самаго себя, елики ка-
ждо не щадить его слабостей. Мо-
жетъ быть Баламиръ, какъ человекъ,
за сіе внутренно досадовалъ, одна-
кожъ досадовалъ и исправлялся.

Нѣкогда по возвращеніи Алаза-
ровомъ изъ путешествія по ошда-
леннымъ обласіямъ государства,
дабы всюду исправить недоспашки
и возвратить правосудіе, чего не
наблюдается по заочности, Бала-
миръ, крайнѣ довольный донесеніями
своего вельможи, сказалъ ему: Ала-
варъ! я знаю, что ты спрогий су-
дишель всѣхъ моихъ слабостей, но
не уже ли причтешь ты мнѣ въ по-
рокъ

рокъ сію ироическую гордость, еств-
ли я чувствую, что нѣшъ Госуда-
ря, превосходящаго меня въ право-
судіи, кротости и щедрости? — Опа-
сайтесь, Ваше Величество, сли-
шкомъ занимаешь себя симъ вообра-
женіемъ. Государь, дѣлающій очень
много, никогда не долженъ мыслить,
что онъ сдѣлалъ довольно; ибо
предразсудокъ сей удобно можешь
повергнуть его въ недѣятельность,
могущую испорчить и остановить
всѣ добрыя начатки, отвѣчалъ ему
Алаваръ. — Но не уже ли неизвини-
тельно чувствовашъ собственную свою
цѣну? развѣ не могу я предаться
сему утѣшенію въ нѣдрахъ своего
дружества? — Вы сего достойны,
Государь, подхващилъ вельможа; но
для того, что я вашъ другъ, не
ожидайте отъ меня, кромѣ чисто-
сердечія; я не одобряю вашего само-
любія. Человѣкъ, воображающій, что
нѣшъ на свѣшъ ему подобнаго, при-
своляетъ много своимъ дарованіямъ;
ибо цѣну сію не можемъ мы опредѣ-

лишь себѣ сами. Государь, сдѣлавшій
 все по своимъ силамъ, долженъ
 бытъ во мнѣнїи, что онъ лишь при
 началъ добродѣтельныхъ трудовъ
 своихъ; сіе только побужденіе учи-
 нилъ его совершеннымъ, но узнавъ
 точно свою цѣну, надлежитъ бытъ
 самовидцемъ дѣйствїя другихъ Го-
 сударей. Вы могли бы учинить сіе
 заключеніе, естлибъ путешество-
 вали столько, какъ я. Во утѣшеніе
 швое, Государь, я могу сказать,
 что не взирая на пылавшее твое
 царствованіе, слава имени твоего
 простерлась во многія страны; нѣ-
 сколько народовъ желаютъ имѣть
 твои добродѣтели въ своихъ Мо-
 нархахъ. Я увѣренъ, что сіи же-
 ланія ихъ происходятъ не отъ при-
 хоши, однакожъ естли спросишь
 ты у вѣрнаго своего Алавара, чего
 онъ въ тебѣ желаетъ? — Чего
 бы это, перервалъ слова его Бала-
 миръ? — Я желалъ бы присоеди-
 нить къ твоей душѣ душу Мило-
 свѣшы, Государыни Дулебовъ. —

Какъ:

Какъ! вскричалъ Баламиръ съ нѣкоторою досадою; душу женщины, всегда подверженную многимъ слабостямъ? — Сіе лишь несправедливый предразсудокъ, сказалъ вельможа. Слабости въ обоихъ полахъ человеческого рода одинаковы. Женщины уступаютъ мужчинамъ только въ телесныхъ крѣпостяхъ, но что лежитъ до душевныхъ, природа не учинила въ семъ различія, и многіе мыслятъ основательно, что она въ раздѣлѣ сихъ двухъ даровъ наблюдала строгое равновѣсіе. Я испыталъ собою, что народы, исключаютіе нѣжный полъ отъ наследственнаго къ престолу права, много теряютъ изъ своего щастія. Вы, Государь, согласишься со мною, если узнаете Милосвѣту. — Да, я хочу узнать ее, сказалъ Баламиръ; ты много выговорилъ, чтобъ не сожалѣлъ я извѣдать, всегда ли мой другъ безпристрастенъ. Сказавъ сіе Король Уинскій, предался размышленіямъ. Вельможа, имѣвшій

намѣреніе познакомить своего Государя съ Царицею Дулебовъ, не нарушалъ оныхъ. Я вознамѣрился, сказалъ наконецъ Баламиръ, оставишь мое государство и странствовать въ область, орошаемую священными водами рѣки Буга. Другъ мой Алаваръ между шѣмъ потерпитъ наказаніе за возбужденное во мнѣ любопытство; онъ одинъ будетъ спенать подъ бременемъ управленія моихъ народовъ. Я вѣрю ему, что онъ не убавитъ щастія моихъ подданныхъ, но уповаю по возвращеніи моемъ укрѣпю его, что онъ не всегда безпристрастенъ въ своихъ возраженіяхъ. Алаваръ не хотѣлъ отстать отъ своего Монарха въ семъ его путешествіи; но былъ принужденъ принять правленіе и въ Уннигардѣ дожидаться возвращенія Баламирова. Сей, оставя ему полномочіе, тайнымъ образомъ перодѣвшись въ простое платье и не взявъ съ собою ни одного человека, отправился въ область Дулебовъ.

Пра-

Проходя свою державу подъ
 видомъ лица частнаго, Баламиръ
 радовался, находя почти всюду
 шишину, изобиліе и судъ правый;
 однакожь многое замѣшилъ онъ
 пребующее поправленія. Теперь по-
 нимаю я, думалъ онъ, намѣреніе
 моего друга; онъ для того побудилъ
 меня къ странствованію, чшобъ
 обогатить мое свѣдѣніе. . . . Въ семъ
 то и состояла премудрость Царицы
 Дулебской. Изрядно, мы ее увидимъ;
 сравнимъ свое съ шѣмъ, что есть
 тамъ. Онъ вступилъ въ области
 Милосвѣты ревностнѣйшимъ примѣ-
 чашелемъ, и съ перваго разсмотрѣ-
 нія признавался, что народъ, упра-
 вляемый дѣвицею, едза ли его народа
 не щастливѣе. Хотя находилъ онъ
 равное во всемъ изобиліе, какъ и
 въ своей странѣ, но не видалъ
 нуть раззорительной роскоши. Онъ
 видѣлъ, что всѣ степеніи народа
 поставляли славою слѣдовать своему
 предопредѣленію: земледѣльцы и
 художники спорили другъ предъ
 дру-

другомъ опличіемъ трудовъ своихъ; дворяне примѣрами благороднаго поведенія, кое могли подавашь простому народу, и стараніемъ исправляшъ онаго грубыя нравы; судіи испииннымъ и скорымъ разобраніемъ тяжбъ; словомъ, Баламиръ возымѣлъ великое понятіе о превосходствѣ правленія Дулебскаго, и побуждаемый почтеніемъ къ Государынѣ сего народа, поспѣшалъ въ столичный городъ, чшобъ оную увидѣшь. Онъ не могъ думать, чшобъ не Милосвѣща была содѣтельницаю всего шого; ибо вѣдалъ, что предъ вступленіемъ ея на престолъ Авары, завоевавъ страну сію, совершенно оную раззорили.

Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ столицѣ, тѣмъ умножалось его удивленіе. Великолѣпіе зданій занимало глаза его новымъ лкбодышсшвомъ при каждомъ шагѣ; но вступа въ оную, былъ онъ почти изумленъ всюду видимымъ богашсшвомъ и благоустройсшвомъ. Во врахахъ градъ.

градскихъ встрѣлъ его почтенный старикъ, и познавъ, что онъ чужеземецъ, предложилъ ему свои услуги: вы можете повелѣвать мною, сказалъ сей Баламиру, если желаете осмотрѣть публичныя зданія и рѣдкости сего города; но будетъ нуженъ вамъ покой, я провожу васъ въ гостиницу, гдѣ все готово безъ платы для вашихъ надобностей. Баламиръ, ошблагодаря его за сію вѣжливость, согласился за нимъ слѣдовать. Сей старикъ привелъ его въ пошоялый домъ, который можно было въ незнаніи счесть за Дворецъ самой Милосвѣтны. Его угощали великолѣпно и не можно было счесть, чтобъ сіе произошло для того, что имѣли понятіе о достоинствѣ Баламира; ибо множество другихъ путешественниковъ получали шѣжъ услуги. Всѣ входящіе по случаю Дулебы не преставали превозносить похвалами добродѣтели своей Государыни, и радость сіяла на ихъ здоровыхъ лицахъ. Умножающееся
уди-

удивленіе принудило Короля Ун-
вскаго спросишь приведшаго его въ
гостиницу старика о всѣхъ подро-
бностяхъ, касающихся до образа пра-
вленія ихъ государства, о средствахъ,
коими приобрѣтено въ короткое вре-
мя послѣ разоренія непріятелями
малой Дулебской области шоль не-
понятное изобиліе и всюду видимое
богатство, также и о особѣ шоль
рѣдкой Монархини, какова Милосѣ-
ша. Отвѣщы старика приводили
его въ изумленіе; онъ описывалъ ее
лучши божествомъ, низпосланнымъ
на землю для благополучія страны
сея. Ея усавы, ея заботы, ще-
дрости и премудрость превосходили
возможности смертнаго. Но что ле-
житъ до неизчешныхъ распочаемыхъ
ею въ пользу общую богатствъ,
продолжалъ старикъ, сіе превосхо-
дитъ понятіе, и источникъ оныхъ
не извѣстенъ. Кажется, что золо-
тый дождь проливается въ ея сокро-
вища съ тѣхъ поръ, какъ Боги по-
слали въ страну къ намъ сію Госу-
дарыню.

дарыню. — Развѣ она чужестранная, подхвашилѣ Баламирѣ? Такѣ, ошвѣчалѣ спарикѣ; никшо не вѣдаешѣ о ея родѣ, кромѣ чшо она послана отѣ Боговѣ возстановитѣ падшую область Дулебскую. Чшобѣ удовлетворитѣ нѣкоторымѣ образомѣ вашему любопытству, расскажу я вамѣ все, чшо намѣ о ней свѣдомо. Раззореніе, претерпѣнное сею странною отѣ впадшихѣ вѣ оную Аваровѣ, всему извѣстно свѣту. Дулебы приведены были вѣ крайнюю нищету, государственныя сокровища разграблены, покой и порядокѣ исчезли здѣсь и по удаленіи враговѣ нашихѣ; ибо Царскій Домѣ погибѣ во всеобщемѣ смятеніи, а отѣ того произошли всѣ неустройства, обыкновенныя вѣ державахѣ, неимѣющихѣ начала. Всякѣ помышлялѣ только о собственныихѣ выгодахѣ и былѣ частною причиною происшедшихѣ наконецѣ всеобщихѣ междоусобій. Сражались, истребляли другѣ друга, пока наконецѣ увидѣли, чшо все при-

пришло на край погибели, и что
 должно напоследокъ неминуемо по-
 гибнуть, елики не будетъ избрана
 глава, имѣющая удержашь каждо
 въ надлежащихъ ему предѣлахъ.
 Старѣйшины народа собрались, со-
 вѣщали и не рѣшились на избраніе,
 пока появился въ собраніе нѣкошорый
 чужестранецъ. Сей совѣщовалъ при-
 бѣгнуть къ славному Дулебскому
 боговѣщалищу, и по прижесеніи шор-
 жественныхъ жертвъ вопросишь Бо-
 говъ о судьбѣ страны нашей. По-
 слѣдовали его наспавленію и по-
 лучили въ отвѣтъ: „Щастіе Дуле-
 „ бовъ находишь въ пустынѣ на во-
 „ спочномъ берегу рѣки Буга. Елики
 „ Дулебы обрѣшутъ оное, область ихъ
 „ воспримешъ другій видъ.“ Отвѣтъ
 сей былъ нѣсколько именъ, одна-
 кожъ обрѣшавшійся при томъ чуже-
 странецъ предлагалъ послать зна-
 нѣйшихъ вельможъ для исканія въ
 показанной странѣ рѣки, и перваго
 попадашагося имъ человека взять и
 вѣнчашь на царство. Посланные
 обрѣли

обрѣли Милосвѣту, изходящую къ нимъ изъ пещеры нѣкопорой горы. Она возведена на престолъ и Боги благословили ея правленіе, какъ уже вамъ извѣстно; впрочемъ никшо ничего больше объ ней не знаетъ, и сама Государыня наша о происхожденіи своемъ сославляетъ шайну, удерживающую всѣхъ отъ любопытства.

Баламиръ, благодаря старика за сіе извѣстіе, почувствовалъ, что любопытство его получило изъ сего новую пищу; онъ заключилъ, во что бы то ни стало, оному удовлетворить. Могу ли я, государь мой, сказалъ онъ Дулебянину, имѣть щастіе бытъ допущенъ предъ лице вашей Монархини? Вы можете получить сіе, когда вамъ угодно, опвѣчалъ сей; входъ къ ней не возбраненъ каждому. Но естли угодно вамъ шолько ее видѣть, она каждаго упра показывается на большой площади города, гдѣ по опправленіи всенароднаго моленія допускаетъ

Часть X.

Б

къ

кѢ себѢ имѢющихъ нужду въ ея помощи, раздаетъ неизчешныя суммы денегъ бѣднымъ и наказываетъ нарушенное правосудіе, чего однакожъ давно здѣсь не видно. — Вечеръ прошелъ въ разговорахъ, по большой части относящихся къ МилосвѣшѢ, и Король Унскій, наполнившись почтеніемъ къ ея совершенствамъ, занявъ былъ во всю ночь пріятными о ней воображеніями. Онъ неперпѣливо ожидалъ разсвѣта, чшобъ итти на городскую площадь и увидѣть шолікое чудо добродѣтелей.

Возходящее солнце принудило его опкрыть едва сомкнувшіеся сномъ глаза его; онъ вскочилъ съ поспешіи и спѣшилъ одѣваться. Но схвативъ свой кафшанъ, увидѣлъ, что изъ онаго упало письмо, привязанное снуркомъ къ перспню, имѢющему самоцѣпный великой цѣны камень. Не понимая, что бы сіе значило, опвязалъ онъ письмо, упоая изъ онаго познать, кому надлежитъ перспень

и

и какимъ образомъ зашелъ въ его одежды. Онъ развернулъ бумажку и читалъ въ ней слѣдующее: —

„Вы имѣете у себя на правомъ
 „вискѣ родинку, сходствующую на
 „звѣзду, по вздѣньше на перстѣ
 „правой вашей руки сей пер-
 „стень, имѣющій въ себѣ средство
 „доставить вамъ высочайшее благо-
 „получіе, каковое только можете
 „имѣть на свѣшѣ семъ смертный.„

— Баламиръ въ самомъ дѣлѣ про-
 изшелъ на свѣшѣ съ таковою родин-
 кою, и не сомнѣвался, пошому что
 перстень сей надлежитъ ему; но
 сколько ни добирался, кому онъ дол-
 женъ за сей подарокъ и каковое
 счастье можете принести ему пер-
 стень, никакъ не могъ постигнуть.
 Онъ въ тайнѣ сердца благодарилъ
 благодѣтельницающую ему неизвѣ-
 стную особу, и не имѣя ни надежды,
 ни сомнѣнія, возложилъ перстень на
 руку и поспѣшалъ на площадь.
 Прибытіе Милосвѣпы на оную не
 замедлилось: толпящійся народъ и

радосныя онаго восклицанія возвѣсшили приходъ ея. Баламиръ употреблялъ всѣ силы, чшобъ пропшсья сквозь толпу, окружающую свою Государыню, но немогъ получить сего до окончанія ея моленія; ибо каждый Дулебянинъ имѣлъ почши равныя съ нимъ желанія ее увидѣть. Досадуя на сіе препятствіе, услышалъ онъ восклицающаго провозглашающаго: имѣющіе донесли жалобы свои къ Царицѣ, шерпящіе вѣ чемъ либо нужду да предстанутъ! Баламиръ вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ, чшобъ приблизшсья къ Милосвѣтѣ; и для того шѣснясь говорилъ препятствующшмъ, что онъ имѣетъ прозьбу къ Государынѣ. Едва сіе услышали, всѣ разступились и доставили ему свободный путь. Нешерпѣливостъ желаній Баламировыхъ не дозволила ему собрать мысли, съ каковымъ родомъ прозьбы предстанть предъ Царицу Дулебскую; онъ очутился стоящшй предъ нею на колѣнахъ и не

не приговорившій ни одного слова къ произнесенію. Безъ сомнѣнія было сіе дѣйствіе блеснувшей въ глаза его безпримѣрной красотою Милосвѣтиной. Первыя понятія, кои онъ возъмѣлъ чрезъ помощь глазъ своихъ, ушвердили его во мнѣніи, что онъ дѣйствительно видишь божество, пекущееся о благоденствіи Дулебовъ. Сердце его не смѣло ни одобрять родившихся въ немъ чувствованій, ни онымъ пропившись; онъ въ безмолвіи устремилъ глаза свои на обворожившій его предметъ, и можетъ быть никогда бы изъ онаго не вышелъ, еспли бы Милосвѣта не привела его въ себя вопросомъ, какую имѣетъ онъ до нее нужду. — Всемилоштивѣйшая Государыня, сказалъ онъ, погда! не удивитесь моему молчанію: я чужестранецъ, прошедшій великое разстояніе, чшобъ только увидѣть безпримѣрную Монархиню Дулебовъ, и получая въ часъ сей удовлетвореніе, не имѣлъ нужды говорить; ибо глаза

Б 3

мои

мои пользующся щедротами Вашего
 Величества, дозволяющими всѣмъ
 взирать на васъ. — Милосвѣта,
 оказавъ на прелестномъ лицѣ своемъ
 знаки крохоткаго удовольствія, пода-
 вала ему руку для поцѣлованія.
 Баламиръ приблизился, повергся
 снова къ ногамъ ея, и принимая руку
 ея, изумленъ былъ, что Царица
 оную вдругъ отдернула и въ
 замѣшательствѣ отспустила нѣсколь-
 ко шаговъ назадъ. Она усмотрѣла
 на лицѣ его звѣзду, а на рукѣ из-
 вѣстный ей перстень, и сіе - то
 было причиною ея смятенія. Вла-
 дѣтельница Уиновъ, . . . вскричала она!
 . . . вы повергли меня въ стыдъ
 вашимъ прищворствомъ; едва я
 не учинила величайшаго проступка
 и не приняла сильнаго Монарха за
 простаго чужестранца. . . Слова
 сіи привели Баламира въ крайнее
 смятеніе; и между тѣмъ, какъ онъ
 въ нерѣшимости, что ей сказать,
 вопрошалъ самъ себя, почему онъ
 ей извѣстенъ, Милосвѣта подошла
 къ

къ нему, и взявъ его за руку, приглашала слѣдовать съ нею во Дворецъ ея. Вы не будете больше несправедливы, — говорила она — и позволите миѣ поправить мой просупокъ оказаніемъ вамъ достойной чести. Баламиръ не нашелъ словъ, обрѣшаясь еще въ прежнемъ изумленіи; онъ въ безмолвіи поцѣловалъ руку, воспламенившую въ немъ всю кровь своимъ прикосновеніемъ, и слѣдовалъ за нею во Дворецъ. Великолѣпіе зданія и всюду блистающее богатство не занимало его взоровъ, оныя успремлены были на особу, явившую въ себѣ неощенныя для души его сокровища. Милосвѣща старалась невозможнѣйшимъ образомъ угостить споль великаго посѣпителя; но сей, мучимый любопытствомъ и удивленіемъ, искалъ свободнаго часа войти съ нею во объясненія. Царица Дулебовъ сама подала ему къ тому средство, приглася его къ осмотренію своего кабинета. За нѣсколько лѣтъ, ска-

зала она, оставшись съ нимъ на единѣ, вы нашли бы здѣсь только знаки свирѣпства безчеловѣчныхъ Аваровъ. — Великая Государыня, подхватила слова ея Баламиръ! все я знаю; мнѣ извѣсны благодѣянія, оказанныя вами спранѣсей. Проходя вашу державу, я очевидный былъ свидѣтель, что вы возвели своихъ подданныхъ на верхъ возможнаго человѣчества благодѣянія. Признаюсь, что слава, наполнившая свѣтъ вашими дѣяніями, принудила меня оставить престолъ мой, дабы удостоверить въ томъ, чему я присвоилъ сомнѣніе. Я все нашелъ больше, нежели истинно; но еще нашелъ и то, чего не воображалъ: я чаялъ увидѣть только великую смертную, но глаза мои встрѣлись съ божествомъ, обворожившимъ мою душу и покорившимъ на вѣкъ мое сердце. — Говоря сіе, онъ повергся предъ нею на колѣна; а Милосѣта, стараясь его поднять, показывала, что таковая

по-

побѣда ей непротивна. Въ старину какъ женщины, такъ и мужчины чувствованія свои открывали безъ околичностей; сіе-то и было причиною, что тогда въ свѣтѣ больше находилось чистосердечныхъ, нежели льстецовъ. Женщины могли полагаться на слова мужчинъ; ибо тогда обмануть любовницу не можно было безъ наказанія. — Да, продолжалъ Баламиръ, я клянусь вамъ, что дорого заплашилъ за мое любопытство; вы на вѣкъ покорили меня красотѣ своей, и можете быть только къ моему мученію; ибо я по сихъ поръ еще не разумѣю, смертная ли ты, или божество, которое плѣнило меня за тѣмъ, чтобъ я за дерзость мою не имѣлъ надежды быть щасливымъ. — Королева Унновъ! сказала ему на то Милосвѣта; я вижу, что вы довольно учтивы, однакожъ не смѣю отнести то къ вашему нечистосердечію. Побѣду надъ сердцемъ столь великаго Государя я считаю первымъ моимъ

моимъ благополучіемъ, и едва ли не считала бы сію онымъ, естлибъ и въ самомъ дѣлѣ я была богиня. Но вѣрите мнѣ, что вы говорите съ смершною и съ таковою, коя при всемъ чаемомъ другими благополучіи своемъ довольно несчастна. Я знаю, что привело васъ къ заключенію сему то, что я узнала особу вашу, кою чаяли вы бышь весьма скрышною. Знайте, что звѣзда, копорую имѣете вы на лицѣ вашемъ, и перстень вашъ предувѣдомили меня о васъ, однакожъ не спрашивайте у меня болѣе на сіе изъясненія, оное не въ моей состоитъ волѣ; можете бышь вы познать, естли не пожалѣете трудовъ. Все, что могу я вамъ сказать, содержитъ по шолько, что отъ васъ зависитъ овладѣть моею судьбою, и что сердце мое вамъ покорится, когда я властна буду онымъ располагать. — Баламира слова сіи привели въ великое восхищеніе; онъ снова повергся къ ногамъ Милосвѣты и повторялъ кляшвы о вѣчной къ ней вѣрности. Но

Но какъ все сіе составляло лишь одну темную для него надежду, просилъ онъ объясненія, какимъ образомъ можетъ онъ все познать, и въ чемъ должны состоять труды его? Но Милосвѣта молчала, и по многимъ убѣжденіямъ едва получилъ онъ въ отвѣтъ: слѣдуйте на востокъ, и тогда, какъ совершенно упомишесь, получите объясненіе, что вамъ должно дѣлать. . . Увы! — вскричала она, произнеся слова сіи; — я дорого плачу за мою нескромность. — Тогда упала она въ обморокъ; густый дымъ окружилъ ее и чрезъ нѣсколько мгновеній она не видно спала ни дыма, ни Милосвѣты.

Король Унновъ приведенъ былъ тѣмъ въ великой ужасъ. Произшествіе сіе казалось ему непонятно кромѣ того, что считалъ себя причиною гибели особы прекраснѣйшей, и коя сердцу его учинилась необходимою. Ахъ проклятое любопытство, вопіялъ онъ не однократно!

шы

шы причиною , что я лишаюсь Милосвѣтны. Но одумавшись разсуждалъ , что онъ можетъ еще ее увидѣть , естли не пожалѣетъ трудовъ , и что на сей конецъ слѣдуетъ итти ему на воспокъ. Онъ дѣйствительно пошелъ въ самую шуминушу въ опредѣленную справу свѣта , безпрестанно размышляя , что значитъ его перстень ? кѣмъ оный ему данъ ? какое онъ доставитъ ему благополучіе , когда съ полученіемъ его въ первый день лишился онъ особы , коя на вѣкъ плѣнила его душу ? а потомъ , какая бы должна быть судьба Царицы Дулебовъ , и въ чемъ состоитъ ея злочастіе ? и по какой причинѣ объяснялась она споль темными выраженіями ? и наконецъ отъ кого зависитъ судьба ея , когда она самовластная Монархиня народовъ ? — Но чѣмъ больше онъ разсуждалъ , тѣмъ непонятнѣе казалось ему его приключеніе. Иногда онъ впадалъ въ отчаяніе , что Милосвѣтны не уви-

увидишь вѣчно, а иногда ободрялъ себя, что труды его доставятъ есе ему вѣ обѣщанія, хотя по-видимому участвуешь вѣ семѣ сила какого нибудь волшебника. Такъ размышляя, шелъ онѣ, пренебрегая всѣ зашрудненія.

Чрезъ нѣсколько дней достигъ онѣ вѣ преужасную пущыню. Лучи солнца, ударяя о скалы круныхъ горѣ, и вѣ предомленіи упадая на сухой песокѣ, учиняли воздухѣ вѣ мѣстѣ ономѣ столь жаркимѣ, что почти дышать было не можно. Засохшія травы не приносили ничего удобнаго вѣ пищу, и вѣ добавокѣ ко всему, не находилось нигдѣ ни капли воды. Голодѣ и жажда начали преодолѣвать неупомимо шествующаго Короля Уяновѣ: тщетно спарался онѣ ободрить силы свои опдохновеніемѣ; природа его ослабла. Едва передвигая ноги, добрелъ онѣ къ утесу одной изѣ чернаго камня состоящей обнаженной горы. Тутѣ упалъ онѣ почти безѣ чувствѣ, не

не ожидая ничего, кромѣ смерти. Вотъ плодъ моего любопытства, рассуждалъ онъ! вотъ все благополучіе, обѣщанное мнѣ отъ сего перспня! я умру въ сей пустынь и буду добычею хищныхъ шварей. — Нѣтъ, ободрись! кричалъ ему неизвѣстный голосъ. Баламиръ поднялъ голову, осматривался на всѣ стороны, но не видѣлъ ничего, кромѣ окружающей его пустыни. Кто ты, вопіялъ онъ неоднократно? Но голосъ уже не ошвѣщствовалъ болѣе. Кто бы ты ни былъ, — сказалъ онъ наконецъ, — стаясь надъ смертнымъ, кончающимъ дни свои отъ жажды, дай мнѣ хоть каплю воды. Пустое только эхо повторяло слова его; голосъ молчалъ. Баламиръ приведенъ былъ шѣмъ въ отчаяніе: о Боги, вопіялъ онъ! не довольно ли я несчастливъ, что умираю въ пустынь съ голода и жажды, бывъ самодержцемъ сильнаго народа, надлежитъ еще, чтобъ и мечшы выводили меня изъ шерпвнїа? Могуль
я

я ободрисья , когда не въ силахъ
пронуть ни однимъ членомъ.

Сіе восклицаніе его пресѣчено было
великимъ стукомъ: гора, у подошвы
коей онъ находился, разсѣлась на
двое, и съ ужаснымъ шумомъ раз-
двигнувшись врознь, оказала въ
себѣ входъ въ превеликую пещеру.
Съ одной стороны оныя росли пло-
довишыя деревья, а съ другой билъ
вверхъ источникъ свѣшлѣйшими
хрустала водами. Баламиръ, приве-
денный съ начала явленія сего въ
страхъ, ободрился и поползъ къ
источнику. Прохладительныя онаго
воды, ушля пожигающую его жа-
жду, доставили ему столько силъ,
что онъ вспалъ на ноги, сорвалъ
нѣсколько зрѣлыхъ смоквъ и чрезъ
то совершенно укрѣпился. Тогда
всѣ прелести Царицы Дулебской,
изчезшія предъ ожиданіемъ смерти,
живо вообразились въ его памяти;
онъ вспомнилъ слова ея, что когда
онъ совершенно ушомишя, получишь
наставленіе о томъ, что должно

дѣ

дѣлать ему для пріобрѣщенія сердца ея. Безъ сомнѣнія въ сей пещерѣ, думалъ онъ, получу я объясненіе о страннѣхъ моихъ обществельствахъ. Не возможно, чшобъ оная была необитаема; либо присутствіе божества, или сила волшебника принудила гору отверсть мнѣ входъ въ пещеру, чшобъ я вошелъ въ нее и былъ наставленъ. Сказавъ сіе самъ себѣ, пошелъ онъ во внутренность горы.

Шествуя около двухъ часовъ по мрачнымъ оборотамъ пещеры, и по большой часпи оцупью; ибо рѣдко гдѣ впадалъ въ оную слабый свѣтъ дневный сквозь разсѣлины въ горѣ, достигъ въ нѣкую округлую хранину, освѣщаемую неугасающею лампадою. Свѣтъ сего таинственнаго огня споль былъ яркъ, какъ бы солнечный въ ясные полдни, и потому Баламиръ безъ труда могъ различать предстоящіе ему предметы. Стѣны сего подземнаго зданія не имѣли другихъ укра-

украшеній, кромѣ что сосполяли изъ разноцвѣтныхъ выисненныхъ марморовъ, и содержали по мѣстамъ надписи неизвѣстными характе-рами. Посреди пола стояло столбу подобное возвышеніе, имѣющее де-вятъ ступеней, а на верху онаго лежала мертвая голова, и предъ нею изъ нѣкоего металла сдѣланная дудочка. Долго Баламиръ прудился надъ разобраніемъ надписей; онѣ были непоняшиы. Осмапривалъ, не находяшся ли куда далѣе выхода; но не видалъ кромѣ дверей, въ ко-порыя онъ вшелъ. Восклицалъ прое-крашно; никто не ошвѣтспвовалъ. Не получая ни малаго обьясненія, всцалъ онъ на мысль засвисташъ въ дудочку, находящуюся близъ мерт-вой головы, и въ семъ намѣреніи пошелъ онъ по ступенямъ на возвы-шеніе съ восточной спороны. Но едва лишь вслупилъ на прешью спу-пень, увидѣлъ споящаго предъ со-бою и неизвѣстно откуда взяшаго-ся старика. Одежды на немъ были

Часть X.

В

чер.

черныя , съ изображеніемъ въкопоро-
рыхъ неизвѣстныхъ характеровъ ; а
въ рукъ своей держалъ онъ волшеб-
ный жезлъ. — Король Уинскій !
вскричалъ онъ въ въкопоромъ замъ-
шашельспавъ. Сколь ты щасливъ ,
что пошелъ взявъ роковую дудочку
съ восточной, а не съ другой сторо-
ны ; ибо впрочемъ ты погубилъ
бы на вѣкъ Царицу Дулебскую. —
Я погубилъ бы ! чѣмъ ? сказалъ Ба-
ламиръ съ удивленіемъ. Не жди отъ
меня объясненія на то , отвѣчалъ
старикъ. Поди на воспокъ , про-
вѣдывай о славномъ спраннопріимцѣ
Зеліанѣ ; естли оный опокроетъ тебѣ
о источникѣ того неизтощимаго бо-
гатства , кое онъ ежедневно непо-
няшнымъ образомъ распочаетъ , ты
можешъ бышь тогда проникнешъ въ
тайну судьбы швоей , моей и Цари-
цы Дулебской. . . Но, ахъ ! я дорого
плачу за сіе тебѣ насшавленіе , ска-
залъ старикъ съ шрепешомъ , и въ
тожъ мгновеніе ока превратился въ
каменный испуканъ , держащій въ
рукахъ

рукахъ мѣдную стрѣлу. Баламиръ съ удивленіемъ и ужасомъ взиралъ на сіе очарованіе; спарался увѣриться, подлинно ли шарикъ потерялъ жизненность: не было въ немъ ни малаго знака оныя; желалъ оказать ему помощь, но боялся къ всему ко-снуться, и вознамѣрился итти на воспокъ. — Возьми мѣдную стрѣлу, вскричалъ прежній голосъ, слышанный имъ предъ разсшупленіемъ горы. Баламиръ вздрогнулъ, однакожъ по-виновался, и взявъ стрѣлу изъ рукъ испукана, оставилъ пещеру и шествовалъ въ опредѣленную страну свѣта.

Цѣлый мѣсяцъ препровелъ онъ въ пущи, спранспвуя сперва въ пущыиѣ, а потомъ въ мѣснахъ обищаемыхъ; но нигдѣ не удовлетвори-ли его вопросамъ о Зеліанѣ. На-последокъ взошелъ онъ на прекра-сную долину, и устремлялся прибли-житься къ видѣнному вдали огром-ному зданію. Вдругъ схватили его нѣсколько вооруженныхъ воиновъ и

спрашивали, куда онъ шествуетъ. Я иду къ страннопріимцу Зеліану, отвѣчалъ Баламиръ. Ты никогда къ нему не достигнешь, сказали воины, естли не дашь кляшвеннаго обѣщанія никому никогда не сказывать, что ты у него былъ и что тебѣ извѣстно его имя. — Сіе чудно, думалъ Баламиръ. Человѣкъ, распочающій неизчетныя богатства на страннопріимство, не хочешь, чтобъ сказывали, гдѣ онъ обитаетъ. Онъ вопрошалъ о причинахъ сему; ему не отвѣщствовали, и онъ согласился дать клятву. Его повели къ видѣнному вдали зданію, и вскорѣ очутился онъ въ черпогахъ Зеліановыхъ.

Его встрѣли великолѣпно одѣшые служители, и какъ тогда уже смеркось, опведенъ онъ былъ въ богатоубранную комнату, и по омовенію ногъ угощенъ изобильнымъ ужиномъ и получилъ постель, каковой не имѣлъ онъ лучше и въ собственномъ своемъ дворцѣ. Любопытство,
на.

наполнявшее его голову, мало дозволяло ему успокоенія, и едва начало разсвѣтать, онъ, совсѣмъ одѣшый, вошелъ въ великую пріемную комнату хозяина. Менѣе нежели въ полчаса вся оная наполнилась разнаго сословія людьми; не одни только спранспивующіе ожидали шущъ выхода Зеліанова, но и имѣющіе въ чемъ либо нужду. Хозяинъ не умедлилъ появиться; онъ былъ прекрасный человекъ, около дваццати пяти лѣтъ, и одѣшый въ печальномъ плащѣ. На лицѣ его изображалась глубокая горестъ, которую не могло загладить упражненіе его выслушивать прозьбы и удовлетворять онымъ; и Баламиръ примѣшилъ, что у него недоспаетъ цѣлой кисти у правой руки, коя была обвернута бѣлымъ плашкомъ. Не было ни одного, коему бы онъ ошказалъ въ шребованіи, и не было ни одного, который не просилъ бы у него денегъ. Два человекъ безпрешанно приносили на серебряномъ блюдѣ кучи

золоша, а Зеліанъ позволялъ брать каждому сколько угодно. Мало нашлось взявшихъ меньше тысячи червонныхъ. Одинъ только Баламиръ остался безъ подарка, когда всѣ уже вышли. Кажется, что вы, государь мой, не имѣете нужды въ деньгахъ, сказалъ ему Зеліанъ. — Благодарю Боговъ, опивчалъ Баламиръ; но я не безъ преребанія, примолвилъ онъ. Зеліанъ, усмотря изъ взглядовъ его, что онъ хочетъ оспаться съ нимъ наединѣ, выслалъ вонъ всѣхъ своихъ служителей. Теперь вы можете сказать оное, продолжалъ Зеліанъ, и будьте увѣрены, что зависящее отъ меня немедленно получите. — О государь мой! я конечно невозможнаго не пребую, подхвапилъ Баламиръ. Важное для меня обстоятельство принуждаетъ меня освѣдомиться о причинахъ, доспаваляющихъ вамъ неизчетное богатство, кое вы ежедневно распочаете. Но не подумайте, чтобъ корыстолюбіе меня кѣ

къ сему привлекало; я удаленъ желашь вещи, мало меня пльняющей. Не воображайте также, чшобъ и запрещеніе ваше, по коему обязанъ я кляшвою не сказывашь, что я у васъ былъ и что мнѣ извѣстно ваше имя, раждало во мнѣ безплодное любопышство: нѣшъ, разрѣшеніе чудной судьбы моей и спасеніе нѣкошорой великой Царицы принуждающъ меня умолять васъ о семъ. — Зеліанъ во все время, когда Баламиръ говорилъ, смотрѣлъ на него съ великимъ прилѣжаніемъ, попомъ же, какъ бы пришедъ въ восторгъ, сказалъ: по перспию, кошорой вы на рукѣ имѣете, я разумью кшо вы. Но не ожидайте, чшобъ могъ я удовольствовашь ваше любопышство: повѣспованіемъ моимъ учиню я великое помѣшательство въ намѣреніяхъ вашихъ, къ достиженію коихъ остались для васъ еще не малыя зашрудненія. И такъ вѣдайте, чшо я не открою вамъ моей повѣспи, поколь вы не

принесете мнѣ извѣстія о живущемъ
 отсюда въ десяти дняхъ разспоянія
 къ востоку нѣкошоромъ сапожникъ,
 который нѣсколько лѣтъ уже не мо-
 жетъ продолжашъ своей работы за
 жестокою рвощю, приключающеюся
 ему всегда, лишь только возьмется
 онъ за свое шило. Тогда узнаете
 вы о моихъ случаяхъ, имѣющихъ
 связь съ вашими, также и о испоч-
 никъ моего богатства и о сей за-
 вязанной плапкомъ рукъ моей. Окон-
 чавъ слова сіи, Зеліанъ безъ всякихъ
 околичностей оставилъ Баламира,
 и удалился въ свой уединенный
 покой.

Король Уиновъ разумѣлъ, что
 ему въ семъ мѣстѣ уже нечего дѣ-
 лашъ больше; почему терпѣливо
 принялъ опредѣленный путь, и по
 десятидневномъ шествованіи до-
 стигъ въ деревню, гдѣ обиталъ
 помянутый сапожникъ. Ему ука-
 зали домъ его. Входя въ оный на-
 шелъ онъ сапожника, готовящагося
 приняться за свою работу. Прилѣ-
 жаніе

жаніе его къ своему дѣлу столько его занимало, что онъ, взглянувъ на Баламира, не сдѣлалъ ни малаго вопроса, а принялся за башмакъ, который былъ не конченъ. Баламиръ не препящивалъ ему въ его трудъ, и ожидалъ, что съ нимъ произойдетъ. Сапожникъ, сѣдши на свой шулъ, сидѣлъ нѣскольکو въ молчаніи, какъ бы разсматривая башмакъ, и слезы готовы были пролиться изъ глазъ его. — Ахъ Замира, вскричалъ онъ, ковырнувши шиломъ! — Для чего ты столько мила моему сердцу? . . . и ахъ! для чего ты. . . — Больше онъ не могъ выговорить: ужасная пошнота принудила его бѣжать вонъ, и не прежде четверти часа вошелъ онъ къ Баламиру измученный рвотою. Простите моей невѣжливости, сказалъ онъ Королю Унскому; я несчастнѣйшій человекъ, питающійся трудами рукъ моихъ и уже пятый годъ немогущій докончить одной пары башмаковъ. До нѣсколька разъ

въ день принимаюсь я за мое дѣло,
 и всегда оное бросаю за ужасною
 пошнотою, происходящею отъ во-
 ображенія о иѣкопоромъ со мною
 бывшемъ случаѣ. Занятый онымъ
 при началѣ нынѣшней моей работы,
 я видѣлъ, что вы вошли, но задум-
 чивость моя воспрепятствовала мнѣ
 васъ спросить, какую вы до меня
 имѣете нужду. Теперь я ожидаю
 вашихъ повелѣній. Баламиръ, счи-
 тая, что сей злосчастный худо-
 жникъ, немогущій опправлять своего
 ремесла, умираетъ съ голода, воз-
 намѣрился попому подарить его ве-
 ликой цѣны камнемъ, ожидая при-
 томъ, что одолженіе шаковое убѣ-
 дитъ его опкрыть ему приключенія
 свои. И такъ, вынувши изъ кошелька
 своего алмазъ подавалъ оный сапо-
 жнику. Возмите сей камень, ска-
 залъ онъ; вы можете оный продать,
 и полученныя за него деньги употре-
 бить на содержаніе вашего дому.
 Когда иѣкопсырые случаи, приключив-
 шіе вамъ столь странную болѣзнь,
 мѣ-

мѣшаютъ вамъ упражняться въ трудахъ, шо сіе средснво облегчитъ ваше страданіе, и вы можете уже оставишь ваше ремесло; а я не пре-
 бую отъ васъ инаго за сіе въ благо-
 дарность, кромѣ того, чшобъ вы раз-
 сказали мнѣ вашу повѣсть, коя
 должна имѣшь въ себѣ конечно
 нѣчто чудное. — О государь мой,
 подхвашилъ саножникъ! я довольно
 считаю себя обязаннымъ за ваше
 мнѣ благодаріе; но чшо лежитъ
 до опкрытія моихъ приключеній,
 сего я ни за чшо въ свѣтѣ учинишь
 не могу. Удержите при себѣ вашъ
 подарокъ: я со всею моею скудоснію
 не могу оставишь моего ремесла; ибо
 судьба, мнѣ оное предопредѣляя, со-
 ставила въ томъ важную шайну,
 обѣщающую мнѣ со временемъ вели-
 кое щасіе, которое я добровольно
 утратилъ. — Баламиръ, изумлен-
 ный его отвѣтомъ, не зналъ чшо
 начашъ: сколько онъ ни просилъ его
 объ опкрытіи весьма нужнаго къ
 своему свѣдѣнію, сапожникъ былъ
 не-

неумолимъ. — Вы учинише безплоднымъ мое долговременное путешествіе, сказалъ Баламиръ въ опчаяніи; я множество земель прошелъ, чтобъ сыскашь развязку моей участи и оная опъ васъ зависла, но вы опускаете меня опъ себя щещя. Послъ чего разсказалъ онъ сапожнику свои приключенія, умолчавъ только о величествѣ своего чина. Художникъ казался бышь шѣмъ умягченъ: — Я не могу опкрышь вамъ ничего прежде, (опвѣчалъ онъ Баламиру) доколь вы не увидишесь съ братомъ моимъ, живущимъ опсюда верстахъ во сшѣ, на самой сей большей дорогѣ, кошорая лежишь мимо моего дому. Есльли онъ опкроешъ вамъ о своихъ приключеніяхъ, то и я не скрою ни малѣйшей опъ васъ подробности. Есльли вамъ угодно приняшь сей шрудъ, то спускайте и спрашивайте о сумасшедшемъ звонарѣ; васъ безъ шруда доведущъ къ нему. —

Бала.

Баламиръ, видя, что ему не оставалось больше, какъ либо безплодно возвратиться, или не щадить ногъ своихъ, рѣшился идти къ сумасшедшему. Куда уже нейдешь, думалъ онъ, продолжая путь свой: я прошелъ больше, и можетъ послѣднее уже по мѣсто будешь, гдѣ я разрѣшу судьбу моего приключенія.

Дорога, кою онъ шествовалъ, была мало населена; только разсѣяныя хижинки попадались ему не въ близкомъ одна отъ другой разстояннн. Любовь, чувствуемая имъ къ Милосвѣтѣ, облегчала ему скуку и зашрудненія пути, копорю занимаясь, по двухъ дняхъ прибылъ онъ къ древнему капищу, имѣющему при себѣ башню съ колоколами, и въ недалеомъ разстоянн дворъ, довольно обветшалый. Въ семъ-то мѣстѣ обиталъ сумасшедшій, коего Баламиръ искалъ. Приготовляясь разспросить, сѣлъ онъ подъ деревомъ близъ капища, и ожидалъ увидѣть человека, чшобъ спросить о звонарѣ.

Вскорѣ

Вскорѣ показался изъ вѣрошѣ двора молодой пригожій мущина, и бѣжалъ изъ всѣхъ силъ мимо его къ башнѣ. Баламиръ, по приближеніи онаго, спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ о жилищѣ сумасшедшаго, но сей, не отвѣчая ему ни слова, ушелъ на башню, и началъ звонить въ колокола. Баламиръ долго ждалъ его возвращенія, и по безпорядочному и необыкновенному его звону догадывался, что онъ самый шопъ, коего онъ ищетъ. Наконецъ звонарь появился, но бѣжалъ въ домъ заливаясь слезами и не отвѣщая на вопросы Баламировы. Сей хотѣлъ войти въ домъ его, но при самомъ входѣ сумасшедшій встрѣлся съ нимъ опять бѣгущій на колокольню. Баламиръ, видя, что несчастный сей человекъ совершенно безъ ума, началъ опрашивать получше ошъ него какое либѣ объясненіе; однакожъ вознамѣрился взойти на башню и испытать въ послѣдніе, не можно ли его дѣвечь,

до

до разговоровъ. Онъ нашелъ безумнаго въ обыкновенномъ упражненіи, но естъ звонящаго, что и продолжалъ онъ до пѣхъ поръ, какъ упомялся. Послѣ чего вскричалъ онъ ироекратно: о Богиня! о Богиня! ты меня оставила, и слезы полились изъ очей его. Баламиръ, зашавши входъ, чтобъ его не выпустить, началъ спрашивать, какую призываетъ онъ Божию, и что значить необыкновенный звонъ, имъ производимый. — А, государь мой! сей шайны вы никогда отъ меня не узнаете, отвѣчалъ звонарь. — Больше Баламиръ не могъ отъ него добиться; звонарь на всѣ вопросы отвѣчалъ только вздохами, и просилъ себя выпустить. Король Унискій, употребя щещно всѣ средства къ вывѣданію его шайны, кошѣлъ уже его оставить, какъ безумный сей, усмотря на правомъ его вискѣ родинку, вскричалъ съ страннымъ шѣлдвиженіемъ и бросясь на колѣни: ты потѣ человекъ, которому опре-

опредѣлено возвратишь мнѣ ушрачен-
ное мною щасіе! — Но ты не
ожидай отъ меня, (сказалъ Бала-
миръ, пользуясь самъ его располо-
женіемъ) чшобъ я учинилъ тебя
благополучнымъ, доколь подробно не
разскажешь мнѣ своихъ приключеній.
— Моихъ приключеній, ошвѣчалъ
звонарь? о государь мой! хошя бы
я спалъ и тысячекратно злоща-
спиѣ, нежели шеперь есмь; хошя бы
мученія, ежедневно мною прешерпѣ-
ваемая, возросли до безконечности,
вы не можете отъ меня узнать ни-
чего преждевременно; ибо отъ
шайны сей зависяшъ вся пишаемая
мною надежда, и открывааясь вамъ,
я вѣчно оную ушрачу. Однакожъ
отъ васъ предлежитъ узнать оныя
нѣкогда. Возмите прудъ шество-
вашъ внизъ по шеченію видимаго
вами сего источника: вѣ одномъ
мѣстѣ найдете вы рыбака, почини-
вающаго свои сѣти, просите его объ
открышій причины, для чего онъ
чрезъ многіе годы не можетъ окон-
чать

часть починку своихъ сѣшей. Еспыль сей вамъ откроетъ. . . о Боги: сколько людей учинятся благополучными! . . . Вы не будете уже имѣшь пруда искашь меня; я самъ явлюсь упасъ къ ногамъ вашимъ и удовлетворить вашему желанію. — Выговоря сіе звонарь, нашелъ средство проскочить мимо Баламира, и удался опѣ него поспѣшно.

Король Уинскій, видя необходимость или оставить свое предприятие, или слѣдовать предписанію безумнаго, не зналъ, что начать. Онъ сошелъ съ башни, и какъ уже смеркалось, то вознамѣрился провести ночь подъ деревомъ въ рощѣ, окружающей капище. Всю ночь мучился онъ размышленіями: сначала представлялась ему его должность, что онъ оставилъ свое государство изъ одного только любопытства; сіе приводило его въ раскаяніе. Страхъ присоединялся къ тому, что можеть быть любимецъ его Алаваръ не въ силахъ будетъ

Часть X.

Г

по-

понесши все трудное бремя правленія, или въ случаѣ, есѣли пристрастія вскользнушѣ въ его душу, онѣ развращишѣ и повергнетѣ подданныхъ его въ тысячѣ бѣдствій. Вкусѣ царствованія также угрожалѣ ему, что опшѣдавшій онаго легко можешѣ забышѣ свои обязанности, есѣли нужно нарушишѣ оныя для удержанія при себѣ престола. Однакожѣ онѣ полагался на вѣрность и добродѣтели своего любимца. Но со всѣмѣ шѣмѣ онѣ чувствовалѣ великое побужденіе возвращишѣся въ Унигардѣ, и опредѣлила сѣ началомѣ дня воспріяшѣ обратный путь. Однакожѣ при окончаніи сихѣ разсужденій Милосвѣта представилась ему со всѣми своими прелестями и добродѣтелями. Слова, кои она сказала ему, подавали ему надежду, что онѣ когда нибудѣ овладѣетѣ особою шолью совершенною; короче сказать, любовь перемѣнила всѣ его намѣренія: онѣ забыла труды прешерпѣнные и ожидалѣ шолью

только зари, чтобы шествовать по
печенію назначеннаго ему источника.

Сладкій сонъ послѣдовалъ сему,
и оный не нарушился, доколь оби-
щающія въ роцѣ пшички пѣніемъ
своимъ не возвѣспили начало дня.
Баламиръ пробуждаясь проширалъ
глаза свои и былъ приведенъ въ
немалое удивленіе, примѣня, что
изъ перспня, найденнаго имъ въ
столицѣ Дулебской, произошелъ весьма
ясный блескъ. Когда упражнялся
онъ въ разсмаприваніи сего явленія
и изысканіи оному причинъ, услы-
шалъ исходящій изъ перспня жен-
скій совершенно сходспвующій на
Милосвѣпинъ голосъ, произнесшій
слѣдующія слова: проспн Баламиръ!
на весь день лишаюсь я утѣшенія
быть близь тебя. Съ кончаніемъ
сей рѣчи золотый лучъ выскочилъ
изъ перспня, и блескъ, находившійся
во ономъ сначала, пропалъ. Ко-
роль Унскій сколько ни спарался
поспигнуть сіе приключеніе, но ни-
какъ не могъ. Меня окружающъ

волшебства, думалъ онъ; все случившееся со мною съ самаго выхода моего отъ Дулебовъ чрезъестественно. Конечно какій ни есть злый чародѣй вмѣшался въ мои обстоятельства, чтобъ вывести меня изъ перепѣя: не довольно что всѣ встрѣчи въ моемъ путешествіи расположены такою связью, коя влечетъ меня отъ часу далѣе отъ моего отечества и въ страны неизвѣстныя, но еще и спараюшя увѣришь меня, что возлюбленная моя Царица раздѣляетъ со мною безпокойства моего пути. Но какъ ей можно быть заключенной въ семь перстнѣ? Сіе только мечта. . . Но ахъ! сказалъ онъ позадумавшись; хошя и мечта, но весьма для меня пріятная. Я чувствую, что мнѣ легче погибнуть, не достигнувъ моихъ желаній, нежели оставишь трудъ, сулящій мнѣ исполненіе оныхъ. Посемъ оставилъ онъ роу и шелъ внизъ по теченію источника.

ЦѢЛЫЕ

Цѣлые полгода продолжалъ онъ путь свой по берегу источника, учинившагося великою рѣкою, снося различныя и выводящія его изъ шerpѣнія безпокойства. Иногда надлежало ему переплывать впадающія рѣки, а иногда шerpѣшь упомненіе ошъ солнечнаго зноя и голодъ въ странахъ необишаемыхъ, однакожъ единственнае имя Милосвѣпы ободряло его при крайнѣйшихъ изнеможеніяхъ, и напослѣдокъ достигъ онъ къ стоящей на берегу хижины, предъ копорою находились разныя рыбацьи орудія. — Безъ сомнѣнія я при концѣ моихъ шрудовъ, сказалъ Баламиръ; обитатель сей хижины объяснитъ всю мрачность, покрывающую приключеніе Царицы Дубльской. — Выговоря сіе, кошѣлъ онъ послучаться у дверей хижины, но оныя опворены были козяиномъ, копорый, взглянувъ на него мимоходомъ, бѣжалъ къ своимъ сѣшамъ, схватилъ челнокъ и готовился починавать свою сѣшь. Но завязавъ

одну ячейку, бросилъ челнокъ и бѣжалъ какъ сумасшедшій къ рѣкѣ. Постоявъ нѣсколько минушъ, испускающая глубокіе вздохи и взирая въ разныя мѣста въ воду, возвратился онъ опять къ своей работѣ. Опять завязалъ одинъ узелъ, и опять бѣжавъ къ рѣкѣ, производилъ примѣчанія свои въ водѣ. Сіе повторяя до нѣсколько разъ, бросилъ онъ челнокъ и нишки и возвратился въ свою хижину. Баламиръ встрѣлъ его у дверей и просилъ о спраннопріимствѣ. Рыбакъ сей, имѣющій уже видъ пятидесятилѣшняго мужа, принялъ его съ радостію. Онъ угощалъ его всемъ, что было у него наилучшаго, и разспрашивалъ у него о причинахъ, заведшихъ его въ сію необитаемую спрану. Баламиръ не скрылъ отъ него ни малѣйшей подробности, и рассказалъ ему все случившееся съ нимъ отъ времени, когда онъ изшелъ изъ Уннитарда. Вы простише меня, примолвилъ онъ, окончавъ свои приключенія, что я

за-

заклинаю васъ Богами не скрывать отъ
 меня вашей повѣсти; ибо кромѣ
 того, что довѣренностию сею мо-
 жетъ быть учините меня щасли-
 вѣйшимъ изъ смертныхъ, но и раз-
 рѣшите мое удивленіе о поступкѣ
 вашемъ при починиваніи вашихъ
 рыболовныхъ сѣтей. Рыбакъ, ко-
 торый во время, когда Баламиръ раз-
 сказывалъ свою повѣсть, оказывалъ
 попеременно по знаки сожалѣнія,
 по удовольствія, опавшесвовавъ
 ему: Король Унскій! я не скрою отъ
 тебя ничего, если ты дашь мнѣ
 обѣщаніе по выслушаніи моей по-
 вѣсти исполнишь нѣкоторое дѣй-
 ствіе, для коего потребны отва-
 жность и великодушіе. Баламиръ
 клялся ему, что онъ себя не поща-
 дишь и всеконечно въ угодность
 его исполнишь все состоящее въ его
 силахъ. Послѣ чего рыбакъ, вздо-
 хнувъ говорилъ слѣдующее: напоми-
 наніе несчастій и благополучія, по-
 попеременно слѣдовавшихъ въ моей
 жизни, извлекаетъ изъ меня вздохъ

сей. Вѣдай, БаламирѢ, что я совѣмѢ не въ шаковомѢ родился соспояннѢ, въ каковомѢ пы нашелѢ меня нынѢ упражняющагося; я имѣлѢ право заступитѢ престолѢ великаго Государя по произхожденію моей природы. Но какѢ случаи мои имѣютѢ связь съ приключеніями отца моего Царя Дулебскаго, то имѣй шерпѢніе, что я начну сказаніе отѢ вѣкошораго времени прежде нещасливой войны ДулебовѢ съ Аварами.

Пописьть Царевича Доброслава.

Область ДулебовѢ процвѣтала въдревле; предки мои управляли оною самодержавно, и всѢ сосѣдственныя народы въ разсужденіи силы, или слабости силѢ своихѢ, искали ихѢ союза, или покровительства. ОпецѢ мой БуйславѢ владѣлѢ уже спокойно цѣлыя пятнадцать лѣтъ престоломѢ, какѢ впаденіе сильнаго народа Аварскаго пошрясло оный.

ДоколѢ

Доколѣ еще силы опечесшва моего были новы, Авары безпокоили оное только набѣгами; но произошелъ случай, привлекшій Кигана, владѣльца Аварскаго, искашь собственнѣю своею, или опечесшва моего, погибелю. Опець мой кромѣ меня имѣлъ сшаршую дочь, именовѣ Рогнеду, дввицу ирѣднѣя красопы. Слава о семѣ дошла до непрѣшеля нашего Кигана; (*) возбужденный любопытствомѣ, пожелаалъ онѣ о семѣ удостовѣриться. Переодѣвшись въ простое платье, опважился онѣ припши во Дворецѣ опца моего, и нашедѣ способѣ увидѣшь сеситру мою, столько въ нее влюбился, что вознамѣрился просить оную себѣ въ

Г 5

су-

(*) Киганѣ не есть собственное имя сего Государя. У Аваровѣ, или Обровѣ плодѣтели обыкновенно назывались Киганами, или Каганами, такѣ какѣ у Татарѣ Ханами, а у Турковѣ Султанами.

супружество. Едва шолько возвра-
 щился онъ въ свое кочевье, шорже-
 ственное посольство отправлено было
 съ предложеніемъ мира на условіи
 союза его съ Рогнедою. Ни гордость
 отца моего, ни склонности сестры
 моей не согласны были съ желаніями
 Государя, пришедшаго изъ неизвѣ-
 стныхъ странъ и неимѣющаго опре-
 дѣленнаго жилища. Ему оказано,
 и кровавая война возгорѣлась; всѣ
 силы Кигановы, по разбитіи нашихъ
 войскъ въ жестокомъ полевомъ сра-
 женіи, осадили столичный нашъ
 городъ. Область наша прешерѣвла
 ужасное раззореніе, однакожъ столи-
 ца выдерживала долговременную оса-
 ду. Киганъ, горящій жесточайшею
 спрасшью къ сестрѣ моей, беспре-
 спанно дѣлалъ свои предложенія,
 но всегда получалъ рѣшительные
 отказы. Наконецъ городъ былъ въ
 крайности; голодъ, начавшій пока-
 зываться и непрерыванный уронъ
 людей на вылазкахъ, грозилъ, что
 оный взятъ будетъ при первомъ
 всеоб-

всеобщемъ приступѣ. Заключено сдѣ-
 лать послѣднюю вылазку, и либо
 прогнать непріятелей, или всеѣмъ
 погибнуть. Опець мой самъ пред-
 водилъ спсвоваѣ отборнымъ юно-
 шествомъ изъ дворянства; я, при-
 шедшій уже въ возрастъ, позволяю-
 щій владѣть оружіемъ, начальство-
 валъ надъ лѣвымъ крыломъ, изшед-
 шимъ отъ воротъ Бугскихъ. Я не
 хочу вамъ описывать всеѣхъ чудесъ
 храбрости, произведенныхъ каж-
 дымъ; довольно сказать, что Авары
 проекратно выгоняемы были за
 свой воинскій станъ, потеряли цѣлыя
 тысячи воиновъ и бѣжали раз-
 сѣянно куда кто могъ. Однакожъ
 необузданная храбрость спала при-
 чиною нашего несчастія. Когда на-
 ши воины гнались по одиначкѣ ка-
 ждый за своимъ непріятелемъ съ
 швердымъ намѣреніемъ испребитъ
 до послѣдней души своихъ непріа-
 телей, тогда полки Аварскіе, быв-
 шіе на грабежѣ по областямъ Ду-
 лебскимъ, возвращаясь подоспѣли
 къ

кѣ своимъ на помощь; бѣгущіе
оспановляясь примыками и обраща-
лись на своихъ преслѣдователей.
Рѣдкой изъ Дулебянъ избѣгъ поги-
бели; самъ родителъ мой, нападая
на Кигана, былъ отъ своихъ отрѣ-
занъ, и обороняясь какъ левъ,
пронзенъ былъ въ грудь волшебнымъ
копьемъ Кигановымъ. Я, усмотря
кончину родителя моего, съ осташ-
комъ моихъ тѣлохранищелей бро-
сился въ толпу, чтобъ по крайней
мѣрѣ спасти тѣло его. Я пробился
и въ отчаяніи разнесилъ смерть
посреди Аваровъ, щившихся схва-
тивши тѣло, но едва я очистилъ
пушь моимъ воинамъ, какъ земля,
разсупившись предъ моими глаза-
ми, поглотила моего родителя.
Смертный ужасъ объялъ меня то-
гда; я, вмѣня сіе за явный гнѣвъ
Боговъ, обратилъ коня моего и
спасался бѣгствомъ. Вскорѣ бы-
стростъ онаго сокрыла меня отъ
непріятелей, и я, очуясь въ непро-
ходимомъ лѣсу, продолжалъ еще
уда-

удалялся. Гусиоша сплетшихся
 вѣшней лишила меня коня моего;
 я повисѣ, зацѣпленный на сухомѣ
 сукѣ, а конь мой, вырвавшись изъ
 подѣ меня, пропалѣ. Не можно изоб-
 разишь, вѣ какомѣ смященномѣ
 состоянїи я тогда находился.
 Сколько ни старался я освободиться
 съ сука, на коемѣ висѣлѣ, но никакѣ
 не могѣ; ибо оный вѣнизался подѣ
 ремни моей брони. Тогда предша-
 влялись мнѣ одни только разные
 роды смерти, что я или погибну
 съ голода, или достанусь вѣ до-
 бычу моимѣ непрїателямѣ. Посреди
 сего моего ужаса почувствовалѣ я
 приближающїйся ко мнѣ вихрь, ошѣ
 кошораго дерева раздавались на всѣ
 стороны; меня подхватило онымѣ,
 и сдернувѣ съ дерева, помчало. Я
 приготовился кѣ смерти и ожидаѣ,
 что бросятѣ меня либо на торчащїе
 ошломки засохлыхѣ цней, или вѣ
 какую нибудѣ пропасть и раздро-
 бятѣ вѣ части. Таковое воображе-
 нїе лишило меня чувствѣ, однакошѣ
 опо-

опомнясь, нашелъ я себя лежащаго на софѣ въ великолѣпномъ покоѣ. Не видя никого, не зналъ я еще, пріятелямъ, или врагамъ долженъ за оказанное о миѣ попеченіе. Сія неизвѣстность, кончина родителя моего, упраченное государство и больше всего жалосшная судьба сестры моей, оставшейся во власти непріятеля, повергли меня въ жестокую печаль. Миѣ живо представлялись позоръ и презрѣніе, каковымъ Рогнеда должна была подвергнуться, нашедшись во власти варварскаго побѣдителя. Посреди сихъ плачевныхъ размысленій вошелъ въ комнату, гдѣ я находился, прекрасный мужчина. Казалось, что ему не было больше дваццати пяти лѣтъ; одежды его были великолѣпны, но имѣли въ себѣ нѣчто опличное, а особливо висящій чрезъ плечо его Зодіакъ подавалъ миѣ видъ, что я вижу волшебника. Я вскочилъ съ моей постели, и не сомнѣваясь, чтобъ вошедшій не былъ

хозя-

хозяинъ дома, благодарилъ его за попеченіе, мнѣ оказанное. Добро-славъ, сказалъ онъ мнѣ! вы конечно нещасливы, и я не хочу льстить, чшобъ пошеря престола и опечесства была вещью равнодушною, но не оплакивайте кончину вашего родителя и плѣнъ сестры. Правда, что родителъ вашъ лишился жизни, но ешь еще ередства оную ему возврашшь. По крайней мѣрѣ шбло его не пожрано землю, какъ вамъ казалось: оно здѣсь въ моемъ замкѣ, равно какъ и Рогнеда. — Я сполько удивленъ былъ его словами, что не зналъ, что ему опвѣшествовашь. Я вижу, продолжалъ онъ, что слова мои приводятъ васъ во удивленіе, и для шого должно мнѣ увѣдомишь васъ, кто я и какое обшояшество принудило меня взять участие въ вашихъ приключеніяхъ.

Я сынъ Короля Кимбрскаго, а имя мнѣ Гипоменъ. Съ малолѣшства моего получилъ я великую склонность къ волшебной науцѣ,

ухъ, и по особливому моему щастію приставленъ былъ ко мнѣ въ дядьки Зловуранъ, человекъ, весьма въ чрезъестественныхъ таинствахъ знающій. Отъ него получилъ я первыя основанія сего шоль мнѣ пріятнаго знанія. Онъ былъ единственный мой другъ до тѣхъ только поръ, какъ я въ волшебствѣ меньше его имѣлъ силы, но когда я превозшелъ его въ шоль, онъ учинился смертельнымъ моимъ непріателемъ. Преимущество мое надъ нимъ произошло слѣдующимъ образомъ: сестра матери моей, величайшая волшебница своего времени, обещавшая въ уединеніи въ горахъ Армянскихъ, посредствомъ своего знанія провѣдала о моей склонности; она посвѣщала меня въ искусство моего дядьки и открыла мнѣ всѣ тѣ таинства, до коихъ достигла она многолѣпнымъ трудомъ своимъ. Сія шетка моя въ цвѣтущихъ дняхъ своего возраста имѣла любовныя обязательства съ Королемъ волшебниковъ,

ковъ, и на сей конецъ удалилась въ уединеніе, въ которомъ, безпрепятственно предавшись своей страсти, прижила съ своимъ любовникомъ трехъ дочерей, одаренныхъ красою, добронравіемъ и знаніемъ. Я не однократно бывалъ въ замкѣ тетки моей, и хотя примѣчалъ, что Зимонія (имя ея) имѣетъ желаніе, чтобъ прелести которойнибудь изъ малолѣтнихъ дочерей ея сдѣлали въ моемъ сердцѣ какоенибудь впечатлѣніе, дабы со временемъ могъ я избрать изъ нихъ себѣ супругу, но возрастъ лѣтъ моихъ, управляемый склонностію къ волшебству, удалялъ меня отъ таковыхъ намѣреній. Несчастіяжъ, приключившіяся пошомъ моему дому, и непримиримая вражда моя съ Зловураномъ, занявшая всѣ часы моихъ дней, учинили то, что я не имѣлъ времени бывать послѣ того въ замкѣ Зимоніи. Зловуранъ не вѣдалъ, что я учинился въ волшебствѣ его сильнѣе, но самолюбіе, польщая моему

Часть X.

Д

щце.

щеславію, вскорѣ о помѣ ему отъкрыло. Зловуранъ за нѣсколько лѣтъ уже шрудился оживить одну каменную дѣвицу, кою искусство каменосѣчца соорудило поль прекрасною, что Зловуранъ влюбился въ сей бездушный испуканъ. Я, нашедъ его упражняющагося въ щещиномъ намазываніи сего испукана волшебными соєздавами и чщеніи заклинаній, не ушерпѣлъ, чтобъ не засмѣяться. Что значилъ сей смѣхъ, спросилъ онъ меня съ досадою? Ничего больше, отвѣчалъ я съ еящимъ смѣхомъ, что волшебникъ, влюбившійся въ камень, не можетъ онаго употребить къ удовлетворенію своей страсти. — Но не уже ли ты считаешь вещь сію довольно легкою, сказалъ онъ? — Да, говорилъ я, еслии мой учитель признается, что онъ мнѣ долженъ уступить въ знаніи, я учиню сей испуканъ дѣвицею, способною въ сей же часъ вступить въ супружество. — Зловуранъ разсмѣялся ненавистнымъ образомъ, и по

по долгомъ спорѣ опдалъ испуканъ на мою волю, а я взялся оный оживишь. Я просилъ Зловурана удалиться изъ покоя, въ коемъ споялъ испуканъ, на нѣсколько мгновений ока, и по выходѣ его совершилъ извѣстныя мнѣ дѣйствія. Послѣ чего кликнулъ его, чтобъ былъ онъ очевиднымъ свидѣтелемъ превосходнаго моего искусства. Тогда каменное вещество испукана обратилось въ шло, имѣющее жилы, кости, мясо и кожу. Прелестный румянецъ заигралъ въ щекахъ сея оживленной дѣвицы; она чхнула, и открывъ глаза, вспала на ноги. Не можно описать изумленія, въ кое повергнутъ былъ Зловуранъ; онъ видѣлъ, что я у него выигралъ первенство. Но сколько ни владѣла имъ радость при взорѣ на оживленный предметъ безнадежныхъ его любви, со всѣмъ тѣмъ не могъ онъ скрыть злѣйшей зависти ко мнѣ, кою слова дѣвицы шой обратили въ совершенную злобу. Она, окинувъ

все глазами, говорила: гдѣ я и что я вижу? все для меня ново, и я не вѣдаю, откуда я и что значу? — Потомъ взглянула она на Зловурана, и какъ бы испугавшись его вида, бросилась ко мнѣ и охватя меня объятіями, вскричала: ахъ! какъ онъ спрашенъ! . . . Но въ шебѣ, продолжала она, взглянувъ на меня съ улыбкою, я ничего шакового не вижу; я привлекаюсь къ шебѣ и никогда отъ шебя не отойду. — Слова сіи привели Зловурана въ бѣшенство; ревность заглушила въ немъ всѣ прочія чувства. Онъ выхватилъ свою саблю и въ мгновение ока, општоргнувъ изъ моихъ рукъ произведенную волшебствомъ дѣвицу, изрубилъ ее въ мѣлкія части. Ты не будешь имѣть удовольствія, говорилъ онъ, пѣнясь отъ злобы, ругаться надъ моею слабостію. Хотя ты и превозшелъ меня въ семъ опытѣ, но я найду довольно средствъ опшстишь шебѣ за сію насмѣшку; ты познаешь Зловурана

рана по бѣдствіямъ, которыя онъ мнѣ приключилъ. — Сколько я ни старался его успокоить и увѣрять, что слова и дѣйствія дѣвицы отнюдь не было мое внушеніе, Зловуранъ не внималъ и клялся Черногомомъ, что онъ мнѣ будетъ непримиримый врагъ. Онъ схватилъ свой волшебный жезлъ, и прикосновеніемъ онаго обраша часни изрубленной дѣвицы въ крылашкѣхъ зміевъ, былъ подхваченъ оными и исчезъ въ моихъ глазахъ.

Мнѣ извѣстенъ былъ нравъ моего дядьки, и я, вѣдая, что онъ сдержитъ свое слово, прибѣгъ къ моему знанію, чтобъ защититъ себя и моихъ ближнихъ отъ нечаяннаго его нападенія. На сей конецъ соорудилъ я три шалисмана: для моего родителя, сестры моей Милосшаны и для себя. По изговѣреніи оныхъ, надѣлъ я одинъ на себя, а другой на пришедшую въ тотъ часъ ко мнѣ сестру мою, и шелъ уже въ чертоги моего роди-

шея, чтобъ открывъ ему о происшедшемъ между мною и Зловураномъ, принудишь его привязать Талисманъ; но бѣгущіе мнѣ встрѣчу комнатные дворяне со ужасомъ объявили мнѣ о скоропоспѣшной кончинѣ его. Въ безмѣрной печали бросился я къ тѣлу отца моего и нашелъ, что оное сожжено волшебною оправою. Хотя я могъ оживить каменный истуканъ, но искусство мое не простиралось до поданія помощи моему родителю, а особливо, когда всѣ составы тѣла его были уже между собою разлучены. И шакъ я одними слезами заплакалъ дань родству. Между тѣмъ печаль, занимающая меня, мѣшала мнѣ помыслишь объ отвращеніи дальнѣйшихъ мщеній Зловурановыхъ. — Ибо, приуговоря тѣло отца моего къ погребенію, нашли при ономъ письмо отъ врага моего, въ коемъ онъ гордо хвалился нанесеннымъ мнѣ огорченіемъ; упоминалъ, что безъ талисмановъ шже приготовлено было

было мнѣ и сестрѣ моей, и повпо-
 рялѣ кляпвы о непримиримой ко
 мнѣ ненависти. — Пажѣ мой при-
 велѣ ко мнѣ нѣскольکو гонцовѣ, при-
 скакавшихѣ со: извѣсшiemѣ, что все
 государство мое превращается въ
 великое озеро, а всѣ подданные мои
 въ разные роды плавающихѣ пшицѣ.
 Гонцы сіи и пажѣ не успѣли окон-
 чить словѣ своихѣ, какѣ обрати-
 лись въ ушокѣ, и вспорхнувѣ вы-
 лешѣли въ окны. Я, заботясь о сестрѣ
 моей, побѣжалѣ въ ея комнаты, и
 въ прохожденіи видѣлѣ, что всѣ
 подданные мои равномѣрно обрати-
 лись въ пшицѣ, а столичный го-
 родѣ въ воду, присоединившуюся
 къ озеру, учинившемся изѣ моего
 государства. Хотя я безопасенѣ
 былѣ въ разсужденіи шалисмана,
 но за лучшее счелѣ, схватя сестру
 мою, подняться на воздухѣ. Для
 сего обратилѣ я престолѣ опца мо-
 его въ летающую колесницу; сѣлѣ
 во оную сѣ Милоспаною, и едва
 поднялся сажень на двашцать отѣ

земли, но и Дворецъ мой покрыло водою. Основая колесницу, размышляя я, возвратишь ли подданнымъ моимъ и государству прежній ихъ видъ. Но разсудя, что доколѣ Зловуранъ не будешь истребленъ мною, не престанешь онъ въ отсутствіе мое наноситьъ отечеству моему разныя бѣдствія, заключилъ оставить оное во образъ озера и пещи, а только оградить оное неприступнымъ палисманомъ. Соверша сіе, предопредѣлилъ я отнести сестру мою въ замокъ шепки моей Зимои, яко въ безопасное убѣжище, чтобъ попомъ самому быть свободну для поисковъ моихъ надъ Зловураномъ; однакожъ волшебная моя колесница не сдѣлала мнѣ въ семъ послушанія, и сколько я ни леталъ въ разныя стороны свѣта, но не могъ сыскать ея замокъ. Что сему препятствовало, услышите вы послѣ.

Таковымъ образомъ принужденъ былъ я основать себѣ собственное жи-

жилице : силою моего знанія воздвигнулъ я сей замокъ , въ коемъ нынѣ теперь находишься , и учиня входъ въ него неприсущнымъ не только Зловурану , но и ни одному изъ смертныхъ , началъ въ ономъ обитать съ моею сестрою. Подвластные мнѣ духи по приказанію моему приняли на себя видъ мамъ и дѣвицъ , и находятся при ней въ услуженіи ; а я , получа чрезъ то свободу , началъ дѣлать поиски надъ врагомъ моимъ Зловураномъ.

Сей, вѣдая, что сила его мнѣ уступивъ должна , скрывался и убѣгалъ меня подъ разными образами; но какъ не всегда могъ удостовѣренъ быть о своей безопасности , взялъ онъ прибѣжище къ хитросли. Онъ вѣдалъ , сколько выгодно можетъ быть ему покровительство Короля волшебниковъ , и для того размышлялъ о средствахъ , чѣмъ бы можно пришти къ нему въ милость. Помощію сего волшебства открывъ онъ , что Зимоція некогда любима

была страстно Королемъ волшебниковъ, и поднесъ еще почиается отъ него не иначе, какъ супругою въ разсужденіи дѣшей, коихъ отъ нее имѣетъ. Сверхъ того позналъ онъ, что я отъ нее получилъ величайшія тайны въ волшебствѣ, и тѣмъ выигралъ надъ нимъ столь огорчительныя для него преимущества. Сіе обстоятельство обратилъ онъ въ свою пользу. Онъ, представъ предъ Короля волшебниковъ съ притворнымъ подобострастіемъ, доносилъ ему, что почтеніе, къ которому обязываетъ его званіе къ нему, принуждаетъ его открытъ нѣкошорую хотя досадную, но весьма величество его оскорбляющую тайну. Послѣ сказывалъ онъ, каковымъ образомъ имѣлъ онъ меня на воспитаніи, какъ преподалъ мнѣ наставленія въ волшебной наукѣ, и что сіе послужило мнѣ открытъ обидѣ лице Зимоніи, что сія, влюбясь въ меня, нарушила не токмо вѣрность свою къ нему, ея супругу, но и для

луч-

лучшаго удержанія меня въ своихъ
узахъ, жерпвовала и чеспью доче-
рей своихъ, коихъ красота привле-
каешъ меня къ частому посѣщенію
ея замка.

Не можно представить, каковыя
слѣдствія гнѣва произвела ревность
въ Королѣ волшебниковъ. Хотя онъ
и желалъ удостовѣриться въ истин-
нѣ доноса и призывалъ въ помощь
свою очарованную книгу, но какъ
волнуемая досадою и смяшеніемъ
мысли его не могли дѣлать поря-
дочныхъ вопросовъ, то и книга
хотя опвѣчала истинно, но подтвер-
дила его подозрѣніе. Для благопри-
стойности въ присутствіи Зловура-
на вопрошалъ онъ: любитъ ли Зи-
монія Гипомена? — Книга опвѣ-
чала: любитъ. — бывалъ ли онъ
въ ея замкѣ? — Бывалъ часто. —
Было ли ея желаніе способствовать
ему къ любви съ ея дочерьми? —
О! она имѣла къ тому особое на-
мѣреніе. — Все то было истинно;
ибо Зимонія любила меня по родству;
въ

въ замкѣ ея бывалъ я для науки
 въ волшебствѣ, а способствовала
 она къ любви съ дочерями своими
 для того, что имѣла намѣреніе же-
 нить меня на которойнибудь изъ
 оныхъ. Но Король волшебниковъ, пред-
 варенный ложнымъ доносомъ, попялъ
 то въ прошивную сторону. — До-
 вольно, вскричалъ онъ въ великой
 ярости! будь обнадеженъ въ моемъ
 покровительствѣ, сказалъ онъ Зло-
 вурану. Я на тебя возлагаю всюду
 преслѣдовать нарушителя моего по-
 коя и повредителя моей чести. Я
 не премину подкрѣплять тебя во
 всѣхъ покушеніяхъ твоихъ ко вреду
 его. Чтожъ лежитъ до Вѣроломной
 Зимоніи, ошныиъ лишаю я ее вла-
 сти дѣлать людямъ помощь. Жи-
 лище ея будетъ сокрыто отъ всего
 свѣта; она не увидитъ меня нико-
 гда, и лишится моего покровитель-
 ства. Дочери ея не посягнутъ за-
 мужъ, какъ за самыхъ подлыхъ
 ремесленниковъ, коихъ могутъ вы-
 брать по своему желанію; но онъ
 должны

должны лишиться своихъ супруговъ, копорыхъ будущъ любить страшно; ибо каждая изъ нихъ будетъ имѣть предопредѣленную шайну опѣ своего мужа. Но какъ одинъ изъ сихъ будетъ нескромнъ, другій любопытенъ, а прешій привязанъ къ своимъ родителемъ, то по извѣстнымъ мнѣ обстоятельствомъ и должны онѣ будущъ съ ними разлучиться. — Сказавъ сіе, подтвердилъ онъ предвѣщаніе свое заклинаніемъ, и вручивъ Зловурану волшебное копіе для сраженія со мною въ нужномъ случаѣ, отпустилъ его.

Познавъ о всемъ семъ происшествіи, хоша пришелъ я въ ужасъ, однакожъ, малымъ чѣмъ уступая въ силѣ Королю волшебниковъ, положился на волю Боговъ. Я надѣялся, что скорѣе я могу истребить Зловурана, нежели онъ причинитъ мнѣ вредъ; но для лучшей безопасности соорудилъ я очарованную броню, копорую и надѣвалъ на себя, когда выступалъ на покушенія. Одна-
кожъ

кожѣ во всѣхъ странахъ свѣта не могъ я открыть моего непріятеля.

Во время сихъ моихъ странствованій случилось мнѣ шайнымъ образомъ быть при Дворѣ Дулебскомъ. Добродѣтели вашего родителю привязали меня, а красота сестры вашей вложила въ сердце мое неизвѣстныя еще дополъ чувствованія любви. Но сколько ни овладѣла мною спраспъ, я не смѣлъ открыться въ оной ни Царю, родителю вашему, ни моей возлюбленной, считая, что мнѣ, какъ чело-вѣку незнакомому, въ помѣ отказано будетъ. Между тѣмъ однако я не пропускалъ случая, претворяясь въ каковую нибудь мѣлкую шварь, влетать въ комнаты Рагнедины и пишаться зрѣніемъ на ея прелести. Въ семъ только состояло все мое утѣшеніе, пока Зловуранъ не провѣдалъ о родившейся во мнѣ спраспъ. Чшобъ поразить меня въ чувствительнѣйшее мѣсто, переодѣлся онъ Дулебскимъ жрецомъ, и подъ именемъ

кемъ переметчика пришелъ въ станъ
 къ приближившемуся тогда къ обла-
 стямъ Дулебскимъ Кигану Аварско-
 му. Онъ умѣлъ въкрасься въ
 милость сего Государя, и на ска-
 завъ ему о богатствѣ сираны
 вашей, побудилъ въ оную впасть.
 Сія - то была истинная причина
 началу несчастной войны вашего
 опечества; впрочемъ же Киганъ
 совѣмъ намѣренъ былъ вести
 своихъ народовъ въ горы, близъ
 лежащія къ Колхидѣ близъ Чернаго
 моря. Сей хищный врагъ мой, въ-
 дая о привязанности моей къ ва-
 шему дому, разумѣлъ, что всѣ его
 предиріянія могутъ быть не токмо
 безуспѣшны, но и опасны самому
 ему, доколь не уловитъ онъ самага
 меня каковою нибудь лестію.
 Познавъ, что я не рѣдко влезаю
 въ отверстіе окна въ покои
 Рагнедины, прибѣгъ онъ къ Королю
 волшебниковъ, и рассказавъ ему объ
 обстоятельстве, каковымъ надѣется
 получить меня въ свои руки, про-
 силъ

силъ его о сооруженіи волшебной
кляпки, чшобъ я могъ въ оную за-
поченъ бытъ. Король волшебниковъ,
уважа его представленіе, соспавилъ
кляпку съ таковыми заклинаніями,
что попадшійся въ оную самъ собю
вѣчно высвободиться не можешъ.
Зловуранъ, получа оную, принялъ
на себя видъ шарухи; шоргушкой
золошыми вещьми и дорогими кам-
нями. Въ семъ видѣ нашелъ онъ
средство во время моего отсутствія
дойти до Царевны Рагнеды. Пока-
зывая свои вещи, представилъ онъ
ей и волшебную кляпку. Сія вещь,
говорилъ онъ, стоишъ несравненно
дороже всѣхъ моихъ поваровъ; ибо
ею шолько можешъ поимана бытъ
невидимая пшица, могущая раз-
говаривать съ шѣмъ, кто будешъ
имѣть ее въ сей кляпкѣ, о всемъ
происходящемъ въ свѣшѣ. — Но
какъ ее поимать можно, спросила
Рагнеда? — Послѣдуйте шолько
моему наставленію, прекрасная Ца-
ревна, отвѣчалъ притворившійся Зло-
вуранъ

вуранѢ. Я не шокмо учиню вамѢ
 оное, но и оставлю клѣтку, не тре-
 буя ошѢ васѢ ни малой платы;
 вбо желаніе услужить вамѢ безпре-
 дѣльно. ПослѢ я конечно награждена
 ошѢ васѢ буду по мѣрѢ моей
 услуги. Извольте вѣдать, что сѢ
 нѣкошораго уже времени пшица сѢ
 влешаетѢ кѢ вамѢ вѢ покои вомѢ
 вѢ сѢе отверстіе вѢ окончинѢ. Но
 какѢ она имѣетѢ человѣческой раз-
 умѢ, то поиманіе ея не можетѢ
 бытъ такѢ какѢ пшицы: вамѢ
 слѣдуетѢ сперва написать пись-
 мецо слѣдующаго содержанія: „ Не-
 „ видимый любовникѢ! я одобряю
 „ швою ко мнѢ склонность. Я чув-
 „ ствую кѢ тебѢ шже, что и ты
 „ ко мнѢ. Перестань бытъ невиди-
 „ мымѢ и завтрашняго дня до
 „ разсвѣту влети вѢ отверстіе
 „ окна вѢ видѢ наипрекраснѣйшей
 „ пшицы, обитающей вѢ щасливой
 „ Аравіи. „ СѢе письмоцо должно
 вамѢ положить на ешолкѢ, а вѢ
 слѣдующую за шѢмѢ полночь, на-
Часть X. Е. спа.

спавишь клѣшку опверстіемъ къ опверстію сего окна. Пшица на вѣрное влещишь въ назначенное время въ клѣшку, и имѣющеюся во оной пошайною пружиною будешь захлопнуша и поимана. Но опасайтесь тогда опворять дверцы клѣшки, для того что въ шо мгновение ока пшичка сія вылещишь, и вы уже ее вѣчно не увидите. Царевна благодарила пришворную шорговку за наставленіе; обѣщалась посѣдовать оному въ шочности, и взявъ у ней клѣшку, спряшала.

Какъ шакowe и другіе пошпоронніе разговоры заняли Зловурана и продержали большее число времени, нежели сколько онъ въ безопасности шумѣ пробыть опредѣлилъ, я, не вѣдая ни о чемъ, влещѣлъ по моему обыкновенію подъ видомъ мушки, и сѣлъ къ Царевнѣ на плечо. Не ожидая, чтошбъ Зловуранъ могъ осмѣлиться появиться въ шо мѣсто, гдѣ былъ я, не имѣлъ я никакого подозрѣнія; но ошпорожный Зловуранъ

ранъ шотчасъ узналъ меня и пришелъ въ великій страхъ. Блѣдность, показавшаяся на лицѣ его, принудила Царевну спросить о причинѣ таковой перемѣны, и Зловуранъ употребилъ сіе себѣ въ пользу; онъ сказалъ, что ему приключилась великая пошнота, и вышелъ вонъ. Однако я, почувствуя между шѣмъ женіе отъ моего талисмана, который всегда отправлялъ сіе дѣйствіе въ приближеніи ко мнѣ врага моего, обратилъ прилѣжно взоры на удаляющуюся торговку, и позналъ въ ней Зловурана. Гнѣвъ закипѣлъ во мнѣ: я бросился въ слѣдъ за нимъ. Зловуранъ, сіе примѣтя, обратился шершнемъ, въ надеждѣ, что онъ можетъ управиться съ мухою; однако я шотчасъ превратился дятломъ и напустилъ на моего прошивника. Сей, усмотря свою опасность, обратился въ бѣгство; ибо, не имѣя при себѣ волшебнаго копія, не смѣлъ со мною сразиться. Я гналъ его до самаго Чернаго моря, и едва

не достигъ; но Зловуранъ, познавъ свою опасность, разсыпался въ видѣ песчинокъ и упалъ въ море. Я не оставилъ и памъ преслѣдовавшяго во образѣ щуки; но во множествѣ песку поискъ мой остался нищенъ. Ахъ! есмьли бы сей злодѣй достался въ мои руки, какихъ бы мы всѣ избѣгли бѣдствій! Я возвратился въ мой замокъ и упражнялся въ разныхъ ворожбахъ для открытія убѣжища Зловуранова; однакожъ защищеніе отъ Короля волшебниковъ полагало въ шомъ мнѣ препятствіе.

Между шѣмъ Зловуранъ, пользуясь довѣренностію Кигана, учинилъ ему довольно живое описаніе о красотѣ вашей сестры, и умѣлъ возжечь въ немъ злочно жесточайшую къ ней страсть; а чшобъ она и еще умножилась, помогъ онъ ему шайнымъ образомъ бышь при Дворѣ вашемъ и увидѣшь прелестную Рогнеду. Какъ послѣ того Киганъ требовалъ ее себѣ въ супружество

в

и какъ возгорѣлась война, вамъ, Доброславъ, сіе извѣстно: обратимся теперь къ несчастному моему заключенію, воспрепятствовавшему мнѣ подать вамъ помощь и защитишь отечество ваше отъ Аваровъ. Долженъ я признаюсь, что любовь, овладѣвши мною, учинила меня слабымъ; я, занимаясь ею и не преодолевая желаній видѣть вашу сестрицу, пропускалъ нужное время для поисковъ надъ моимъ и вашимъ непріятелемъ. Но ипощь можешь прошивишься побужденіямъ всеильной любви? Я, оставя все, влѣтѣлъ по обыкновенію въ чертоги Рогнедины, и увидѣлъ оную занимающуюся писаніемъ письма. Во образъ мухи оѣлъ я на споликъ и прочелъ содержаніе онаго, которое состояло почно въ словахъ, какъ наставилъ ее Зловуранъ. Боги! что почувствовалъ я при семъ лестномъ обстоятельствѣ. . . Ты знаешь обо мнѣ, несравненная любовница, говорилъ я самъ себѣ; ты чув-

чувствуешь ко мнѣ равнобѣрную склонность и повелѣваешь мнѣ предъ себя предспаать. О! я исполю швое повелѣніе; оное обѣщаетъ мнѣ исполненіе моей надежды. Я учинюсь попугаемъ, но шолько на нѣскольго мгновеній, чшобѣ подробно слѣдовать швоимъ желаніямъ; но шогдашѣ повергну я вѣ насшоящемъ видѣ къ ногамъ швоимъ обожающаго тебя Гипомена. — Я оставилъ Дворецъ вашъ, чшобѣ во сшиданіи назначеннаго времени, выдумать расположеніе красивѣйшихъ перьевъ пшицы, вѣ коей видѣ надлежало мнѣ явиться. Определенный часъ наступилъ; я обратился вѣ пригожайшаго попугая, каковые едва ли еспъ вѣ природѣ: всѣ возможные краски, смѣшанныя сѣ золошомъ, перемѣшаны были вѣ моихъ перьяхъ. Я приближлся къ отшверстію окна, исполненъ спрасши и надежды, влешѣлъ, былъ захопнутъ вѣ клѣшкѣ и поиманъ. Царевна, караулившая сего, вскричала: поимали! поимали!

дѣ.

дѣвицы ея повторажи сїе слово, и самъ я, находясь въ чрезмѣрномъ смяшенїи, и не зная что сказать, кричалъ шже. Сїе произвело радостный смѣхъ. Царевна, схватя клѣпку въ свои руки, говорила: ахъ, прекрасная пшца! сколь довольна я, что ты досталась въ мои руки! — Несравненная Царевна, отвѣчалъ я! ты никогда не можешь быть довольнѣе любовника, питающагося зрѣнїемъ на твои прелести. — Сїе произвело новый смѣхъ; оный безпрестанно раждался, когда я рассказывалъ Рогнедѣ, что я наслѣдникъ престола въ королевствѣ Кимбрскомъ, когда я открывалъ мою къ ней любовь, и когда пребывалъ согласїа ея о вступленїи со мною въ супружество. Миѣ дѣлали безъ умолку разные вопросы; ибо считали меня совершенною пшцею. Сїе вывело меня изъ шерцѣнїа, и я, обращая къ размышленїямъ, позналъ, что сїю шупку сѣигралъ со мною Зловуранъ, и что я нахожусь въ волшебномъ зашоченїи. Я при-

чувствуешь ко мнѣ, чшобъ
 склонность и прѣдѣлки, не
 предѣ себя предсѣуже не слу-
 шное повелѣніе: получилъ отъ
 исполненіе моѣ вшомъ, что я
 нюсь попугаѣодно уже узналъ,
 сколько мѣдой Зловураномъ надо
 сѣдовашъ росши. Опасаясь, чшобъ
 погдашъ рѣшель мой не пришель по-
 видѣ меля въ сей шемницѣ, при-
 шавилъ я въ оборону оружіе: я
 дернулъ перо изъ себя, и чрезъ
 долшебшво обрашилъ оное въ лукъ
 и стрѣлу. Заклинанія мои на сей
 предметъ столь были свѣлы, что
 ничшо бы Зловурана не защитило
 отъ смерти. Однако онъ, проникнувъ
 въ мое намѣреніе, не смѣлъ ко мнѣ
 появишься, а довольшвовался только
 мспинъ мнѣ шѣмъ, чшобъ я оспал-
 ся въ вѣчномъ започеніи и не
 мѣшалъ бы способшвовать ему въ
 преданіи Рогнеды во обѣяшнія Кита-
 новы. Онъ понималъ, чшо ничѣмъ
 лучше поразишь меня не можешь,
 какъ учиня свидѣшелемъ шастія
 моего

ика, и что возлюб-
 ть у меня по-
 ами.

ль паковых не-
 спояшельствахъ, все
 ое состояло въ томъ, что
 сно могъ видѣть обожаемую
 Царевну, и безпрепятственно
 варивашь съ нею. Однакожъ
 адно мнѣ было, что Рогнеда счи-
 ла меня не больше, какъ пищею,
 только смѣялась словамъ моимъ.
 Она, обыкновенно шузя, называла
 своимъ любовникомъ, Короле-
 вимъ Кимбрскимъ и шому подо-
 бнъ. — Не думайте, сударыня,
 я ей на сіе нѣкогда; все,
 и вамъ ни говорилъ, наспоющая
 она, и вамъ слѣдуетъ только
 рить дверцы мой клѣпки, по
 будете удостовѣрены, что я не
 да. — О! нѣтъ, — подхва-
 та Рогнеда съ смѣхомъ, бывъ
 варена отъ Зловурана; — я
 гда не соглашусь потерять моего
 овника. Сколько я ми увѣрялъ

Е 5

ее,

звалъ въ помощь мою науку, чшобъ
высвободить себя изъ кльпки, не
оказалось, что оная мнѣ уже не слу-
житъ. Все, что я получилъ отъ
оной, состояло въ томъ, что я
подробно, но поздно уже узналъ,
о произведенной Зловураномъ недо-
мною хитроспи. Опасаясь, чшобъ
сей непріатель мой не пришелъ по-
губить меня въ сей темницѣ, при-
готовилъ я въ оборону оружіе: я
выдернулъ перо изъ себя, и чрезъ
волшебство обратилъ оное въ лукъ
и стрѣлу. Заклинанія мои на сей
предметъ столь были сильны, что
ничто бы Зловурана не защитило
отъ смерти. Однако онъ, проникнувъ
въ мое намѣреніе, не смѣлъ ко мнѣ
появиться, а довольствовался только
мстить мнѣ шѣмъ, чшобъ я оспал-
ся въ вѣчномъ заоченіи и не
мѣшалъ бы способствовать ему въ
преданіи Рогнеды во объятія Кига-
новы. Онъ понималъ, что ничѣмъ
лучше поразишь меня не можешь,
какъ учиня свидѣтелемъ щастія
моего

моего совѣтника, и что возлюбленная моя будетъ у меня похщена предъ глазами.

Находясь въ шаковыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, все утѣшеніе мое состояло въ томъ, что я ежечасно могъ видѣть обожаемую мною Царевну, и безпрепятственно разговаривать съ нею. Однакожъ досадно мнѣ было, что Рогнеда считала меня не больше, какъ пщицею, и только смѣялась словамъ моимъ. Она, обыкновенно шузя, называла меня своимъ любовникомъ, Королевичемъ Кимбрскимъ и тому подобнымъ. — Не думайте, сударыня, сказалъ я ей на сіе нѣкогда; все, что я вамъ ни говорилъ, настоящая истина, и вамъ слѣдуетъ только отворить двери моей клѣпки, то вы будете удостовѣрены, что я не пщица. — О! нѣтъ, — подхватила Рогнеда съ смѣхомъ, бывъ предварена отъ Зловурана; — я никогда не соглашусь поперять моего любовника. Сколько я ми увѣрялъ

Е 5

ее,

ее, что я ее не оставлю, хощя кляса ей въ шомъ Богами, она не слушалась и слова мои производили въ ней единой смѣхъ.

Въ семъ сосщояніи провождалъ я время. Рогнеда жаловалась мнѣ о наглыхъ, требованіяхъ ее въ супружество Аварскимъ Государемъ, и о раззореніяхъ, причиняемыхъ имъ за отказъ въ шомъ ея опечеству. Я соспрадалъ ей въ шомъ, ругалъ Кигана и съ клятвою обѣщаль принести къ ней голову сего дикаго моего совмѣстника, естли только она выпуститъ меня изъ клѣшки. Царевна, разумѣя меня пщицею, ушѣщалась таковыми моими рѣчами въ печали, приключившейся ей отъ успѣховъ Аварскаго оружія при осадѣ города; что выводило меня изъ шерѣвнїя. Мнѣ наскучило бышь поугаемъ, а особливо мучило меня то, что Рогнеда, не вѣря мнѣ, сама поспѣшествуетъ гибели своего опечества, которое могъ я въ одинъ часъ освободитъ отъ непрїящелей, естлибъ

ешьлибѣ не былѣ въ започеніи. Однакожѣ со всѣми моими спараніями пробылѣ я въ ономѣ до дня послѣдней бѣдшвенной вылазки. Когда разбишы сначала Авары прибывшими новыми своими полками подкрѣпились и совершенно разбили ваши войски, я, узнавъ о томѣ посредствомъ моей науки, началѣ кричать изѣ всѣхъ силѣ, и спарался въ отчаяніи разломать мою клѣпку. Рогнеда прибѣжала ко мнѣ. — Всегда ли вы будете мнѣ не вѣришь, сказалѣ я ей, что я не птица, а несчастный человекѣ, приведенный въ сіе состояніе врагомѣ моимѣ и вашимѣ, злымѣ волшебникомѣ? Вы погибаете въ сей часѣ и погибнете, ешьли меня не выпустите: войски ваши разбишы на голову Аварами; родитель и братель вашѣ въ опасности, и сами вы достанешесь въ плѣнѣ побѣдишелю. Рогнеда хотя приведена была пѣмѣ въ смяшеніе, однакожѣ не увѣрялась словамѣ моимѣ, не взирая, что я рассказывалѣ ей

ей въ доказательство всѣ приключенія мои съ Зловураномъ, и не увѣрилась до тѣхъ поръ, какъ прибѣжавшій вѣспникъ подтвердилъ ей предсказанное мною о слѣдствіяхъ сраженія. Тогда Рогнеда, пришедъ въ ужасъ, схватила кѣшку со мною; ибо не хотѣла, и спасаясь бѣгствомъ, меня оставишь, но въ шоропахъ нечаянно отворила дверцы. Я воспользовался симъ случаемъ: вылетѣлъ изъ кѣшки, и ударясь о полъ, принялъ обыкновенный мой видъ. — Вотъ, прекрасная Царевна, сказалъ я; вы видите, что я васъ не обманывалъ. Обожающій васъ Король Кимбрскій не можетъ отъ васъ удалиться, но недовѣрчивость ваша приключила намъ многія бѣдствія. Если бы вы, повѣря мя, освободили меня изъ заточенія, родители и братья вашъ не были бы въ такой опасности, которой теперь подвержены, а столица ваша не осталась бы въ добычу Аварамъ. . . . Но не время уже продолжать намъ. безплод-

владныя укоренія ; должно привесши
 васъ въ безопасность и поправиль
 шю, что еще возможно. — Ска-
 завъ сіе, схватилъ я сестру вашу
 и ошнесь ея по воздуху въ сей мой
 замокъ, гдѣ поруча ея въ сохране-
 ніе сестрѣ моей Милостпанѣ и
 взявъ мое оружіе, поспѣшалъ на
 мѣсто сраженія. Я приспѣлъ въ са-
 мое то время, когда родителъ
 вашъ пронзенъ былъ отъ Кигана
 волшебнымъ копіемъ. Сіе копіе вру-
 чилъ ему Зловуранъ, узнавъ, что я
 освободился изъ очарованной клѣтки,
 и ожидая, что я вмѣшаюсь въ сра-
 женіе ; почему онъ, робѣя самъ
 всхупись со мною въ бой, сокрылся,
 а уповалъ, что я могу бысть убишь
 и Киганомъ, еспли на онаго на-
 паду. Но опасный ударъ сей до-
 шался по волѣ судебъ вашему ро-
 дищелю. — Однакожъ не отчаявай-
 тесь въ его жизни ; еспь средства
 ему оную возвратишь, хопя слу-
 чившя по чрезъ довольно нескорое
 время, какъ вы послѣ узнаете. —

Ко-

Когда увидѣлъ я, что Авары спѣраются овладѣть шѣломъ вашего родителя, пришелъ я въ опасность, чѣмъ оныя, по обыкновенію всѣхъ дикихъ народовъ, не опсѣкли у онаго головы для взошкнущія на копье шоржества ради, и шѣмъ бы совершенно не лишили его жизни. Посему схватилъ я оное и повелѣлъ разступиться землѣ и отнесъ оное до безопасной пещеры. Послѣ чего подъ видомъ вихря приспѣлъ и къ вамъ на помощь. Таковымъ образомъ очутились вы въ моемъ замкѣ. — —

Гипоменъ окончилъ шѣмъ свою повѣсть. Я благодарилъ его за всѣ попеченія его къ пользѣ моего дома и за спасеніе моей жизни. И такъ вы истинну говорите, сказалъ я, что естъ средство возвратитъ жизнь моему родителю? — Не сомнѣвайтесь въ семъ, отвѣчалъ Королевичъ Кимбрскій. Но чѣмъ лучше удостовѣрите васъ, я учиню васъ очевидцемъ таинственнаго предсказанія:

мы

мы прибѣгнемъ къ волшебной доскѣ. — Однакожъ довольно намъ на шо останешся времени, а шеперь слѣдуешъ помыслишь намъ о предохраненіи государства вашего отъ конечнаго раззоренія. — Калдеръ! Калдеръ! вскричалъ онъ шроекрашно; принеси мнѣ обшоятельную вѣдомость о происходящемъ у Дулебовѣ. — Сей вѣстоносный духъ, продолжалъ онъ ко мнѣ, чрезъ два дни возвратишся, и мы, узнавъ подробности, можемъ расположить, что намъ дѣлать должно. А между шѣмъ я не хочу васъ болѣе удерживать отъ свиданія съ вашею сестрицею; ибо она вѣ великомъ вѣ разсужденіи васъ безпокойшвѣ находишся. — Онъ повелъ меня чрезъ рядъ великолѣпныхъ покоевъ; а я слѣдовалъ за нимъ, повшоря признаніе мое за участіе, приѣмлемое имъ вѣ нещастіи моемъ и сестры моей. — Ахъ, возлюбленный Доброславъ! отвѣчалъ онъ мнѣ на сіе. Я никогда силы знанія моего

не

не уношреблялъ во вредъ смерпнымъ; но что лежишь до васъ, вы не имѣете причинъ благодарить меня. Несравненная Рогнеда учинила меня своимъ и вашимъ невольникомъ, и я не смѣю льстить себѣ, чтобъ я когда либо въ соспоянїи могъ быть оказашъ заслуги, достойныя обожаемаго мною ея сердца. Только ваше посредство, дражайшій мой Доброславъ. — Онъ не успѣлъ кончить; ибо сестра моя, предваренная Милоспаною о прибышїи моемъ въ ихъ замокъ, шла съ нею посѣщать меня; я также не успѣлъ ничего сказать Гипомену ошъ великаго движенїя чувствъ моихъ, возбужденныхъ во мнѣ ударомъ красоты Милоспаниной, кромѣ что пожалъ его руку, и въ семъ безмолвномъ выраженїи какъ бы сказашъ хопѣлъ, что онъ можетъ меня купить за равномѣрную цѣну услуги.

Рогнеда и я бросились другъ къ другу въ объятїя, и однѣ только изъ очей нашихъ слезы выражали

ражали чувствованіе общаго нашего нещасія. Мы все потеряли, говорила Рогнеда: отца и опечество. Я старался утѣшать ее, и обнадеживалъ въ помощи, которую имѣемъ мы получить отъ наследника прешола Кимбрскаго. Я разсказалъ ей все происшествіе, какъ слышалъ отъ Гипомена; казалось, что она находила въ которое предубѣжденіе въришь его обнадеживаніямъ, и успокоилась въ ожиданіи, что родителъ ея чрезъ его помощь получитъ жизнь. Гипоменъ увидѣлъ тогда благопріятный случай напомнить сестрѣ моей, не позабыла ли она о словахъ попугая. Миѣ уже не осталось больше, — примолвилъ онъ, видя, что Рогнеда приведена была въ щасливое для него замѣшательство, — какъ извлечь у васъ признаніе, не оскорбляющъ ли васъ шѣ чувствованія, кои открывалъ я вамъ сколько разъ, находясь пшицею. Вы извѣсны, прекрасная Царевна, что я шѣ самый, коего вы содержали у

Часть X. Ж себя

себя въ неволѣ, и я ожидаю лишь
единого: жизнь, или смерть вы мнѣ
предопредѣлите. Я, видя въ очахъ
сестры моей, что ее не оскорбляютъ
пробованія Гипоменовы, вошелъ въ
посредство къ облегченію спыдливо-
сти, и довелъ ее къ согласію. Ро-
гнеда находила въ томъ сперва нѣ-
которыя затрудненія, въ разсужде-
ніи надежды къ оживленію отца на-
шего, и что пошребно въ столь ва-
жномъ обстоятельствѣ его дозволе-
ніе; однакожъ я расшолковалъ ей,
что хотя естъ надежда къ возвра-
щенію жизни его, но сіе можетъ
случиться не шакъ скоро, и что
между шѣмъ не должно быть неблаго-
дарною къ попеченіямъ, оказывае-
мымъ отъ Гипомена къ нашимъ
пользамъ, а шѣмъ больше, что въ
его покровительствѣ остаеиця еди-
ная наша надежда. Нешрудно уго-
воришь сердце, когда предложенія
согласны съ онаго чувствованіями:
Гипомейъ былъ человекъ прекрасный,
сестра моя склонилась, и я сложилъ
ихъ

ихъ руки. — Вы совершенно щасливы, сказалъ я тогда: судьба ваша достигаетъ своей меры; но я, слѣдуя по пуши моихъ несчастій, нахожу оныя вновь: надлежало чпобѣ и въ самомъ убѣжищѣ моемъ произошли въ душѣ моей чувствованія, кои буду писать безъ надежды. — Чпо значатъ сіи темныя выраженія, говорилъ съ усмѣшкою на сіе Гипоменъ, проникшій въ мое сердце? Не можешель вы въ домъ друга вашего бышь опкровениѣе? — Да, опвѣчалъ я, мнѣ не можно ушайтъ, хотя бы и желалъ, чпо совершенства прелестной сестры вашей меня оковали. . . . Божественная Милостпана! продолжалъ я, обращаясь къ ней; я опкрываюсь, чпо дни мои въ рукахъ вашихъ; я люблю васъ, и не буду щасливъ, естли не произведу въ сердцѣ вашемъ подобныхъ впечатлѣній. Я потерялъ опца, лишился надежды наслѣдовать престолъ его; но я лишусь и самаго свѣта, когда вы меня презрите. Вы не приобрѣ-

пеше во мнѣ кромѣ вѣрнаго и обожающаго васъ супруга ; но для него будете вы все . . . все , что только можешъ превзойши его желанія . — Я хотѣлъ говорить больше , желалъ имѣть тысячу языковъ для лучшаго краснорѣчія ; но приходя опчасу къ замѣшательству , повергся только къ ногамъ Милостяны Гипоменъ , давно уже имѣвшій намѣреніе сочетать меня съ своею сестрою , поспѣлъ мнѣ въ помощь , и также не нашелъ затрудненія уговорить ее въ мою пользу . Таковымъ образомъ заключены два взаимныхъ союза , и опредѣлено только вопросить волшебную доску о времени къ совершенію браковъ . Однакожъ остатокъ того дня и весь послѣдующій не могли мы оплучиться отъ нашихъ возлюбленныхъ до тѣхъ поръ , какъ Калдеръ далъ знать о своемъ возвращеніи .

Онъ сказывалъ намъ , что Авары овладѣли спюлицею Дулебскою , и производящъ въ ней и во всемъ

го-

государствѣ жестокія грабительства; что Зловуранѣ всего того причиною; ибо онѣ, убивѣ Кигана, принялъ на себя его образѣ, и вступилѣ въ правленіе обоими народами. Желаніе его причинить Гипомену какую нибудь досаду побудило изобрѣсти странныя приписанія Дулебянамѣ; для того что онѣ узналъ о заключеніи союза нашего. — Впрочемѣ онѣ чаялъ бытъ себя довольно безопаснымѣ, нося лице Киганово, отѣ поисковѣ Гипоменовыхѣ, а и того меньше отѣ нападенія моего; ибо полагаля на свое искусство, покровительство Короля волшебниковѣ и данное ему отѣ него очарованное копіе.

Я пришелѣ въ великое огорченіе, узнавъ о напастяхѣ, приключаются моимѣ подданнымѣ; Гипоменѣ сіе примѣшилѣ, и старался внушить въ меня надежду. Все сіе прекрашися, говорилѣ онѣ; страна Дулебская легко позабудетѣ прешерпѣнное отѣ Зловурана и Аваровѣ, но должно имѣть шерпѣніе;

Ж 3

я

я вопрошалъ волшебную доску. Не подумайте, чшобъ я не хопѣлъ оказашъ вамъ помощи къ возвращенію вашего престола : вы сами узнаете опредѣленіе судебъ , коимъ я не могу прошивишься , когда воззрите на оную доску. — Сказавъ сіе , повелъ онъ меня по многимъ ступенямъ въ подземную храмину. Она освѣщена была неугасающею лампадою ; множество химическихъ и физическихъ орудій , въ приличныхъ мѣстахъ разставленныхъ , составляли ея украшеніе. Посреди храмины стоялъ златоножный столъ , обтянутый неизвѣснаго рода бѣлою кожей , а на оной лежала черная палочка. Гипоменъ заставилъ меня читать нѣкоторыя неизвѣстные мнѣ слова , кои онъ мнѣ сказывалъ ; а потомъ велѣлъ взять палочку и проекратно ударить по столу. Я учинилъ сіе , и былъ приведенъ въ священный шрепешъ произшедшимъ согласнымъ звукомъ невидимыхъ музыкальныхъ орудій. Вопрошайте
ще-

шеперь, о чемъ вамъ угодно, сказалъ мнѣ Гипоменъ. Я пожелалъ узнать средства къ освобожденію моего опечества отъ угнѣтающаго оное ига, и на доскѣ пошчасъ изобразились слѣдующія писмены:

„Царевичъ Доброславъ долженъ сразиться съ волшебникомъ Зловураномъ, побѣдитъ его и опнять у него очарованное копіе. По испребленіи сего небесамъ прошишнаго челоуѣка, Авары нечувствительно будутъ испреблены Дулебами. Но Доброславъ не долженъ вступать въ наслѣдіе родителя своего, ни обитать въ странѣ Дулебской, доколь родители его самъ увѣнчаютъ его на царство. Впрочемъ Боги не оставятъ народа, пьющаго священныя воды рѣки Буга, и пошлютъ къ благоденствію его дѣвицу, имѣющую управлять онымъ до извѣстнаго времени. „

Еслили только нужно опважить жизнь мою для спасенія моего опечества,

чества, — сказалъ тогда я Гипомену, — я принесу оную на жертву. Но какъ можно мнѣ побѣдишь волшебника? конечно бѣды Дулебовъ неизцѣлимы! — Не опасайтесь сего, я найду средства облегчить вамъ сей подвигъ, опивчалъ Гипоменъ. Теперь приступите къ вопросу о судьбѣ вашего родителя. — Я взглянулъ на доску, и увидѣлъ, что оказавшіяся на оной начертанія загладились. Я учинилъ второй вопросъ, чѣмъ можно возвратить жизнь родителю моему, и читалъ на доскѣ:

„ Опецъ швой поверженъ въ
 „ смертную недвижимость ударомъ
 „ очарованнаго копія; онъ до шѣхъ
 „ поръ не узришь свѣта, доколь не
 „ извлечется изъ язвы его опломокъ
 „ копя, ославшагося въ ранѣ. Сего
 „ не можеть учинить никто, кромѣ
 „ средней дочери Короля волшебни-
 „ ковъ. Будущъ особливья причины,
 „ которья принудяшъ ее къ проши-
 „ вному сосанію язвы отца швоего.
 „ Впрочемъ не заботься о судьбѣ
 „ его „

его, хотя ни ты, ни Гипомей
 ,, пособишь ему не можешь; ибо за-
 ,, прещается вамъ видѣть его шло.,,

Отвѣтъ сей проліялъ ошраду
 въ прискорбное мое сердце. Я воз-
 ложилъ на провидѣніе небесъ попе-
 ченіе о участи моего родителя; ибо
 видѣлъ, что самъ оную премънишь
 не въ силахъ. Сестра моя, пришед-
 шая тогда по приглашенію Гипоме-
 вову съ Милостяною для вопросовъ
 о нашихъ бракахъ, также ушъши-
 лась надеждою, что вѣкогда уви-
 дитъ своего родителя жива. Потомъ
 приступили мы къ вопросу о нашихъ
 бракахъ. Волшебная доска предвѣ-
 щала намъ: ,, Гипомей и Рогнеда
 ,, могутъ безпрепятственно увѣнчать
 ,, желанія сердецъ своихъ. Но Добро-
 ,, славъ да воздержитъ я сочешась съ
 ,, Милостяною, доколь не испребишь
 ,, волшебника Зловурана; ибо до того
 ,, времени и самыи невинный поцѣлуй
 ,, руки ея навлечетъ имъ множество
 ,, огорченій. Еслилижъ онъ сіе нару-
 ,, щитъ, лишится своей супруги; и

Ж 5

— ,, хотя

„хотя по нѣсколькомъ времени обрѣ-
 „шетъ ее, но будетъ провождать
 „до извѣснаго дня самую бѣдную
 „жизнь, и не будетъ упѣшаться ра-
 „ждаемыми отъ нее дѣтьми.“

Такое предопредѣленіе нескан-
 занно огорчило меня и Милослану.
 Я старался ободрить ее обѣщаніемъ
 ея брата въ вспомошествованіи мнѣ
 къ преодолѣнію Зловурана, но она,
 начавъ любить меня страстно, мало
 находила надежды въ столь опа-
 сномъ моемъ подвигѣ. Она стара-
 лась убѣгать меня; я самъ не смѣлъ
 къ ней приблизиться, и чувствовалъ,
 что мнѣ должно или испребишь
 Зловурана, или погибнуть съ печал-
 ли. Въ такихъ обстоятельствахъ
 я ожидалъ только совершенія брака
 сестры моей, послѣ чего неоспу-
 сно просилъ Гипомена учинить мнѣ
 обѣщанную помощь въ покушеніи мо-
 емъ на общаго нашего непріятели.
 Зять мой приготовилъ уже все ну-
 жное къ такому важному предпріа-
 тію; онъ опрядилъ подвласнаго
 себѣ

себѣ духа , который бы повиновался мнѣ во все время , поколь я буду обрѣтаться въ преслѣдованіи Зловурана. Сверхъ того далъ онѣ мнѣ броню , кою соорудилъ для себя въ защищеніе противу очарованнаго копія , и считая себя въ замкѣ своемъ безопасна отъ всякихъ нападеній , повѣсилъ онѣ мнѣ на шею и шалисманъ , который носилъ на себѣ. Сей духъ , говорилъ онѣ , будешь невидимо находишься близъ васъ , и слѣдуетъ только приказать ему , что желаемое вами будетъ исполнено , и онѣ спанетъ появляться предъ васъ въ видѣ , каковъ отъ васъ ему назначишься. Но я совѣтую вамъ въ приближеніи ко Дворцу вашему , въ коемъ нынѣ обитаетъ Зловуранъ , каковымъ нибудь образомъ сокрыть себя , для того что сей волшебникъ можешь проникнуть въ ваше намѣреніе , и защищиться такъ , что вы ему ничего не сдѣлаете. — Я обѣщавался слѣдовать въ точности его наставленію , простился съ нимъ и

се-

сестрою моею; но какъ было разснаться съ Милостанюю, предприема подвигъ, въ которомъ ничего не было столь вѣрнаго, какъ собственная погибель? Я нашелъ ее въ слезахъ, въ разсужденіи опасности, каковой я предавался. Упѣшая ее, взирая на нее, прощаясь съ нею можешь быть на вѣки, какъ можно было воздержать себя? я забылъ запрещеніе, объявленное мнѣ волшебною доскою, и до нѣскольکو разъ облобызалъ прелестныя уста и руки Милостанины. Уже чрезъ нѣскольکو времени послѣ вспомнилъ я о моемъ преступленіи, приключившемъ мнѣ несказанныя горести.

Вышедъ изъ замка, повелѣлъ я духу нести себя поспѣшно къ предмѣстію столицы Дулебской. Сей въ образѣ вихря помчалъ меня, и чрезъ нѣскольکو часѣвъ опустилъ меня на берегу священнаго Буга. Тамъ предался я размысленіямъ, каковымъ образомъ наилучше напасъ мнѣ на Зловурана. Я не имѣлъ ору-

оружія, и вѣдалъ, что ничѣмъ не могу истребить сего волшебника, кромѣ собственнаго его копія. Но чтобъ лучше овладѣть онымъ, заключилъ я учиниться невидимымъ. На сей конецъ приказалъ я духу обратиться въ крылатаго змія, и проглотивъ меня, лешѣтъ въ чертоги къ Зловурану. При самомъ же приближеніи къ нему, выпустя меня посадить на хребетъ свой, чтобъ быть готову гнать за нимъ, если онъ побѣжитъ. Духъ повиновался мнѣ, и принявъ видъ змія, проглотилъ меня, или лучше сказавъ окружилъ невидимымъ паромъ, и помчалъ меня въ чертоги къ Зловурану. Волшебникъ сей, привыкшій къ чрезвычайнымъ явленіямъ, не попревожился увидя влезающаго въ окно змія; онъ счелъ его однимъ изъ подвластныхъ духовъ своихъ. Однакожь пришелъ въ замѣшательство, когда узрѣлъ меня выскочившаго изъ пасти змиевой и возсѣдшаго на онаго. Ужасъ его умножился, когда онъ

онъ ударилъ въ меня, нападшаго на него, очарованнымъ копіемъ, не произведя ни малаго мнѣ поврежденія; ибо броня и шалисманъ меня защищали. Онъ пришелъ въ шрепешъ, когда при ударѣ въ броню мою я успѣлъ схватить и вырвать изъ рукъ его копіе; онъ, превратясь въ нешолыря, старался отъ меня убѣжашь. Полетъ его былъ чрезмѣрно быстръ, однакожъ змій мой гнался за нимъ въ слѣдъ, и чрезъ нѣсколько часовъ надъ нѣкопорою каменистою пущынею достигши, произилъ я его самымъ шѣмъ копіемъ, коимъ онъ погубилъ отца моего. Очарованіе исчезло; я увидѣлъ шѣло Зловураново, упадающее на землю въ естественномъ видѣ; но не успѣлъ я еще предасться радости о совершеніи столь нужнаго для меня подвига, какъ примѣшилъ, что оно разорвалось по всѣмъ соснавамъ: шуловище его обрашилось въ превысокій каменный холмъ, голова, вскоча на холмъ, учинилась винограднымъ дере.

деревомъ , а прочія части шѣла, оплетѣвъ на всѣ стороны, спали львами изъ чернаго мрамора. Я, сидя на моемъ змѣѣ, ожидалъ еще нападенія; однакъжѣ онаго не воспользовало, камни и дерево пребыли въ одинакомъ положеніи. Мнѣ не осталось больше какъ возвратиться въ замокъ Гипоменовъ, гдѣ чаялъ я учиниться благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ, и духъ, повинаясь словамъ моимъ, весьма скоро опнесѣ меня въ оный. Наполненный пріятныхъ ожиданій бѣжалъ я въ покой, но вообразилъ мой ужасъ, когда я во всемъ замкѣ не нашелъ не токмо Гипомена, Рогнеды и Милостяны, но и ни одной живущей твари. Нѣсколько дней препровелъ я въ болѣзненномъ ожиданіи, но никто не появлялся. Мнѣ не осталось кромѣ прибѣжища къ волшебной доскѣ, и по долгомъ исканіи нашелъ я ходъ въ подземную храмину. По щастію не загладились еще въ памяти Моей слова, нужныя къ вопрошенію

шенію предсказанія. Я вопросилъ ѿ
 моемъ зятѣ, сестрѣ и возлюбленной,
 и прочелъ на доскѣ слѣдующее:
 „Доброславъ! ты не сохранилъ тебѣ
 „заповѣданнаго, и за то лишаешься
 „Милоспаны. Тебѣ не должно до
 „нѣкошораго времени вѣдашь о уча-
 „сти зятя и сестры твоей. Но за
 „добре твое сердце Бѣги дозво-
 „ляющъ тебѣ искашь твою возлю-
 „бленную. Поди на сѣверную сто-
 „рону замка сего; у берега проше-
 „кающей тамъ рѣчки найдешь
 „ты спящую лодку, сядь въ оную,
 „и предайся волѣ стремленія воды.
 „Въ извѣстномъ мѣстѣ лодка осна-
 „новится, ты на берегу тамъ усме-
 „ришь пустую хижину, и нѣсколь-
 „ко рыболовныхъ орудій. Оправь
 „ихъ, лови рыбу для своего прови-
 „танія, и обитай въ хижинѣ до
 „шѣхъ поръ, пока небеса премѣ-
 „нятъ судьбу твою. „

Изъ сего нѣсколько шемнаго пред-
 сказанія я не понималъ того, ка-
 кимъ образомъ могу я обрѣсти мою
 воз-

возлюбленную, однакожь опасался не слѣдовать моему предопредѣленію. Я дѣйствительно нашелъ лодку, свѣвъ въ оную и чрезъ нѣсколько дней принесенъ на сіе мѣсто. Въ сей жижи обрѣлъ я видѣныя вами рыболовныя сѣти, и поправя оныя, началъ ловить рыбу и обихашъ въ семъ мѣстѣ.

Около полугода провелъ я жизнь въ шаковомъ упражненіи, ежечасно оплакивая уронъ возлюбленныхъ мнѣ особъ. Я не сомнѣвался, что сказаніе волшебной доски не можетъ обмануть меня, и что когда нибудь сыщу я мою Милостану, но неизвѣстность средствъ къ тому учинила ожиданіе мое горестнымъ.

На послѣдокъ, ловя въ одинъ день рыбу, по обыкновенному моему чаянію, что можетъ быть въ семъ ремеслѣ заключается развязка моей участи, почувствовавъ я нѣчто тяжелое въ закинутыхъ сѣтяхъ моихъ. Я всегда носилъ при себѣ очарованное копье, отнятое мною у

Зловурана, и на сей разъ послужило оно мнѣ къ вышаченію на берегъ моей добычи: я вопкнулъ оно въ землю и прикрѣпилъ къ нему одинъ конецъ сѣти для лучшей способности къ вышаскиванію другаго конца на берегъ. Я приведенъ былъ въ великое удивленіе, усмотря, что я уловилъ огромную рыбу, испещренную всѣми прекраснѣйшими цвѣтами. Рыба препеталась жестоко, и я видѣлъ, что мнѣ не возможно будетъ донести ее живую до моей хижины; почему заключилъ я приколотъ оную. На сей конецъ взялъ я мое очарованное копіе, но едва лишь прикоснулся остріемъ онаго къ рыбѣ, оружіе упало изъ рукъ моихъ. Представьте себѣ мою радость! прикосновеніе очарованнаго копія прогнало другое очарованіе, и изъ рыбы, кою я хотѣлъ убить, увидѣлъ я превратившуюся въ прежній образъ возлюбленную мою Милостану.

Не можно изобразить восхищенія, коему мы предались; мы заключили

ключили другъ друга во объятія, и долго не могли произнести ни одного слова, только діющіяся изъ очей нашихъ радостныя слезы свидѣтельствовали, что мы другъ друга увидѣть не уповали. Наконецъ наши мы употребленіе словъ. Я рассказалъ ей все, что со мною приключилось со дня, въ который отправился я на поискъ прошиву Зловурана, и просилъ ее увѣдомишь меня, что воспослѣдовало по опбытіи моемъ въ замкъ, куда дѣвались Гипоменъ и сестра моя, и какимъ случаемъ превратилась она въ рыбу.

Я не могу ни о чемъ себя увѣдомишь, — отвѣчала мнѣ Милошана, — что случилось съ братомъ моимъ и Рогнедою; ибо на другой день по швомъ отсутствіи лишилась я человеческого образа. Опасность, каковой пы предался, повергла меня въ великую печаль; щещно старался братъ мой увѣряшь меня о успѣхахъ швоего предпріятія, сердце мое предчув-

сповало свой уронъ и не могло утѣшиться. Я искала уединенія, и убѣгала присушствія и самой любви достойной Рогнеды. Таковымъ образомъ вышла я за стѣны замка нашего, чшобъ на свободѣ пролить источники слезъ, но не отошла еще ста сажень, какъ съ шрепетомъ усмопрѣла приближающуюся ко мнѣ по воздуху колесницу, везомую двумя огнедышущими крылапыми конями. Во оной сидѣлъ величественнаго, но при томъ грознаго вида мужъ, увѣчаный желѣзною короною, и держащій въ рукѣ жезлъ, обвитый змѣями. — Несчастная, вскричалъ онъ ко мнѣ спрашнымъ голосомъ! познай раздраженнаго Короля волшебниковъ! Недостойный братъ мой не довольно что нанесъ незаглади-мое пятно моей чести чрезъ непозволенное обхожденіе съ моею супругою и шрема дочерью, но возсталъ еще и на защищаемаго мною любимца моего Зловурана. Онъ погубилъ его рукою назначеннаго шебъ
вѣ

въ супруга; но не льспись когда ни-
 будь его увидѣшь; ты должна быть
 жертвою справедливаго моего гнѣва.
 Умри, вскричалъ онъ, обнажа мечъ
 и устремясь на меня! Страхъ оче-
 видной смерти обратилъ меня въ
 бѣгство: я бѣжала и бросилась въ
 близъ текущую рѣку, какъ бы ожи-
 дая кровопролитія отъ безчув-
 ственныхъ стихій. Едва коснулась
 я воды, усмотрѣла себя превращен-
 ною въ ту самую рыбу, которую
 вы видѣли. Въ семъ состояніи не
 лишилась я моего страха, и удаля-
 лась внизъ по рѣкѣ съ чрезмѣр-
 ною быстротою. На послѣдокъ упо-
 мясь, ожидала учиниться добычею
 моего гонителя, однакожъ онаго
 было не видно. Я ободрилась и на-
 чала искашь себѣ пропитанія, ко-
 торое во все время моего превраще-
 нія состояло въ правахъ. Я дол-
 жна благодарить Боговъ, что оны
 лишили меня человѣческихъ чувство-
 ваній. Хотя приходили мнѣ иногда
 на память обстоятельства прежней
 3 3 мой

моей жизни, но оныя представлялись мнѣ не иначе, какъ видѣнными во снѣ; впрочемъ же бы я не пренебрегла разлуки съ возлюбленными мнѣ особами. Не можно изобразить, сколько досадъ приключали мнѣ насшоящія рыбы. Красота перьевъ и покрывающей меня чешуи привлекала ихъ ко мнѣ стадами. Надобно думать, что зависеть господствуетъ и между обитателями сей сшихи, подобно какъ у насъ между обществомъ женщинъ и ибкошорыми мущинами, кои не пропускаютъ пресѣдовать отличяющихся предъ собою въ природныхъ дарованіяхъ. Большія и малыя рыбы гонялись за мною; сначала казалось, что оныя мнѣ удивляются, но вскорѣ начали онѣ на меня плевать и шолкать меня въ бока. Я удалялась отъ нихъ всегда, но иногда необходимость принуждала меня обороняться. На мѣспѣ, гдѣ вы меня изловили, росло множество ибкошораго водянаго плода, имѣющаго

щаго въ себѣ опмѣнный вкусъ; я пи-
шлась онымъ во все время, и шѣмъ съ
лучшимъ удовольствіемъ, что рыбы
оного не употребляли. На послѣдокъ по
щасію попалась я къ вамъ въ сѣти.

Вѣдая приключеніе Гипоменове
въ разсужденіи оклевешанія его отъ
Зловурана Королю волшебниковъ,
считалъ я, что онъ и сестра моя
либо убѣгли онъ гнѣва его, или
учинились добычею его мщенія. Мы
оплакали съ Милостаною ихъ участь,
и какъ не вѣдали, куда намъ безъ
опасности самимъ обратимся слѣ-
дуетъ, то заключили обмшпашъ въ
сей хижинѣ. Предсказаніе волшеб-
ной доеки не полагало уже больше
препятствія въ тогдашнемъ на-
шемъ состояніи къ совершенію на-
шего брака, почему, призвавъ Боговъ
во свидѣтельство, предались мы
всѣмъ пріятностямъ нѣжнаго союза.
Мы любили другъ друга съ горяч-
ностію, и посреди пустыни, удален-
ной отъ общества съ прочими чело-
вѣками, не видали скуки. Мы раз-

дѣляли шруды рыболовства ; любовь раждала намъ ежечасно новые предлоги къ разговорамъ : каждая рощица, всякой лужокъ приглашали насъ ; мы считали себя единою чешою на свѣшѣ, и привыкли къ нашему уединенію ; словомъ сказать, мы не видали печали до рожденія перваго моего сына.

Сколько обрадовалъ насъ сей первый залогъ нашея горячности, столько огорчились мы, когда онъ по седми дняхъ пропалъ изъ крѣпко запертой нашей хижины. Мы не знали, чему должно приписать сіе, и относили все къ волѣ судьбы ; ибо предсказано намъ было наказаніе шаковое за нарушеніе заповѣди, опредѣленной при вопросѣ о нашемъ бракѣ. Предавшись положенію нашей участи, мы утѣшились и проводили прежнюю жизнь. Я имѣлъ отъ Милостяны еще двухъ сыновъ и одну меньшую изъ дѣшей моихъ дочь, кои равномѣрно по рожденіи своемъ похищены были невидимою ру-

рукою. Печаль наша о помѣ умѣ-
 рялась привычкою, для того что
 мы прежде уже знали судьбу сію.
 Я обиталъ еще десять лѣтъ съ
 моею супругою по рожденіи дочери,
 не имѣя уже больше дѣшей, и по
 прошествіи сихъ постигло меня ве-
 личайшее въ жизни моей несчастіе.
 Милоспана начала скучать нашимъ
 уединеніемъ. Поперя дѣшей, коихъ
 она не могла забыть, и утраченная
 надежда къ рожденію другихъ, по-
 буждали ее уговаривать меня къ
 оставленію нашей пустыни и къ
 странствованію по свѣту для про-
 вѣдыванія о пропадшихъ сынахъ
 и дочери. Бесплодно старался я
 представлять ей, что мы нарушимъ
 чрезъ то наше предопредѣленіе и
 подвергнемся гнѣву Боговъ, Мило-
 спана ничему не вѣрила, и преда-
 лась жестокому унынію, такъ что
 я нашелся принужденнымъ ей пови-
 новаться. Мы начали собираться
 въ путь. Миѣ извѣстно было, что
 надлежитъ намъ шествовать болѣе

няши сошѣ верстѣ мѣстами нена-
 селенными : сѣдовало заготовить
 на дорогу сѣспныхъ припасовъ.
 Оные не могли ни вѣ чемѣ состоять,
 кромѣ сушеныхъ рыбѣ, и для того
 мы безпрестанно бросали вѣ рѣку
 нашу сѣть, однакожѣ вѣ цѣлую не-
 дѣлю не могли мы поймасть ни одной.
 Я удивлялся тому, а жена моя вы-
 ходила изѣ перпѣнїя. Видишь ли
 шы, говорилѣ я ей, что небеса
 прошивяся нашему намѣренїю? ко-
 гда бывало, чтобѣ бросилѣ я сѣть
 вѣ воду и не извлекалѣ изобиль-
 наго числа рыбѣ? Мы погибнемѣ сѣ
 голода, ежели пойдемѣ сквозѣ пу-
 сшыню безѣ запаса. — Лучше
 погибнушь вѣ пусшынѣ, нежели оби-
 пашь вѣ семѣ ненавистномѣ мѣстѣ,
 вскричала жена моя; я умру сѣ пе-
 чали, ежели мы далѣ здѣсь оста-
 немся. — Сказавѣ сіе, схватила
 она очарованное копїе, и чтобѣ при-
 нудишь меня кѣ отправленїю вѣ
 пущь, распорола остриемѣ онаго
 вѣ нѣсколькихъ мѣстахъ сѣши. Но
 едва

едва сіе воспослѣдовало, я увидѣлъ ее превращившуюся по прежнему въ рыбу и бросившуюся въ рѣку.

Разсудите о моей горести и отчаяніи, едва въ первыхъ стремленіяхъ не бросился я самъ въ воду. Со временемъ хотя печаль моя нѣсколько уменьшилась, но я очень несчастенъ: лишеніе возлюбленной Милосшаны напаяетъ огривою всѣ дни мои. Я уповалъ, что когда нибудь гнѣвъ небесъ смягчится, и считалъ, что наконецъ удастся мнѣ опять поймать мою дражайшую рыбу. Для сего началъ я почиивать мою сѣть, но едва завязалъ одну ячайку, представилось мнѣ, что я вижу на поверхности воды плавающую возлюбленную мою Милосшану въ видѣ прекрасной рыбы. Я бросилъ мою работу, бѣжалъ къ рѣкѣ, но привидѣніе изчезло. Предаваясь печали, возвращался я въ мою хижину, гдѣ находилъ изобильную неизвѣстную рукою пригошвленную пищу, отъ

кошо-

которой и вы вкушали. Десять лѣтъ уже проходитъ въ семъ моемъ горестномъ состояніи. Всякой день до нѣсколька разъ принимаюсь я починавать сѣть мою, и всякій разъ являющаяся мечта опводитъ меня къ рѣкѣ, и исчезая, наполняетъ чувства мои горестію о уренѣ моей возлюбленной Милостяны. Сѣть моя не починена, и я не имѣлъ надежды когда нибудь увидѣть свое щастіе, естлибѣ за мѣсяцъ предъ симъ не случилось со мною спранныго приключенія, разлившаго въ душѣ моей пріятное упованіе.

Когда при восхожденіи солнца я вышелъ на обыкновенную мою работу и хотѣлъ завязывать прорѣзанную очарованнымъ копіемъ сѣть, не могъ я найти потребнаго къ тому припаса : челнокъ и нитки пропали. Искавъ оныхъ безъ успѣха, пришелъ я въ великую досаду, и въ томъ, какъ я бѣгалъ, продолжая мое исکانіе, споткнулся я и упалъ, зацѣпясь ногою на очарованное

ное копіе, которое самъ вынесъ изъ
 моей хижины. О проклятое оружіе,
 вскричалъ я! ты причиною всѣхъ
 моихъ несчастій. — Я не знаю,
 почему я сказалъ сіе; но въ гнѣ-
 вѣ никто не можетъ говорить поря-
 дочно: я былъ внѣ себя, и съ
 досады схватя оное копіе, пере-
 ломилъ его надвое. Едва я учинилъ
 сіе, какъ весьма знакомый мнѣ го-
 лосъ кликнулъ меня по имени. Я
 оглянулся и увидѣлъ, какъ снѣгъ,
 бѣлую пшицу, сидящую на жердкахъ,
 на которыхъ висѣла сѣшь. Не ожи-
 далъ я, чшобъ пшица сія мома го-
 ворить, есплибъ оная не вывела меня
 изъ сомнѣнія, начавъ ко мнѣ слѣ-
 дующее: — Доброславъ! ты ни-
 когда не почишишь своей сѣщи, и
 не сіе средство къ возвращенію швоей
 супруги. Однакожъ ты весьма раз-
 умно учинилъ, что переломилъ
 очарованное копіе; щаспіе многихъ
 особъ отъ сего зависѣло. Имѣй на-
 дежду, что и швои злополучія
 вскорѣ окончатся. Послѣ извѣ-
 стнаго

снѣгаго числа дней увидишь пы пришедшаго къ тебѣ челоуѣка, для освѣдомленія о твоихъ приключеніяхъ: опнюдь не опкрывай пы ему оныхъ, естли онъ не обяжется кляшвою предпріяшь слѣдующее опасное предпріяпіе. Въ южной опсюда споронѣ находится холмъ съ распущимъ на немъ деревомъ, учинившимся изъ тѣла Зловуранаго. Холмъ сей неприсупенъ, и распущее на немъ дерево вершиною своею достигло почти до облакъ. На сей вершинѣ распетъ виноградная кисть, кою надлежишь сорвать и снести на землю въ рукахъ своихъ, не взирая на то, что она имѣетъ въ себѣ болѣе десяти пудъ вѣсу. Я не скрою и того, что каменные львы, окружающіе холмъ, оживушь въ приближеніи, и будушь защищать всходъ на холмъ. Должно опвращать ихъ нападенія, не имѣя въ рукахъ своихъ оружія, кромѣ одного лука безъ тетивы. Нѣтъ ничего достоувернаго, что опважившійся на сей

под-

подвигъ погибнешъ въ своемъ пред-
пріятіи ; но естли достигнешъ жела-
емаго , учинишя благополучіе всѣхъ
смертныхъ. Облегченіежъ ему въ
семъ приключеніи состоитъ лишь
въ томъ , что дай ему обломки
очарованнаго копія. Сія надлежитъ
ему перекинуть за себя , и тогда
увидишь ояъ ихъ превратившимися
въ коня и лукъ. — Пшица , про-
говоря сіе , поднялась на воздухъ
и пропала изъ глазъ моихъ.

Вотъ приключеніе , возлюблен-
ный Баламиръ , которое совершилъ
вамъ предоставлено ; ибо я не сомнѣ-
ваюсь , чтобъ вы отказались снять
оное на себя въ разсужденіи клятвъ ,
мнѣ данныхъ. Я уповаю , что и
никто , кромѣ васъ , не можетъ ни
сколько опсѣжить жизнь свою ,
ни сыскать мѣста , гдѣ убишь мною
Зловуранъ ; потому что я , бывъ
несперпѣливъ во ожиданіи вашего при-
шествія , неоднократно покушался
самъ предаться сему подвигу. Од-
нако сколько разъ ни бросалъ я за
себя

себя обломки очарованнаго копія ,
но ни коня , ни лука изъ оныхъ не про-
исходило. — —

*Продолженіе Баламиропыхъ
приключеній.*

Доброславъ окончалъ шаковымъ
образомъ свою повѣсть , и съ не-
шерпѣніемъ ожидалъ , что скажетъ
ему на сіе Баламиръ.

Король Униовъ , къ коего совер-
шенствамъ природа присоединила и
опличивѣйшую храбрость , не зналъ
никогда , что есть ужасъ , слѣд-
ственно удаленъ былъ опрещись
онъ подвига , обѣщающаго ему славу
и благополучіе. Довѣрчивость Добро-
славова къ его клятвамъ его
оскорбляла. Не мни , сказалъ онъ
ему , чтобъ я могъ нарушить обѣ-
щаніе мое ; хошя бы пребуемое отъ
меня побую представляло мнѣ сто-
крапную опасность , я не пощадилъ
бы подвергнушь и тысячу жизней ,
еслили

вспыли бы оныя имѣль, когда слы-
дуешь сдержашь слово мое въ пользу
честнаго и несчастнаго человѣка. Мы
не будемъ шеряшь времени въ беспо-
лезныхъ разговорахъ: подай мнѣ об-
ломки очарованнаго копія. — Добро-
славъ приносилъ извиненія, что онъ
ошнюдь не подозрѣвалъ его въ велико-
душїи, и немедленно подалъ пре-
буемые обломки копія. Удивленіе Бала-
мирово было чрезмѣрно, когда по
переброшенїи оныхъ за себя появился
стоящїй за нимъ красивый и бодрый
богатырскїй конь, осѣдланый богато-
убраннымъ сѣдломъ. Лукъ безъ пеши-
вы лежалъ близъ онаго. Король Ун-
искїй не хотѣлъ потерять ни одного
часа понапрасну; онъ просился съ
Доброславомъ, взялъ лукъ и возсѣлъ
на коня. Едва Баламиръ тронулъ
поводами, конь пустился съ непо-
спижимою быспроснїю, и скакалъ
на югъ чрезъ горы и доли. Часа
чрезъ два привезъ онъ своего всад-
ника къ помянутому холму, и са-
женяхъ въ дващати ошъ онаго

Часть X. И оспа-

остановился. Баламиръ, сошедъ съ коня, хотѣлъ привязать онаго къ чему нибудь, однакожъ въ пущыишюй не было ни одного сучка древеснаго, кромѣ виноградины, распускающейся на неприступномъ ономъ холмѣ, и такъ принужденъ былъ онъ пустить его на свободѣ. Но конь, почувствовавъ сію, пустился въ глубину пущыни, и чрезъ нѣсколько мгновений ока пропалъ изъ виду. Баламиръ, очущаясь въ неизвѣстной странѣ, лишаась коня и гошоваясь къ отчаянному предпріятію, приведенъ былъ къ размышленіямъ. Ему непонятно казалось, чтобъ можно было взойти, или вскарабкаться на холмъ, имѣющій подобныя стѣны утесы, а и того больше, чтобъ достало человѣческихъ силъ взлѣсть на единственную въ своемъ родѣ виноградину; ибо онъ видѣлъ, что вѣтви ея, возвышаясь къ небесамъ, были непоспимы и самымъ его взорамъ. Онъ представлялъ смерсную опасность отъ дванадцати чешырехъ мраморныхъ львовъ, имѣю-

имѣющихъ воспрещать входъ его. Мнѣ должно необходимо окончать мое предпріятіе, или остаться безчестнымъ противу несчастнаго Доброслава, думалъ онъ. Но можно ли оставить подвигъ, обѣщающій возстановленіе спокойствія сего несчастнаго супруга? Подвигъ, который можешь быть возвратишь ему и Милослану и престолъ Дулебскій, коего онъ законный наследникъ. . . . Престолъ Дулебскій, продолжалъ онъ разсуждать! могу ли я спараться о возвращеніи онаго съ похищеніемъ его у прекрасной Милосвѣты? Но какъ бы то ни было, я долженъ помогать сторонѣ справедливой. Милосвѣта неизвѣстно почему онымъ правишь; Доброславъ на ономъ родился, и можешь сія добродѣтельная Царица Дулебовъ есть безсмертное только существо, посланное къ возстановленію сего несчастнаго народа во время отсутствія злощастныхъ его Государей. Собственная моя совѣсть ошвлекаетъ

И 2

меня

меня дѣйствовашь по пристрастію. Я обожаю Милосвѣшу, но любовь моя къ ней не принудитъ меня уклониться отъ добродѣтели, хотя бы она за по меня и возненавидѣла, чего бытъ не можетъ.

По таковомъ заключеніи изготовился онъ приступитъ къ дѣйствію, предавшись на волю провидѣнія. Не надѣясь на неисправленный лукъ, который держалъ въ рукѣ своей, взялъ онъ въ другую мѣдную стрѣлу, найденную имъ въ пещерѣ у окаменѣвшаго старика, чшобъ по крайней мѣрѣ не пусстыми руками обороняться отъ нападенія львовъ, естли оные оживутъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ подшелъ къ подножью холма; львы не прогались съ мѣста и не оказывали ни малаго знака жизненности. Но едва вскарабкался онъ сажени двѣ на холмъ, какъ оные начали пошряхивать своими гривами, и съ прешрашнымъ рыканіемъ бросились на Баламира. Одни взобрались на вершину холма, чшобъ

чтобъ не допустишь шуда дерзновеннаго воина, а другіе вонзали оспрые свои когти въ его обувь, чтобъ сорвать его на низъ. Въ семъ ужасномъ состояніи пошребно было имѣшь неуспрашимость Баламирову; онъ вонзаетъ мѣдную стрѣлу, коей швердосць камня не прошивишся, глубоко въ гору, и держась за оную рукою, другою отбиваетъ концомъ лука своего люпыхъ звѣрей. Онъ видитъ чудное дѣйствіе сего волшебнаго оружія: оное прикосновеніемъ своимъ разрушаетъ въ прахъ одного звѣря за другимъ, такъ что не оспаесть и слѣда, чтобъ еныя существовали. Баламиръ ободряется, громостится на опаснѣйшихъ и скользкихъ скалахъ холма; уже помогающая восходу его стрѣла касается вершины холма; онъ сражается съ оспашкомъ львовъ, побѣждаетъ, и шоржесшуя восходишь къ пню винограднаго дерева. Принявъ шупъ нѣкоторое ошдохновеніе, помышляетъ онъ о высотѣ дерева

и о пѣжести грозда, которая безъ сомнѣнїя должна будетъ его низвергнуть при слезанїи. Но вообразя о преодолѣнной уже величайшей опасности отъ львовъ, полагается на помощь Боговъ, ободряется и начинаешь всходить на дерево. Но путь предстояло ему новое затрудненїе: дерево сіе, по видимому, болѣе нежели на сто сажень отъ корня было гладко и не имѣло ни одного сучка. Слѣдовало опять употребить стрѣлу: онъ вонзилъ ее въ дерево, чтобъ, придерживась за нее, получить удобность охватиться другою рукою и подвинуться выше. Но едва остріе стрѣлы коснулось дерева, высота онаго исчезла, и гроздь спалъ предъ самыми Баламировыми руками. Король Унскій въ себя отъ радости, что неизвѣстная помощь облегчаетъ его подвигъ, схватилъ за стебель грозда и сломилъ оный. Не успѣлъ онъ учинить сего, какъ холмъ и дерево исчезли, и самъ онъ очутился стоящїй на равномъ

вномъ земномъ днѣ. Гроздъ въ рукахъ его въ тошъ же часъ превращился въ мѣдную дощечку, къ копорой была привязана пешива, каковыя бывають у луковъ, а на дощечкѣ находилась слѣдующая надпись:

„Храбрый смершный, ешьли
„шолько можешъ шаковый обрѣспися
„между человекѣ! когда ошва-
„жлосшь швоя доведешъ тебя къ
„проченію сей надписи, вѣдай,
„что ты преодолѣлъ очарованіе,
„содержавшее въ себѣ судьбу мно-
„гихъ несчастныхъ особъ. Тебѣ
„осшасешя шолько сняшь пешиву
„сію, нашянущъ лукъ, копорый ты
„имѣешъ, и пустишь изъ онаго
„мѣдную стрѣлу на западъ. Сіе
„доставитъ тебѣ средство къ
„возвращенію въ хижину Добросла-
„вову. „

Баламиръ, прочтя сіе, не медлилъ слѣдовать предписанному: онъ нашянулъ лукъ и пустилъ въ опредѣленную страну стрѣлу. Совершающее, глаза его устремлены были

на западъ во ожиданіи обѣщанной помощи. Чрезъ нѣсколько часовъ показалось издали приближающееся къ нему облако. Вскорѣ оное опустилось предъ нимъ на землю, и увидѣвъ онъ сошедшаго съ онаго самаго того шарика, превратившагося въ камень въ пещерѣ. Оный держалъ въ рукахъ мертвую голову и дудочку, коихъ Баламиръ тамъ же видѣлъ. Шарикъ благодарилъ его за оказанную ему помощь. — Стрѣла, кою вы взяли изъ рукъ моихъ по превращеніи моемъ въ каменный испуканъ, пущенная вами, попавъ въ меня, отняла очарованіе, сказалъ сей. Но не ожидайте дальнѣйшаго объясненія, доколь не возвратите вы мнѣ прежній мой видъ; ибо я не шаковъ, каковаго вы меня видите, и слѣдуетъ еще докончать вамъ остатки волшебства, меня окружающаго. — Баламиръ обѣщалъ слѣдовать его предписанію, а шарикъ продолжалъ: изломайте лукъ вашъ въ часпи, и склавъ
 оный

онѣй въ кошпѣрѣ, прикоснитесь сею дудочкою, ошѣ чего часпи лука издадушѣ огонь, имѣющій сожечъ меня обще сѣ сею мершвою головою. По обращеніи шѣла моего въ пепелѣ, должны вы засвиспашѣ въ сію дудочку. Вопіѣ все, что можете вы оказашѣ въ мою помощь.

Баламирѣ слѣдоваѣ сему въ шочности: онѣ изломалѣ лукѣ, спарикѣ простерся на часпяхѣ онаго, схватя въ объятія свои мершвую голову. Прикосновеніе дудочки произвело жестокій пламень, въ нѣскольکو мгновеній ока обратившій спарика и прочее въ пеплѣ. Баламирѣ не медлилѣ засвиспашѣ въ дудочку, и со удивленіемѣ усмотрѣлѣ, что сіе изѣ пепла произвело голубоватый парѣ, изѣ коего наконецѣ увидѣлѣ онѣ изшедшихѣ прекраснаго мушину и прелестнѣйшую женщину. Вы избавитель нашѣ, сказалѣ ему мушина; я вѣдаю ваше люборышпво узнашѣ обѣ насѣ, кто мы, и благодарностѣ наша къ вамѣ сего

И 5

ошѣ

отъ насъ пребуешъ. Однакожъ возмите перъѣнїе до возвращенїя нашего въ хижину Доброславоу; ибо великодушїе ваше не должно посвящать лсбопышству часъвъ, нужныхъ къ премѣненїю судьбы нѣкоторыхъ несчастныхъ. Баламиръ охотнѣо на оное согласился, пошому что онъ меньше желалъ узнать приключенїя старика съ мертвою головою, чѣмъ слышашъ повѣсть, нужную для его возлюбленной Милосвѣты. Послѣ чего мущина вынулъ изъ кармана своего поясъ съ начертанїемъ двенадцати небесныхъ знаковъ, возложилъ оный на себя чрезъ плечо и всплеснулъ руками. Прѣжнее облако опустилось въ шу минушу къ ногамъ ихъ, и подхвапя на себя ихъ всѣхъ, помчалось на сѣверъ и вскорѣ опустило ихъ предъ дверьми хижины Доброславоу.

Ахъ Гипоменъ! . . ахъ любезная сестра! вскричалъ Доброславъ, увидя прибывшихъ съ Баламиромъ. Больше онъ не могъ выговорить и бросился къ нимъ въ объятїя. Ко-
роль

роль Уиновъ позналъ тогда особь, довольно извѣстныхъ ему по прежде учиненному описанію. Онъ уразумѣлъ, что Королевичъ Кимбрскій, коего видѣлъ онъ въ пещерѣ старикомъ, долженствовалъ выдержатъ странныя приключенія, и что по тому сія слѣдовательно имѣющъ заимство съ подробностями нужныхъ для него извѣстій: онъ и не преминулъ требовать разсказанія о томъ ошъ Гипомена, какъ скоро прошли восхищенія сихъ увидѣвшихся родственниковъ. Гипоменъ, обязанный своимъ избавленіемъ, готовъ былъ удовлетворить желаніямъ Баламировымъ; Доброславъ съ своей стороны не меньше любопытствовалъ, и сполько, что едва не позабылъ принести благодарность свою освободителю ихъ. Онъ началъ длинную рѣчь, по большей части безпорядочную ошъ радости, и конечно вывелъ бы Баламира изъ терпѣнія, естлибъ особый случай не принудилъ его оную нарушить.

Они

Они усмотрѣли плывущую в
рѣкѣ и приснающую прошиву сѣ-
михъ ихъ къ берегу лодку. Сидя-
щія во оной четьре особы не дѣ-
ствовали веслами, которыхъ и не
было, а нѣчто невидимое оною упра-
вляло. Едва пріѣзжія вступили на
землю, великое произошло у всѣхъ
замѣшательство. Баламиръ, взгля-
нувъ на прибывшаго спарика и
трехъ молодыхъ мущинъ, вскри-
чалъ: а! почтенный Дулебанинъ,
оказавшій миѣ многія вѣжливости
въ гостинницѣ! ты конечно недавно
видѣлъ несравненную свою Царицу,
и меня объ ней увѣдомишь...
Боги! продолжалъ онъ еще съ мно-
жайшими знаками радости; Волъ
и сумасшедшій звонарь!... ба!
это несчастный сапожникъ!... ахъ!
и ты щедрый Зеліанъ! я исполнилъ
вами пребранное, и безъ сомнѣнія
услышу ваши приключенія. — Въ
самое шожъ время Рогнеда поблѣ-
нѣла отъ страха, и виѣ себя бро-
силась во объятія своего супуруга;

и сей съ не меньшимъ ужасомъ пребоваѣ опѣ Доброслава шалисмана, носимаго онымъ на шеѣ. Одняѣ только Доброславъ не понималъ ничего, и сполько зашоропился, что вмѣсто шалисмана подавалъ своему зяблю клубокъ нипокъ, корми починавалъ онъ свои рыболовныя сѣщи. — Государи мои, скавалъ старикъ, увидя произведенное присутствіемъ его замѣшательство! успокойтесь; я прихожу къ вамъ съ дружескими намѣреніями, и чтобъ поправить приключенныя мною несправедливости. Я клянусь великимъ Чернобогомъ, что Гипоменъ и прекрасная Рогнеда не имѣюшъ причины больше меня опасаться. Столь великая клятва успокоила Королевича Кимбрскаго и его супругу; но любопытство Баламирово шѣмъ еще врѣумножилось. Онъ не зналъ, какое участіе могъ имѣть знакомый ему Дулебянинъ въ похожденияхъ Гипоменовыхъ, и поглядывалъ на всѣхъ во ожиданіи объясненія;
одна-

однакожъ никто не удовлетворялъ его желаніямъ. Нѣпнѣ сомнѣнія, сказалъ онъ наконецъ спарикѣ, вышедъ изъ терпѣнія, что Гипоменъ и его супруга вамъ довольно знакомы; но какъ прибытіе ваше остановило весьма нужное для меня повѣствованіе его, по сѣ позволенія здѣшняго хозяина онъ расскажешь. — А я, подхватилъ спарикъ, ожидалъ, что для васъ любопытнѣе узнать обстоятельство, касающіяся до Царицы Дулебской. — Правда, ошвѣчалъ Баламиръ, я не щаю спрасни, кошорую пишаю къ божественной Милосвѣшѣ. — Никому она сполько не извѣстна, какъ мнѣ, говорилъ спарикъ; однакожъ все должно имѣть свою очередь. Положимъ что Гипоменъ еще въ пещерѣ спарикомъ, и ожидаетъ отъ васъ извѣстія о Зеліанѣ, сей о сапожникѣ, онъ о звонарѣ, а сей о рыболовѣ, шо не надлежитъ ли вамъ прежде всѣхъ дашь опчетъ звонарю о успѣхѣ вашего открытія? Пошомъ онъ
раз-

разскажетъ вамъ свою повѣсть, и такъ по порядку дойдетъ дѣло до Гипомена, и на послѣдокъ до меня. Я предвараю васъ, что въ семь расположеніи есть нѣкоторая тайна, имѣющая окончатися къ общей всѣхъ присушествующихъ здѣсь радости. — Я охотно желаю споспѣшествовать оной, сказалъ Баламиръ; но я хотѣлъ бы прежде всего узнать о Милосвѣтѣ. — Прошу о терпѣнн, государь мой, подхватилъ шарикъ, и Баламиръ не нашелъ основанія ему пропивиться. Присушествующіе сѣли на правѣ близъ жижины Доброславовой, и Король Унскій разсказалъ звонарю повѣсть Царевича Дулебскаго, такъ какъ чиншатель слышалъ оную прежде.

Хотя я изъ сей повѣсти, — началъ звонарь — и ничего не свѣдалъ, служащаго къ поправленію судьбы моей, но какъ шеперь, узнавъ приключенія Доброславы, имѣю я свободу разсказать и о нихъ, шо внимайше вы, человекъ, имѣю-

имѣющій на правомъ вискѣ родинку. — Въ отплату за то, что отъ меня услышите, вы конечно возвратите мнѣ утраченное мною благополучіе; ибо возлюбленная моя Богиня мнѣ сіе предвѣщала. . . . О! если бы я только одинъ разъ ее увидѣлъ, продолжалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ, не пожалѣлъ бы за то распаться съ жизнью. — Имѣйте надежду, сказалъ старикъ. Начинайте вашу повѣсть, говорилъ Баламиръ, и звонарь повиновался.

Приключенія сумасшедшаго звонаря.

Я не могу вамъ сказать, кто я и отъ кого произошелъ; ибо самъ о томъ ничего не вѣдаю. Меня нашли въ пеленахъ у воротъ того дому, въ кошоромъ я выросъ, и въ кошоромъ вы меня видѣли обитавшаго. Жрецъ Ладина капища воспиталъ меня и любилъ какъ собственнаго
сво-

своего сына, для того что у него дѣшей не было. Глубокое знаніе его въ восточныхъ мудростяхъ послужило и мнѣ учинишься столь же ученымъ, каковъ былъ мой воспитатель; онъ былъ въ Египтѣ и посвященъ таинствамъ. Склонность моя къ наукамъ находила всегда новую пищу: жрецъ упражнялся во оныхъ во все свободное время отъ его должности. Довольные доходы отъ богоговѣйныхъ людей, а особливо отъ молодыхъ женщинъ и пожилыхъ вдовъ, учиняли содержаніе жизни его беззаботнымъ. Не проходило дня, въ коемъ бы не пришекало къ капищу нѣсколькихъ особъ для принесенія клятвъ о вѣчной вѣрности, или для упрошенія у всемогущей Лады о воспламененіи сердца холоднаго любовника, или о вспомоществованіи умирающей природѣ въ тѣлѣ, ослабѣвшемъ отъ времени. Жрецъ, вѣдающій подробно основанія по предразсудкамъ людскимъ приняшаго закона, человѣческіе нра-

Часть X.

I

вы

вы и спраспи, умѣлъ пользоваться
 ихъ слабостями. Химія, физика и
 механика оказывали ему услуги;
 онъ опшускалъ всѣхъ довольными;
 храмъ прославлялся и карманъ его
 возрасталъ. жрецъ сей не былъ
 глупѣ прочей своей собрати, и
 зналъ, что Боги не требуюшъ, кромѣ
 чистаго сердца; почему всѣ прило-
 симые Ладѣ дары препровождалъ
 въ свои сундуки. Я предопре-
 дѣленъ былъ отъ него въ наслѣдники,
 получилъ изрядное наставленіе быть
 лицомъ Бромъ, и учинился бы онымъ
 въ разужденіи необходимости моихъ
 обстоятельствъ, естли бы не ощу-
 тилъ въ душѣ моей непобѣдимой
 склонности узнать о моихъ роди-
 теляхъ. Сіе чувствованіе не давало
 миѣ покою и прешворило меня въ
 ипохондрика. Сто разъ покушался
 я ишши спранствовать по свѣшу;
 неоднократно въ зашмѣни моихъ
 мыслей простирался предъ ишука-
 номъ Ладинымъ, внося о удовле-
 створеніи мучащимъ меня желаніямъ;

но

но какъ сія Богиня въ свою очередь получила другія должности и мое дѣло касалось не до любви, но и остался я не удовольствованъ. По щаслію разумокъ мой удержалъ меня отъ сприсязованія; я счелъ, что безъ вѣрныхъ доказательствъ либо не можно узнать моихъ родителей, или найду таковыхъ, которымъ угодно лишь будетъ признать меня за свое чадо; къ тому же опасности путешествія полагали заграду моимъ побужденіямъ. Я остался на произволъ судьбы ожидать снисхожденія мнѣ отъ небесъ, но задумчивость моя не премѣнилась. Тщетно спарался жрецъ, проникшій въ мою тайну, нравоученіями своими выбить изъ головы моей опячавшія оную безпокойства. Онъ предсказывалъ мнѣ, сколь безумно безпокоишь себя желаніями, коихъ удовлетворить нѣтъ надежды; что отъ изрядной жизни не ищешь лучшей; что можетъ быть родителями мои, еслили я узнаю ихъ, не та-

ковы ко мнѣ будущѣ горячи, какѣ онѣ; что щасшіе оныхъ не одарило ихъ ни такимъ изобиліемъ, ни шаковымъ промысломъ, каковымъ могу я навсегда пользоваться въ его домѣ, и что чинѣ жреца Ладина представляешъ ежедневно удовлетвореніе всѣмъ человѣческимъ утѣхамъ, какѣ-то, продолжалъ онѣ, не вкушаемъ ли мы лучшихъ кусковъ и изящнѣйшихъ винъ насчетъ великодушной Лады? не имѣемъ ли вѣрныхъ средствъ пользоваться прелестями наилучшихъ прибѣгающихъ къ Богинѣ красавицъ, и шому подобное? Основанія моего воспитанія были истинны, но въ моей душѣ не дѣлали впечатлѣнія; я ошался задумчивымъ, а онѣ по прежнему лицемѣромъ и роскошнымъ до слѣдующаго приключенія. Дакій обитающій въ горахъ народъ напалъ на нашу страну, и по естественному праву опустоша оную, не пощадилъ ни жреца, ни капища Ладина. Я, спрятавшись подъ кровлею

лею храма, былъ свидѣтелемъ, какъ разбили въ мѣлкія часпи испу- канъ Богининъ, и взяли часпи онаго, вылипыя изъ золоша, какъ раз- грабили домъ жрецовъ, и съ воз- можнѣйшимъ въ свѣтѣ хладно- кровіемъ опсѣкли ему голову. Сердце мое раздиралось отъ жалости, взи- рая на несчастный конецъ моего воспитателя. Я любилъ его, не смотря на развращенный нравъ его, однакожъ я не плакалъ; ибо страхъ отъ побѣдителей ошановилъ слезы. Три дни пробылъ я въ ужасѣ безъ пищи и поѣши безъ сна; напо- слѣдокъ осмѣлился взойши на коло- кольную. Осматривая на всѣ стороны, не видалъ я ни дикихъ, ни обиа- пелей окружныхъ мѣстъ. Миѣ пре- жде всего вошло въ голову, что я долженъ буду умереть съ голоду въ спранѣ, шолько опустошенной; сіе вложило въ меня желаніе по- звонить въ колокола, опредѣленные впрочемъ шолько для украшенія опправлявшихся годичныхъ шор- жестивъ,

жествъ, въ ожиданіи, что можешъ
 бышь я созову обитателей страны
 нашей, ешьям ошатки оныхъ гдѣ
 нибудь укрываются. По щасію дѣ-
 кіе не сочли колокола достойнымъ
 своего бремени; ибо они лучше лю-
 били золото и серебро, равно какъ
 и просвѣщенные народы, кошорые
 шакже въ подобныхъ случаяхъ бе-
 рупъ оное во всѣхъ мѣстахъ, ка-
 кія бы оныя ни были, священныя ли,
 или проселюднскія. Я началъ зво-
 нить, но никто не появлялся. Де-
 нѣсколька разъ переставалъ я и
 опять начиналъ, пока наступила
 ночь. Я приходилъ въ отчаяніе
 и всего вѣрѣе ожидалъ, что голодъ
 до начала дни приведетъ меня въ
 несостояніе сойти съ колокольни.

Посреди сихъ печальныхъ мыс-
 лей увидѣлъ я, что колокольня освѣ-
 щалась нѣкимъ яркимъ блиста-
 ніемъ. Сперва подумалъ я, что
 сіе отъ молніи; но какъ сіяніе не
 преставало, то собралъ я ошатокъ
 моихъ силъ встать и узнать при-
 чину

чину онаго. Я увидѣлъ парящую на воздухѣ птицу не изъяснимой красоты, и блисканіе сіе происходило отъ ея перьевъ. Миѣ извѣстно было, что нѣтъ въ природѣ такого живописнаго, почему не можно миѣ было вспастъ на другія мысли, кромѣ что я вижу. божество того храма, въ коемъ нахожуся. Я палъ на колѣна и вопіялъ: О Богиня! спаси несчастнаго, умирающаго съ голоду. И естли ты сама всемогущая Лада, то прости смертному, пре- небрегавшему до сего часа твое слу- женіе. Я еще не чувствовалъ любви, но я ли тому причиною, что не было вліянія твоего въ мою природу? — Тѣмъ ты для меня дороже, ошѣ- чала птица; я хочу научить себя любви и сама отъ себя научишься. Предайся миѣ, я учиню тебя ща- стливымъ. — О Богиня, сказалъ я! какія условія съ смертнымъ, я предаюсь тебѣ безъ изъяснiя. Вы- говоря сіе, хотѣлъ я простершся на земаѣ, но почувствовалъ, что

и что невидимое меня подхватило, и поднявши на воздухъ, присоединило къ блистающей пищѣ. Я ощущалъ божественный восторгъ въ моей душѣ; пища помчалась со мною съ невѣроятною быстротою, и я считалъ себя преселяющимся въ жилище безсмертныхъ.

Не можно мнѣ измѣрять разстоянія, ни времени, сколько мы неслись по воздуху, но знаю только то, что мы опустились въ преогромномъ замкѣ. Тысячи служителей и служительницъ въ блѣдомъ одѣяніи встрѣтили насъ съ зажженными благовоными свѣчами. Весь замокъ блисталъ отъ драгоценностей, составляющихъ онаго украшенія, и повсюду воспаленныхъ потѣшныхъ огней. Хоры музыкантовъ воспѣли торжественныя пѣсни, соглася оныя со звукомъ безчисленныхъ музыкальскихъ орудій; всюду блистала радость, и тысячи присутствующихъ прекрасныхъ дѣвицъ казались отъ оной еще прелестнѣе. Въ восхищеніи

нїи моемъ я ожидалъ, что Богиня собрала сихъ красавицъ для наученїя меня любви; и я возъмѣлъ глупое воображеніе, что не учинился ли и я по крайней мѣрѣ полубогомъ. Однакожъ, хотя заблужденіе сіе прошло, я не могу изъяснить вамъ, что было въ моемъ сердцѣ, когда пшица сія, коснувшись землѣ, превратилась въ молодую дѣвицу. Досель не умѣлъ я знать истинную цѣну прелестямъ, но образъ моей Богини учинилъ въ мгновеніе ока вкусъ мой тонкимъ: красота служащихъ въ замкѣ дѣвицъ была только слабая итѣнь прошиву совершенствъ ея. Каждая изъ нихъ могла бы составить наилучшее украшеніе Двору величайшаго въ свѣтѣ Монарха; но взглянувъ на Богиню, уже казались онѣ мнѣ не лучше загорѣлыхъ на солнцѣ паспущекъ. Богиня не дозволила мнѣ продолжать моихъ примѣчаній, хотя бы впрочемъ и можно было чѣмънибудь занимать чувства oprичъ ee. Она заключила меня въ свои объ-

яшя и освятила губы мои неопи-
саннымъ поцѣлуемъ, разлившимъ
божественный жаръ во всю мою при-
роду. Послѣ чего, взявъ меня за
руку, ввела въ преогромную комна-
ту и сѣла со мною за столъ. Я
забылъ было, что я не былъ болѣе
прехъ сушокъ, естли бѣ запахъ
вкуснѣйшихъ ѣствъ не припомнилъ
ми, что я еще не Богъ. — Ты
ожидаешь объясненія судьбы твоей,
любезный Ярославъ, (такъ я на-
зываюсь) сказала она, пожавши мою
руку; но будешь къ тому время,
а теперь послѣдуй ми. — Она ку-
шала, и я принужденъ былъ не шакъ
часто насыщать глаза мои ея пре-
лестными; ибо, признаюсь налобно,
я очень былъ голоденъ. Надежда
и ожиданіе учинили меня невнима-
тельнымъ ко всѣмъ другимъ заба-
вамъ; я не слушалъ пѣнія и не
видалъ, какво плясали хороводы
дѣвицъ во время ужина. Наконецъ
дождася я, что Богиня встала изъ
за стола и подаа ми руку. Мы
при-

пришли въ особливую комнату, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ стоялъ сосудъ съ виномъ. Богиня, указавъ на оный, сказала миѣ: я привожу тебя къ освященной чашѣ, которая заключитъ нашъ бракъ, если ты находишь въ сердцѣ своемъ равномѣрныя моимъ къ тебѣ склонностямъ. Вѣдай, что я давно уже люблю тебя, и могу клясться, что вѣчная сія спрасъ во всѣ дни мои не угаснетъ. Судьба моя назначила меня тебѣ, но ты находишь ли меня достойною любви своей? — Какой вопросъ, вскричалъ я, обнявъ ее колѣна! смертный не долженъ ли обожать тебя? Я клянусь тебѣ своею красою, моими неизбѣжными къ тебѣ чувствованіями, и всемъ, что ни есть на свѣтѣ свято, что любовь моя къ тебѣ неизреченна. — Послушай же, сказала она, поцѣловавъ меня, я люблю тебя и клянусь въ помѣ небесами, что вѣрность моя къ тебѣ будетъ вѣчна. Однакожъ, вснувая со мною въ бракъ,

еще-

осталось мнѣ предложить тебѣ нѣ-
кошорыя условія, кои должно тебѣ
всегда сохранять, ешьли не хочешь
учинить меня и себя несчастными.
Впервыхъ, ты не долженъ любопыш-
ствоваться о мнѣ, кто я; ибо нужно
ли вѣдать тебѣ, какого роду та
особа, коей ты предашь себя? Жела-
нія наши должны состоять только
въ любви. Вовторыхъ, ты не долженъ
никогда скучать здѣсь и желать
другаго обитанія, для того, когда
сей замокъ съ обладаніемъ мною
не принесетъ тебѣ удовольствія, то
ты нигдѣ онаго уже не сыщешь.
Втретьихъ, что составляетъ главную
часть нашего условія, не долженъ
ты никогда желать узнать, кто
были твои родители; ибо въ семъ
состоитъ общее наше спокойство.
Въ томъ самый часъ, когда ты
здѣсь скучишь и опкроешь мнѣ о
желаніяхъ таковыхъ, ты меня ли-
шишься и утратишь свое счастье и
покой. — Я принесъ ей вновь кля-
твы и обѣщался сохранить сіи за-
по-

повѣди въ почтосши. Увы! я тогда еще не испыталъ, что человекъ ничѣмъ на свѣшѣ доволенъ бытъ не можешъ. Послѣ сего пили мы вмѣстѣ вино изъ сосуда, и сей священный обрядъ учинилъ насъ супругами. Я заснулъ въ объятіяхъ моей возлюбленной, ни мало не заботясь, Богиня ли она, или смертная; но себя считалъ оспавившимъ земную мою природу; ибо сладости, мною вкушенныя, казались мнѣ собственными только небожителямъ.

Всѣ дни текли непримѣтно, каждая минута раждала мнѣ новыхъ ушѣхи, а въ послѣдующихъ симъ ожидали новыхъ пріятности въ объятіяхъ возлюбленной моей супруги. Она умѣла оживлять часы разными забавами; я былъ для нее все, равно какъ и она для меня. Мы никогда не разсавались, и могу сказать, что долго я не имѣлъ другихъ желаній, какъ ей нравиться. Еспли что въ свѣтѣ, кромѣ замка моей возлюбленной, не входило мнѣ и въ

го-

голову, сдѣшвенно не могу я донести вамъ, сколько времени продолжалось мое благоденствіе; пошому что въ радостяхъ нѣшъ нужды помышлять о шомъ.

Однако какъ въ природѣ челошческой есть нѣчто побуждающее безпрешанно къ новымъ желаніямъ, шо и я не въ силахъ былъ наконецъ прошившись произшедшимъ въ годовъ моей мыслямъ. Хотя я былъ благополучнѣшій любовникъ, щастливый супругъ, но во мнѣ родились странныя желанія: для чего я не учинился опцемъ, равно какъ бы безъ сего залога не доспавало мнѣ нѣжности моей супруги. Я началъ искать уединенія, но всѣ сады, всѣ гульбища, въ коихъ искусство съ природою спорили о преимуществѣ красотѣ, учинились мнѣ скучны. Я самъ вопрошалъ себя, чего мнѣ не доспаетъ? Отвѣшествовалъ на ролящіяся въ головѣ моей шреобанія, но ничѣмъ не удовлетворялъ моему сердцу. Развѣ опредѣлено, думалъ я,

я,

я, не быть мнѣ извѣстнымъ на свѣтѣ: я не знаю моихъ родителей, дѣшей не имѣю, умру и память моя исчезнетъ. Я чувствовалъ, сколь неосновательны шаковыя предразсудки, старался испребить оныя, но всегда они появлялись съ новымъ для меня безпокойствомъ. Богиня моя, — ибо я не знаю за подлинно, кто она, — примѣтила сіе; она старалась умножать свои иѣжности, повседневно выдумывала новыя для меня забавы, чшобъ ошвести меня отъ несчастныхъ шаковыхъ желаній; но видно, что злополучіе предопредѣлено было въ мою участь, ничто меня не избавило. Я обожалъ ее, вѣдалъ, что желанія мои пагубны для ея и собственнаго моего покою, но не могъ удержаться. Кто она, представлялось мнѣ послѣ всѣхъ моихъ разсужденій. Если она смертная, то не льзя ожидать, чшобъ не возможно ей было удовлетворить нестерпимымъ моимъ кошѣнямъ увидѣть моихъ

моихъ родителей; а ешьли Богиня, то какъ не власна она перенести оныхъ въ свой замокъ и учинишь ихъ учаспниками моего блаженства? Можешь бышь она отсрочиваешь сію радость для меня, пока удосто- вѣрится въ любви моей къ себѣ; но можно ли любишь уже больше? — Такъ размышлая, заключилъ я оп- крышь ей мое безпокойство и про- сишь ее о соединеніи меня съ мо- ими родителами.

Въ семъ намѣреніи, провѣдя прошиву обыкновенія моего цѣлое утро, уединясь въ одну удаленную въ саду бесѣдку, пошелъ я искать моей супруги. Я нашелъ ее въ великой печали. Мнѣ не вообразилось того, что я повергаю ее въ сіе со- сноряніе; а любопытство и любовь къ родителамъ моимъ принуждали меня учинишь къ ней прозьбу. По нѣкошорыхъ довольно холодныхъ ла- скахъ, началъ я: прости меня, воз- любленная супруга, что я хочу про- сишь тебя о возвращеніи моего по-
 коя,

коя, коего я со всемъ моимъ благополучіемъ давно уже не нахожу въ божественномъ швоемъ жилищѣ. — Я примѣшилъ, что слезы пошекли изъ очей моей сунруги при словѣ семъ; я соспрадалъ онымъ во внушреннихъ души моей, однакожъ не удержался отъ продолженія прозбы моей. — Образъ, подѣ каковымъ я узналъ себя, увѣряешь меня, что ты не можешь быть простою смертною, но ты не знаю какое находишь шайнство скрывать отъ меня свою природу. Я и не шребую знать о томъ, довольствуясь нѣжною швоею ко мнѣ любовію; однако любовь сія не ишребляетъ во мнѣ чувствъ природы: я не знаю моихъ родителей и не сомнѣваюсь, что ты въ силахъ оныхъ мнѣ показать. Я заклинаю тебя перенести ихъ въ швой замокъ. — Неблагодарный, вскричала она! ты нарушилъ свое обѣщаніе, погубилъ меня и себя: ты разлучилъ меня съ собою. . . . Прости, любезной и

Часть X.

К

не

несчастной супругъ. — При окончаніи словъ сихъ она упала въ обморокъ ; густое облако спустиась похищило ее и унесло изъ глазъ моихъ.

Что спалъ я при семъ приключеніи, изобразить не можно. Подобный преступнику, ожидающему послѣдняго удара, не могъ я двинуться съ мѣста, и сердце во мнѣ окаменѣло. Всѣ слѣдствія учиненнаго мною нарушенія клятвы живо представились очамъ моимъ. Видя, что я лишился драгоценнѣйшаго предмета моихъ дней, возненавидѣлъ я жизнь мою и искалъ оружія, чтобы лишить себя оныя. Но посреди отчаянія моего почувствовалъ, что меня схватили за руку; я оглянувся и усмотрѣлъ женщину въ бѣломъ одѣяніи. Время копя овладѣло уже прелестными лица ея, однакожъ сіяніе оныхъ блистало еще въ черныхъ очахъ ея. Несчастный Ярославъ, сказала она мнѣ! напрасно предаешься ты неисповѣстному своему отчая-

отчаянія ; не приписывай участи твоей ни твоему преступленію , ни упрямству твоей супруги : есть нечто сверхъестественное , управляющее вашею судьбою , и нарушеніе заповѣдей , кои ты сохранишь клялся , было необходимое слѣдствіе . Однакожъ сколько ни жалокъ ты мнѣ , я не могу премѣнить твоей участи ; предайся въ волю судебъ : сіе есть наилучшее средство облегчить ожидающія тебя скорби до нѣкотораго времени . Ты долженъ оставить сіе жилище радости , премѣнившееся нынѣ въ мѣсто горестей , и обитай въ прежнемъ твоёмъ состояніи . Я ничѣмъ не могу ободришь твою надежду , однакожъ уповай , что небеса сжалятся надъ твоею и супруги твоей участію . . .

Вѣдай , что ты до тѣхъ поръ нечинишься благополучнымъ , пока не увидишь пришедшаго къ тебѣ чело-вѣка , имѣющаго на лицѣ у праваго виска родинку . Сему предоспадено соединить тебя съ твоими роди-

шелями и возлюбленною. Однакожъ ,
 чшобъ удовлетворилъ ты преступ-
 лению за несохраненіе заповѣди ,
 долженъ ты сохранить слѣдующую,
 которыя малѣйшее нарушеніе ли-
 шитъ тебя на вѣки твоей супруги
 и родителей. Ты не долженъ ни-
 кому открывать приключенія тво-
 его съ сіяющею птицею , и ни съ
 кѣмъ не говоришь до пришествія
 къ тебѣ помянутаго человѣка, имѣю-
 щаго родину. Но и сему ошнюдь
 не объявляй о своемъ приключеніи ,
 пока не доставитъ онъ тебѣ извѣ-
 стія о живущемъ внизъ по теченію
 источника, орошающаго землю Ла-
 дина капища , рыболовъ , который
 безпрестанно починиваетъ свои сѣти.
 Если сей рыболовъ откроетъ свою
 повѣсть, тогда позволено рассказать
 и тебѣ свою. Въ то время наспа-
 нетъ благополучный часъ , въ ко-
 торый возвратится супруга твоя въ
 твои объятія ; тогда увидишь ты
 и своихъ родителей и многихъ дру-
 гихъ весьма къ тебѣ близкихъ особъ,
 пре-

преперѣвающихъ нещастія. Все ихъ благополучіе зависитъ отъ пвердо-
сти швого языка. — Она, выгово-
ривъ сіе, махнула палочкою, кою
держала въ рукахъ своихъ, и въ
по мгновеніе ока подхватилъ меня
вихрь и принесъ въ жилище, гдѣ я
воспишанъ.

Спрого ли наблюдалъ я заповѣдь,
данную миѣ сею женщиною, копорую
я долженъ счестъ за волшебницу, о
помѣ вамъ (продолжалъ Ярославъ
къ Баламиру) извѣстпо. Я не гово-
рилъ ни съ кѣмъ ни слова до ва-
шего прибытія. Правду сказать,
что я и рѣдко былъ подверженъ
сему искушенію; ибо послѣ набѣга
дикихъ и раззоренія нашей области
весьма мало оспалось жипелей. Ме-
жду шѣмъ и малое число сіе не
оспавило меня безъ прозвища: я
проименованъ отъ нихъ сумасшед-
шимъ звонаремъ. Признаюсь, что
я имя сіе заслуживалъ, пошому что
никшо не могъ добиться отъ меня
ни слова. Я убѣгалъ отъ вѣхъ

меня вопрошающихъ; и какъ уроиъ возлюбленной моей супруги ежечасно наполнялъ мученіемъ мои чувства, и образъ ея повсегда воображался мнѣ, шо провождалъ я все время, бѣгая на колокольную башню, и звоня въ колокола, ожидая, что звукъ оныхъ привлечетъ по прежнему къ оспрадъ моей сіяющую пшицу. Однакожъ я не получалъ изъ того другой оспрады, какъ только подтвердилъ мнѣніе людей о моемъ сумосбродствѣ.

По отществіи вашемъ къ рыбаку я продолжалъ обыкновенное мое упражненіе бѣгать на башню звонить, воздыхать, проливать слезы, проклинашь мой просшупокъ и пишашья подаяніемъ добросердечныхъ людей; наконецъ увидѣлъ я сего почтеннаго старика, привезшаго меня къ вамъ и сихъ двоихъ молодыхъ. Не знаю, какая волшебная сила опогнала отъ сердца моего горести, и наполнила оное надеждою, что несчастія мое прекращающіяся,

щаюся , когда сей старикъ повелѣлъ мнѣ за собою слѣдовать. Одинъ изъ числа сихъ двухъ молодыхъ (говорилъ Ярославъ) открылъ мнѣ , что онъ мой родной братъ. Я не нашелъ никакого въ томъ увѣренія , потому что онъ не могъ объяснить мнѣ , по какой причинѣ называется моимъ братомъ и кто наши родители , однакожь сердце мое движеніемъ своимъ подтвердило слова его. До сихъ поръ мы еще не говорили , а дѣлали другъ другу одни вопросы , никогда на оныя не отвѣчая ; но объясненія наши , въ кои часто мы другъ друга заключаемъ , свидѣтельствуютъ , что мы должны быть единоутробные. —

Ярославъ кончилъ свою повѣсть , взглянувъ на сапожника , и подавалъ шѣмъ ему знакъ желанія своего узнать его приключеніе.

Я разумю сей безмолвный языкъ , отвѣчалъ ему сапожникъ ; ты , любезный братъ , ожидаешь отъ

меня свѣдѣнія, почему я называю тебя симъ пріятнымъ именемъ, но ты изъ моей повѣсти споль же мало сръдаешь о томъ, и останешься въ равномерной, какъ и я, непрерывливости узнать, кто наши родители. Одна причина удерживала меня до сихъ поръ впускаясь съ тобою въ разговоры: какъ и ты имѣлъ я заповѣдь не сказывать моихъ походовъ, пока не узнаю я твоихъ. Теперь я получилъ свободу. — И можешь сдержать свое обещаніе мнѣ, подхвашилъ Баламиръ. По чести должно бышь весьма чудному случаю, мѣшавшему тебѣ въ пять лѣтъ сшить пару башмаковъ, и приключавшему чрезъ все то время воображеніе, производящее рвоту.

Я не совѣтую тебѣ медлить, сказалъ старикъ; ибо чѣмъ скорѣе ты расскажешь подробности твоей жизни, тѣмъ ближе будешь ты къ своему щастію. — Все собраніе его къ тому побуждало и онъ началъ:
По-

Попѣсть сапожника.

Я также не извѣстенъ о моей природѣ, какъ и Ярославъ. Люди, воспитавшіе меня, нашли меня, вспавши нѣкогда отъ сна, лежащаго въ колыбели не задолго предъ шѣмъ умершаго ихъ сына. Они сочли сіе за особливую милоспѣ небесъ, и какъ кромѣ шого дѣшей у нихъ не было, а лѣта ихъ не подавали уже надежды къ рожденію другихъ, шо и оказывали они о мнѣ родительскія попеченія. Не прежде, какъ по пришествіи моемъ въ смыслъ, узналъ я о себѣ, что я несчастный подкидышъ. Таковая суровоспѣ испицныхъ моихъ родителей и любовь сихъ постороннихъ произвела во мнѣ шо, что я никогда не жалѣлъ о давшихъ мнѣ жизнь, а всю горячностъ обращилъ къ моимъ воспитателямъ. Какъ сей благодѣтель мой былъ сапожникъ, шо и меня научилъ ремеслу своему; я успѣлъ во ономъ шолько, что укрѣпясь въ

лѣшахъ , снялъ весь трудъ про-
пишанія дому моего на себя , и шѣмъ
заплашилъ моимъ воспитателямъ.
Я прославился искусствомъ моимъ
не токмо въ мѣстечкѣ , гдѣ обиталъ ,
но и въ сосѣдствѣ. Проворство и
чистота моей работы доставляла
мнѣ довольные доходы ; мы жили
во изобиліи въ разсужденіи нашего
сословія , и наконецъ долженъ былъ
сѣ оторченіемъ оплакать смерть
моихъ названныхъ родителей. Пре-
давши шѣла ихъ землѣ съ пристой-
ною честию , ошалея я самовла-
стнымъ въ ихъ домѣ. Собранное ими
и моими трудами имѣніе по воз-
держной моей жизни было доста-
точно доставило мнѣ отдохновеніе
въ трудахъ моихъ. Я работалъ
уже отъ скуки , а не отъ необходи-
мости.

Состояніе мое являло мнѣ ну-
жду вступить въ бракъ , но не знаю,
какая шайная гордость раждалась
въ моихъ мысляхъ , какъ скоро до-
ходило до выбора невѣсты. Мнѣ
пред-

представлялось, что только дочь какогонибудь Князя удобна удовлетворить моимъ желаніямъ. Естественнo, что я никогда бы не сыскалъ такого союза; ибо кто бы могъ согласиться съ моимъ высокимъ о себѣ воображеніемъ, хотя неоспоримо и то, что подкидышь можетъ имѣть право причислаться въ родню и къ самымъ владѣтелямъ? Однакожъ я не шужилъ, что оспался одинакъ; я имѣлъ свое время препровожденіе: полевая охота была изъ давняго времени моею страстію. Я стрѣлялъ совершенно изъ лука, и между прочимъ имѣлъ опмѣнное дарованіе въ бѣганіи, такъ что къ удивленію моихъ соповарищей въ охотѣ достигалъ зайца на бѣгу.

Въ одинъ разъ, когда я упражнялся въ шипъѣ башмаковъ, ученикъ мой, вбѣжавъ ко мнѣ, кричалъ, что по двору моему бѣгаетъ заяцъ. Я не увѣрился оному и хотѣлъ посмотрѣть самъ, но выскоча на дворъ,

увидѣлъ

увидѣлъ, что то была правда: Хоша тогда былъ глубокий вечеръ и ночь довольно шемная, однако я, надѣясь на мешкость моей руки, кричалъ моему ученику, чшобъ онъ подалъ мнѣ лукъ и стрѣлы. Ученикъ замѣшкался, а заяцъ между шѣмъ побѣжалъ съ двора. Я счелъ, что есть ближайшій способъ достичь мнѣ онаго и схвашишь руками. Я погнался за нимъ, а заяцъ какъ бы нарочно усѣдалъ въ близкомъ отъ меня разстоянїи; но всегда убѣгалъ съ быспроснїю, когда я уже готовъ былъ схвашишь его. Таковымъ образомъ вывелъ онъ меня не шокмо изъ селенїя, но и весьма далеко отъ онаго. Надобно быть охотникомъ, чшобъ имѣть поняшїе о шой странной склонности, копорая побуждаетъ гнашься за зайцемъ, какъ скоро оный побѣжитъ; посему нѣтъ чуда, что я всю ночь провелъ въ незнакомыхъ мѣстахъ, преслѣдуя сего звѣря. Онъ умѣлъ заманивать меня и напоследокъ

вско.

вскочилъ въ обширное дупло нѣкошораго великаго дерева. Съ прыжкомъ, съ какоюю стремился я за нимъ, вскочилъ и я за нимъ въ дупло и поймалъ онаго за переднюю ногу. —

На семъ словѣ остановился сапожникъ, испустивъ тяжкій вздохъ, и возводя взоры свои на небо, пришелъ въ нѣкошорую задумчивость. Старикъ вывелъ его изъ оной, сказавъ ему: видно, что вы весьма горячій охотникъ, когда уловленіе зайца приводитъ васъ въ задумчивость. — Въ семъ должно бытъ нѣкакой шайтъ, подхватилъ Баламиръ. Можешъ бытъ, сказалъ старикъ съ улыбкою. Да, отвѣчалъ сапожникъ, поглядѣвъ ему въ глаза, и можешъ бытъ почтенный старикъ лучше всѣхъ въ состояніи объяснить оную. —

Конечно, — продолжалъ онъ, обращая къ слушателямъ; — всѣ мои несчастія произошли отъ сего часа и приключившееся со мною можешъ сочтено бытъ за исправную ложь.

ложь. Но когда никто не сдѣлалъ возраженія Ярославу въ разсужденія явленія сіяющей пшпцы, шо можеть быть не сочтушъ за странное, что и я, схватя зайца, увидѣлъ себя вмѣсто дупла въ преогромныхъ палатахъ, держащаго за руку найпрелеснѣйшую дѣвицу. Всякъ согласишь промѣняшь и оленя, не токмо зайца на красавицу; почему и я не заботился о томъ, куда дѣвался онъ; но не могъ понять ни малѣйшаго изъ случившагося превращенія. Я приведенъ былъ онымъ въ шаковое удивленіе, что не могъ выговорить ни слова, ни сохранишь вѣжливости, чтобъ по крайней мѣрѣ выпустить руку красавицы, когда уже она пресшала быть ногою зайца. Дѣвица сія взирала на меня глазами, изъ коихъ я накороткѣ уразумѣлъ, что она не досадуетъ за мою неучивость и что рука ея досдалась не противному для нея человѣку. Напослѣдокъ прошли минуты замѣшательства, но я столю-
кожъ

кожѣ неизвѣстенъ былъ о судьбѣ
 моей, хотя имѣлъ смѣлость поцѣло-
 вать нѣсколько разъ руку, достав-
 шуюся мнѣ по охотничьему праву.
 Любопытство мое никто не могъ раз-
 рѣшить, кромѣ сей красавицы, въ
 кошорую я при первомъ взглядѣ
 смертельно влюбился. — Не уди-
 вляйся сему превращенію, любез-
 ный Доброчестъ, (такъ я назы-
 ваюсь), — сказала мнѣ сія дѣ-
 вица; — я называюсь Замира, и
 какъ дочь нѣкошорой волшебницы,
 имѣю довольное знаніе въ чрезъ-
 естественной наукѣ. Судьба моя
 опредѣлила мнѣ избрать супруга
 по моей волѣ, и я во всѣхъ спра-
 нахъ свѣта не нашла достойнѣе
 себя владѣть мною. Мнѣ извѣстны
 гордыя твои мысли въ разсужденіи
 избранія твоего себѣ въ супруги; но
 ештли склонности сердца твоего
 не прощивяшся чистотѣ моего къ
 тебѣ пламени, ты ничего не ушра-
 пишь, учинясь моимъ мужемъ. Я
 родилась отъ Короля, превосходящаго
 вла-

властію своею всѣхъ Государей
 извѣснаго свѣта. Неизчетныя бо-
 гатства, находящіяся въ моей вла-
 сти, достаточны подашь намъ
 великолѣпную жизнь на всѣ наши
 дни, а горячность моя обѣщаетъ
 тебѣ спокойство и всѣ сладости вѣр-
 наго супружества. Впрочемъ сынъ
 ли ты сапожника, тебя воспитав-
 шаго, я люблю тебя; или имѣешь
 родишелей, сидящихъ на престолахъ,
 для меня равно и сердце мое не
 имѣетъ нужды въ семъ испытаніи.
 Скажи, не учинишь ли ты меня не-
 счастливейшею изъ всѣхъ женщинъ
 на свѣтѣ, и не щещно ли я употре-
 била хитрость, кою ты залученъ
 въ мой замокъ? — Ахъ прекрас-
 ная Замира, вскричалъ я, поверг-
 шись къ ногамъ ея: не дѣлая ша-
 ковыхъ вопросовъ, ты могла уже
 читать изъ глазъ моихъ, что я
 съ перваго взора обворованъ твоими
 прелестями. Какое счастье можешь
 сравниться съ обладаніемъ тобою!
 Владѣй да вѣкъ мною, когда тебѣ

и

и благопріятной судьбѣ моей угодно возвести меня на верхѣ благоденствія. Щастіе мое превзошло мои воображенія, хопя душа моя повсегда чувствовала сей отличный жребій. Я вижу, что не щещно сердце мое оставалось свободно отъ любви до сего времени, когда рокѣ мой опредѣлялъ въ немѣ храмѣ божественной Замирѣ. Я ничего не могу проивупоставить своимѣ достоинствамѣ; сапожникѣ не можетѣ имѣть оныхѣ, но Доброчестѣ ощущаетѣ, что онѣ въ силахѣ обожать Замиру и любить столько, чтобѣ она никогда въ выборѣ своемѣ не раскаявалась.

Такое привѣщствіе замкнуто было нѣсколькими пламенными поцѣлуями, коихѣ мы не считали; ибо губы наши прежде успали, нежели мы насыпились. — И такѣ я швоя, любезный Доброчестѣ, на вѣки швоя, сказала наконецѣ Замира, испустя вздохѣ, совѣмѣ отличный отъ шѣхѣ вздоховѣ, какovyе производитѣ огор-

Часть X.

Л

че-

ченіе. Она клялась мнѣ вѣчною вѣр-
ностію, а я приводилъ ей во сви-
дѣтели всѣхъ Боговъ, кои мнѣ при-
шли на память, что до смерти одну
ее любить буду. И я конечно удер-
жу мое слово; ибо я обожаю несра-
вненную Замиру, хотя оную упра-
шилъ. . . и ушрашилъ моею по-
грѣшностію, примолвилъ Доброчестѣ
вздохнувъ, какъ вздыхаютъ отъ
испянной горести.

Я вошла на верхъ моихъ же-
ланій, сказала мнѣ на другой день
Замира: я увѣрена, что съ моей
спороны супругъ мой не увидитъ
причины къ огорченію, но я опас-
юсь, чтобъ самъ онъ не повергъ
себя и меня въ злосчастіе. Для сего
должна я открытъ тебѣ, Доброчестѣ,
нѣкоторое условіе, требуемое отъ
тебя шанствомъ судьбы моей, и
ты долженъ въ сохраненіи онаго
дать мнѣ клятвенное обѣщаніе.
Владѣя мною и всемъ, мнѣ при-
надлежащимъ безъ изъятія, можешь
ты здѣсь давать свободу всѣмъ

ШВО-

швоимъ желаніямъ, но не позволено тебѣ имѣшь любопытства въ одной вещи, копорая въ родѣ жизни моей можетъ быть покажется тебѣ странною. Я предваряю тебя, что ешьли ты не удержишь онаго, то погубишь себя и меня: мы будемъ разлучены, и вмѣсто сладостей, коиъ не было бы конца для насъ въ семъ замкѣ, подвергнемся жесточайшимъ горестямъ. — Я клялся ей, что любопытство никогда не будетъ владѣть мною; поелику оно и никогда не бывало моею страстію. Замира шѣмъ удовольствовалась, и я препровелъ цѣлый годъ, показавшійся мнѣ однимъ днемъ, съ возлюбленною Замирою. Она предъупреждала всѣ мои желанія, изыскивала новыя для меня ушѣшенія и любила меня страстно. Мы не разлучались, кромѣ времени, копорое я провождалъ на охотѣ; но и сію склонность, къ коей не имѣла пристрастія, присвоила она себѣ въ мое угожденіе, и не рѣдко провождала она цѣ-

лые дни со мною въ лѣсахъ. Я считалъ себя благополучнѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ, и былъ въ самомъ дѣлѣ таковымъ; ибо обжалъ Замиру, которая сама меня боготворила.

Я жилъ въ совершенной роскоши: столъ мой наполненъ былъ избраннѣйшими ѣствами и напиткими; но мнѣ весьма чудно показалось, что супруга моя никогда ничего не ѣла. Всегда находила она эшговорки, когда я спрашивалъ у ней о причинѣ тому: либо недостатокъ аппетита, или боль въ желудкѣ, но больше находила поспребности, отвлекающія ее въ оплучку во время обѣдовъ и ужиновъ. Не смѣлъ я спрашивать у служителей нанихъ, опасаясь, чтобъ не сочтено было сего за любопытство, о томъ, кушаетъ ли госпожа ихъ гдѣ нибудь наединѣ, но не удержался, чтобъ не присматриванъ за нею; однакожъ никакъ не примѣтилъ, чтобъ она когда нибудь что ѣла.

Не

Не можно спасться, думалъ я, чипобъ жена моя могла жить безъ пици: шѣло, кошорое я часпо осязаю, пребуешъ оной, говорилъ я самъ себѣ. Миѣ вспало на умъ, что она предъ раздѣваніемъ своимъ обыкновенно на нѣсколько минушъ оспавляетъ меня одного въ постелѣ себя дожидашся. Не знаю, почему хотѣлось миѣ примѣшшь за нею, равно какъ бы спокойствіе дней моихъ зависѣло отъ познанія, кушаетъ ли моя Замира, или питаетъ однимъ воздухомъ. . . . О проклятое любопытство, воскликнулъ Доброчестъ! ты учинилось причиною всѣхъ бѣдствъ моихъ; отъ шебя я лишился возлюбленной моей супруги и претерпѣлъ несказанныя болѣзни и печали. . . . Заключа мое намѣреніе, легъ я въ постелю ранѣе обыкновеннаго и пришворился заснувшимъ. Жена моя легла со мною вмѣстѣ, но вскорѣ увидѣлъ я, что она присматриваетъ, дѣйствительно ли я сплю. Ахъ, сказалъ я самъ

Л 3

себѣ!

себѣ! теперь - то узнаемъ мы, чего хочется, и захрапѣлъ, чтобѣ лишить ее всякой заботы о моемъ бодрствіи. Замира, удостоверясь въ своей безопасности, встала весьма оспорожно, вышла вонъ и побѣжала внизъ по лѣстницѣ, лежащей въ садѣ. Я слѣдовалъ за нею въ надзирѣ и увидѣлъ, что она вскочила въ пошайныя дверцы, находящіяся у подножьи горы, лежавшей въ концѣ сада. Я вошелъ шудажъ и крался шемнымъ проходомъ, ведущимъ въ пещеру, освѣщаемую серебряною лампадою. . . . О Бога! что я увидѣлъ? я не могу по сихъ поръ вспомнить того безъ омерзѣнія, хотя уже тому прошло больше пяти лѣтъ. . . . Я увидѣлъ посреди пещеры сей стоящій гробъ и въ немъ мертвое шѣло человѣческое. Вонъ, отъ онаго происходящая, едва меня не задушила, но Замира. . . . Ахъ! я не могу продолжать словъ моихъ. . . но Замира могла сосать гной изъ начавшей гнить груди его.

Омер:

Омерзѣніе и гнѣвъ овладѣли всѣми моими чувствами; я не утерпѣла, чтобъ не вскричать: ахъ, гадкая женщина! сіе то составляетъ твою пищу, и за тѣмъ-то ты не находишь вкуса. —
 Слова мои поразили какъ бы громомъ Замиру; она упала въ обморокъ, не могла отвѣчать мнѣ ни одного слова. Я мерзилъ ею въ часъ шошъ и не могъ подать ей помощи; я бѣжалъ обратно изъ пещеры. Замира между тѣмъ пришла въ себя; голосъ ея остановилъ меня. Неблагодарной, кричала она мнѣ! развѣ не оказывала я тебѣ всей горячности, надлежащей отъ вѣрной и вѣрной супруги? развѣ не предупреждала всѣхъ твоихъ желаній? чего не доставало къ покою твоему? Какая нужда была знать тебѣ, чѣмъ я питаюсь? Но ты не превозмогъ пагубнаго намъ любопытства. . . . Увы! мы разлучаемся можешь быть на вѣки. — Сказавъ сіе, пришла она опять въ без-

памяштво, и покрывая смертною баѣдностію, упала на землю. Сіе соспояніе ея привело меня въ жа-доссть; я бросился къ ней на по-мощь. Но приближаясь, вообразилъ, что хочу лобзать, — и какъ мо-жно лобзать шѣ уста, на ко-ихъ остались части согнивающего трупа. Я воспрепещалъ отъ омер-зѣнія, отскочилъ прочь, остановился: великая миѣ сдѣлалась тошноша; я бѣжалъ, спрадая отъ рвоты, досады и омерзѣнія.

Не знаю, что воспослѣдовало съ Замирою; я съ того времени не ви-далъ ее. Я еще не рѣшилъ, оспашь-ся ли миѣ въ замкъ, или возвра-тись въ прежнее мое жилище; но и какъ можно было избрать то, или другое? Въ замкъ каждая вещь напоминала миѣ видѣнную мною мерзоссть, а въ кошорую сто-рону надлежало итти домой, я не вѣдалъ. Во время сихъ размыш-леній, прерываемыхъ мучительными воображеніями, предшала ко миѣ

жен-

женщина въ бѣломъ одѣяніи. Добродушность, сказала она мнѣ! ты примѣромъ своимъ доказалъ, что человекъ состояніемъ своимъ быть доволенъ не можешь. Какое бы по среди твоей благополучной жизни должно быть тебѣ безпокойство о томъ, чѣмъ жена твоя питается? Развѣ сіе уменьшало любовь ея къ тебѣ и твое счастье? Однакожъ я не укоряю тебя за то и не присвою сего прощунка къ твоей человеческой природѣ; есть причина, которая противу воли твоей влекла тебя въ сіе бѣдствіе. Еслибъ любопытство твое не побудило тебя открытъ тайну жены твоей, благополучіе ваше бы продолжалось; ты увидѣлъ бы слѣдствія того, что наноситъ тебѣ такое омерзѣніе, обратившимися въ неописанное для тебя утѣшеніе. Но что опредѣлено судьбою, того не избѣгнешь. Спупай, несчастный Добродушность, продолжай твоей прежній промыслъ. Но если хочешь наконецъ быть счастливымъ,

сноси безъ роптанія свою участь, и никому на свѣшѣ не открывай о приключеніи твоёмъ. Въ семъ зависишь тайна твоего избавленія. Миѣ извѣстно, что многіе будущъ вопрошаютъ тебя о причинѣ воображенія твоего, имѣющаго приключашъ тебѣ пощнопту, но опасайся говоришь о семъ; ибо о томъ не долженъ никто вѣдашь, кромѣ чловѣка, могущаго разсказать тебѣ повѣсть о сумасшедшемъ звонарѣ. Сей звонарь живетъ отъ дому твоего версхѣ во стѣ близъ большей идущей отъ селенія вашего дороги; онъ тебѣ родной братъ, но не спрашивай у меня о его и твоихъ родителѣхъ. Всякаго, имѣющаго просить тебя о разсказаніи твоихъ приключеній, отсылай ты къ сему брату своему; ибо въ семъ будешь состоять премѣненіе судьбы твоей и средство къ познанію родителей твоихъ и возвращенію твоей супруги. Есѣлижъ ты будешь, также нескромнѣ, сколько былъ любопышенъ, то вѣчно не

не избавишься отъ своего спрданія, и будешь разлученъ съ возлюбленными тебѣ особами.

Проговоря сіе, женщина оная пропала въ глазахъ моихъ, а я побѣжалъ въ палаты, чтобъ спросить у служителей о мѣспечкѣ, въ коемъ былъ я сапожникомъ; для того что до сего часа не приходило мнѣ и въ мысль навѣдаться о томъ. Я чаялъ всходить по лѣспницѣ, но вдругъ очутился въ моемъ собственномъ домѣ къ великому удивленію ученика моего, считавшаго уже меня погибшимъ, и по приговору старшинъ нашего селенія учинившагося хозяиномъ въ маломъ моемъ имѣніи.

Видите ли теперь, сказалъ сапожникъ Ярославу, что я долженъ былъ называть васъ своимъ братомъ, не вѣдая почему, кромѣ какъ по словамъ женщины, учинившей мнѣ завѣщаніе о скромности? — Любезной братъ, отвѣчалъ ему Ярославъ! воспитанникъ
жре.

жреца не можешъ гордиться быть роднею воспитаннику сапожникову; въ семъ есть нѣкоторое равенство. Впрочемъ поистиннѣ въ приключеніяхъ нашихъ есть нѣчто чудное, и хощя я опнюдь не понимаю тайны, оныя покрывающей, но надѣюсь, что взаимная наша склонность не будетъ суешна, и мы узнаемъ наконецъ ея причину. . . . Но какова была собою та женщина, которая тебѣ о семъ сказывала? — Добродешъ учинилъ ему описаніе, и Ярославъ изъ онаго узналъ, что она та же самая, коя и ему являлась. Онъ началъ было выводись изъ того разсужденія, но старикъ прервалъ оныя, напомя Добродешу, что умедленіе окончаніемъ повѣсти его опнимаетъ время въ приближающемся ихъ щастіи. Почему сей продолжалъ:

Молодыя лѣша ученика моего и запущенное его хозяйство принудили меня приняться за прежній мой промыслъ. Я началъ шить шу пару башмаковъ, кощорую вы, Баламиръ,

мирѣ, видѣли въ рукахъ моихъ. Но едва я взялся за шило, вообразился мнѣ, какъ во время сей работы прибѣжалъ ко мнѣ на дворѣ заяцъ; потомъ представилось счастье мое во обладаніи прекрасною Замирою; любовь ея ко мнѣ возобновила мою къ ней горячность, и я воздыхалъ, проливалъ слезы и кликалъ ее по имени. Но вскорѣ по семъ напоминалось мнѣ гнусное приключеніе ея съ мертвымъ пружиномъ, и производило во мнѣ шу жестокою рвоту, кою вы были свидѣтелями. Пять лѣтъ проводилъ я въ такомъ мучительномъ состояніи, не могли кончить моей работы; для того что сколько разъ я ни принимался за оную, всегда одинакія воспоминаенія входили въ мою голову, и производя во мнѣ печаль о утратѣ Замириной, кончались воображеніемъ, приключавшимъ мнѣ пошлосту.

По отсутствіи вашемъ къ моему брату сумасшедшему, о коемъ и странной его жизни до-
ходя-

ходящіе въ наше селеніе слухи
меня удосповѣрили, не получилъ
я ни малаго въ спраданиі моемъ
облегченія до прибытія сего по-
чтеннаго шарика съ щедрымъ
Зеліаномъ, о которомъ я также
извѣстенъ былъ по слуху. Хотя я
и полагалъ великую надежду отъ
вашихъ открытій, но надежда сія
не приносила мнѣ никакой оспрады;
пошому что болѣзнь моихъ вообра-
женій еще послѣ васъ умножилась.
Наконецъ сей почтенный шарикъ,
нашедшій меня въ моемъ спраданиі,
увѣрилъ меня, что я для изцѣленія
моего долженъ оставишь мой домъ
и послѣдовать его водительству. Я
повиновался ему; болѣзнь моя со-
вершенно прошла, и хотя я вос-
поминаю по прежнему мою любезную
Замиру, но воспоминаніе сіе не при-
чиняетъ уже больше мнѣ омер-
зѣнія: она спала мнѣ милѣе прежня-
го, и я нахожу множесство оправда-
ній, или думаю, что могу оныя найсти
въ поступкѣ ея съ мершвымъ шу-
помъ.

помѣ. — Мы прибыли къ Ярославу, и взявъ онаго съ собою, приплыли къ вамъ. На семъ берегу почувствовалъ я необычайное предвѣстіе радости, о причинахъ чему сей почтенный шарикъ можетъ быть лучше свидущъ. —

Да, любезной Доброчестъ, подхватилъ старикъ; какъ ты уже окончалъ свою повѣсть, то могъ бы я сказать тебѣ, что не всегда должно заключать о гнусности дѣйствій по ихъ виду. Есть случаи, въ коихъ представляющесея глазамъ нашимъ преступленіе бываетъ происходящимъ отъ добраго намѣренія. . . . Однако я опять припоминаю, что намъ не должно медлить окончаніемъ нашихъ повѣстей. — Конечно, подхватилъ Баламиръ, Зеліанъ обязанъ мнѣ рассказать свои приключенія, когда уже слышалъ ояъ повѣсть сапожника. — Не справедливо бы было, (сказалъ старикъ) возбуждая въ васъ любопытство шѣмъ, что повѣсть его

его имѣетъ связь съ вашими случаями, умолчавъ и васъ не удовлетворивъ за трудъ, понесенный вами въ его пользу. — Безъ сомнѣнiя, отпѣчалъ Зелiанъ, шеперь Король Унскiй узнаетъ о всемъ.

Ярославъ и Доброчестъ, услыша, что въ собранiи ихъ присушествуетъ Король, приведены были тѣмъ въ замѣшательство. Они никогда еще не видывали Государей, и пошому думали, что особа шаковаго рода должна быть выше человѣка. Они хотѣли удосповѣриться глазами въ своихъ поняшiяхъ, но Зелiанъ нарушилъ ихъ любопытство и принудилъ ко вниманiю.

Приключенiя Зелiана, по прознанiю страннопримца.

По образу жизни, подъ которымъ я извѣстенъ, никто не можетъ заключить, чтобъ не былъ я сыномъ каковаго нибудь великаго
влад-

владѣшеля; но я не имѣю причинѣ
 знаишь о себѣ, что я таковой же
 подкидышь, какъ Ярославъ и Добро-
 чесъ. Миѣ неизвѣсны мои роди-
 шели и обстоятельство, принудив-
 шія оныхъ отдать меня чужому
 воспитанію. Можетъ быть сіе про-
 изошло и не по ихъ волѣ; можетъ
 также спашься, что снѣдъ, или
 бѣдность, принудили мать мою
 отторгнуть меня отъ сосцовъ сво-
 ихъ. Я нахожу убѣжденіе лучше
 вѣришь, что они противъ желанія
 своего учинили меня питомцемъ
 нѣкоего пустычника. Сей мужъ,
 сколько миѣ кажется по впечатлѣв-
 шемуся въ мою память, во многомъ
 сходствовалъ съ симъ почтеннымъ
 старикомъ, къ вамъ меня привез-
 шимъ; но я оставляю сей вопросъ
 до окончанія моей повѣсти. —
 Шарикъ, какъ бы не вслушавшись
 въ сіе, молчалъ; а Зеліанъ продол-
 жалъ: — И такъ до двенадцати
 лѣтъ моего возраста считалъ я
 пустычника отцемъ моимъ. Онъ

Часть X.

М

вос-

воспитывалъ меня съ крайнимъ и прямо родительскимъ снаниемъ. Я любилъ его съ сыновнею горячностію и считалъ, что весь свѣтъ состоитъ только изъ двухъ насъ; ибо я никого не видывалъ, кромѣ пастышника.

Когда я началъ уже имѣть возможность дѣлать порядочныя разсужденія, вопрошалъ я моего отца о многомъ, и между прочимъ, есть ли на свѣтѣ подобныя намъ люди въ сравненіе тому, что я примѣнилъ во всѣхъ родахъ животныхъ не по два только, но во множествѣ одинакаго образа. Сіе привело его между прочими мнѣ объясненіями открыть, что я не его сынъ и что онъ нашелъ меня до двухъ лѣтъ вскормленнаго грудью нѣкошорой бездѣшной пастушки, которая также нашла меня въ пеленахъ принесеннаго къ ея шалашу, и приняла на мѣсто умершей въ то время у ней дочери; что пріятности лица моего принудили его купить меня у пастушки

■

объяснишь мнѣ онъ упрямылся, на примѣръ: я подмѣшилъ, что онъ, уединяясь отъ меня, разговариваетъ съ невидимыми голосами; лепашетъ по воздуху на крылашыхъ коняхъ и рачительно запираетъ отъ меня нѣкопорыя двери подземныхъ нашихъ хранилъ, находившихся въ пещерѣ одной горы. Хотя онъ и старался успокоить мое любопытство разными хитрыми околичностями, но я имѣлъ уже столько проицанія, чтобъ онымъ не вѣришь. Какъ случилось, что пустынный оплучался иногда на нѣсколько дней, сіе средство казалось мнѣ удобнымъ къ извѣданію всего отъ меня скрываемого. Я притворился успокоившимся и ничего не внимающимъ, игралъ моими обыкновенными забавами, но подмѣчалъ, куды прячетъ онъ ключи свои. Мнѣ удалось унести ихъ, шакъ что онъ, не схватясь оныхъ, удалился незнаемо куды по своимъ дѣламъ.

Остав-

Оставшись свободенъ, далъ я волю моему любопытству, и пришелъ къ первой двери, отперъ оную. Я проходилъ сквозь многие представившіеся мнѣ покои, и наконецъ вошелъ въ подземный садъ, въ кошоромъ однако сквозь отверстія въ горѣ было весьма свѣтло. Долго гулялъ я въ ономъ, утѣшаясь разными дополъ еще невиданными предметами. Правильность дорогъ, рѣдкость и красота деревъ и цвѣтовъ, водометы и бесѣдки, на каждомъ шагѣ меня ошановляли. На послѣдокъ удивленіе мое возшло на высочайшую степень: входя въ одну изъ деревъ сплешенную сѣнь, увидѣлъ я на дерновой софѣ спящую дѣвицу. Ей не было еще больше осми лѣтъ; но видно уже казалось, какія прелести получитъ она въ возрастѣ совершенномъ.

Тогда я не токмо не имѣлъ еще понятія о прелестяхъ нѣжнаго пола, но и зналъ оный только по описанію; однако я не могу изобразить

вамъ, какое удовольствіе находилъ я взирашь на сію дѣвицу: сердце во мнѣ билось, и я, сѣвши близь нее, не смѣлъ почти дышать. Въ такомъ положеніи провелъ я нѣсколько часовъ, пока она пробудилась. Я не упомню, какіе тогда были наши разговоры, но знаю только то, что мы съ того часа сдѣлались друзьями. Мы играли вмѣстѣ и заплакали, когда я вспомнилъ, что мнѣ надлежитъ ее оставить. Я вышелъ, заперъ по прежнему двери, и едва успѣлъ положить на прежнее мѣсто ключи, какъ пустынный мой возвратился.

Онъ схватился ключей, которые всегда нашивалъ съ собою, и не примѣняя того, что я укралъ у него оныя, забоялся только о томъ, что оныя забылъ и чтобъ мнѣ они не попались. Не видаль лишы моихъ ключей, спросилъ онъ у меня, какъ только вошелъ? Ошвѣтъ мой былъ готовъ и я сказалъ, что нѣтъ. Онъ, нашедъ ихъ на

на шомъ же мѣстѣ, гдѣ забылъ, успокоился. Таковымъ образомъ мнѣ удавалось часто видѣться съ дѣвицею, которая имя по сихъ поръ мнѣ неизвѣстно. Я спрашивалъ у нее, какимъ образомъ она попалась къ пусшыннику и за чемъ онъ ее содержишь такъ тайно? Она отвѣчала мнѣ, что пусшыцникъ называетъ ее своею дочерью; что она, какъ себя помнишь, общается въ семъ саду; что пусшыцникъ приходитъ къ ней только для ученія ея въ словесныхъ наукахъ; что она находишь всегда гошовой щолъ и прочее, когда ей захочется пишь, или ѣсть; кромѣжъ того она не знаешь ни о чемъ и не видывала отъ роду никакихъ жившихъ, опричь меня и опца своего. Сіе подало мнѣ причину къ размышленіямъ: естли дѣвица сія дочь пусшыцникова, за чемъ же онъ не содержишь ее, такъ какъ меня, на глазахъ своихъ, думалъ я? Однакъжъ, не имѣя понятія о различіи

пола человеческого и о слѣдствіяхъ, производимыхъ природою между молодыми особами различныхъ половъ, еспьли предославить ихъ естественной волѣ, не нашелъ я никакихъ основаній, чшобъ воспиташель мой въ семъ случаѣ поступалъ справедливо. Но нечѣмъ было оное премѣнить; я опасался, чшобъ пустыникъ не провѣдалъ и о шайныхъ нашихъ свиданіяхъ, и не пресѣкъ бы оныхъ къ общему нашему огорченію; ибо мы, не зная почему, любили другъ друга смертельно. Время наше прошекало въ взаимныхъ наставленіяхъ: чшо я узнавалъ отъ моего воспиташеля, рассказывалъ ей, а чему она изучалась отъ него, шолковала мнѣ.

По нещасію моему пустыникъ зачалъ ключи носить въ карманѣ, и мнѣ больше, нежели въ два мѣсяца, не удалось ихъ получитьъ. Привычка моя къ дѣвицѣ повергла меня въ жестокую печаль, что я ее не вижу. Нѣсколько разъ покушался

нялся я открыть пусшыннику, что
 я вѣдаю про дочь его, и просить у
 него дозволенія входишь къ ней; но
 опасаясь, что онъ можешь быть на
 сіе не согласишься, и узнавъ, что я
 пользовался ключами, не будетъ
 болѣе оплошенъ, ошпанавливалъ слова,
 тошовыя сорваться съ языка моего.
 Но какъ сіе не приносило мнѣ ош-
 рады, прибѣгъ я къ хипроспи: я
 вздумалъ сказать ему, что слы-
 шалъ человѣческой голосъ у дверей,
 и спросить, что сіе значить. Я
 надѣялся, что можешь быть онъ
 ошкроетъ мнѣ испинну и подастъ
 шѣмъ случай просить себя не раз-
 лучать меня болѣе съ моею се-
 спрюю. Я дѣйствительно сказалъ
 ему о томъ съ довольнымъ пришвор-
 ствомъ о моемъ невѣдѣніи; одна-
 кожъ онъ увѣрялъ меня, что мнѣ
 сіе попусту мечталось, и не давъ
 распространять словъ, меня оста-
 вилъ.

Я не могу изъяснить досады и
 печали, кошорую произвела во мнѣ

сія неудача. Всякій часъ прибѣгалъ я къ дверямъ, удерживающимъ входъ къ сестрѣ моей; кликалъ ее, но она не могла слышать, и я принужденъ былъ опходить со слезами. По нѣкоторомъ времени удалось мнѣ укрась ключи, и при первомъ способномъ случаѣ отперъ я двери и побѣжалъ къ сестрѣ моей. Мы заключали другъ друга въ объятія и плакали отъ радости. Я открылъ ей причину, по каковой споль долго съ нею не видался. Укоряли за жестокость общаго нашего отца, что онъ разлучаетъ насъ, и совѣтовали о средствахъ, какимъ бы образомъ облегчить наше свиданіе. Не было ничего къ тому удобнаго, какъ мнѣ отккрыть въ любопытствѣ, принудившемъ меня укрась ключи, и что я узналъ, что есть у меня сестра. Она одобрила сію выдумку, и я заключилъ оную произвести въ дѣйство. Ожидая успѣха, разсѣались мы довольны и съ надеждою, что не будемъ уже больше имѣть препятствія въ свиданіи.

Пу.

Пустынникъ еще не возвратился, и сей промежутокъ времени напомнилъ мнѣ о другихъ дверяхъ, за коими я не бывалъ, и о копорыхъ первое открытіе уничтожило-было мое любопытство. Я опперъ оныя, и проходя по заулкамъ мрачной пещеры, пришелъ въ круглую храмину, освѣщаемую слабымъ свѣтомъ горящей лампы. По стѣнамъ въ оной висѣли разныя совѣмъ мнѣ неизвѣстныя орудія, а посрединѣ ея стоялъ столъ и на ономъ лежала полстная книга, переплещенная въ змѣиную кожу. Я выученъ былъ грамотѣ отъ моего воспитателя; почему пожелалось мнѣ узнать ея содержаніе. Разкрывъ книгу, увидѣлъ я въ ней только одни бѣлые листы. На чтожъ, подумалъ я, имѣть такую полстную книгу, когда въ ней ничего не написано? И въ самое сіе мгновеніе ока на пустомъ бѣломъ листѣ изобразились буквы. Съ удивленіемъ прочелъ я содержаніе оныхъ: „Сія очарованная книга

» МОА

„ можешъ отвѣчать на всѣ вопросы. „
 Изрядно, вскричалъ я внѣ себя отъ
 радости, изрядно прекрасная книга!
 мы надѣлаемъ тебѣ оныхъ доволь-
 но. Скажи мнѣ, я желаю знать, за
 подлинно ли сія дѣвица, которую
 держитъ пустынникъ взаперти,
 дочь его, и какъ достигнешь, чшобъ
 я съ нею былъ неразлученъ? —
 Тогда въ книгѣ нѣсколько листовъ
 перекинулось безъ моего прикоснове-
 нія, и я читалъ на открывшейся
 страницѣ слѣдующее: „ Она не дочь
 „ пустыннику, но родная сестра
 „ тебѣ. Со временемъ вы узнаете
 „ о своихъ родителяхъ. Судьба пред-
 „ опредѣлила сестру твою для благо-
 „ денствія нѣкоторыхъ народовъ,
 „ къ чему пустынникъ сей ее прі-
 „ угошовляетъ; и для того не мо-
 „ жешъ быть, чшобы ты былъ съ
 „ нею неразлученъ. „ — Посемъ
 вопрошалъ я о состояніи и имени
 моихъ родителей, но книга не ока-
 зала мнѣ въ томъ услуги, и листы
 въ ней не перекидывались. Я дѣлалъ
 послѣ

послѣ шого множество другихъ вопросовъ, изъ коихъ иные были отвѣщиваны, а другіе остались безъ отвѣтовъ. Наконецъ пришло мнѣ въ голову спросишь, какимъ образомъ можно получить крылашаго коня, и лешать на ономъ по воздуху. Я теперь не упомяну словъ, которыми научила меня книга; но тогда я твердо оныя впечатлѣлъ въ мою память и былъ наспавленъ, что по проченіи оныхъ пребуемый конь явишся къ моимъ повелѣніямъ и понесетъ меня, въ которую мнѣ сторону угодно. Удовольствовавшись въ семъ обстоятельствѣ, пошелъ я вонъ, чтобъ въ тошъ же часъ извѣдать силу словъ, сказанныхъ мнѣ книгою. Но когда уже хотѣлъ запереть двери, вообразилось мнѣ, что книга сія можетъ подавати мнѣ во многихъ случаяхъ наспавленіе, и что я не всегда могу получати способъ доставати ключи пусыинниковы; посему заключилъ взять оную и спрячати въ другое мѣсто. Я
учи-

учянилъ сіе, а двери заперъ по
прежнему. Между шѣмъ, какъ я
вышелъ изъ пещеры для сысканія
удобнаго хранилища книгъ, пришло
мнѣ въ голову прочесть слова, при-
зывающія крылатаго коня. Я про-
кричалъ ихъ и въ шортъ часъ ша-
ковый конь предспалъ ко мнѣ. Удо-
вольствіе мое было неописанно; я
не размышлялъ о слѣдствіяхъ, но
сѣлъ на коня и далъ ему волю
нести меня, куда угодно. Нача-
ла я веселился; конь поднимался на
воздухъ шихимъ лешаніемъ; но
радость моя вскорѣ прошла, когда
онъ пустился съ чрезмѣрною бы-
стростію. Я увидѣлъ себя въ край-
ней опасности упасъ и разбихся
въ дребезги; ибо мнѣ не лзя было
держаться, какъ только одною ру-
кою, пошому что въ другой держалъ
я книгу; и шакъ схвапился я за
гриву коня. Однако сіе не помогло
мнѣ; конь опчасу умножалъ свою
быстрость, къ помужъ началъ бры-
каться и потряхавъ меня споль же-
стоко;

тшюко, что книга вырвалась изъ руки моей. Въ самомъ страхѣ моемъ не забылъ я, чего стоить потеря шаковаго сокровища; почему хотѣлъ я оную схватить, но наклонясь всѣмъ шѣломъ, потерялъ равновѣсїе и сорвался съ коня долой. Я не помню, что со мною послѣдовало, кромѣ того, что я полетѣлъ спремглавъ съ высоты воздуха на землю въ слѣдъ за моею книгою; смершный ужасъ лишилъ меня чувствъ.

Пришедъ въ память, увидѣлъ я стоящую близь меня женщину, и что я нахожусь въ великолѣпныхъ чертогахъ. Не чудно, естли я, приговорясь къ достовѣрной смерти, пришелъ въ радость и удивленіе, нашедъ себя жива. Безъ сомнѣнія вы моя избавительница, сказалъ я женщинѣ, вставая и оказывая ей мои благодаренія; ибо впрочемъ гибель моя была неизбежна. — Такъ, вы угадали, отвѣчала мнѣ она; безъ помощи моей конечно
на.

нашли бы вы смерть близъ моего жилища. Однакожъ, оказывая вамъ помощь, не сдѣлала я ничего, кромѣ должнаго всѣмъ смертнымъ чело-вѣколюбія, слѣдственно благодарности за сіе не заслуживаю. Я всегда обращала всю силу и знаніе свое на вспомошествованіе несчастныхъ. Вамъ должно вѣрить, что я волшебница, называемая Зимонія. По нѣкоторымъ общояшельствамъ, въ коихъ я виновною не бывала, впала я подѣ гнѣвъ Короля волшебниковъ; сей учинилъ надо мною очарованіе, лишившее меня не токмо власти, но и заключившее навсегда въ моемъ замкѣ; я не могла выйти за ворота онаго, не подвергнувшись смерти. Вы не можете представить себѣ скуки, каковую ощущаетъ чело-вѣкъ, склонный къ добродѣтямъ, когда увидитъ себѣ пресѣченныя средства къ содѣланію добра. Я проводила время только прогуливаніемъ въ садахъ моего замка и оплакивая пошерю моихъ шрехъ

трехъ дочерей, коихъ гнѣвъ Короля волшебниковъ ошпоргъ ошъ меня и подвергъ разнымъ злоключеніямъ, копорымъ я до извѣснаго времени пособишь не въ силахъ. Гонитель мой позналъ уже мою невинность и несправедливость своего поступка, но ужасныя произнесенныя имъ въ первыхъ движеніяхъ гнѣва кляшвы не могутъ до особливаго случая премѣнить судьбу какъ дочерей моихъ, такъ и другихъ соучастствующихъ и имѣющихъ соучастствовать въ ихъ несчастіи. Сама я хотя имѣю уже свободу помогаю постороннимъ, но моимъ родственникамъ не въ состояніи; избавленіюжѣ своему споспѣшествовали вы сами. Я лишилась силы моего знанія до шѣхъ поръ, какъ очарованная книга была во власти одного пустыника, а кто ояъ въ самомъ дѣлѣ, сказать я не могу; вамъ извѣстно, какимъ образомъ вы лишили его оной; но упрямую ея помогли вы къ спасенію своей жизни; ибо духъ,

Часть X.

Н

при.

принужденный вами принявъ
 образъ крылатаго коня, хотя не
 могъ вамъ неповиноваться, но пре-
 небрегалъ ношу, не умѣющую содер-
 жать его въ покорности. Онъ хо-
 тѣлъ отмстить вамъ за несмыслен-
 ную вашу опьянность, вознамѣрясь
 опровергнуть въ какую нибудь про-
 пасъ. Шастіе ваше состояло въ
 томъ, что вы уронили изъ рукъ
 очарованную книгу: она при паденіи
 своемъ въ саду моемъ была под-
 хвачена мною, и недѣлительность
 моя въ вспомошествованіи челоукамъ
 пресѣклась. Я сохранила васъ отъ
 раздробленія. Пустынный жалѣлъ
 о опасности, въ кою вы предались;
 потому что онъ проникъ чрезъ вол-
 шебство о вашемъ неосторожномъ
 поступкѣ. Онъ вѣдаетъ также,
 что книга очарованная, доставшись
 въ мои руки, лишилась своего дѣй-
 ствія; но онъ о утратѣ сей не шу-
 житъ въ разсужденіи того, что сіе
 обстоятельство полагаетъ начало
 къ возвращенію собственнаго его спо-
 койства.

жойства. Впрочемъ не жалѣйте, что
 вы dospались въ мои руки; судьба
 ваша будетъ благополучнѣе у меня,
 нежели у пустынника. Я не могу
 открыть вамъ о вашей природѣ, но
 знаю, что вы предопредѣлены къ
 нѣкошорому высокому званію, кото-
 рое пребуешь довольнаго ученія,
 познанія свѣша, обычаевъ и нравовъ
 онаго. Я лишилась моихъ дѣшей;
 лѣша ваши еще способны къ на-
 сшавленіямъ; я хочу заступитъ
 мѣсто вашей матери, и отъ васъ
 зависитъ просвѣшитъ отъ меня
 ваши познанія.

Я благодарилъ Зимонію за
 споль добрыя ко мнѣ расположенія;
 и какъ я не надѣялся на свисхожде-
 ніе пустынниково за нанесенныя
 отъ меня ему досады, то съ ра-
 достію препоручилъ себя въ покрови-
 телство моей благодѣтельницы.
 Я обиталъ у ней нѣсколько лѣтъ,
 и во оныя получилъ совершенное по-
 знаніе о свѣшѣ; она преподала мнѣ
 насшавленіе во многихъ свободныхъ

наукахъ: въ нравственной и политической Философіи и въ должностяхъ человѣка, начиная отъ Монарха до послѣдняго земледѣльца. Прочее время мое провождалъ я въ чтеніи полезныхъ книгъ и прогулкахъ.

Наконецъ испыталъ я, что человѣкъ предназначенъ къ обществу: сколь ни спокойна была жизнь моя у Зимоніи, но я началъ скучать. Я не знаю моихъ родителей, размышляя я; учась, къ какой я опредѣленъ мнѣ, неизвѣстна; какоежъ будетъ послѣдствіе обитанія моего въ семъ замкѣ? Онъ такъ пусть, и всѣдневное упражненіе мое такъ обыкновенно, что не лзя не желать переменъ. Пусть осужденъ я не имѣть сообщенія со свѣтомъ до нѣкопорого времени, пусть должно не видашь мнѣ и моихъ родителей, но сестра моя, обитающая въ заточеніи у пустыника, должна ли быть подвержена своей участи? Не благоприсойнѣе ли
оби-

пашь ей у Зимоніи? Пустыяникъ, или надзирашель красавицъ, легко можетъ быть подверженъ искушенію, каковое удобно произвешь неприяшныя для сестры моей слѣдствія; многія чашанныя мною повѣсти показывали тому примѣры. — Словомъ сказать, я не вѣрилъ, чшобъ сестра моя, по увѣренію очарованной книги, лучше для благоденствія народовъ могла предуготовлена бышь пустыяникомъ, чѣмъ Зимонією; почему заключилъ просишь сію о перенесеніи ея въ одно со мною мѣсто. Зимонія изъ прежнихъ моихъ съ нею разговоровъ знала уже, чшо я имѣю сестру, но причины, для коихъ она обишала у пустыяника, либо были ей неизвѣсныя, или она мнѣ опкрышь объ нихъ не могла. Однакожъ прозьба моя не была ею спвергнуша; она просила у меня шолько времени для призванія о томъ на помощь ворожбы. Учиня сію, сказала она мнѣ, чшо она не имѣешъ власши испоргнушь

сестру мою изъ рукъ пустычника; но что я могу покуситься на ея освобожденіе. Она обвѣщала мнѣ оказашь съ стороны своей вспоможеніе, и назначила день къ моему путешествію.

Боги вѣдають, съ какими неперпвнѣмъ ожидалъ я онаго дня; наконецъ оный насталъ. Зимонія вручила мнѣ шляпу и говорила слѣдующее: Зеліанъ! ты долженъ въспранъ Дулебской искать сестры своей. — Въ Дулебской, подхвашилъ Баламиръ? Сія страна мнѣ очень извѣстна. О Боги! ещѣли догадка моя. — Позволена догадываться, пресѣкъ старикъ, но не должно прерываць повѣспвованія. Баламиръ можешъ бы худо прицялъ сіе насшавленіе въ Унигардѣ, но здѣсь замолчалъ и Зеліанъ продолжалъ: — Мнѣ не позволено, говорила Зимонія, въ путешесствіи швоемъ и въ намѣреніяхъ оказашь иныя помощи, какъ дашь тебѣ сію шапку. Оная учинишъ тебя невидимымъ

шымъ, когда надѣша будетъ побою
 на голову; впрочемъ упошребленіе
 сея пользы оставяется на твою
 волю. Однакожъ я не совѣшую тебѣ
 скидать съ головы своей шляпу,
 естли судьба приведетъ тебя во
 Дворецъ Царей Дулебскихъ; ибо ты
 легко можешь шамъ оную утратишь
 невозвратно. Зимонія, прощаясь
 со мною, вручила миѣ еще кошелекъ,
 изъ коего высыпались безпрестанно
 червонные, хошя бы прясши онымъ
 безъ ошановки. Въ пушешествіи
 не можно сбойшися безъ денегъ,
 примодвила она, и съ симъ кошель-
 комъ не будетъ тебѣ въ оныхъ
 недостапка. Я ошблагодарилъ ей
 за всѣ благодарѣнія и пошелъ,
 чшобъ въ первомъ удобномъ мѣспѣ
 развѣдашь о дорогѣ, ведущей въ
 спрану Дулебскую. Изученіе раз-
 ныхъ нарѣчій много облегчило пушь
 мой, копорый продолжалъ я до зе-
 мли Дулебской чрезъ спраны раз-
 ныхъ народовъ какъ сухимъ пу-
 шемъ, шакъ и водою; ибо я взялъ

прямую дорогу и переѣхалъ заливъ Меотисскій въ корабль.

Я счелъ за благо повсегда имѣть на головѣ невидимую шляпу; для того какъ я шелъ пѣшій, — не влюбя всѣхъ коней послѣ поѣздки моей на крылатомъ, по сіе не шокмо сохранило меня отъ многихъ безпокойствъ и опасностей, но и учинило мнѣ спранствованіе мое забавнымъ. Вы не можете предсавить, сколь утѣшно быть невидимымъ, для того что сіе обстоятельство учиняетъ свидѣтелемъ наисокровеннѣйшихъ дѣйствій. Я видѣлъ, какъ придворные обманываютъ другъ друга, а вообще Государя; какъ несходно ложные друзья поступаютъ въ глаза и заочно; какъ лукавятъ дѣти предъ родителами, а супруги въ своихъ бракахъ; какъ набожные жрецы, изнуряющіе плоть свою днемъ, провождаютъ наироскошнѣйшія ночи; какія хитрости изобрѣтаютъ заперщія красавицы, чтобъ искуснымъ
обра-

образомъ впустишь къ себѣ смѣлаго
мушину, и тому подобное. Я имѣлъ
возможность пользоваться всемъ,
чего не лзя дѣлать безъ шляпы
невидимки, и можетъ бы наспроилъ
довольно пакостей, естлибъ Зимо-
ня не насадила въ сердце моему
добрыхъ склонностей. Но я не спа-
ну вношу въ мою повѣсть тако-
выхъ мѣлкихъ приключеній; догад-
ливый человѣкъ и безъ меня про-
никнетъ, каковы люди и что они
въ ономъ на счетъ ближнихъ своихъ
явно и тайно производятъ.

Я приближался уже къ берегамъ
Месопотаміи, какъ увидѣлъ одного
путешественника, шепчущаго на па-
деніе отъ разбойниковъ. Онъ обо-
ронялся какъ левъ противу многихъ.
Неравный сей бой принудилъ меня
поспѣшать, а шляпа невидимка по-
давала надежду, что разбойники
принуждены будутъ оставить свою
добычу. Но я не имѣлъ никакого
оружія, слѣдственно не ловко было
вмѣшаться между копей и мечей.

Сіе вложило мнѣ въ мысль заслѣ-
пить злодѣямъ глаза пескомъ, ко-
его на мѣстѣ сраженія довольно
было. Я произвелъ сіе съ шаковымъ
успѣхомъ и съ произнесеніемъ угро-
зительныхъ словъ, сочтенныхъ раз-
бойниками за происшедшія съ неба,
что они сіе вмѣнили гнѣвомъ Бо-
говъ, и какъ ослѣпшіе, шакъ и
здоровые обратились въ бѣгство. Го-
лосъ мой удивилъ не меньше и из-
бавленнаго мною, по видимому знач-
наго происшествія путешественника.
Сей остановился неподвиженъ, когда
я снялъ мою шляпу и предсталъ
глазамъ его; но я не оставилъ его
въ незнаніи и открылъ ему какъ
о себѣ, такъ и о причинѣ моей не-
видимости. Путешественникъ при-
носилъ мнѣ благодарность съ ша-
ковымъ ошмѣннымъ родомъ чистосер-
дечія и благороднаго духа, что
я возчувствовалъ къ нему отличную
склонность, которая вскорѣ обрати-
лась въ тѣсную дружбу; ибо мы
заключили путешествовать вмѣстѣ.

Сей

Сей мой другъ вамъ довольно знакомъ, продолжалъ Зеліанъ къ Баламиру; онъ называется Алаваръ, и есть самый пощъ вашъ любимецъ, съ которымъ вы взроспали и учились вмѣстѣ. Ощъ него узналъ я о сосрряніи государства Унискаго и о всѣхъ щѣхъ щедротахъ, кои изліяло небо къ щастію онаго въ особу вашу, яко будущаго наслѣдника престола. Онъ учинилъ миѣ подробное описаніе объ васъ, такъ что я наконецъ, увидя васъ въ моемъ домѣ и кромѣ перстня, бывшаго на рукѣ вашей, легко бы узналъ васъ. Алаваръ въ разговорахъ своихъ, нечувствительно доходя повсегда къ особѣ вашей, такъ меня къ гамъ приспрасилъ, что я вознамѣрился побывать въ Унигардѣ, и дѣйствительно учинилъ бы то, естѣльбъ судьба моя въ послѣдствѣ не разлучила меня съ Алаваромъ, какъ о щомъ услышите.

Алаваръ находился въ путешествіи не по инымъ обстоятельствомъ,

ствамъ, какъ только для познанія свѣта и разнообразныхъ нравовъ человѣческихъ. Слѣдственно онъ не имѣлъ опредѣленнаго намѣренія, куда слѣдовалъ; почему и согласился не разлучаться со мною до тѣхъ поръ, какъ удастся мнѣ сыскать и освободить сестру мою. Онъ и безъ того шествовалъ въ страну Дулебскую; — ибо странствующему примѣчателью находящіяся тамъ боговъщалище и воды священнаго Буга подають довольноую причину побывать тамъ. — Но узнавъ о опасности моего предпріянія, хотѣлъ оное раздѣлить со мною. Сколько ни подаетъ вамъ выгодъ, говорилъ онъ, отъѣзжая ваша шляпа въ приключеніи, гдѣ должно отвѣчать за жизнь свою, но со всѣми тѣми совѣты, око и рука вѣрнаго друга, не могутъ быть при томъ излишними. Таковъ доводъ привязанности его ко мнѣ умножилъ любовь мою къ нему. Мы продолжали путь нашъ, переплыли чрезъ Меописъ и вступили въ страну Дулебскую.

Про-

Проходя по оной , всюду мы слышали похвалы воцарившейся надъ ними дѣвицѣ, которая, какъ сказывали Дулебяне, послана къ нимъ съ неба для возстановленія раззоренной Азарами страны ихъ. Киганъ, Государь сего варварскаго народа, завоевалъ сіе царство и истребилъ родъ владѣвшихъ Государей, но самъ пропалъ безвѣстно и оставилъ безъ начальства какъ свой, такъ и побѣжденный народъ. Авары оказывали жесточайшія притѣсненія Дулебамъ; разсѣялись безъ порядка въ странѣ ихъ и подали тѣмъ способомъ Дулебамъ истребить себя совершенно. Но хотя страна сія и освободилась отъ своихъ утѣснителей, но безначальство произвело не меньшія неустройства. Своевольство сильныхъ и злыхъ людей, споры за Царскій вѣнецъ и междоусобія, грозили прекрасной странѣ сей превращеніемъ въ пустыню. Но тогда по отвѣту, полученному въ боговѣщалищѣ, нашли сію

сію дѣвицу въ пущыиѣ; и она въ короткое время мудростию правленія своего привела въ забвеніе раззореніе Аварское. Алаварѣ весьма былъ внимателенъ къ таковымъ повѣствованіямъ, но я помышлялъ только о сысканіи пещеры моего пущыинника. Однакожъ никто не удовлетворялъ моимъ касающимся до того вопросамъ, никто не вѣдалъ ни о пещерѣ, ни о пущыинникѣ, и сами мы, проходя всѣ необитаемыя мѣста, не нашли желаемаго.

Отчаявшись имѣть успѣхъ въ нашемъ поискѣ, согласился я на желаніе Алаварова, чшобъ осмотрѣть столицу Дулебскую; мы пришли въ оную и заняли жилище въ уединенномъ мѣстѣ города. Алаварѣ, непрощающій ни въ какомъ городѣ ни малѣйшей подробности безъ замѣчанія и осмотра, отлучился отъ меня на другой день очень рано; а я прохаживался по городской площади. Между проходящими людьми показалось миѣ лице одного весьма

весьма знакомымъ; я подошелъ ближе, и не взирая на перемѣненныя одежды, позналъ въ немъ моего пустынника. Сей, можешь быть примѣня меня, но не хотя о себѣ знать дасть, удалялся съ поспѣшностію; однакожъ я бѣжалъ въ слѣдъ за нимъ и осмѣлился войши за нимъ въ двери одного дому, въ кой онъ всшупилъ. Я нашелъ его одного; и какъ я входя для безопасности надѣлъ мою шляпу, шо могъ удостоверитьсья, что я нашелъ моего воспишашеля, разсмотрѣвъ его вблизи. Я снялъ мою шляпу, и бросившись предъ нимъ на колѣни, приносилъ извиненіе въ учиненномъ мною предъ нимъ преступленіи, въ кошорое повергло меня любопытство, родившееся въ незрѣломъ моемъ разумѣ.

Пустынникъ удивился, увидя меня предъ собою такъ нечаянно появившагося. Любезный Зеліанъ, сказалъ онъ мнѣ, нѣсколько подумавши! я прощаю тебѣ все, что учи-

учинилъ ты въ своихъ молодыхъ лѣтахъ, и отношу оное къ необходимымъ слѣдствіямъ судьбы твоей. Не думай также, чтобъ ты огорчилъ меня похищеніемъ очарованной книги; сему надлежало случиться для начатія къ поправленію нѣкоторой важной учиненной мною въ жизни моей погрѣшности. Однакожь бы я не извинилъ намѣренія твоего, съ каковымъ искалъ ты пещеры, въ коей я воспитывалъ тебя. Ты хотѣлъ похитить сестру свою, мнѣ все то извѣстно; но какъ ты не вѣдалъ, съ какимъ намѣреніемъ я сохранялъ ее отъ тебя, и къ чему она предназначена, то впрочемъ родственная твоя къ ней любовь и забота о состояніи ея сей проступокъ твой оправдаетъ. Можешь быть ты пожелаешь узнать отъ меня, какое было намѣреніе мое въ разсужденіи самаго тебя; но я не могу открытъ оного до времени, въ какое судьба дозволишь тебѣ увидѣть твоихъ родителей. Чтожь над-

надлежишь до сестры швоей, причины, понудившія меня разлучить тебя съ нею и пресѣчь всѣ способы къ вашему свиданію, были слѣдующія: по нѣкопорымъ обстоятельствомъ, о коихъ ты также со временемъ узнаешь, нанесъ я великій вредъ сему государству; надлежало оному удовлетворить, когда я позналъ мое заблужденіе. При рожденіи сестры швоей открылъ я, что судьба ея предназначиваетъ ее къ благодѣтельству сильнаго государства; но какъ мѣсто, въ которомъ я нашелъ ее, не могло доставить ей приличнаго воспитанія, то взялъ я трудъ сей на себя и унесъ ее въ мою пещеру. Предпріимчивый и нескромный нравъ швой былъ мнѣ знаемъ; прѣникъ я также и то, что ты отъ меня удалишься, къ чему легко бы ты могъ подвигнуть и сестру свою, а чрезъ то и ее сдѣлать несчастною и мои намѣренія и надежды учинить безплодными. Однакожь вѣдай, что несправедливость швоя про-

Часть X.

О

шиву

шиву меня неосталась безъ наказанія: ты не можешь видѣть сестру твою, хотя она и въ семъ находишься городѣ. Спараніемъ моимъ возведена она на престолъ и править онымъ столь благоуспѣшно, что вредъ, нанесенный ошибкою моею Дулебамъ, нынѣ непримѣненъ. —

На семъ словѣ Баламиръ прервалъ повѣсть Зеліанову; онъ бросился къ нему и заключилъ его въ свои объятія. Ахъ Зеліанъ, вопіялъ онъ! надежда моя не обманула меня: ты братъ несравненныя Милоувѣшы, которой на вѣкъ подвластно мое сердце. — Зеліанъ признался въ шомъ и соотвѣтствовалъ Баламиру въ дружескихъ привѣтствіяхъ. Воспоргъ Короля Унискаго былъ нѣсколько продолжиселенъ, и спарикъ нашелся принужденнымъ оный нарушить и принудить Зеліана къ продолженію повѣсти. —

Пустынный поразилъ меня своими словами; я повергся предъ нимъ на колѣни и употребилъ всевозможныя

жныя убѣжденія для изхода шайствования себѣ прощенія и дозволенія видѣться съ Милосвѣшою. Огорченіе мое смягчило его; онѣ жалѣлъ о мнѣ, но однако не могѣ прѣмѣнить того, что единожды уже воспослѣдовало. Намѣренія швои, сказалѣ онѣ мнѣ, клонившіяся къ похищенію сестры швоей, принудили меня совершить дѣйствіе, полагающее величайшее препятствіе въ свиданіи швоемѣ съ нею. Хотя ты можешь ее видѣть, но сіе не удержитѣ тебя отѣ разговоровѣ съ нею; а какѣ скоро скажешь ты ей одно слово и она узнаетѣ, что ты ей братѣ, въ ту минушу нанесешь ты ей крайнее несчастіе: въ ту минушу она пропадетѣ въ глазахѣ швоихѣ и едва ли ты во всю жизнь свою ее увидишь. Теперь разсуждай, пристойно ли желать тебѣ съ нею свиданія? — По крайней мѣрѣ я могу взирать на нее посредствомѣ моей шляпы, такѣ что она меня не увидишь, говорилѣ я. Пустынный

спарался всѣми силами удерживашь меня отъ свиданія , а я убѣждашъ его , такъ что онъ напоследокъ принужденъ былъ мнѣ сказать : вижу я , что опредѣленнаго судьбою никшоу убѣждать не можешъ ; я чувствую , что свиданіе швое будетъ бѣдственна для Милосвѣтны и огорчительно для самаго себя. Но какъ извѣстно мнѣ , что ты не можешъ управляшъ своими желаніями , шо и безъ меня пройдеши во Дворецъ къ ней ; почему должно мнѣ лишь предохранить Милосвѣту , чтобъ ты вѣчно не учинилъ ее несчастною. Еще припоминаю тебѣ : удержишь скидашъ во Дворцѣ швою шляпу , можешъ быть сіе сохранишъ тебя отъ разговора съ нею. Сверхъ того возьми сей таинственный перстень , но дай мнѣ клятву возвратишь оный мнѣ послѣ свиданія швоего , какими бы слѣдствіями оное ни окончилось. — Я учинилъ ему въ томъ величайшія клятвы , принялъ перстень , благодарилъ его и бѣжалъ во Дворецъ. Я

Я нашелъ сестру мою одну во внутреннихъ ея покаяхъ, и сколько она ни перемѣнилась во время нашей разлуки; — ибо красота ея достигла на верхъ совершенствъ, — но я узналъ ее. Долго утѣшался я, взирая на нее и примѣчая ея упражненія. Она разсмапривала иѣкошорыя учрежденія, относящіяся къ благоденствію ея подданныхъ. О Боги! сказала она, окончивши свое чтеніе; я достигла до крайняго степени блаженства; ибо могу дѣлать благодаренія цѣлому народу; но сіе высочайшее утѣшеніе души добродѣтельной не приноситъ мнѣ совершеннаго спокойствія. Я всѣмъ помогаю, кромѣ моихъ любимыхъ, но родители мои можешь бышь окружены бѣдствіями, нищетою и презрѣніемъ; я не знаю ихъ, не вижу средствъ узнать, и они можешь бышь не воображаютъ, что дочь ихъ на престолахъ. Еще въ младенчествѣ своемъ имѣла я утѣшеніе знать моего брата, но и шло

погибъ; для шого впрочемъ не оставилъ бы онъ меня въ неизвѣстности о себѣ. Ахъ Земіанъ! шь одинъ былъ вмѣсто всѣхъ моихъ родственниковъ, и себя полько могу я оплакивашь. — Слезы пошекли изъ очей ея при семъ словѣ; сердце мое воспрепетало отъ радости и жалости; я забылъ завѣщаніе пустыннониково и вскричалъ: я здѣсь, любезная сестра! — Голосъ мой привелъ ее въ изумленіе: она пришла въ ужасъ, въ которомъ я не хотя ее оставишь, снялъ съ себя шляпу и бросился къ ней съ обѣщаніями. Она узнала меня, и въ восхищеніи нашемъ наговорили мы много безпорядочныхъ словъ. Однакъ радость моя недолго продолжалась: невидимка шляпа, которую я держалъ въ рукѣ, вырвалась и обратилась въ дымъ, приведшій сестру мою въ смертельный обморокъ. Я бросился къ ней на помощь, но дымъ покрылъ ее и исчезъ съ нею.

He

Не можно описать тогдашняго моего смятенія и горести. Я проклиналъ мою невоздержность, рвалъ на себѣ волосы и кричалъ, какъ сумасшедшій. — Опомнись, сказалъ мнѣ пустынный, предсавшій ко мнѣ въ то мгновеніе ока; свой крикъ можешъ повергнуть себя въ бѣдствіе: ты зашелъ во внутренніе Царскіе покои посредствомъ невидимости, себя никто здѣсь не знаетъ; увидя тебя, сочтутъ за злодѣя, въ чемъ и не можно тебѣ оправдаться, когда Царица ихъ во время прихода своего пропала: и такъ ты подвергнешься неизбѣжной казни. Подай мнѣ перстень и послѣдуй за мною; я проведу тебя въ потайныя двери. — Я подалъ ему перстень и предался его водительство. Не правду ли сказывалъ я тебѣ, говорилъ онъ мнѣ идучи? Вотъ слѣдствіе своего непослушанія. Я просилъ его по крайней мѣрѣ увѣдомишь меня, что воспослѣдовало съ сестрою моею и жива ли она. Пу-

спыинникъ мнѣ не хопѣлъ ничего сказаць о томъ, а повелѣлъ ипши въ боговѣщалище и спросишь. Можешъ быць шамъ узнаешъ ты желаемое, сказалъ онъ мнѣ, и оставилъ меня въ толпѣ народа на городской площади. Все сіе произошло такъ скоропоспихно, что я почти въ мигъ лишился сестры, выведенъ изъ Дворца и потерялъ изъ глазъ пустыинника. Я имѣлъ довольное основаніе думать, что сей почтенный мужъ изрядный волшебникъ, но мысль сія не уменьшила причины къ горести о судьбѣ сестры моей.

Алаваръ нашелъ меня погруженнаго въ глубокую печаль и спрашивалъ о причинѣ оныя. Я рассказалъ ему все, что со мною случилось. Онъ удивлялся, желалъ разогнать мое уныніе и совѣщивалъ мнѣ послѣдовать насчавленію пустыинникову о посѣщеніи боговѣщалища. Приключенія ваши весьма чудны, говорилъ онъ; все въ нихъ
 чрезъ-

чрезъбесшественно, а пошому кто можетъ разверзти мрачность, оныя покрывающую, кромѣ изреченія покланяемаго здѣсь Божества? Пойдемъ въ славное сіе боговѣщалище, и естли не получимъ желаемого, по крайней мѣрѣ принесемъ усердныя моленія къ безсмертнымъ, никогда неоставляющимъ вопще прошенія, изпекающаго ошъ чистаго сердца. Положимъ, что вы ничего не узнаете о Милосвѣщѣ, но вы можете умягчить гнѣвъ небесъ, естли оныя чѣмъ либо раздражили, а сіе благословишь въ послѣдствіѣ ваши исканія желаемымъ успѣхомъ. —

Я нашелъ Адаваровы слова справедливыми, и какъ я и кромѣ того находилъ основаніе вѣришь сказанному пусшынникомъ, то, запасшись нужнымъ для жершвоприношенія, отправился съ моимъ поварцемъ ко храму Золшой Бабы.

Храмъ ея споялъ на берегу, орошаемомъ священными водами рѣки Буга, воздвигнушый изъ блага мра-

мора по Еллинскому устройству. Стража препроводила насъ къ верховному жрецу, и мы приняты были оцѣ него весьма ласково. Онѣ, шолкуя намѣ о свойствѣ Божества, кошорому служилъ, старался внушить намѣ благоговѣніе при жертвоприношеніи, а больше того вывѣдать причины вопросовъ, кои мы предложитъ были намѣрены. Однакожъ я, наслышавшись о обманахъ, кои въ таковыхъ случаяхъ искусные жрецы въ другихъ мѣстахъ употребляютъ для выманиванія у вопрошающихъ денегъ, сколько можно старался бытъ скромнѣе; ибо мнѣ желалось получитьъ истинный, а не подложный отвѣтъ. Мы отдали жрецу приготовленное къ жертвоприношенію съ прибавленіемъ довольноаго числа золотыхъ денегъ для доставленія другихъ жертвъ, естли сія не найдетъ онѣ способными. Щедрость наша была по вкусу предстоятеля Боговъ; онѣ общалъ все приготовившъ къ восхож-

хожденію солнца , въ какое время надлежало намъ жертвовать , и проводилъ насъ въ богашоубранный покой , гдѣ мы заснули на великолѣпныхъ постеляхъ. Алаваръ между прочимъ провѣдалъ , что угощенія въ семъ капищѣ не безъ лицепріимства производятся , но образъ подарка жрецамъ полагаетъ различіе въ пріемъ , хотя бы надлежало ожидать пропивнаго , въ разсужденіи того , что предъ Божіими всѣ люди равны. Я съ моей стороны не дѣлалъ шаговъ примѣчаній , для того что имѣлъ голову , наполненную печальными разсужденіями о сестрѣ моей.

Едва заря простерла на землю свой багряный блескъ , присланный отъ верховнаго жреца разбудилъ насъ. Мы отведены были по марморной и украшенной испуканами лѣшницѣ до самыхъ ступъ священнаго Буга , въ коихъ по наставленію жреца измылись и одѣлись въ чистыя одежды ; послѣ чего дожи-
да-

дались восхожденія солнца въ преддверіи храма. При взорѣ на первыя лучи онаго услышали мы звукъ различныхъ музыкальныхъ орудій, к о и м ъ обыкновенно начиналось жертвоприношеніе; двери храма опверзлись и мы приведены были на средину капища.

Исшуканъ здѣшняго Божества былъ вылитый изъ чистаго золота, что можетъ быть и послужило къ прозванію онаго Золотою Бабою. Жертва наша по закланіи возложена на олтарь и воспалена огнемъ. Мы пали ницъ, какъ были насматрены; жрецъ насъ покрылъ занавѣсою, окружающею подножіе исшукана, гдѣ пошепцомъ и предложили мы наши вопросы. Когда жертва обратилась въ пепелъ, жрецъ воздвигъ насъ и обиадеживалъ, что жертва наша благопріятна Божеству, и что мы можемъ уповать на ея покровительство. Вскорѣ послѣ того весь храмъ наполнился густымъ благоуханнымъ дымомъ, такъ что

Что мы ничего почти видѣть не могли. Жрецъ возгласилъ намъ о присуствіи Божества и повергъ насъ шѣмъ въ священный препетъ. Немедленно за шѣмъ среди глубокой тишины прозяли къ намъ слова Божественныхъ шпвѣтовъ. Первый касался до меня и былъ слѣдующаго содержанія:

„Зеліанъ! оставь промыслу Бо-
 „говъ участь сестры швоей. Ты не
 „увидишь ее до времени, въ копо-
 „рое обьяшія родителей вашихъ за-
 „ключатъ тебя. Тогда собственная
 „судьба твоя обьяснитъ швое пред-
 „опредѣленіе. Перстень, который оп-
 „далъ ты пущышнику, достанется
 „на руку будущему супругу сестры
 „швоей; по оному ты его узнаешь
 „нѣкогда, и сей часъ будетъ нача-
 „ломъ прекращенія бѣдшвей всего
 „швоего семейства.,,

Слова сія проліяли утѣшеніе въ болѣзную душу моей; я успокоился, получа надежду нѣкогда увидѣть сестру мою и моихъ родителей. Послѣ чего воспослѣд-
 валъ

валъ вторый, ошвѣшъ на предложеніе вельможи Уинскаго :

„Алаваръ! поспѣшай увидѣшь
 „друга своего на престолѣ. Баламиръ
 „устрояетъ нынѣ благоденствіе сво-
 „ихъ Уиновъ по смерти родителя
 „своего. Промыслъ небесный опре-
 „дѣлилъ въ награжденіе за его добро-
 „дѣтели сочеташъ его съ шаковой
 „супругою, коя будетъ щасліемъ и
 „ему и его народу. Но опасайся,
 „Алаваръ, опскрыши ему сіи словеса
 „Машери Боговъ; найди случай вну-
 „щитъ ему склонность увидѣшь не-
 „сравненную Царицу Дулебовъ. Пусни
 „самъ онъ по дѣліямъ добродѣтель-
 „ной Милосвѣпы познаетъ цѣну
 „будущей своей супруги.„ —

Боги, вскричалъ Баламиръ! и
 шакъ не щещино овладѣла она моимъ
 сердцемъ; чувствованія его покро-
 вилельсвующся небесами. Ахъ Зе-
 ліанъ! онъ заключилъ его снова
 въ объятія. — Ахъ Зеліанъ, во-
 піялъ онъ! достигнемъ ли мы того
 благополучнаго часа, чшобъ по крайней
 мѣрѣ

мѣрѣ увидѣшь конецъ ея очарованія? — Должно надѣяться, продолжалъ Зеліанъ; ибо я предчувствую, что злосчастія родителей моихъ вскорѣ воспріимутъ окончаніе. Впрочемъ я ничего не узналъ въ боговѣщаницѣ Золотой Бабы къ наставленію моему, кромѣ вышесказаннаго, и не имѣлъ времени навѣдаться о происшедшемъ въ столицѣ Дулебской по случаю, о которомъ вы пошчасъ услышите. Сей случай ошвелъ меня въ другую сторону, разлучилъ съ Алаваромъ, и по которому я не имѣлъ уже способовъ видѣть сестру мою, хотя бы она и по прежнему находилась Царицею. — Какъ, подхватилъ Баламиръ! она царствовала тамъ послѣ васъ? Я ее видѣлъ. Но увы! послѣ крашкихъ моихъ съ нею разговоровъ равномѣрное очарованіе, какъ и при васъ, сокрыло ее отъ меня, и я не знаю — Я также, сказалъ старикъ, не вѣдаю, преша-неше ли вы мѣшашъ ему привести къ концу повѣсть?

Сіе

Сіе прервало разговоръ, и Зейманъ продолжалъ :

По полученіи отъ вѣстовъ вышли мы съ Алаваромъ изъ храма и возвращались въ городъ. Я заключилъ съ нимъ по учиненіи развѣдыванія о Милосвѣтѣ Эхашъ въ Унигардѣ и познакомись съ вами; но мы не предузнали, что намъ въ шотъ же часъ опредѣлено было разлучиться. Уже начали показываться намъ городскія башни, какъ вдругъ набѣжала надъ нами мрачная туча. Ужасная молнія разверзла облака съ жестокимъ громомъ, и огненный лучъ упалъ къ ногамъ моимъ. Я приведенъ былъ тѣмъ въ смертельный страхъ; однакожъ могъ разсмотрѣть, что лучъ сей, коснувшись землѣ, обратился въ колесницу: сильный вихрь подхватилъ меня, и брося въ колесницу, помчалъ меня съ оною. Едва я успѣлъ сказать; просни другъ мой, изумленному Алавару, какъ увидѣлъ себя въ весьма дальнемъ отъ него разстояніи. Св
шого

ного времени не имѣю я объ немъ извѣстія, но уповаю, что онъ, повинувшись предсказанію, возвратился въ Уннигардъ.

— Такъ, сказалъ Баламиръ; послѣ расскажу я вамъ подробноснн его пушешествія, когда окажется къ шому удобный случай, хотя онъ и не открылъ мнѣ самыхъ важныхъ своихъ приключеній. —

Вихрь, несущій меня, опустилъ колесницу въ преогромный замокъ. Вышедъ на успланную яшмоу площадь онаго, лишился я моего страха, чшобъ дать мѣсто удивленію. Богатство, всюду видимое, рѣдкость художествъ и вкуса, поражали со всѣхъ сторонъ глаза мои; но вскорѣ долженъ былъ я обратиться оныя на предметъ, повергшій меня въ превосходящее изумленіе. Я увидѣлъ идущую ко мнѣ дѣвицу невообразимой красоты. Поступокъ мой прошиву васъ, сказала она мнѣ, долженъ показаться вамъ довольно страненъ; я подвергла васъ

Часть X.

II

не-

небольшому страху и премѣнила ваши намѣренія. Не можно сыскашь никакого въ томъ оправденія, кромѣ той жестокой спрасши, кою внушили вы въ меня съ перваго разу, когда я увидѣла васъ въ Дулебскомъ боговъщалищѣ. Красота ваша меня плѣнила и учинила на вѣкъ вашею невольницею: не взирая, что вы мною похищены и что находишься въ моемъ замкѣ, все, не исключая и меня, принадлежишь здѣсь вамъ. Можешь бышь сочтете вы меня наглою, что я открыла вамъ безъ стыда чувствованія души моей; но намѣреніе мое, неполагающее другихъ желаній, кромѣ изпекающихъ отъ добродѣтели, конечно заслужишь оправданіе предъ столь чистымъ нравомъ, каковъ вашъ. Не мыслите найши во мнѣ слабости и не льстившись порожествовашь чрезъ данное вамъ любовію моею къ вамъ право: вы не овладѣете мною, какъ только на законныхъ обрядахъ супружества. Вѣдайше, что я дочь сильнаго Короля,

роля, припомъ знаю довольную часть волшебной науки, учиняющей всѣхъ обитающихъ въ замкѣ моемъ способными въ безопасности наслаждаться спокойствомъ, веселіемъ и благоденствіемъ. Я все вамъ открыла вдругъ, чтобъ вы пошому могли сдѣлать ваше заключеніе. Вамъ остается только посовѣтовать съ вашимъ сердцемъ. . . Однакожъ я даю вамъ на то сколько времени, сколько вамъ угодно. — Я не могу изъяснить вамъ, что произвели во мнѣ ея прелести, звонъ голоса и образъ выраженія словъ ея. Я не зналъ еще любви, но въ нѣсколько минутъ, взирая на нее, возчувствовалъ, что она овладѣла всею моею природою. Сердце мое шептало, языкъ не произносилъ, кромѣ однихъ непонятныхъ звуковъ; однакожъ я поцѣловалъ уже нѣсколько разъ прекрасную руку Алцидину, (такъ называлась сія дѣвица), прежде нежели нашелъ употребленіе словъ. Тогда повергся я предъ нею на ко-

Ц 2

ЛѢНИ

лѣни и сказалъ ей: — По смя-
шенію, произведенному во мнѣ еди-
нымъ взоромъ на ваши прелести,
прекрасная Алцида, познай, какія
чувствованія произведены вами въ
моемъ сердцѣ. Сіе сердце, непод-
властное еще любви, теперь при-
емлетъ весь божественный жаръ
онья и познаетъ судьбу свою; оно
покаряется вамъ. . . Вы позволяете
мнѣ совѣщавшъ съ нимъ, но оно
стремишся къ ногамъ вашимъ; вы
опредѣлите судьбу его. Алцида под-
няла меня, заключила въ свои
объятія; я клялся ей любить ее до
гроба, а она клялася въ шомъ мнѣ.
Послѣ сего привела она меня въ свои
чертоги: великолѣпіе оныхъ не при-
влекало моихъ взоровъ; они при-
лѣплены были къ ея прелестямъ. Ка-
ждая вещь подавала намъ предлогъ
къ новымъ разговорамъ, и каждый
разговоръ касался до нашей любви.
Мы забыли весь свѣтъ; мы спали
взаимно для себя все, лобызались
и повшорали наши клятвы. Воз-
люблен-

любленный Зеліанъ, сказала она мнѣ между прочимъ! я не могу сомнѣваться въ твоей вѣрности, я предаюсь тебѣ безъ извѣстія, но для учиненія брака нашего щастливымъ и спокойствіемъ нашего невозмущаемымъ предсоятъ еще нѣкоторыя условія. — Какія, возлюбленная моя Алцида, кричалъ я? Я клянусь тебѣ, что поперять спокрашно жизнь для меня легче, нежели хотя однажды пресупить какое нибудь швое повелѣніе. — Произволь судьбѣ расположилъ состояніе мое шаковымъ образомъ, что я отъ всего свѣта должна шайть бракъ мой, сказала она. Я не могу тебѣ опкрыть подробность причинъ, притуждающихъ меня къ шому; но и за чемъ тебѣ оныя вѣдать? И такъ спарайся для собственнаго швоего покоя шайть отъ всего свѣта, что ты учинишься моимъ супругомъ. Я не ожидаю, чтошбъ шрудно было сохранишь тебѣ сію шайну; но вѣдай, что часъ, въ кошорой ты учинишься

въ семъ случаѣ нескромнымъ, будешь послѣдній моего щастія: ты упростишь меня вѣчно, и вмѣсто спокойствія, коимъ до позднихъ дней твоихъ будешь здѣсь наслаждаться въ обѣщаніяхъ моихъ, подвергнешься разнымъ спраданіямъ. Сверхъ того ты претерпишь и наказаніе въ самой часѣ твоего преступленія: одна рука твоя потеряетъ свою естественность, и обращаясь въ швердѣйшій мечаллъ, учишься недѣйствующею.

Я считалъ завѣщаніе сіе мало важнымъ, и не ожидалъ, члюбъ я когда либо могъ его нарушить; но въ послѣдствѣ испыталъ, что человеку нѣтъ ничего легче, какъ впасть въ ту пропасть, которой опасается. Я увѣрялъ мою возлюбленную съ великою надеждою, что съ сей стороны щастіе наше безопасно. Она во мнѣ не сомнѣвалась, и съ того часа учинился я благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ. Дни наши прошекали въ совершенной радости;

доспи; я забылъ все и жилъ только для Алциды. Я не имѣлъ ничего любезнѣйшаго, кромѣ ея, и самая сестра моя никогда не всходила мнѣ на мысли. Можешь быть причиною того былъ обвороженный замокъ, въ коемъ я обиталъ; или можешь быть Алцида, изобрѣшающая ежечасно новыя для меня ушѣхи, не дала мнѣ свободы опомниться отъ сладостнаго моего упоенія.

Годъ ли, или больше прожилъ я, — и могу сказать, что сіе время могъ я почитать истинною жизнію въ моемъ вѣкѣ, — въ содружествѣ моей возлюбленной; не лзя было различить времени; оно было мгновенная радость, только минута восхищенія. Наконецъ рокъ мой преѣмнилъ все сіе въ жесточайшія горести. Увы! я все пошерялъ: лишился моей Алциды и лишился чрезъ свою небспорожность.

Я прохаживался въ саду съ моею супругою; время тогда было

наилучшее, или мнѣ казалось такъ, что присушествіе моей возлюбленной оживляетъ все и самую природу. Не знаю какимъ образомъ; — ибо не случалось никогда, чтобъ опшдалился я отъ Алциды; — опшелъ я отъ нее на нѣсколько сажень. Я хотѣлъ уже возвратиться, но представшая мнѣ женщина меня остановила. Я удивлялся, увидя шущую живущую особу, гдѣ никого не обитало, кромѣ меня и моей супруги; и шѣмъ больше, что это была благодѣтельница моя Зимонія. Любя ее, какъ мою мать, бросился я въ восхищеніи въ ея объятія. Она не меньше казалась обрадованною, меня увидя. Ахъ сынъ мой, сказала она! какимъ образомъ очутился ты въ семъ замкѣ, когда я считала уже тебя погибшимъ? — Я онымъ обладаю, отвѣчалъ я ей, ни мало не одумавшись, что я сказать хочу. — Но по какому случаю, спросила она съ удивленіемъ? Сей замокъ надлежитъ Алцидѣ, говорилъ

рилъ я, а я ея супругъ. — Увы нескромный Зеліанъ! . . . пролился къ ушамъ моимъ голосъ моей Алциды и поразилъ меня подобно грому. Я позналъ мое преступленіе, но уже поздно было помочь моему несчастію. Алцида, стоявшая близь озера, находившагося шупъ къ великому украшенію сада, лишилась чувствъ и упала въ воду. Я имѣлъ еще столько силъ, чшобъ броситься къ ней на помощь; едва я не успѣлъ схватить ее, но она исчезла въ глазахъ моихъ; а правая моя рука, по самый локоть окунувшись въ воду, превратилась въ желѣзную. Опчаяніе мое возшло на верхъ крайности, и я хотѣлъ утопиться въ томъ же озерѣ, естльибъ Зимонія отъ того меня не удержала. Покорись провидѣнію, сказала она мнѣ; все на свѣтѣ имѣетъ причины, по коимъ судьба разпоряжаетъ человѣческія дѣйствія. Ты, не могъ избѣгнутьъ, тебѣ предназначеннаго, слѣдственно не считай

неосторожность свою виною своего нещастія; такъ должно, чтобъ шы лишился Алциды и своей руки. — Я возражалъ прошиву сего и доказывалъ съ своей стороны, что когда должно потерять Алциду, не остается уже за чемъ жить, и что нѣтъ лучшаго, какъ утопиться въ томъ же озерѣ, которое ее сокрыло. Однако Зимоніиныли совѣшы, или потому, что жизнь всегда изрядная вещь, согласился я остаться на свѣтѣ и послѣдовать наставленіямъ моей благодѣтельницы. Оныя состояли въ слѣдующемъ: какъ приключеніе мое, говорила она, соплетено со участію многихъ особъ, прешерпѣвающихъ гоненіе сильнаго неприятеля, но не могу ожидать окончанія моему нещастію, какъ въ одно извѣстное время, когда и прочіе всѣ увидятъ начало къ своему благополучію. Еслили увижу я руку мою въ прежнемъ состояніи, обнадеживала она, что въ самое то время соединюсь я со всемъ, мнѣ лю-

любезнымъ. Наконецъ не предписала она мнѣ никакихъ подробностей въ моихъ поведеніяхъ, не подала никакой таковой помощи, каковую оказала мнѣ при отправленіи для сысканія сестры моей, кромѣ что велѣла итти на западъ и искать пещеру, содержащую одного очарованнаго волшебника. Ты не можешь ошибиться въ немъ, сказала она; ибо пошъ, коего тебѣ должно спросить о наставленіяхъ къ поправленію судьбы твоей, представится тебѣ оплакивающимъ одну мертвую человѣческую голову. — Проговоря сіе, Зимонія спала невидима; а я нашелъ себя въ необитаемой пустынѣ.

Не могли изъ темныхъ словъ Зимоніи имѣть надежды, чтобъ я увидѣлъ когда нибудь возлюбленную мою, предался я всей горести моего несчастія. Алцидины прелести и мой проступокъ, представляясь всегда моимъ воображеніемъ, наполняли душу мою несказаннымъ мученіемъ.

Сте-

Спенанія мои разносились по пустынь, но никто онымъ не внималъ, кромѣ исперзаннаго моего сердца. Я шелъ, не уповая нигдѣ сыскашь оспрады моимъ злоключеніямъ, и радовался, помышляя, что наконецъ dospанусь я въ добычу лютымъ звѣрямъ, обитающимъ въ мѣсцахъ, кои я проходилъ.

Все соединилось, чтобъ нашелъ я гробъ въ сей пустынь: мнѣ встрѣчались спрашныя змѣи, необишаемая страна не доставляла мнѣ пропитанія, песчаное дно не представляло ничего ко утоленію жажды, я изнуренъ былъ голодомъ, однакожъ ни ошъ чего я не погибъ; неизвѣстная рука меня сохранила, и прежде нежели ожидалъ, вошелъ я не значай въ искомую мною пещеру.

Погруженный въ мою увьлость я почти вапкнулся на утѣсѣ одной горы; и представше себѣ мое удивленіе, когда я по мѣстоположенію узналъ самую ту пещеру, въ которой воспитывалъ меня пустынный

и копорую я безплодно искалъ въ спранѣ Дулебской. То ли, что чело-вѣкъ имѣетъ привязанность къ мѣстамъ, въ коихъ воспитанъ, или надежда узнать что нибудь о Алцидѣ, или о сестрѣ моей, доставила мнѣ великую радость о семъ открытіи. Я вошелъ въ пещеру, но кромѣ нѣкоторыхъ хранивъ, увидѣлъ въ ней все пропавшее прежняго перемѣнившимся: не было уже того саду, въ коемъ обитала Мило-свѣта; оный перемѣнился въ темную освѣщаемую уже лампадою хранину, до копорой дошелъ я мрачными закоулками. Однакожъ печальныя вошедшія тогда въ голову мнѣ во-ображенія о сестрѣ моей заглади-лись надеждою; ибо я нашелъ опи-саннаго мнѣ Зимоніею очарованнаго волшебника, и ожидалъ познать отъ него нѣчто относящееся къ судьбѣ моей

Онъ былъ не молодъ, и сѣдая борода покрывала всю грудь его. Въ рукахъ своихъ держалъ онъ мерт-вую

вую голову и орошалъ оную своими слезами. Нашедъ его въ семъ положеніи, не хотѣлъ я вдругъ къ нему показаться; пошому что, бывши самъ несчастенъ, считалъ несправедливостію нарушить подобному мнѣ пишатся его горестію: я остановился. Уныніе его казалось мало по малу премѣняющимся въ ошчаяніе: онъ положилъ голову на возвышенный столъ и возопилъ: — Боги! чѣмъ заслужилъ я гнѣвъ вашъ? Презиралъ ли я когда нибудь добродѣтель, и пріятное вамъ чело-вѣколюбіе не было ли вождемъ моихъ дѣйствій? Вся вина моя состоишь въ томъ, что я по необходимости, и защищая самъ себя, гналъ злобнаго Зловурана, врага вашего и всей природы. За то лишь я уштрапилъ на вѣки мою возлюбленную, и вмѣсто божественныхъ прелестей ея долженъ взи-рать на сію безобразную кость. . . . О боги! либо вы не внемлете на міръ, вами произведенный, или сами вы сполькожъ злобны, какъ и мои гони-тели,

шели, когда беззаконія и неправды безъ казни во ономъ производятся, а добродѣтели спраждутся. Есть ли ктонибудь подобный мнѣ въ несчастіи? — Конечно есть, когда не болѣе, сказалъ я къ нему приближась: ты видишь во мнѣ живой примѣръ, что можно существовать, утрапя все любезнѣйшее. Послѣ чего рассказалъ я ему все мое приключеніе и обстоятельство, принудившее меня искать его плачевнаго жилища. Я окончилъ разговоръ мой словами утѣшенія, въ коихъ стараясь ободрить его отчаяніе и доказать ему, что несправедливо ропсать на безсмертныхъ, когда неизвѣстно, что злоключенія, намъ встрѣчающіяся, идутъ ли въ нашу пользу. — Смѣшно, государь мой, сказалъ онъ мнѣ, полагать, чтобъ справедливо было наказывать невинныхъ: вы не найдете основанія, по которому бы приключаящіяся въ свѣтѣ бѣдствія можно было приписать провидѣнію; если они идутъ

въ

вѣ наказаніе, невинные подѣ оное не подходятъ; естлижѣ для примѣра прочимѣ одному спрадать должно, шо я имѣю причины думать. — Однако, не вѣдая моихѣ приключеній, вы не можете никакихѣ дѣлать разсужденій, а я не могу вамѣ открыть о моихѣ бѣдствіяхѣ. Совсѣмѣ другое обстоятельство съ вами: вы заслужили шо, что терпите, и мнѣ сверхѣ того извѣстно, что есть вамѣ надежда достигнуть кѣ прежнему еще величайшему щастію; а я оныя не знаю.... Но мнѣ нѣкогда съ вами бесѣдовать, ибо чувства мои измучены, а сердце мое ищетѣ пищи своей вѣ сихѣ страданіяхѣ.....Примите сей шарикѣ, сказалѣ онѣ, подавая мнѣ оный; вышедѣ изѣ сей пещеры, бросьте оный и послѣдуйте его стремленію. Гдѣ онѣ остановился, тамѣ хоснишесь вы кѣ нему кошелькомѣ, кошорый данѣ вамѣ отѣ Зимоиіа. Вѣ одно мгновеніе ока увидите вы на мѣстѣ шомѣ преогромный замокъ, на-

наполненный всѣми потребностями и множествомъ служителей. Обижайте въ немъ и неиспощимый вашъ кошелекъ употребите для страннопріимства и содѣланія помощи всѣмъ къ вамъ прибѣгающимъ. Вы не должны никому отказывать, какую бы кино сумму денегъ онъ васъ ни потребовалъ; но и никого не допускать къ себѣ, пока не взято будетъ съ каждаго, желающаго васъ видѣть, клятвенное обѣщаніе не сказывать никому, что имя ваше ему извѣстно и что онъ у васъ былъ. Безъ сомнѣнія обстоятельство сіе должно показаться вамъ смѣшными; но въ нихъ заключается избавленіе Алциды, вашихъ родителей и другихъ многихъ. Когда между приходящими къ вамъ странниками предстанетъ имѣющій на рукѣ пошпершень, которой вы носили на рукѣ во Дворцѣ Дулебскомъ, сіе будетъ началомъ къ приближенію вашего щастія. Сей человекъ безъ сомнѣнія будетъ любопытствоватъ

Часть X.

Р

узнаетъ

узнать о вашихъ приключеніяхъ, но опасайтесь открытъ ему оныя, пока не принесетъ онъ вамъ извѣстія объ одномъ сапожникѣ, немогущемъ продолжать своей работы за жесткою случающеюся ему рваною, отъ чего она ему бываетъ. Со временемъ вы провѣдаете, гдѣ обитаетъ сей сапожникъ. Сохраните все, что я вамъ ни сказалъ; впрочемъ малѣйшее нарушеніе сего продлитъ ваши злоключенія. Если объявите вы свою повѣсть челоуку, имѣющему на рукѣ перстень, вы учините чрезъ то помѣшательство въ его дѣйствія, клонящихся въ собственную вашу пользу: онъ не въ состояніи уже будетъ преодолѣть всѣ затрудненія, къ которымъ впрочемъ непримѣтно доведетъ его любопытство.

Сказавъ сіе, принудилъ онъ меня выйти. Я оставилъ пещеру, бросилъ шарикъ, сѣдовалъ туда, куда оный покашлялся, и по наставленію очарованнаго волшебника чрезъ
при-

в рѣкопроводеніе кошелькомъ воздвигъ
 стѣну замка, въ коемъ имѣлъ я
 щастіе угостить Ваше Величество. Я,
 помня прорицаіе, полученное мною
 въ Дулебакомъ бою вѣщальщѣ, узналъ
 по носимому вами перстню, кто вы;
 ибо уцѣвалъ, что никто оный не
 можетъ имѣть, кромѣ будущаго
 супруга сестры моей и слѣдственно
 Государа Уннскаго.

Въ семъ замкѣ обиталъ я нѣ-
 сколько лѣтъ, безпрестанно оплаки-
 вая уронъ моей возлюбленной и
 расходя я неистощимые мои червон-
 ные. По сихъ поръ еще не имѣю я
 никакого извѣстія ни о Алцидѣ,
 ни о Милосвѣтѣ и не видалъ благо-
 дѣшельницу мою Зимонію. По опи-
 шествіи вашемъ къ сапожнику, —
 о котораго жилищѣ я могъ увѣдо-
 мить васъ, получа о томъ обеща-
 тельное свѣдѣніе, — продолжалъ я
 обыкновенное мое упражненіе. Во
 вчерашній же день увидѣлъ я сего
 почтеннаго старика, посѣтившаго
 мой замокъ. Я не сомнѣваюсь, что

онъ самый шопъ пустынный, ко-
 ему долженъ я моимъ воспитаніемъ.
 Я хотѣлъ въ шопъ тогдажъ удо-
 стовѣриться, но оный сказалъ на
 вопросъ мой, что лице мое ему не-
 знакомо. Онъ обнадешилъ меня,
 что жилище родителей моихъ ему
 извѣстно, и уговорилъ послѣдовать
 за собою. Все мнѣ въ старикѣ семъ
 кажется чрезвычайно, и я уповаю,
 что онъ владѣетъ таинствами вы-
 сочайшихъ наукъ; ибо пупъ до са-
 жожника, разстояніемъ десятидне-
 вной вѣды, совершили мы пѣшіе
 часа въ два: равномерно достигли
 мы и до Ярослава, и приплыли
 сюда уже водою въ той чудной
 лодкѣ, которую вы видѣли.

Зеліанъ, окончивъ свою повѣсть,
 сказалъ: все предвѣщаетъ мнѣ, что
 начало къ моему благополучію близ-
 ко. . . . Но, почтенный старикъ,
 естли вы и незнакомы мнѣ, естли
 не вы воспитывали меня и не васъ
 видѣлъ я въ Дулебахъ, — въ чемъ
 однако не обманываюшъ меня черны
 лица

лица вашего, — скажите, истинно ли то, что я увижу моихъ родителей? Несчастія, претерпѣнныя мною, влагающъ въ меня недовѣрчивость ко всему, что ни льститъ моей надеждѣ. Мнѣ кажется невозможно уже мнѣ видѣть любезныхъ особъ, давшихъ мнѣ бытіе, равно какъ и сію желѣзную руку исцѣлѣвшею: — Боги, вскричалъ онъ! . . я чувствую въ ней жизненность. Не уже ли — Онъ сорвалъ полошню, коимъ уверчена была рука его и увидѣлъ, что она получила прежнее естественное свое состояніе?

Зеліанъ не могъ уже больше выговорить ни слова отъ чрезмѣрной овладѣвшей имъ радости. Все собраніе не меньше было удивлено тѣмъ, кромѣ шарика, который занимался шептаніемъ неизвѣстныхъ словъ тогда, какъ прочіе поздравляли Зеліана съ изцѣленіемъ отъ очарованія. — Супругъ Алцидинъ! въ сей часъ не можешь ты уже сказать, чтобъ Зимонія подала тебѣ пустую

надежду, — промчался къ нимъ голобъ съ воздуха. Всѣ взглянули и увидѣли спускающуюся на облакъ къ нимъ женщину въ бѣломъ одѣяніи съ Зодіакомъ чрезъ плечо и держащую въ одной рукѣ клѣшкѣ съ тремя бѣлыми пшичками, а въ другой горшокъ, въ коемъ посажена была цвѣтущая роза. — Двленіе сіе произвело пріятное движеніе во всемъ собраніи: Гипоментъ бросился съ распроспертыми руками и кричалъ: любезная пшечка! Зеланъ также бѣжалъ къ ней, но не могши произнести ни одного слова и только показывалъ ей свою руку. Ярославъ и Доброславъ вопіяли: вошь она! вошь та женщина въ бѣломъ одѣяніи, о коей мы говорили! Баламиръ и Доброславъ оказали ей почтеніе, какъ волшебницѣ, а старикъ упалъ предъ нею на колѣни. Пшички, сидяція въ клѣшкѣ, начали шрепешать крылышками и кричать; а роза наклонила всѣ свои цвѣты къ Доброславу.

По-

Почтенный хозяинъ! сказала Зимоія, сошедъ съ облака къ Доброславу. Я, вознамѣрясь посѣнить васъ въ сей радостный для меня день, не нашла лучшаго для васъ подарка, какъ сію розу; она бережена мною съ особливымъ раченіемъ. Я хочу, чшобъ вы своими руками сорвали съ нее всѣ цвѣтны и прикололи ихъ къ вашей шляпѣ.

Доброславъ принялъ отъ нее горшекъ съ особливымъ почтениемъ, и благодарилъ ее за посѣщеніе, получа при томъ надежду, что такое снисхожденіе отъ волшебницы дозволишь ему употребить къ ней прозьбу въ разсужденіи урона, который повергъ въ страданіе его сердце. Ахъ Милоспана! воскликнулъ онъ, обоня цвѣтны; ны еще была прекраснѣе. — Зимоія улыбнулась, взглянувъ на него, и хотѣла ему нѣчто сказать, но положеніе старика, спящаго еще на колѣняхъ, примудило ее обратиться къ нему и избавить его отъ такого гнѣва.

Государь мой! говорила она, посмеивъсь ему въ лице, какъ бы желая узнать, не знакомо ли ей оное; я не привыкла ни отъ кого требовать излишней мнѣ почести, и вы, какъ незнакомый, одолжите меня, если оставите обряды, къ коимъ можете быть принуждаешъ васъ обычай страны вашей. Я нахожусь среди моихъ друзей, къ коихъ собранію и вы принадлежите, шо позволите мнѣ искасть вашей пріязни. — О! сколь бы я щасливъ былъ, еслибы могъ приобрести оную послѣ — Онъ не докончилъ и всталъ.

Чтожъ бы медлите оказашъ мнѣ удовольствіе, сказала Зимонія къ Доброславу? я ужасно желаю видѣшь шляпу вашу, украшенную розами. — Ахъ! съ великою радостію, подхватилъ Доброславъ, когда вамъ шо угодно; но сія замасленная рыбачьа шляпа, должно признаться, худое мѣсто для столь прекрасныхъ цвѣшковъ. Онъ сорвалъ цвѣшокъ и изумился, увидя, что оный и оставшійся

шійся въ горшкѣ кустѣ совсѣмъ
 исчезли. Но онъ едва не лишился
 чувствъ, когда въ то же мгновеніе
 ока очутился во объятіяхъ своей
 возлюбленной супруги. — Ахъ
 Доброславъ! — Ахъ Милостана!
 воскрикнули они оба, прижавши
 другъ друга къ груди своей, и
 слезы радости полилися изъ очей
 ихъ. Гипоменъ и Рогнеда (ибо
 она была та женщина, кою Бала-
 миръ видѣлъ происшедшую изъ пе-
 пла, при сожженіи старика съ мер-
 твою головою) также бросились
 къ нимъ, и присовокупили объятія
 свои къ Доброславовымъ; они всѣ не
 могли говорить отъ восхищенія и
 произносили только восклицанія.

Превращеніе розы въ Милостану
 повергло Баламира и прочихъ во удив-
 леніе: глаза ихъ были устремлены
 на соединившуюся чету сію до
 шѣхъ поръ, какъ Зимонія нарушила
 безмолвіе. Доброчестъ и Ярославъ,
 сказала она обращаясь къ нимъ! вы
 совершенно сохранили мое завѣщаніе,

и для того должно мнѣ привести въ дѣйствіе обѣщанное вамъ мною. Я чувствую, что вы воображаете теперь: вы ожидаете увидѣть супругъ вашихъ; но не согласившись ли вы потерпѣть еще на нѣсколько разлуку съ ними, чтобъ узнать вашихъ родителей? — Слова сіи обратили вниманіе всѣхъ. Добродѣтели и Ярославъ упали предъ нею на колѣни: — Ахъ могущая волшебница, вскричали они! мы заслужили разлуку съ нашими супругами чрезъ преступокъ; но мы невиновны въ томъ, что не знаемъ нашихъ родителей. Ахъ! отсрочьте еще, когда это должно, разлуку съ ними, и возвратите намъ родителей. — Изрядно, отвѣчала Зимоія: ты, Зеліанъ, присединись къ меньшимъ явкамъ братьямъ, и . . . всѣ вы . . . Доброславъ и Милошана познайте дѣшей вашихъ, коихъ я похищала у васъ еще въ пеленяхъ, по причинѣ, которую вамъ вскорѣ опишу.

He

Не можно начершашъ перомъ моимъ, что произвело познаніе сіе въ Доброславѣ, его супругѣ и дѣтяхъ ихъ. Должно бышь свидѣтелемъ юго, или находишься въ подобныхъ обстоятельствевахъ, чшобъ имѣть помяніе о восхищеніи сего обрадованнаго семейства. Дѣши бросились къ своимъ родителемъ, сжимали ихъ кодна; отецъ и мать обнимали ихъ, прижимали къ своему сердцу, произносили смященныя восклицанія, лобзали ихъ уста и очи; слезы ихъ смѣшались и всѣ посторонніе проливаа оныя опѣ удовольствія; ибо въ таковомъ произшествіи торжественно природы возбуждаешъ свои чувствованія въ душахъ всѣхъ чадъ своихъ сочеловѣковъ.

О день совершенныя моея радости, воскликнулъ Доброславъ! О Зимоція! благодѣтельница моя! даръ твой превозшелъ мое ожиданіе! Я имѣа надежду увидѣшь мою возлюбленную Милостану; но не ожидаа, никогда не ожидаа услышашъ сладчайшее

чайшее названіе отца отъ дѣтей
моихъ. — Милостяна съ своей сто-
роны лобызала руки своей шенки,
и наговорила много словъ, содержа-
щихъ болѣе признанія, нежели пра-
вильности; сердце обрадованной ма-
шери управляло языкомъ ея. —
Гипоменъ и его супруга, незнаяше
до тѣхъ поръ своихъ племянниковъ,
обнимали ихъ съ нѣжностію. Всѣ
вообще радовались, и всѣ желали
знать, какое участіе имѣла Зимо-
нія въ приключеніяхъ Доброславо-
выхъ, какъ учинилась Милостяна
изъ рыбы розою, и что значатъ
бѣлыя птички, коихъ она принесла
съ собою, и которыя безпрестанно
шрепетались въ клѣткѣ. Баламиръ
первый предложилъ о томъ Зимо-
ніи: могущая волшебница, сказалъ
онъ! не можетъ отъ васъ скрыто
быть, какая судьба свела насъ всѣхъ
въ сіе мѣсто; слѣдственно вы въ-
даете, что Баламиръ, покорный вашъ
слуга, примѣшанъ въ приключенія
вашихъ родственниковъ, и что онъ
зна-

знаешъ только начало ихъ, на примѣръ: я вѣдаю неосновательное подозрѣнiе Короля волшебниковъ; знаю, что Доброславъ утратилъ свою супругу подъ видомъ рыбы; знаю, что дѣви. его похищены; но какія причины принудили васъ къ сему немилосливому прошиву родителей поступку, ниже самимъ имъ не свѣдомы, равно и то, какимъ образомъ досталась въ ваше покровительство Милослана? Можетъ быть не скрыто отъ васъ о судьбѣ Алциды, Замиры и Богини, сочетавшейся съ Ярославомъ, и о прочемъ. Посему несправедливо будешь оставить насъ да еще въ любопытствѣ, если только отъ васъ зависитъ разрѣшить оное. — Съ великимъ удовольствiемъ, оживчала Зимонія, я расскажу мою повѣсть, но столько, сколько мнѣ возможно; ибо всѣ подробности въ состоянiи объяснить лишь одинъ Король волшебниковъ, бывшій главнымъ единственнымъ орудiемъ всѣхъ нашихъ злоключенiй. Я ужасюсь

спяюсь о судьбѣ его; попому что въ сей день необходимо надлежало бы ему предспаать здѣсь, еспьли онѣ испинно раскаяся въ своей ошибкѣ.

Но прежде, нежели начну я мою повѣсть, примолвила Зимоиѣя, должно мнѣ даять свободу симъ птичкамъ; онѣ привыкли у меня жить по волѣ, и вы увидите, сколь онѣ ручны. Сказавъ сіе опворима она дверцы у клѣтки: пшички выпорхнули, и бросились къ Доброславу и его супругѣ; онѣ сѣли къ нимъ на руки, и трепетали крылышками, какъ бы оказывая нѣкошорый родъ почтенія. Попомъ обратились онѣ къ ихъ дѣтямъ, и одна изъ нихъ сѣла на плечо къ Зеліану, другая къ Доброчесту, а третья къ Ярославу. Удивлялись споль ручнымъ пшичкамъ и дѣлали объ нихъ разные разсужденія, кои пресѣчены были волшебницею, приспунившею ко удовольстворенію прозбы Баламировой.

По-

Попѣсть польшевицы Зимоиѣ.

Уноваю, сказала она, извѣстно вамъ, что я въ супружествѣ съ Королемъ волшебникомъ прижила трехъ дочерей, и какъ онъ по неосновательному оклеветанію отъ проклятаго волшебника Зловурана взялъ подозрѣніе, что я имѣю любовныя обязательства съ племянникомъ моимъ Гипоменомъ, и что для удержанія его въ моихъ рукахъ будишо бы во зло употребляю честь дочерей моихъ. Какія посему были свѣдѣнія гнѣва его, опчасши извѣстны Гипомену, о чемъ, надѣюсь, онъ и сказывалъ, опчасшижъ сокрыты; и для того надлежитъ мнѣ съ сего обстоятельства начать мою повѣсть.

Распорядя мщеніе свое прошиву мнимаго оскорбителя чести своей, и подкрѣпя Зловурана къ преслѣдованію его посѣшилъ меня супругъ мой въ моемъ замкѣ. Я обитала въ горахъ Арменскихъ, а онъ
имѣлъ

имѣлъ свою столицу на высочайшемъ хребтѣ горъ Рифейскихъ. Въ разсужденіи должності своей въ управленіи всемъ сонмищемъ волшебниковъ, находящихся на сѣверной половинѣ земнаго шара, посѣщалъ онъ меня очень рѣдко, а особливо съ нѣкотораго времени спрасилъ его къ одной дѣвицѣ, коея имени я не старалась провѣдать, отвлекла его такъ, что я не ожидала увидѣть его въ то время. Я могла думать, что постоянство мое привело его къ раскаянію, и что онъ пришелъ загладить невѣрность свою признаніемъ предо мною; но я ужаснулась, увидя его скрежещуща отъ гнѣва и съ неистовствомъ произнесшаго слѣдующее: — Невѣрная! не думай, чтобъ порочныя дѣла твои могли отъ меня укрыться, я все вѣдаю. Не старайся также прибѣгать къ лести, чтобъ записать хитростию происшествіе, нанесшее мнѣ незагладимый стыдъ; я увѣренъ въ шомъ яснѣе дня, и не
приму

яриму никакихъ твоихъ оправданій. Послѣ сего началъ онъ мнѣ рассказывать то, что внушилъ ему Зловуранъ, и въ чемъ чрезъ шемные отвѣты подтвердила его очарованная книга. Я хотѣла было вывести его изъ заблужденія и объяснить ему истинное дѣла сего обстоятельство, но онъ не внималъ и зашывалъ уши свои. Я не съ тѣмъ пришелъ, кричалъ съ, чтобъ выслушивать твои оправданія, но для того, чтобъ наказать тебя. Потомъ началъ онъ совершать жесточайшія заклинанія, кошорыхъ самъ Чернобогъ и весь адъ шрепещешъ, и кои премѣнишь во вѣки уже не можно. Онъ бросилъ на меня свой очарованный плашокъ и сказалъ: отъ нынѣ ты лишена возможности дѣлать людямъ благодѣанія; искусство твое шеряешъ свою силу; ибо я лишаю тебя своего покровительсва. Жилище твое будетъ сокрыто отъ всего свѣша, и никто изъ несчастныхъ въ оное не прибѣгнешъ.

Часть X.

С

Никто

Никто не можетъ премѣнить судьбы
 швоей до шѣхъ поръ, какъ ру-
 шишель покоя моего Гипоменъ не до-
 спанется въ мои руки; тогда бу-
 дешъ позволено шебъ оплучашься
 изъ швоего замка, куда шебъ уго-
 дно, но ты ничего не можешь про-
 извести чрезъ волшебство до шѣхъ
 поръ, какъ не будешъ въ рукахъ
 твоихъ очарованная книга. Ты мо-
 жешь уповашъ, что сего не случится
 никогда, пошому что я сіе мое со-
 кровище сохраняю какъ зѣницу
 моего ока. Сей послѣдній разъ, въ
 который ты меня видишь; не ожи-
 дай невѣрная, чтобъ сердце мое
 противу шебя смягчилось; ибо мнѣ
 должно бы увѣришься въ швоей не-
 винности, но измѣна швоя мнѣ до-
 казана ясно. — Отъ ужаса и отор-
 чегія была я внѣ себя. Я чувство-
 вала, что знаніе мое меня оста-
 вило, я чувствовала и мою невин-
 ность, но не могла перемѣнить моей
 участи. Ко усугубленіюжъ моей го-
 ресни услышала я изреченіе же-
 стно-

широкаго моего супруга, въ разсужденіи судьбы дочерей нашихъ, кой также были жертвами его мщенія. Когда ты пренебрегла долгъ матери къ своимъ дочерямъ, продолжалъ онъ, пристойно поному лишишь себя оныхъ. Ты не увидишь ихъ до времени, когда они не по твоему желанію выберутъ себѣ супруговъ, сочешаются съ оными и ихъ упрятать; ибо доспойно, чтобъ ты учинилась щецею самыхъ низкаго происхожденія людей. Не думай, чтобъ ты въ состояніи была отвратить сей ихъ спыдъ и нещасіе: я въ сей же часъ повелю подвластнымъ мнѣ духамъ опнести ихъ въ особливые для каждой изъ нихъ построеныя мною замки. Тамъ будутъ онѣ обитать во изобиліи, но преданныя собственной своей волѣ. Часть волшебнаго знанія, свойственнаго имъ по природѣ, останеся при нихъ для того, чтобъ онѣ могли, превращаясь въ разные виды, летать повсюду и избрать себѣ

С 2

супру-

супруговъ по желанію: шы узнаешъ, сколь удаченъ будетъ сей ихъ выборъ. Но чтобъ понесли онъ наказаніе за нанесенное роду моему безчестіе, должны онъ ушрашиться своихъ супруговъ, пошому что сіи не сохраняшъ условій, кои онъ должны завѣщанъ имъ, вступаая съ ними въ бракъ. Осана должна имѣшь шаковаго, кошорый бы нескучаль, обитаая въ ея замкѣ, и опнюда не имѣлъ желанія увидѣть своихъ родителей. Замира получишь на свою участь челоуѣка, весьма любопышнаго; а какъ яѣкошорая шайна, кошорой собственности и самъ я не проникаю, побудитъ ее отъ своего супруга скрывашься, шо онъ по любопышству своему въ шайну сію проникнешъ. Алцида досчанешся нескромному, кошорый выскажешъ шо, что она ему шайшь повелишь. По симъ причинамъ, предсказаннымъ мнѣ очарованною книгою, лишашся онъ своихъ супруговъ, и будущъ заключены въ видѣ гууснеобразныхъ шварей

рей въ очарованной башнѣ. Освобожденіе ихъ изъ сего започенія не прежде воспослѣдуетъ, развѣ когда я найду, что или поняшія мои о тебѣ были неосновательны, или уже воля Боговъ уничтожитъ мои заклинанія. При окончаніи словъ его вихрь подхватилъ дочерей моихъ, супругъ мой также удался, оставя меня въ великой печали.

Ярославъ, Доброчестъ и Зеліанъ поглядывали другъ на друга при семъ повѣствованіи Зимоніиномъ, чая въ угрозахъ Короля волшебниковъ находить нѣкое сходство въ приключеніяхъ ихъ съ своими супругами; но волшебница, не хотя замѣшить сихъ догадокъ ихъ, продолжала рассказывать, и шѣмъ принудила ихъ ко вниманію: —

Прежде нежели увѣдомлю я васъ о воспослѣдовавшемъ со мною съ того времени, должна я предварить васъ извѣстіемъ объ очарованной книгѣ. Въ первые дни нашего брака общали мы другъ

другу учинишь рѣдчайшій подарокъ, который бы былъ не токмо чудо въ природѣ, но и для самаго волшебнаго искусства. Король волшебниковъ подарилъ мнѣ ту невидимую шляпу, кою, какъ извѣстно уже вамъ, вручила я Зеліану. Я съ моей стороны призвала на помощь всю силу моей науки къ сооруженію очарованной книги; но признаюсь, что я, по свойственному всѣмъ женщинамъ пристрастію, желая управлять моимъ супругомъ, расположила оную такъ, что она въ опусивіе мое не могла давать, кромѣ двозначущихъ опившій; впрочемъ же я, присутствуя тайно при вопросахъ мужа моего, распоряжала опившій въ книгѣ по моимъ намѣреніямъ. Неискренность сія не прошла мнѣ безъ наказанія, пощому что двозначущіе опившій, данныя книгою при оклеветаніи меня Зловураномъ, увѣрили супруга моего въ подозрѣніи, и произвели не токмо мнѣ, но и многимъ бѣдственныя слѣдствія.

Духъ,

Духъ, опредѣленный мною къ очарованной книгѣ, пошчасъ увѣдомилъ меня какъ о доносѣ Зловурановомъ, шакъ и о ошвѣшахъ, учиненныхъ книгою и ушвердившихъ его клевету. Проникнувъ въ опасность, могущую произойти отъ гнѣва моего супруга, прибѣгла я къ ворожбѣ, чшобъ узнать, какія мнѣ въ разсужденіи сего сдѣлашь ему внушенія. Въ замкѣ Гипоменовомъ находилась волшебная доска, подаренная ему мною, которую получила я съ великимъ трудомъ съ ошрова Солнцева, гдѣ она хранилась крѣпко, яко наилучшее сокровище Царя духовъ, и которая предсказывала истинну о судьбѣ каждого смершнаго. Къ ней-ню прибѣгла я и получила слѣдующее наставленіе: „Боги, ненавижда-
 „ще всякую неоправедливость, обра-
 „щають тебѣ въ наказаніе ору-
 „діе, изобрѣшенное тобою къ обма-
 „ну швоего супруга. Хотя сіе про-
 „изошло со стороны швоей не отъ
 „злаго намѣренія, и промыслъ опре-

„ дѣляетъ всему шастливое окончаніе.
 „ ніе; но какъ твои неосмотритель-
 „ ность въ составленіи очарованной
 „ книги учинилась бѣдственна дому
 „ Царя Дулебскаго, о чемъ узнаешь
 „ ты въ послѣдствѣ, по какъ не-
 „ щастія сего должны быть тебѣ
 „ общія, такъ и отвращеніе оныхъ
 „ послѣдовать чрезъ твоё понеченіе.
 „ Посему внуши своему супругу
 „ чрезъ очарованную книгу, кою онъ
 „ не преминетъ спросить, чтобъ
 „ онъ дочерей своихъ раздѣлилъ въ
 „ особливые построеныя имъ замки,
 „ и оснавилъ имъ на выборъ ихъ су-
 „ проговъ; что снѣ влюбятся въ лю-
 „ дей низкаго происхожденія, и по-
 „ шеряютъ ихъ по причинѣ, что
 „ Осанинъ мужъ будетъ привязанъ
 „ къ своимъ родителямъ, Замиринъ
 „ весьма любопытенъ, а Алцидинъ
 „ нескромнъ. „ — Словомъ, мнѣ
 „ оказано было волшебною доскою все
 „ то, что я внушила моему супругу,
 „ и что объявилъ онъ мнѣ при своихъ
 „ угрозахъ, какъ уже я объявляла.
 „ Сіе

„Сіе обстоятельство, продол-
 „жала волшебная доска, можешь
 „быть кажешься тебѣ весьма смѣш-
 „но, но оно вѣ послѣдствѣ учи-
 „нится очень важно. Боги опре-
 „дѣляютъ дочерей твоихъ вѣ су-
 „пружество внукамъ Царя, коему
 „неосмотрительность твоя навлекла
 „пагубныя слѣдствія; а потому
 „участъ твой, племянника твоего и
 „племянницы и Царя Дулебскаго
 „сѣ его потомствомъ, будутъ
 „имѣть общую цѣпь. Вразумляясь
 „ошѣ времени и случаевъ, ты
 „должна распорядитъ всѣ приклю-
 „ченія вѣ твою пользу, и учре-
 „ждать себя по сему предска-
 „занію. „

По шемному знаменованію по-
 слѣднихъ словъ сего предсказанія я
 не могла заключить ничего достовѣр-
 наго, но полагая ошѣ времени по-
 лучить объясненіе для моихъ дѣй-
 ствій, внушила моему супругу касаю-
 щееся до дочерей моихъ: онѣ по-
 слѣдовалъ оному, какъ уже сказано

выше. Я хотя ожидала того, что онъ учинилъ, какъ вещи, исполненной по моему внушенію, но не уповала, чтобъ гнѣвъ его простерся до лишенія меня волшебной силы. Сіе по приключило мнѣ несносную печаль, въ которой была я по унесеніи ошъ меня дочерей моихъ; ибо мнѣ чрезъ то пресѣчена была возможность узнавать о происходящемъ и всякіе случаи обращать въ мою пользу для поправленія неустройствъ, причиненныхъ неосмотрительнымъ сооруженіемъ очарованной книги.

И такъ въ горести и неизвѣстности обивала я какъ невольница, заключенная въ моемъ замкѣ около года. Я ушрашила уже и надежду, чтобъ могла я быть полезною судьбѣ моихъ дочерей и дому Царя Дулебскаго, въ разсужденіи того, что сила Гипоменова въ волшебствѣ не подавала ни малаго вида, чтобъ Король волшебниковъ когда либо могъ овладѣть имъ; а пошому и я

пе

но прежнему бы учинилась волшебницею. Но въ одинъ день сверхъ ожиданія моего предсхалъ ко мнѣ мой служебный духъ, котораго я не видала со времени, какъ пресшала бышь волшебницею. Онъ увѣдомилъ меня, что Гипоменъ достался въ руки моего супруга, и что сіе возвращаетъ мнѣ свободу и его къ моимъ повелѣніямъ. Онъ донесъ мнѣ о всемъ происшедшемъ по слѣдствіямъ мщенія Короля волшебниковъ, и о чемъ, надѣюсь, олышали вы отъ Гипомена, то есть: какъ Зловуранъ, подкрѣпляемый моимъ супругомъ, нанесъ раззореніе царству Дулебскому; какъ Царь, родителъ Доброславовъ, очарованнымъ копіемъ пораженъ; какъ Доброславъ спасенъ Гипоменомъ съ сестрою своею Рогнедою, и что Гипоменъ женился на Рогнедѣ, а Доброславъ сочетанъ долженъ съ сестрою его Милостаною по низложеніи Зловурановомъ; что Доброславъ, подкрѣпляемый своимъ зятемъ, получалъ отъ него шалиманъ,

сманѢ, хранившій его отъ гоненія Короля волшебниковѢ, и убилѢ Злоурана; но что раздраженный шѢмѢ супругѢ мой употребилѢ сію одлосность Гипоменову вѢ пользу, и покинулѢ его обще и сѢ его супругою вѢ неизвѣстное мѣсто; что ДоброелавѢ по возвращеніи своемѢ не нашелѢ не токмо зятя и сестры своей, но и своей невѣсты, и что по внушенію волшебной доски избралѢ жилище на самомѢ семѢ мѣстѢ, кое онѢ мнѢ описалѢ общошельно.

Не могу не признацца, что извѣстіе сіе сколько обрадовало меня сѢ одной стороны моею свободою, сколько огорчило бѣдствіями разныхѢ особѢ, коимѢ была я причиною. По крайней мѢрѢ ушѣшала я шѢмѢ, что уже вѢ состояніи находилась ешшли не оцѣрашить ихѢ напасши, но хотя облегчашь и обращашь слѣдствіе оныхѢ вѢ ихѢ пользу. Я, учинившись невидимою, посѣшила дочерей моихѢ вѢ
ихѢ

ихъ замкахъ, и нашла оныхъ упражняющихся въ невинныхъ забавахъ; молодыя лѣта ихъ не внушали еще имъ тогда склонности къ замужству. Я оставила ихъ въ покоѣ и посѣдила ваше, Доброславъ, жилище. Милостивино очарованіе тогда уже кончилось, и я нашла васъ вкушающихъ всѣ утѣшенія взаимныя любви въ щасливомъ супружествѣ. Тогда представилось мнѣ на мысль предсказаніе о бракѣ дочерей моихъ со внуками Царя Дулебскаго. Я не сомнѣвалась, чшобъ не ваши сыновья предопредѣлены были въ зятья мнѣ; ибо хоша дѣши племянника моего Гипомена равномѣрно могли бытъ внуки Царю Дулебскому, но казалось, что предсказаніе явственнo относилось до дѣшей вашихъ. Посему заключила я исполнить всѣ подробности предсказаннаго мнѣ, и чшобъ супругъ мой не взялъ подозрѣнія, естли бы дочери наши вышли прямо за наслѣдниковъ Царя Дулебскаго;

по-

поэтому, повторяю, заключила я похитить дѣтей вашихъ при самомъ ихъ рожденіи, и опудать оныхъ на воспитаніе самымъ подлымъ людямъ. Я считала, что сіе обстоятельство не помѣшаетъ мнѣ вліять въ дѣтей вашихъ склонности, пристойныя ихъ природѣ; что шѣмъ супругъ мой будетъ обманутъ, и что предсказаніе будетъ исполнено. Такимъ образомъ первородный сынъ вашъ Зеліанъ похищенъ мною въ хижину пастуха Дулебскаго; Доброчестъ опнесенъ мною къ воспитавшему его сапожнику, а Ярославъ подкинутъ къ жрецу Ладиная капища. Я, шайнственню посѣщая ихъ, пеклась о исправленіи ихъ нравовъ, и о внушеніи имъ понятія о пристойныхъ наукахъ. Доброчестъ и Ярославъ остались на моемъ попеченіи, но Зеліанъ похищенъ былъ у воскормившей его пастушки Королемъ волшебниковъ, и наконецъ по извѣстному вамъ приключенію его съ очарованною книгою попался въ мой

мой замокъ. Сіе обстоятельство хотя возвратило мнѣ полную силу волшебницы, но я не могла, оную обращать на помощь моимъ родственникамъ и семейству Царя Дулебскаго; ибо испытала, что она уступаетъ силѣ заклинаній моего супруга.

Между тѣмъ рожденная отъ Доброслава послѣдняя дочь его, которую хотѣла я взять для совершеннаго воспитанія въ мой замокъ, была неизвѣстно кѣмъ похищена, я послѣ уже я провѣдала, что попеченіе сіе имѣетъ объ ней самъ Король волшебниковъ. Я узнала также, что онъ очаровалъ Милостяну, коя прежде сочешанія съ Доброславомъ превращена была въ рыбу, и что сила заклинанія его. содержала въ себѣ и ту подробность, что въ сѣтяхъ, коими Доброславъ ловилъ рыбу, и въ очарованномъ копѣе заключалась судьба щастливаго ихъ житія съ Милостяною, такъ что есшья бы онымъ копіемъ учинилась

сква-

скважина въ сѣняхъ, Милостпанѣ слѣдовало опять превратиться въ рыбу. Я всѣми силами старалась оное предупредить, но видно, что опредѣленнаго судьбою избѣгнуть не можно. Милостпана, утрашивъ всѣхъ дѣшей своихъ, и не имѣя надежды имѣть оныхъ еще, начала скучать обещаніемъ своимъ въ пустынь, и наконецъ уговорила супруга своего ипши въ мѣста обещаемыя, чпобѣ по меньшей мѣрѣ имѣть надежду въ сысканіи хотя одного изъ похищенныхъ дѣшей своихъ. Когда Доброславъ началъ для записанія на дорогу пищи ловить рыбу, я, проникнувъ, что отсутствіе ихъ съ предопредѣленнаго имъ мѣста будетъ имъ бѣдственно, старалась оное пресѣчь препятствіями, и учинила, что Доброславъ противу обыкновеннаго не могъ ни одной поймать рыбки. Но сіе произвело, что Милостпана съ досады прорѣзала очарованнымъ копіемъ сѣпи, а потому навлекла себѣ неминуемую судьбу

судьбу превратилась опять въ рыбу. Я не могла совершенно опровергнуть сего очарованія; по крайней мѣрѣ имѣла успѣхъ облегчить оное. Я схватила ее въ водѣ, и закличаніями морми превратила въ розу. Въ каковомъ состояніи и пребывала она въ моихъ покояхъ до времени, въ кое надлежало пресѣчену быти ея очарованію; ибо я предузнала по моей наукѣ, что оное не прежде кончится, какъ при полученіи Гипоменомъ его прежняго образа, и не инымъ посредствомъ, какъ рукою ея супруга, чтобъ онъ сорвалъ цвѣтокъ, что и воспослѣдовало.

Съ того времени осталось мнѣ уже малое попеченіе о Доброславѣ; я чрезъ служебнаго моего духа доставляла ему ежедневно пищу, и старалась только занимать его воображеніе обшпояшельствами, кои бы удерживали его въ сей хижинѣ до опредѣленнаго часа. Не было къ тому лучшаго, какъ представлять при каждомъ выходѣ его изъ хи-

Часть X.

Т

жины

жины образъ возлюбленной его рыбы, что и исполнялъ духъ, приносявшій къ нему пищу.

Не упуская изъ глазъ моихъ дѣшей Доброславовыхъ, ушѣшалась я какъ добрыми свойствами ихъ сердець, такъ и красою ихъ шѣла. По сходству нравовъ назначила я Зеліану большую мою дочь Алциду, Доброчесту Замиру, а Ярославу Осану. Хотя дочери мои назначенныхъ имъ супруговъ были нѣскольکو и старѣе; но какъ дѣши волшебниковъ предъ прочими смертными имѣющъ должайшій вѣкъ, то въ сравненіи сего были онѣ предъ своими женихами только въ первомъ цвѣтѣ молодости. Послѣ сего слѣдовало мнѣ учредитъ склонности дочерей моихъ по моему выбору. Превращаясь во образъ пищи, (ибо по заклинаніямъ Короля волшебниковъ не лзя мнѣ еще тогда было показываться въ обыкновенномъ моемъ видѣ) прилѣшѣла я на окно спальни меньшей

шей дочери моей Осаиы. Она была удивлена шѣмъ, а наиболѣе когда я начала съ нею разговаривать. Я въ пространныхъ словахъ доказала ей скучный родъ ея жизни, въ который повержена она несправедливымъ гнѣвомъ своего родителя, что ошдѣленіе ошѣ обхожденія съ ея родительницею предоспаваляетъ ее всѣмъ погрѣшностямъ, въ кои можетъ она впасъ по молодости лѣтъ своихъ, не имѣя прибѣжища ни къ чьимъ совѣшамъ, а особливо въ возрастѣ, въ которомъ сѣдуетъ избрать ей супруга, что она въ всякомъ случаѣ легко можетъ навлечь на себя несчастіе, и что пошому я, какъ очарованная пшица, мапери ея не имѣющей возможности съ нею видѣшся, послана ошѣ нее къ ней для вспомошествованія въ избраніи ей супруга, безъ коего по состоянію жизни ея далѣе обойтись ей не возможно. Послѣ сего изобразила я ей, что значитъ состояніе супружества, и каковымъ

образомъ заимствуется отъ онаго
 щастіе и спокойство, или злочасіе
 и мученіе дней предъидущихъ. Вра-
 зумя же ее сими поняшїями, начала
 я описывать ей достоинства Яро-
 славовы, и нечувствительно произ-
 ведши въ ней заочно къ нему на-
 чашки любви, уговорила ее по-
 бывать у него со мною. Мы пре-
 брашились мушками, и посѣпили
 жилище жреца ладина. Достоин-
 ства Ярославовы вскорѣ покорили
 ему сердце моей дочери; она при-
 зналась въ томъ повѣренной своей
 очарованной пщицѣ, и просила на-
 сшавленія, какимъ образомъ должно
 ей въ томъ ему опкрыться. Тогда
 сдѣлала я насшавленіе, которому,
 какъ извѣстно вамъ, она послѣдовала,
 по естъ предшавши ему во образѣ
 сіяющей пщицы, во время набѣга
 дикихъ, и покипя его въ свой за-
 мокъ; а чшобъ исполнить предка-
 занное мнѣ волшебною доскою за-
 вѣщаніе, насшавила я Олану, ка-
 кое учинашь ей условіе съ ея су-
 пр-

врутомъ. Любовь Ярославова къ его
родителямъ имѣла великое сходство
съ предсказаніемъ шаинства, коему
надлежало содержать въ себѣ судьбу
Осанну, и я внушила ей сказать
Ярославу то, чего онъ не могъ со-
хранить, и слѣдственно упрасилъ
возлюбленную свою супругу.

И такъ вы, дражайшая
мать возлюбленной моей Богини,
вскричалъ Ярославъ, бросаясь къ ко-
лѣнамъ Зимоиѣ, вы подали мнѣ
наставленіе, что долженъ я испол-
нить къ приобрѣшенію утраченного
мною щастія: я сохранилъ ваше за-
вѣщаніе, и ожидаю, что вы, сжа-
лясь на мои мученія, возвратите
мнѣ дражайшую мою Осану, безъ
коей я жить не могу. — Ахъ,
сынъ мой, ошвѣчала волшебница
обнявъ его! я знаю твою горечь;
ибо я раздѣляла твои мученія; но
надобно потерпѣшь, продолжала она
съ улыбкою, . . . и припомъ не
вугашь пшичку мою, которая спо-
койно усѣлась на вашемъ плечѣ.

Ярославъ въ самомъ дѣлѣ забылъ про пшичку, и началъ объ оной заботиться, а шѣмъ принудилъ и брашневъ своихъ равную взять оспорѣнность; чѣмъ и удержалъ ихъ отъ подобнаго своему прошенія къ волшебницѣ, кое было уже у нихъ на языкѣ.

Таковымъ образомъ, продолжала Зимонія, дочь моя Осана первая имѣла участь попасться въ очарованную башню. Впрочемъ Ярославъ, какъ уповаю, разсказалъ уже вамъ, что я пришла къ утѣшенію его въ замокъ моей дочери, и сдѣлала ему наставленіе о поведеніи его. Сіе припоминаетъ мнѣ увѣдомить васъ, какимъ случаемъ узнала я, что человекъ, имѣющій соединить его съ родителями, долженъ имѣть на правомъ вискѣ родану, или яснѣе сказать, Король Уинскій Баламиръ. Для сего прерву я порядкъ моей повѣсти, касающейся до двухъ другихъ моихъ дочерей; о чемъ услышите послѣ. Мнѣ весьма

весьма досадно было, что волшебная моя власть, простирающаяся впрочемъ до важныхъ вещей въ природѣ, недѣйствительною казалась до моихъ ближнихъ. Я воспекнула спраданію племянника моего Гипомена, о коего участи даже и провѣдать не могла; шакже о супругѣ Доброславовой и о самомъ его печальномъ состояніи, а особливо, что Милостяна и бывъ розою не переставала испускать сненаній; наконецъ и судьба дочерей моихъ съ ихъ супругами не давала мнѣ покоя. Но видя, что я не въ силахъ пресѣчь ихъ очарованія, прибѣгла было къ волшебной доскѣ, находившейся въ замкѣ Гипоменовомъ, но оныя не нашла уже въ своемъ мѣстѣ; и шакъ обратилась я прошиву обыкновенія моихъ сеспрѣ въ Дулебское боговѣщалище. Тамъ въ ошвѣщѣ получила я хошя шемное, но сбывшееся предсказаніе: что освобожденіе Гипоменово, слѣдственно и всѣхъ, коимъ я неоспорожностию моею нане-

ела нещастіе , воспослѣдуетъ отцѣ
человѣка , имѣющаго на правомъ ви-
скѣ родину. — Въ послѣдствіи я
узнала еще другія подробности , и
что сей освободитель нещастныхъ
будетъ Баламиръ ; но сіе соединено
со многими тайнами , коихъ я не
постигаю , и которыя никто не мо-
жетъ объяснить , кромѣ моего су-
пруга.

Что надлежитъ до дочери моеи
Заміры , я предстала къ ней въ
видѣ той же птицы , каковою пока-
залась я Осанѣ , и равномерно пред-
утоновила ее влюбиться въ Добре-
честа , бывшаго тогда сапожникомъ.
Уже выдумали мы средство , како-
вымъ привести его въ ея замокъ ,
какъ пришло мнѣ на мысль заклича-
ніе Короля волшебниковъ , коему над-
лежало необходимо прежде окончанія
очарованія исполниться. Чтобъ обра-
тить сіе послѣдство въ пользу ,
выдумывала я къ тому средство , и
въ сихъ размышленіяхъ ходила по
саду замка Замирна. Хотя я въ
досѣ.

посѣщеніяхъ моихъ довольно познала всѣ мѣстоположенія онаго, но удивилась усмопря въ близъ лежащей горѣ пещеру, въ кою входъ былъ сквозь маленькую дверь. Любопытствуя вошла я въ оную, и при освѣщеніи висящей тамъ лампы усмотрѣла гробницу съ лежащимъ въ оной мертвымъ шѣломъ въ Царскомъ одѣяніи. Любопытство мое умножилось, и не добираясь, чье бы сіе было шѣло, хотѣла я прибѣгнуть къ ворожбѣ, какъ вдругъ увидѣла приколотую къ плащю мертваго Царя бумагу. Опнравъ оную прочла я слѣдующее: „ Безъ сомнѣнія „ судьба приведетъ сюда Зимонію, „ да воззришь она на шѣло погибшаго учиненною нѣкогда отъ неосмотрительности ея погрѣшностию Царя Дулебскаго. Безразсудное мщеніе ея супруга повергло его въ сіе состояніе; онъ съ невинностию своею, о Зимонія, узналъ свою ошибку, но невласненъ уже „ Возвратишь жизнь несчастному

Т 5

„ Царю „

„Царю, прешедшую въ ошломокъ
 „находящагося въ груди его очаро-
 „ваннаго копія; ибо по силѣ кляшвѣ,
 „учиненныхъ имѣ при произведеніи
 „сего мщенія, никто не можешъ из-
 „влечь сего ошломка, кромѣ средней
 „швояй дочери. Сія должна, не чув-
 „ствуя никакогого отвращенія къ
 „язвѣ мершваго шѣла, высасывать
 „изъ оной причину смерти. Впро-
 „чемъ шебѣ предоспавляется рас-
 „порядитъ обстоятельство сіе во
 „всеобщую пользу семейства неща-
 „снаго Царя сего. „ — Я чрез-
 мѣрно обрадовалась, получа нашта-
 вленіе сіе, и опредѣлила учинитъ
 чрезъ избавленіе дѣда Добродѣстнаго
 шайну, кою надлежало отъ него со-
 крывать Замирѣ, и шѣмъ подвер-
 гнуть искушенію его любопытство.
 Но чтобъ воображеніе о мершвомѣ
 шрупѣ не приключило ей омерзвѣнія въ
 сосаніи раны, произвела я изъ оной
 благовонный и пишательный балсамъ,
 кошорый однако для всѣхъ, кромѣ За-
 миры, имѣлъ весьма прошивный за-
 пахъ.

нахъ. Послѣ сего, принявъ видѣ очарованной птицы, сдѣлала я дочери моей завѣщаніе, съ каковымъ надлежало ей вступить въ бракъ съ Доброчесномъ. Въ семъ завѣщаніи, кромѣ воздержности его отъ любопытства, включено было и то, чшобъ Замира для сохраненія спокойства своему супружеству никогда не ѣла съ своимъ мужемъ, а пишалась бы балсамомъ въ указанной ей мною пещерѣ изъ сосуда, изваяннаго въ образъ мертваго человѣческаго трупа. Я подтвердила ей, что всякая другая пища, или въ случаѣ, если ли Доброчеснъ проникнетъ въ сію пещеру, приключитъ ей съ нимъ мучительную разлуку. Замира наблюдала сіе свято, и опломокъ копія высосанъ ею нечувствительно такъ, что можно уже оный безъ вреда шѣлу вынуть рукою. Впрочемъ Доброчеснъ, какъ извѣстно, подвергся судьбѣ своей, и утратилъ свою супругу, коя во впорохъ получила мѣсто въ очарованной башнѣ.

Я

Я сдѣлала ему наставленіе на основаніи снвѣща, полученнаго мною въ Дулебскомъ боговѣщалищѣ; и хотя Доброчестъ больше всѣхъ потерпѣлъ наказанія за свое любопытство, но шѣмъ избавленъ отъ пристрастія сего, могущаго иногда быть во вредъ спокойствію, а особливо въ супружествѣ.

Видишь ли, любезный сынъ, — говорила Замонія къ Доброчесту, бросившемуся при сихъ словахъ въ ея объятія, — что не всегда должно принимать вещь по виду, подѣ каковымъ покажется оная съ перваго взгляда глазамъ нашимъ. Рвотное лѣкарство для своего любопытства досталось тебѣ отъ нустной мечты; ибо шѣло дѣда швоего не подверглось до сего часа еще ни малому шѣвнiю. Равнымъ образомъ и супруга швоя невинна въ приключеніи гадливости въ швоемъ воображеніи; пошому что надлежало исполниться всѣмъ подробностямъ Короля волшебниковъ, безъ чего не могъ бы

шы

ты увидѣшь своихъ родителей. —
 Ахъ, дражайшая машушка, отпѣ-
 чалъ Доброчестъ! я уже изцѣлился
 отъ моего воображенія, и люблю
 Замиру еще болѣе прежняго. Поз-
 воль мнѣ сѣсть на свое облако, и
 отнестись къ очарованной башнѣ,
 чтобы я хотя издали могъ увидѣть
 мою дражайшую супругу. — Прошу
 терпѣнія, мой сынъ, подхватила
 Зимонія, и обратилась къ Доброславу,
 предложившему ей прозбу о прине-
 сении въ его хижину пѣла отца сво-
 его. — Сего не можно учинить,
 сказала она, въ присущствіи Ко-
 роля волшебниковъ, да и кромѣ по-
 го не нужно уже тебѣ обижать на-
 мѣстѣ, припоминающемъ свои не-
 щастія, которыя безъ сомнѣнія вос-
 пріяли уже свое окончаніе.

Какъ судьба большей моей
 дочери, продолжала волшебница,
 опредѣлила ее Зеліану, по по-
 средствомъ прежней пщицы, въ кою
 я превращалась, оказала я ей по-
 мощь познакомишься съ нимъ, и
 по-

похищитъ его на пуши отъ Дулебскаго боговѣщалища; ибо произвеси громъ и молнію для волшебницы самая малость. Въ разсужденіижъ договора при заключеніи брачномъ употребила я въ посредствѣ преселенія Алциды въ очарованную башню нескромность Зеліанову, яко не послѣдній порокъ, въ кошоромъ надлежало ему исправиться. Но какъ уединенный замокъ не подавалъ способа употребить ему свою болшливость, и въ разсужденіи того, что надлежало мнѣ, для спаранія о участи Доброславовой, привести въ безопасное мѣсто и послѣднюю мою дочь, показала я ему, и учинила шаковой вопросъ, что не можно ему было вспомнить своего обѣщанія, и не скажашъ мнѣ, что онъ женашъ на Алцидѣ. Озерцо, въ кое она упала, было привидѣнное, и она не ушонула, какъ подумалъ Зеліанъ, но попалась въ надлежащую башню. Я съ намѣреніемъ учинила руку его желѣзною, чтобъ онъ

онъ не преставае желать ей изцѣленія ; ибо мушны иногда забывающъ своихъ любовницъ , и лучше могутъ помнить о безобразіи руки своей. — А какъ я вѣдала , что совершеніе подвига , предославленнаго Баламиру , зависѣло отъ возбужденія въ немъ любопытства сокрытіемъ отъ него Зеліановой повѣсти , то превращенная рука удостовѣряла меня въ лучшей его молчаливости.

Вы не престаеете наказывать меня , любезная матушка , вскричалъ Зеліанъ , поцѣловавъ руку Зимоніину ; я хранилъ мою шайну для изцѣленія спраждущаго моего сердца по Алцидѣ , и въ награжденіе за невинное мое спраданіе должны вы по справедливости пресѣчь мою съ нею разлуку ; ибо я чувствую , что сіе зависитъ отъ собственной вашей воли. — Нѣтъ , сказала Зимонія , и продолжала свою повѣсть.

Наконецъ увѣдомилась я чрезъ присланнаго ко мнѣ отъ неизвѣстной

стной особы духа, что прекращеніе всѣхъ приключенныхъ мною бѣдствъ наступаетъ, но что оное не прежде воспослѣдуетъ, какъ по переломеніи очарованнаго копія Доброславомъ, и о прочемъ. Тогда я для скорѣйшаго исполненія сего, прицѣвъ невидимостъ, прибыла на сіе мѣсто. Я спрятала челнокъ и нитки, кои Доброславъ употреблялъ къ починкѣ сѣней своихъ, и подстергла на дорогѣ его къ нимъ очарованное копіе, чтобъ онъ, зацѣпясь за оное, пришелъ въ досаду. Ожиданіе мое имѣло успѣхъ: Доброславъ, не найдя челнока, былъ уже въ досадѣ: я умножала оную, превращая въ муху и щекочя ему носъ; онъ зацѣпился за копіе, и спавъ совершенно раздраженъ, переломилъ оное. Тогда я, превращаясь въ вшицу, — учинила ему наставленіе, которое споль удачно послужило неуспрашиму Баламиру, в которое внушено мнѣ было отъ помлнутаго духа, коего, какъ я

свѣ-

лице, взглянувъ на старика, привезшаго въ лодкѣ дѣшей Доброславовыхъ, и не могла докончить словъ своихъ. Всѣ также обратили на него взоры; но старикъ исчезъ, или лучше сказать превратился въ доброго мужа, имѣющаго на главѣ своей желѣзную корону, по кошорой и узнали, что онъ былъ Король волшебниковъ.

Еще всѣ были въ удивленіи и ожиданіи, какъ вопль Зеліана, Доброчеста и Ярославъ обратилъ взоры на другую сторону: Алцида, Замира и Осана, взглянувъ на своего родителя, избавились отъ очарованія и очутились въ объятіяхъ своихъ супруговъ. Баламиръ увидѣлъ трехъ совершеннѣйшихъ красавицъ, лобзающихъ дѣшей Доброславовыхъ и стремящихся съ объятіями къ Королю волшебниковъ, его супругѣ, къ Доброславу, Милостпанѣ, Гипомену и Рогнедѣ; онъ чаялъ узнать въ нихъ свою возлюбленную Милосвѣпу, и можетъ бы вклепался въ кошорую

ни-

нибудѣ во всякомъ другомъ при-
спойнѣшемъ мѣстѣ.

Наконецъ всеобщій восторгъ пре-
сѣченъ былъ на нѣсколько Королемъ
волшебниковъ: оный приносилъ Зи-
моніи извиненіе свое въ шаковыхъ
чистосердечныхъ выраженіяхъ, что
супруга его не могла надолго оспать-
ся равнодушною. По щасію муже-
скаго рода нѣжный полъ въ числѣ
добродѣтелей своихъ имѣетъ свой-
ство прощать своимъ измѣнникамъ
и гонителямъ; по крайней мѣрѣ Зи-
монія доказала оное въ часъ сей,
бросясь въ объятія своему супругу.
Любовь ихъ, которая искра таилась
еще въ ихъ сердцахъ, воспламенясь
ускорила примиреніемъ, а шѣмъ Ко-
роль волшебниковъ получилъ свободу
удовлетворить Баламиру въ объясне-
ніи темныхъ мѣстъ, оставшихся
въ общемъ ихъ приключеніи. Судь-
ба Милосвѣтина оставалась еще тай-
ною; и хотя страшный любовникъ
былъ неперпѣливъ, но Королю Уни-
скому надлежало быть благоприспой-

ну и дожидаться по крайней мѣрѣ изъ рѣчей постороннихъ свѣдѣнiя, коего хотѣло его сердце. Король волшебниковъ примѣшилъ сiе, и для того поспѣшалъ начать свою повѣсть. Данное мною подѣ видомъ шарика обѣщанiе, сказалъ онъ, слѣдуешь исполнить; къ чему и приступлю я въ угожденiе великодушнаго Баламира, исправившаго опважностiю и прудами своими учиненныя мною погрѣшности. Но какъ Типоменовы приключенiя сообщены съ моими, то я избавлю его отъ пруда оныя рассказывать, и предложу вкратцѣ о всемъ, что вѣдаешь нужно, чтобъ помочь приступишь свободно къ ожидающимъ насъ торжествамъ. — Слуга я покорный, думалъ Баламиръ, естли все мое воздаянiе будетъ состоять въ кускѣ очарованнаго пирога, или въ возрѣлiи на щастiе соединенныхъ супруговъ. — Воображенiе сiе было пресѣчено чрезъ

По-

**Попѣстпопаніе Короля
польшебникопѣ.**

Извѣстно уже вамъ, какъ я приведенъ былъ въ несправедливое подозрѣніе ненавистнымъ Зловураномъ, и какъ неосмотрительность жены моей чрезъ подарокъ мнѣ двоексмисленно глаголющей очарованной книги способствовала вооружить меня прошиву ея, дѣшей моихъ, Гипомена и всего, до чего онѣ имѣли участіе. Признаюсь къ стыду моему, что я не похотѣлъ вникнуть въ подробностъ доноса Зловурана, и не открывъ настоящей истинны обстоятельствъ, предался всей ярости овладѣвшаго мною гнѣва. Я заклался опмститъ мнимымъ бредителамъ моей чести шакowymi клятвами, коихъ я не могъ уже нарушить, не погибнувъ самъ. Надлежало заклинаніямъ моимъ исполниться, хотя бы я послѣ и пожелалъ премънить оныхъ строгость. Соверша то,

о чемъ слышали уже вы отъ Зимови въ разсужденіи ее и дочерей моихъ, обратилъ я все вниманіе мое на Гипомена. Чрезмѣрно досадно было мнѣ чувствовашь, что знаніе его въ волшебствѣ и сооруженной имъ попомѣ шалисманѣ и броня избавляли его отъ моей власпи. Я не могъ ничѣмъ повредить ему, кромѣ составленія очарованнаго копія, которое казалось мнѣ удобнымъ пронзись всю его заволокванную броню. Я вооружилъ онымъ Зловурана и повелѣлъ ему всюду его преслѣдовать. Я покровительствовалъ намѣренія сего проклятаго волшебника въ покушеніи его на царство Дулебское; ибо хотя Царь, родитель Доброславовъ, ничего мнѣ не причинилъ, но все, до чего Гипоменъ имѣлъ участіе, казалось мнѣ ненавистно. Вы вѣдаете также, какъ Авары приведены на Дулебовъ, какъ Киганъ учиненъ влюбленнымъ въ Царевну Рогнеду, и какъ опечество ея по симъ обстоятельствомъ раззорено.

зорено. Миѣ весьма досадно было узнать, что уловленный Гипомеѣ нашелъ способъ изъ очарованной клѣшки освободиться и спасти Рогнеду, ея брата и пораженное шѣло родителя ихъ. Произшествіе сіе случилось такъ скоропечно, что я не могъ и предохранить Зловурана отъ гибели, усроенной ему наставленіями Гипоменовыми чрезъ руку Доброславу; я свѣдалъ о семъ почти тогда, какъ проклятый сей клеветникъ палъ подъ ударомъ очарованнаго копія. Поспѣшая къ нему на помощь, увидѣлъ я, что уже поздно сохранить ему жизнь: я успѣлъ почти въ ту минуту, когда Доброславъ наказалъ сего шайнаго врага моего. Закрытый невидимостію легко бы могъ я преобразить въ ничто Доброслава: — такъовъ былъ гнѣвъ мой, — но броня, шамисманъ и собственное мое копіе остановили мое покушеніе, и возвели шѣмъ на вышнюю степень мою ярость. Я успѣлъ только привести

вѣ безопасность шѣло Зловураново, и превратилъ оное вѣ шу гору, дерево и мраморныхъ львовъ, на коихъ послѣ утвердилъ я всю шайну судьбы несчастныхъ, подпадшихъ моему мщенію. Доброславъ казался мнѣ не столько виновенъ, какъ Гипоменъ; а припомъ я не могъ ничего учинить ему; но узнавъ, что Королевичъ Кимбрскій находится безъ палисмана, поспѣшилъ схватить его вѣ мои руки. Я овладѣлъ имъ вѣ его замкѣ, прежде нежели возвращеніе Доброславово могло привести его вѣ безопасность. Рогнеда и Милостана также достались вѣ мои руки; а какое распорядилъ я имъ наказаніе, услышите послѣ.

Осмашривая замокъ Гипоменовъ, нашелъ я волшебную доску: я имѣлъ объ драгоцѣнности ея понятіе, и чрезмѣрно обрадовался, усмопря способный случай овладѣть симъ сокровищемъ. Я не имѣлъ причины безпокоиться о возвращеніи Доброславо-вомъ, поному чпо уповалъ со все-
упра-

управиться прежде его прибытія. Первое мое дѣло состояло въ вопрошеніи у волшебной доски, что предпріяшь миѢ надѢ ГипоменомѢ, Рогнедою и Милоспаною; но къ изумленію моему получилъ я слѣдующій отвѣтъ : „Король волшебниковъ! „ты суетно даешь свободу неосновательному твоему мщенію. Еспьли „Боги и предають въ власть твою „дѣшей Короля Кимбрскаго и домѢ „Царя Дулебскаго, но они ихъ охраняють, и всѢ твои умыслы обратяшся наконецъ въ ихъ пользу, а ты расквешься. УнигардѢ дастъ разрушителя твоему очарованію, а отъ Доброслава произойдетъ дочь, имѣющая быть наградою его; ибо ты никакъ не разлучишь бракѢ МилоспанинѢ. Собственныя твои дочери присоединяшся къ твоимъ непріятелямъ, коихъ въ свое время ты возлюбишь. „ — Отвѣтъ сей произвелъ во миѢ страхъ; но какъ разсудокъ въ неистовствующемъ отъ гнѣва не можетъ имѣть должныхъ

расположеній , по размышленія мои мало по малу привели меня къ заключенію , что волшебная доска учреждена чрезъ прозорливость Гипоменуу къ шаковымъ для меня показаніямъ. Я такъ былъ слабъ , что по времени перенесши сію доску въ мой замокъ , весьма долго не вопрошалъ ее ни о чемъ , какъ бы желая наказать ее за то , что держитъ она сторону моего непріяшеля. — Вотъ какимъ безуміямъ бывають подвержены смертные! — Посмотримъ , говорилъ я , посмотримъ , какъ кто можетъ отвлечь мое очарованіе , или оное когда либо уничтожитъ , увидимъ , какія послѣдства будетъ имѣть бракъ Доброславовъ. Послѣ сего распорядилъ я мое мщеніе , и предъ преступленіемъ къ произведенію онаго въ дѣйство учинилъ я обыкновенную великую клятву съ тѣмъ , чтобъ утратилъ я волшебную мою власть , если раскаюсь въ моемъ мщеніи , и буду когда нибудь склоненъ по-

мо-

могаты къ благополучію особѣ, учинившихся предметами моего гоненія.

Вопервыхъ попалъ я на Милостану и превратилъ оную въ найпрекраснѣйшую рыбу съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобъ она, по опличному своему виду попавшись рыбакамъ, досталась на столъ какого нибудь Государя, или въ его прудъ, а шѣмъ бы положить вѣчное препяшствіе въ сочешаніи ея съ Доброславомъ. По времени же свѣдавъ, что она, и въкопорыми древними волхвами сооруженными и Доброславу чрезъ промыслъ Боговъ данными съшми бывъ поимана, получила прежній свой образъ, прибавилъ я къ заклинаніямъ моимъ и то, чтобъ благополучіе ихъ брака до шѣхъ только поръ продолжалось, пока съши сіи очарованнымъ кеніемъ не будутъ прорѣзаны. Тогда надлежало ей опять превратиться въ рыбу и быть съ супругомъ своимъ разлученною до времени, въ кое очарованное копіе какимъ ни есть образомъ переломится.

По-

Потомъ обратился я къ Гипомену и его супругѣ. Должно вѣдать, — продолжалъ Король волшебниковъ къ Зеліану, — что пещера, въ коей я васъ воспитывалъ, находящаяся въ пустынѣ Дулебской, была во всѣхъ обстоятельствѣхъ надежное мое убѣжище, или лучше сказать кабинетъ для моихъ размышлений. Входъ во оную безъ моего дозволенія загражденъ былъ для всего свѣта. Въ сію-то пещеру опредѣлилъ я заочить Королевича Кимбрскаго съ его супругою; и самъ, оставя мое обыкновенное жилище, вздумалъ я обитать во оной, чтобъ пресѣчь всѣ способы; ежелибъ кто похотѣлъ спараться о ихъ освобожденіи. Чтожъ вы, Зеліанъ, никогда не видали Гипоменовой пещеры, случилось по тому, что входъ во оную загражденъ былъ очарованіемъ. Впервыхъ разсудилось мнѣ учинить жесточайшее пораженіе сердцу Гипомену опіятіемъ прелестей у прекрасной Рогнеды: я въ глаза хъ
его

его превратилъ оную въ мершвую
 человѣческую голову, и долго упѣ-
 нялся опчаяніемъ его при семъ слу-
 чаѣ. Потомъ и самаго моего мни-
 маго непріятеля лишилъ естесшвен-
 наго вида, и изъ молодого человѣка
 учинилъ дряхлымъ шарикомъ; ибо
 ошпашки человѣколюбія воздерживали
 меня отъ преданія его смерти, а
 такъ, какъ волшебнику, не могъ я
 учинить превращенія ни въ какую
 другую тварь. Но чшобъ сіе его и
 Рогнедино очарованіе и въ шаковомъ
 обшояшельствѣ, ешъли бы какой
 волшебникъ какимъ нибудь образомъ
 вошелъ въ ихъ шемницу, не могло
 бытъ пресѣчено, а обратилось бы
 имъ во вредъ, соорудилъ я волшеб-
 ную дудочку и положилъ на воз-
 вышеніи, гдѣ Баламиръ видѣлъ ле-
 жащую мершвую голову. Сила сей
 дудочки содержала въ себѣ то, что
 ешъли бы кто покусился свиснуть
 во оную, Рогнеда бы съ разрушеніемъ
 въ прахъ мершвой головы упра-
 шила жизнь свою, а Гипоменъ на-
 шелся

шелся бы повѣшенъ на самомъ томъ виноградномъ деревѣ, которое учинилось изъ трупа Зловуракова. Второе мое заклинаніе относилось до дочери Доброслабовой, коя имѣла родишься въ награжденіе рушителя моего очарованія. Я не уповалъ, чтобъ сіе воспослѣдовало; но естли бы случилось, то расположилъ я такъ: Униъ, пришедшій въ шемницу Гипоменуу, долженъ сповалъ необходимо взойти на возвышеніе для взяшя дудочки съ восточной, а не съ другой стороны; въ сіе время Гипомену надлежало ему показаться, и естли бы онъ учинилъ ему какое наспавленіе, слѣдовало ему превратиться въ каменнаго чловѣка, держащаго въ рукахъ мѣдную стрѣлу; впрочемъ Гипоменъ долженъ сповалъ бышь для Униа невидимымъ. Когдажъ бы Униъ возшелъ на возвышеніе съ юга, запада, или съвера, онъ безпрепяственно свиснулъ бы въ дудочку, и въ то мгновеніе ока дочери Доброславо-

елавовой надлежало преселиться въ
 нарочно для того мною сооружен-
 ный перспень; а какъ я носилъ
 оный на рукѣ моей безопаснымъ,
 потому считалъ себя, что Униъ
 никогда ее получить не можетъ.
 Врагъ чести моей! — сказалъ я,
 соверша все сіе, Гипомену; — ты
 долженъ вѣчно остаться въ семъ
 образѣ, и имѣшь утѣшеніе, взирая
 на прелести сей мершвой головы,
 когда ты могъ осмѣлишься вос-
 пользоваться мнѣ принадлежащимъ.
 Не думай, чшобъ кто могъ осво-
 бодить тебя изъ своего очарован-
 наго состоянія; ибо не сыщется на
 свѣтѣ смертнаго, могущаго преодо-
 лѣть всѣ соединенные съ шѣмъ
 труды и опасности. Твоими на-
 славленіями погубленъ вѣрный мнѣ
 Зловуранъ; но я и мершвый трупъ
 его обратилъ въ узелъ, имѣющій
 содержать безпрестанное печеніе
 твоихъ несчастій. Вѣдай, что ты
 до шѣхъ поръ не избавишься отъ
 очарованія, пока не жереломишься на
 двое

двое мое очарованное копіе, коимъ Зловуранъ убишь: сего бышь никогда не можешь, въ разсужденіи того, что Доброславъ хранишь оное, яко зѣницу ока своего. Но ешьли то и случится, кшо можетъ догадаться перекинуть за себя обломки копія, чшобъ учинились изъ того лукъ и конь? Но ешьли и сіе случится, кшо опважится, возсѣвши на коня, ѣхать къ холму, учинившемуся изъ тѣла Зловуранова? Кшо безъ оружія сразится съ имѣющими ожить шамъ каменными львами? Кшо осмѣлился взлѣсть на неприступный холмъ, чему будутъ препятствовать львы, взобравъ на дерево, досягающее вершиною до облаковъ, и сломя на ономъ претяжкій гроздь, сойти съ онымъ на землю, когда силы и возможности человѣческія къ шому недостаточны? Пусть бы сіе и воспослѣдовало, но кшо возметъ у тебя мѣдную сшрѣлу, которой еще нѣтъ, и которая учинится при обращеніи швоемъ въ камен-

менный истуканъ, есщли вы о слышанномъ отъ меня въ наставленіе кому нибудь ошкроешь. Принимай достойное наказаніе! — Таковымъ образомъ оставилъ я сіи жертвы моего мщенія, и заключилъ, претворясь во образъ сего старика, въ коемъ вы меня видѣли, сбишатъ въ Дулебской пещерѣ. Причины, побудившія меня къ сему пересображенію, были шѣ, что мнѣ надлежало сберець мое обѣщаніе, и не видать никогда Зимоніи, коя, по япаденіи въ руки мои Гипомена, имѣла уже свободу ошлучаться изъ своего замка, и слѣдственно могла бы гдѣ нибудь со мною встрѣтиться.

Впослѣди узналъ я, что Доброславъ соединился съ своею супругою, и что имѣетъ уже ошѣ одной дѣшей. Сіе обстоятельство принудило меня спарашься о ихъ похищеніи, однакожъ при перьые сына прежде меня были унесе ны Зимоніею, какъ уже о томъ вы слышали и о чемъ я въ шогдашнее

Часть X.

Ф

время

время провѣдать не могъ. Но я и не забоился о семъ, для того чю миѣ опасносшь была ошъ дочери. Между шѣмъ нашелъ я Зеліана, и пріятносшьми лица его бывъ доведенъ къ возчувствованію дружества къ сему младенцу, унесъ его въ мою пещеру и воспитывалъ онаго для учиненія во всемъ богатствѣ моемъ по себѣ наслѣдникомъ; ненависть, питаемая мною тогда къ дочерямъ моимъ, меня къ сему принуждала. Впрочемъ Боги поправили то, что Зеліанъ по ребяческому своему любопышству испортилъ: онъ обще съ своими братьями вошелъ во объятія моего семейства, и поправилъ ошибкою нанесенное дочерямъ моимъ наказаніе. Я въ заблужденіи моемъ радовался, что дочери мои выдушъ за подлыхъ людей въ супружество; ибо зналъ, что одинъ изъ нихъ будетъ сапожникъ, другой жрецовъ сынъ, а третій бѣднаго пасуха; но еще больше обрадовался, по познаніи кевинности ихъ,

ихъ, что они спали невѣстками
будущаго Царя Дулебскаго. Впрочемъ
обстоятельство сіе вамъ свѣдомо.

Когда Милослана учинилась бе-
ременна дочерью, я никуда уже не
оплачулся, и присуществуя невидимо
при родинахъ, похитилъ прекраснаго
сего младенца. Я не могъ колебать-
ся въ опредѣленіи судьбы сей моей
добычи: невинная Милосвѣта, воз-
будила во мнѣ чувствованія чело-
вѣчества, и вмѣсто погубленія ея,
что было у меня въ мысляхъ,
опредѣлилъ я воспитать ее. Она
соотвѣтствовала моимъ попеченіямъ,
и я наконецъ столько полубилъ ее,
что не могъ не желать ей благо-
получія. Предсказаніе волшебной дос-
ки представилось мнѣ тогда на па-
мять; мнѣ похотѣлось узнать яснѣе,
кто долженъ быть Униъ, коему
она предопредѣляется, и для сего
вопросилъ я опять оную. Отвѣтъ,
мною полученный, совершенно утѣ-
шилъ меня: я узналъ, что Мило-
свѣта предопредѣлена въ супруже-

ство Баламиру, Королю Унискому. Но хоша гнѣвъ мой прошиву Гипомена и моего семейства иѣскольکو поумягчился, однакожъ я не могъ безъ досады слышать подтвержденіе, что сей Баламиръ будешь и разрушишь моего очарованія. Сіе привело меня опяшь къ вопросу, для чего Боги покровишьсвою оскорбителей моей чести? Но могу ли я изобразить мой ужасъ и угрызѣніе совѣсти, когда чрезъ опѣтъ волшебной доски былъ я доказанъ въ невинности всѣхъ гонимыхъ мною особъ. Я узналъ клевету Зловуранову, но поздно уже было мнѣ премѣнить тяжкую силу моихъ кляствъ; мнѣ не можно было поправить проступка, учиненнаго въ моей ярости, и всѣмъ подробностямъ моего очарованія надлежало исполниться. Я могъ споспѣшествовать Баламиру въ его покушеніяхъ къ разрушенію моего волшебства, но за сіе надлежало мнѣ лишиться волшебной моей силы по разуму кляствъ моихъ,

кон

кои учинилъ я не одумавшись. Рас-
 каянiе мое требовало отъ меня
 таковой важной жертвы, и я не по-
 щадилъ бы себя, естлибъ попра-
 вилъ моихъ проступковъ нашелся
 въ удобныхъ лѣтахъ къ покуше-
 нию на опчальное предпрiятiе. По-
 чему все мое раченiе обратилъ я
 тогда къ поправленiю неустройствъ,
 произведенныхъ мною въ Дулебскомъ
 царствѣ. Я началъ Милосвѣпу вос-
 пишывать какъ Царицу; ибо опре-
 дѣлилъ чрезъ нее поправить всѣ
 раззоренiя, причиненныя по гоненiямъ
 моимъ въ Дулебахъ Аварами и во
 время безцарствованiя. Я не оста-
 вилъ побывать и въ Унигардѣ,
 чшобъ увидѣть Баламира. — Да,
 я видѣлъ васъ, храбрый Король, го-
 ворилъ онъ, обращаясь къ нему; и
 не взирая на тогдашнее ваше опро-
 чество, предузналъ всѣ имѣющiя
 въ васъ бысть дарованiя. А чшобъ
 не можно было ошибиться въ особѣ
 вашей по пришествiи нашемъ въ
 совершенной возрастѣ, намазалъ я

сіе на правомъ вашемъ вискѣ пятнышко, произведшее напоследокъ родинку, или подобіе оной. Миѣ не оспалось уже забошы о воспитаніи вашемъ, потому что родишель вашъ Роасъ прилагалъ о томъ неусыпное стараніе. Я замѣнилъ также и добродѣтели любимца нашего Алазара, и старался шолько внушить ему охоту къ странствованію. Я ожидалъ изъ того одной той помощи въ моихъ намѣреніяхъ, что Алаваръ въ своихъ путешествіяхъ увидишь нѣкогда красоту и добродѣтели Царицы Дулебской, превосходство ея правленія, и потому побудишь васъ къ начатію вашего подвига, что по моему расположенію и исполнилось.

Нечувствителью вошелъ я въ пользы Милосвѣщны и всѣхъ поверженныхъ мною въ несчастіе до того, что не могъ уже не споспѣшествовать всему тому, что клонилось къ ихъ избавленію. Раскаяніе мое не позволяло миѣ щадить себя, и я

я не помышлялъ ни о чемъ, кромѣ поправленія моего преступленія. Но какъ сіе влекло мнѣ лишеніе моей волшебной власи, по разсудилъ я, прежде нежели утрачу оную, спросить еще разъ волшебную доску и послунишь по ея предписанію. Получа наставленіе и слѣдуя оному, впервыхъ опѣискалъ я шѣло Царя Дулебскаго, перенесъ оное въ замокъ дочери моей Замиры, и оставилъ стараніе о приведеніи его въ жизненность расположеніямъ Зимоніи, какъ уже вы о томъ слышали опѣней. Потомъ помышлялъ я, какимъ образомъ учредить то, чтобъ Баламиръ дошелъ до Доброслава и могъ получить копіе, нужное къ разрушенію моего очарованія. Я предузналъ, что въ свое время, когда Милосвѣта будетъ Царицею въ Дулебахъ, Баламиръ ее увидишь; надлежало только вложить ей въ уста, чтобъ она побудила его, есѣли онъ покорится красотѣ ея, шествовать на востокъ до шемницы Гипоменовой.

вой. А чтобъ больше побудить его къ предпріятію сего пупи, учредилъ я чрезъ мое очарованіе, (которое упошребилъ уже въ послѣдній разъ) чтобъ она составила шайну изъ судьбы своей, и не открыла оную Баламиру. Но какъ я изъ опышовъ зналъ, что скромность для женщины опасная заповѣдь, ожидалъ, что она скажетъ ему, какимъ образомъ узнать ему про ея обстоятельство отъ Гипомена, о чемъ вознамѣрился я ей въ надлежащее время расшолковать. А дабы больше Баламира принудишь къ шешвованію, учинилъ я, чтобъ Милосвѣта при объявленіи ему упала въ обморокъ, покрыша была дымомъ и преселилась въ перстень, бывший у меня на рукѣ. Послѣ чего днемъ бы присушшвовала она въ своемъ царствѣ, а всякую ночь возвращалась въ перстень; нарочно опредѣленный къ шому духъ долженшвовалъ переносить ее. — Послѣ шого сдѣлавъ я очарованіемъ, чтобъ къ

возвышенію, на коемъ лежала дудочка и мертвая голова, или лучше сказать Рогнеда, не лзя было подойти, кромѣ съ воспока, и чшобѣ съ приближеніемъ Баламира очарованный входѣ въ пещеру Гипомену разверся, а сей предсталъ предъ него при вступленіи на шрепью ступень возвышенія, и сказавши ему то, что уже слышалъ отъ него Баламирѣ, превратился въ каменный истуканѣ съ мѣдною спрѣлою. — Должно вѣдать, что когда Зеліану, Доброчесту и Ярославу надлежало утратитъ своихъ сунругѣ и обиташъ въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ нашелъ ихъ Король Унскій; почему я, еще прежде того, узнавѣ, что Зимонія намѣрена прибѣгнушь въ Дулебское боговѣщалище, пренесся туда тайно и далъ ей посредствомъ мсей невидимости въ опвѣшѣ насшавленіе, какое дашь ей завѣщаніе Зеліану и его браньямѣ о скрытіи своихъ приключеній до прибытія къ нимѣ Баламира и о прочемѣ. Таковымѣ образомъ

Ф 5

зомѣ

зомъ зараженный любовію . Король Унскій необходимо долженъ сповалъ отъ свей возлюбленной дойти до Гипомена, отъ него къ Зеліану, а потомъ къ Доброчесту , Ярославу и наконецъ до ихъ родителя . Къ преломленію очарованнаго копія, споспѣшествовать по моимъ внушеніямъ Зимоніи и дашь подробное наставленіе къ подвигу Баламирову прошивъ холма, учинившагося изъ тѣла Зловуранова , а для совершеннаго разрушенія моего очарованія учинилъ я, чшобъ виноградный гроздь по сложеніи обратился въ дощечку, имѣющую на себѣ надпись въ наставленіе Баламиру; стрѣлажъ мѣдная, пущенная Баламиромъ, попавши въ окаменѣлаго Гипомена, имѣла обратиться также въ дощечку съ надписью о томъ, что надлежало дѣлать къ возвращенію Гипомену и его супругѣ прежняго ихъ образа .

Расположа такимъ образомъ все къ поправленію моего преступленія, познавъ я, что волшебная
власть

власть меня оставила. Служебный мой духъ объявилъ мнѣ, что я долженъ быть наказанъ за нарушеніе кляшвы, и что Боги лишаютъ меня прежней моей силы, и не оставляютъ мнѣ ничего, кромѣ искусства дѣлаться невидимымъ и переноситься изъ мѣста въ мѣсто до шѣхъ поръ, какъ всѣ несчастные, коихъ я очаровалъ, отъ сего избавятся. Я долженъ былъ остаться во образѣ шарика и не получать настоящаго моего вида до времени, въ которое увижу дочерей моихъ, превратившихся въ прежній ихъ образъ. Я покорился сему наказанію и сносилъ оное безъ ропшанія.

Съ того часа прилагалъ я все мое стараніе о поправленіи раззореннаго царства Дулебскаго до прибытія въ оное Баламира. Я пренесся въ Дулебы и нашелъ тамъ великое смятеніе. Безначаліе доводило каждого помышлять шолько о собственныхъ выгодахъ; всякъ желалъ достигнуть власти и зачи-
малъ

налъ междуособія , причинившія бо-
 лѣе раззоренія , нежели нанесли Авары.
 Наконецъ прислушали къ совѣщанію
 о избраніи Царя , совѣщали , ссоры-
 лись и ни на что не рѣшились. То-
 гда я во образѣ старика чужестран-
 ца предсталъ въ собраніе и прѣ-
 совѣщивалъ принести шоржесшвенныя
 жертвы Золошой Бабѣ , и спросишь
 ее о судьбѣ страны ихъ. Когда на
 сіе согласились , я посредствомъ моею
 невидимости далъ имъ оповѣсть ,
 что щасніе Дулебовъ находишся въ
 пустыиѣ на восточномъ берегѣ
 рѣки Буга. Сей шемный оповѣсть
 еще болѣе привязалъ ко мнѣ Дуле-
 бовъ : они просили у меня совѣщовъ ,
 и я далъ имъ насшавленіе о по-
 сылкѣ знашнѣйшихъ вельможъ въ
 назначенную страну съ шѣмъ ,
 чшобъ они перваго попадашагося имъ
 въ пустыиѣ человека увѣщали на
 царство. Послѣдовали сему ; я по-
 велѣлъ Милосвѣшѣ вышши изъ ея пе-
 щеры : она взята и возведена на
 прешолѣ. Я остался при ней подѣ
 на-

названіемъ чужестранца и во образѣ старика. Я далъ ей неисшодимый кошелекъ, подобный тому, каковъ имѣлъ братъ ея Зеліанъ оубо Эмоніи, и чрезъ сію помощь мои совѣшы и старанія въ короткое время все разоренное приведено въ наилучшее цвѣтущее состояніе, а царство Дулебское мудрымъ правленіемъ достигло на верхъ благоденствія, въ каковомъ оно нынѣ. Далѣе должно вѣдать, что я пришедшему Зеліану воспрещалъ говорить и осматриваться съ своею сестрою, опасаясь, чтобъ онъ по своей нескромности, вывѣдавъ въ подробности приключеній ея, не открылъ оныхъ, а шѣмъ не подалъ бы Дулебянамъ подозрѣнія о моемъ чистосердечіи, и они не подумали бы, что можешь бышь я для своей корысти подавалъ имъ совѣшы, чрезъ что могло произойти смяшеніе, а всего больше, чтобъ чрезъ сіе открытіе не учинилось возмущательство расположенію моему въ доведеніи Баламира къ хи-

хижинѣ Доброславоу. И шахъ я при свиданіи Зеліановомъ зажегъ порошокъ, причинившій Милосвѣшѣ обморокъ и дымъ, ее покрывшій, и въ смященіи его вырвалъ у него невидимую шляпу, и вынесъ еестру его въ другій покой. Попомъ показался я Зеліану и повелѣлъ ему итти въ Дулебское боговѣщалище, гдѣ ему и Алавару подалъ я опшвѣшы, нужные къ моему намѣренію.

Съ того времени учредилъ я гостинницу для всѣхъ чужестранныхъ, и провождалъ во оную всѣхъ ихъ, остановляемыхъ во врашахъ градскихъ спражею, для угощенія, имѣя опъ того надежду, что когда нибудь придетъ Баламиръ, и я познаю его по учиненной мною на правомъ его вискѣ родинкѣ, что и воспослѣдовало. Я вручилъ ему спящему при писъмѣ перстень, для того что дѣйствію заблаговременнаго очарованія моего въ преселеніи Милосвѣшы въ сей перстень надлежало произойти при разговорѣ ея

съ

съ Баламиромъ и при воззрѣніи ея на сей персень. Прежде свиданія ихъ предзарилъ я Милосвѣшу, что въ шомъ день увидитъ она Короля Унискаго, будущаго своего супруга, и узнаетъ его по родинкѣ на лицѣ, сходствующей на звѣзду, и по перстию, кошорой я ей тогда показалъ. Я учинилъ ей подробное наставленіе, какъ ей слѣдуетъ поступить съ Баламиромъ, естли оный ей понравится. По описаніямъ моимъ о добродѣтеляхъ Короля Унискаго и по наружной его красотѣ Милосвѣша не могла оспашься къ нему равнодушною: она влюбилась въ него смертельно, и поступила по предписанію моему, побудившему его слѣдовать къ разрушенію очарованія моего, а чрезъ то и сама подверглась заклинаніямъ, учиненнымъ мною при потеряннн моей волшебной власти. — Но я не скажу, чему она подверглась, продолжалъ Король волшебниковъ съ улыбкою; да, я не скажу, пока до-

доведу повѣстью мою Баламира до
 сего мѣста. Всѣ начали догады-
 ваться, что значитъ сіе; волшеб-
 ница, ея дочери и Гипомень усмѣ-
 хались. Доброславъ взглянулъ на
 Милослану, которая тошова была
 плакашь, а дѣти ихъ устремили
 глаза на Короля волшебниковъ; Бала-
 миръ же схватилъ съ руки своей
 перстень и прижалъ къ уснамъ
 своимъ. Онъ хотѣлъ обѣясниться
 и до нѣсколька разъ начиналъ го-
 ворить, но Король волшебниковъ
 мѣшалъ ему, продолжая. — И
 такъ вы, Баламиръ, пошли въ пу-
 стыню на воспокъ, сказалъ онъ.
 — Я знаю это, говорилъ Бала-
 миръ, но . . . — Я шелъ за вами
 въ слѣдъ и ободрялъ васъ въ не-
 терпѣніи; вспомните невидимой го-
 лосъ, который слышали вы близъ
 пещеры, я - то кричалъ къ вамъ.
 — Изрядно, сказалъ Баламиръ;
 но прошу васъ. — Я присовѣто-
 валъ взять вамъ мѣдную стрѣлу;
 словомъ скажете. — Словомъ ска-
 жете,

зашь, Ваше Величество, высоко-
мочный Король волшебниковъ, — Да,
продолжалъ сей перебивая, вы дошли
до Зеліана и далѣе, а я съ раз-
рушеніемъ моего очарованія и по со-
единеніи всѣхъ здѣсь присутствующихъ
получилъ прощеніе отъ Бо-
говъ, и по прежнему сталъ Коро-
лемъ волшебниковъ. — Выве-
дите меня изъ шерпѣнія, подхва-
тилъ Баламиръ. — Я въ состоя-
ніи уже учинить васъ щасливымъ.
— Ахъ! я не могу быть онымъ,
кричалъ Король Уинскій, доколь не
увидю возлюбленной моей Царицы
Дулебской. Я позналъ изъ словъ
вашихъ, что она заключена въ семь
перстнѣ; но какъ теперь еще день,
но находишься она въ Дулебахъ, и
я долженъ взирать лишь на сіе за-
печеніе ея; я умру отъ нешерпѣ-
нія и неизвѣстности, могу ли я ее
увидѣть. Ахъ великомочный Ко-
роль! сжалъсь надъ любовникомъ.
— Онъ не могъ больше выгово-
рить и обнялъ колѣна его. По-

Часть X.

X

дайте

дайше мнѣ сей перстень, сказалъ волшебникъ; должно обрадовашь васъ, обрадовашь и всѣхъ присутствующихъ здѣсь и подашь Доброславу средство воздашь по волѣ Боговъ за ваши ,одолженія. Выговоря сіе, взялъ онъ у Баламира перстень и прикосновеніемъ къ еному своего волшебнаго жезла превратилъ онъ въ густой дымъ. Всѣ наполнены были ожиданія и не смѣли почти дышашь, доколѣ дымъ исчезъ, а на мѣствѣ его увидѣли прекрасную дѣвицу въ Царкомъ одѣяніи. Баламиръ прежде всѣхъ бросился къ ногамъ ея и произносилъ восклицанія, въ коихъ ничего не можно было разобрать, кромѣ имени Милосвѣща. Сей воспоргъ его пресвченъ былъ Королемъ волшебниковъ, который, подшевши къ ней, далъ ей знашь о себѣ, что онъ самый попъ пустынный, ея воспитавшій и возведшій на царство Дулебское. Потомъ разсказалъ онъ ей вкратцѣ всю касающуюся до ней повѣсть, и

вру-

вручилъ ее ея родителямъ. Тогда всеобщая радость возобновилась : Доброславъ и супруга его заключили ее въ объятія ; не можно описать утѣшенія , въ какомъ находилась Милосвѣта , узнавъ своихъ родителей , чего она давно желала , увидя своихъ братьевъ , ихъ супругъ , своего дядю и тещку ; всѣ они обнимали ее и всѣ плакали отъ радости.

По прошествіи сего восторга Король волшебниковъ въ длинномъ словѣ предложилъ Доброславу о важности заслугъ , Королемъ Унскимъ въ его пользу учиненныхъ : онъ распространялся въ описаніи его добродѣтелей , могущества подвластнаго ему народа и нелицемѣрной любви его къ Милосвѣтѣ , и кончилъ требованіемъ ее ему въ супруги. Доброславъ и Милослана , разумѣя , что сей бракъ устрояется по волѣ Боговъ , и примѣчая чувствованія своей дочери , не прошивились шему : они сложили руки Баламира

и Милосвѣшы въ знакъ ихъ обрученія. Бракъ ихъ положено торжественствовать въ Уннигардѣ, гдѣ уповали бытъ на завтра; ибо хоша опѣ хижины Доброславовой до столицы Баламировой находилось болѣе двухъ тысячъ верстъ разстоянія, но волшебники умѣюшъ учреждать весьма быстрыя почвы, чудно время переѣздовъ сокращающія. Почему Баламиръ безъ внутренняго роптанія согласился на сію малую ошрочку. Куды уже нейдетъ до завтра, думалъ онъ, я и больше сего ожидалъ, и припомъ безъ всякой надежды. Завтра, — говорилъ онъ, цѣлуя прелестныя руки у возлюбленной своей Милосвѣшы, — учинюсь я щасливѣйшимъ изъ смертныхъ. Завтрашній день, опѣчала Милосвѣша, сопрягусь я на вѣки съ моимъ возлюбленнымъ. Она призналась Баламиру, что съ перваго взгляду на него возчувствовала къ нему нѣжнѣйшую 'страсть, и во все время его ошлучки была въ безпре-

престанномъ мученіи отъ неизвѣстности объ немъ, что она каждый день по пробужденіи своемъ находила себя во Дворцѣ Дулебскомъ и занималась помышленіями о любви своей, а при насупленіи ночи упала въ безчувствіе. Король волшебниковъ, вслушавшись въ сіе, объяснилъ ей, что она въ семъ безчувствіи преселялась въ перстень и была на рукахъ своего возлюбленнаго. — Да, я помню одинъ случай, сказала Милосвѣша, когда вы ночевали близь Ладина капища, что я пробуждаясь васъ увидѣла, но въ томъ мгновеніе ока очутилась во Дворцѣ моемъ. — Ахъ! я помню сіе, я слышалъ вашъ голосъ. Ахъ! естълибъ мы знали про сіе, сказалъ Баламиръ, ахъ естълибъ мы знали! — Да, подхватилъ Король волшебниковъ съ усмѣшкою, не все должно знашь прежде времени; ибо вы лишились бы пріятнаго ожиданія, кое вы теперь имѣете. Подобные сему разговоры продолжались не мало

потому что всякъ изъ муцинъ претерпѣлъ разлуку съ своею возлюбленною, и по соединеніи сидѣлъ съ нею попарно. Всякъ занимался лобзаніями и разговорами, и всякъ изображалъ изъ себя щастливую чешу. Всеобщая радость привела въ забвеніе прошедшія бѣдствія, и всѣ отъ внутренности сердца прощали причинителя оныхъ. Король волшебниковъ, загладившій проступокъ несправедливаго своего мщенія своими заботами, не пропустилъ напamятовать и того, что уже насталъ часъ посвятить шѣло лежащаго во гробѣ Царя Дулебскаго, родителя Доброслава. Волшебное облако появилось, и подхватя всѣхъ, пренесло въ замокъ Замиры и Доброчеста.

Къ величайшей радости нашли они его уже ожившаго и прохаживающагося въ садахъ. Доброславъ и Рогнеда бросились въ его объятія, а Король волшебниковъ объяснилъ ему все происшедшее съ того времени,

мени, какъ онъ приведенъ былъ въ смертное нечувствіе ударомъ очарованнаго копія. Старый Царь плакалъ отъ радости, узнавъ, что подданные его учинены благополучными, и что враги ихъ Авары погибли; онъ обнималъ, орошая слезами, своихъ внуковъ и ихъ супругъ, и едва не умеръ опять отъ восхищенія, узнавъ, что внука его, споль мудро управлявшая его скипшромъ, обручена за Короля храбрыхъ и непобѣдимыхъ Унновъ; ибо сей славный союзъ укрѣплялъ безопасность его отечества. Добрые Государи чувствуютъ всегда подобную радость, понеже благо ихъ подданныхъ есть ихъ собственное. Старый Царь увѣдомилъ своего сына, что онъ чаялъ находиться во снѣ во все то время, какъ его считали мертвымъ, и что онъ очнулся только нынѣшній день къ крайнему удивленію, что нашелъ себя въ незнакомомъ мѣстѣ. Онъ сраженіе съ Аварами почиталъ во снѣ ви-

дѣнными, и ожидалъ, что кто нибудь изъ жителей сего замка подаспѣ ему обѣясненіе, каковымъ образомъ онъ здѣсь нашелся.

Послѣ сего, въ разсужденіи дряхлыхъ силъ Царя Дулебскаго, согласились всѣ возвратитъ его въ его столицу и тамъ торжествовать бракъ Баламира съ Милосвѣтою. Волшебное облако оказало имъ сію услугу, и чрезъ часъ сошли всѣ съ онаго во Дворцѣ Дулебскомъ. Возвѣщено было народу о возвращеніи къ нимъ ихъ спараго Царя; вельможи и спарики въ народѣ къ неописанной радости узнали своего добраго Государя. Всѣ бѣжали видѣть его и всѣ допущены были къ лобзанію руки его. Торжество о семъ продолжалось многіе дни, и въ первый изъ оныхъ спарый Царь уступилъ иго правленія сыну своему Доброславу. Король волшебниковъ обѣяснилъ вельможамъ всѣ подробности приключенія Доброславова; и народъ, видѣвшій щасливое цар-

царствованіе дочери, съ радостію вѣнчалъ на царство отца ея. Доброславъ въ послѣдствѣ подтвердилъ ожиданія своихъ подданныхъ шѣмъ, что онъ былъ имъ истинный отецъ. Онъ по времени погребъ шѣло своего родителя, и самъ, послѣдовавъ во уединеніе съ своею дражайшею Милоспаною, вручилъ вѣнецъ Царскій старшему сыну своему Зеліану. Доброчестъ же и Ярославъ нашли себя не меньше благополучными во объятіяхъ своихъ супруговъ, и обихали съ ними въ ихъ замкахъ, получа несчетныя сокровища отъ шесця своего Короля волшебниковъ.

Мы отступили нѣсколько отъ порядка повѣсти и не сказали ничего о Баламирѣ. Бракъ его съ Милосвѣшою совершился въ первый день прибытія ихъ въ Дулебы съ великимъ шоржествомъ. Можно сказать, что Дулебы праздновали тогда седмичный бракъ въ разсужденіи соединенія всѣхъ разлученныхъ

супруговъ, кои въ наставшую ночь забыли всѣ претерпѣнные несчастія, заснувъ во объятіяхъ своихъ возлюбленныхъ. Чада Богини Лады освѣтили своими пламенниками чертоги, опведенные для Короля Унцскаго, въ коихъ онъ учинился щасливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Между тѣмъ, какъ чрезъ нарочно посланнаго Баламиръ далъ знать любимцу своему Алавару о всѣхъ своихъ приключеніяхъ и повелѣлъ ему учинить пріугошвенія къ встрѣчѣ своей Королевы и къ торжествамъ, Гипоменъ упросилъ его съ Милосвѣшою о посѣщеніи себя въ Королевствѣ Кимбрскомъ. Король волшебниковъ и Зимонія, Доброславъ съ своею супругою, дѣтьми и невѣстками также согласились бытъ при освобожденіи королевства его отъ очарованія и при возведеніи его на престолъ. Не было лучшаго средства для переѣзда сего, какъ волшебное облако, и не лзя было инымъ образомъ посѣпить го-
су-

сударство, учинившееся озеромъ; Гипоменъ постарался доставить оное. Всѣ взошли на облако и чрезъ нѣсколько часовъ начали спускаться на помѣ мѣстѣ озера, гдѣ находился Дворецъ Государей Кимбрскихъ. Гипоменъ уступилъ честь возвращенія прежняго вида странѣ своей Королю волшебниковъ: прикосновеніе его волшебнаго жезла прогнало очарованіе, и вода, начавъ изсыкаться парами, вскорѣ показала видъ сперва башенъ и высокихъ зданій, а потомъ вся исчезла, такъ что не осталось ничего мокраго, кромѣ мѣстѣ, въ коихъ находилась она ошъ природы. Кимбрияне, бывшіе всѣ въ образѣ разныхъ водяныхъ пшницъ, пришли въ великое замѣшательство, утрачая спихію, на коей они обитали привыкли; но прочтенныя Гипоменомъ нѣкоторыя ему извѣстныя слова возвратили имъ человѣческія чувства и принудили ихъ придти къ Королю волшебниковъ, который маханіемъ своего жезла учинилъ

вилъ ихъ по прежнему челоуѣками, Смѣшно было видѣшь, какъ превращеніе распредѣлило степени народа въ сходныхъ къ тому пшицѣ, на примѣрѣ: вельможи дворянство выступали важно журавлями, а простой народъ брелъ ушками; щеголихи были лебедьми, купцы гусями, военные люди куликами, опшкупщики цаплями, у коихъ еще зобы наполнены были рыбою и молодыми пшичками. Первый вельможа представлялъ скопу, но Гипоменъ за доброе его правленіе отпустилъ его изъ своего государства; ибо вступая на престолъ, не хотѣлъ, чшобъ подъ его именемъ раззорилось оное.

Напослѣдокъ, когда всѣ Кимбрыне получили прежніе виды, Гипоменъ съ Рогнедою возведены на престолъ, и щасливое возвращеніе его торжествовано чрезъ многіе дни съ общею радостію. Совѣщны Баламира и его супруги способствовали ему въ учрежденіи правилъ и мѣрѣ къ

къ благоденствію его подданныхъ, въ чемъ онъ и имѣлъ успѣхъ.

Посомъ все собраніе возвратилось по своимъ мѣстамъ: Король волшебниковъ и Зимоія оправились въ свой замокъ, Доброславъ съ Мило-станою и дѣтьми своими были опнесены въ царство Дулебское, а Баламиръ съ Милосвѣшою по одолженію Гипо-менову получили лешающую коле-сницу, въ коей и достигли до Уни-гарда. Алаваръ встрѣшилъ ихъ съ знатнѣйшими людьми государства и при радостныхъ восклицаніяхъ всего народа; Баламиръ ввелъ супругу свою во Дворецъ свой. Торжества были оживляемы Милосвѣшою, ко-торая оказаніемъ народу разныхъ мило-стей и распоченіемъ неизощимаго кошелька своего въ пользу опечества доказала, что она въ состояніи на-ходила сколько послужить къ щастію Унновъ, сколько учинила она добра въ Дулебахъ. Баламиръ, обнимая своего любимца, признавал-ся, что онъ благополучіемъ своимъ дол-

долженъ побужденіямъ его, чрезъ кои вложилъ онъ ему охоту спривствования въ Дулебы. Баламиръ, разсматривая всѣ поступки Алаваровы во время правленія его въ свое отсутствіе, не нашелъ въ нихъ ни малѣйшей слабости, ни вида своекорыстія. Въ самомъ дѣлѣ Алаваръ былъ чудо изъ любимцевъ Монаршихъ; онъ остался до смерти вѣрный рабъ и другъ своего Государя. Долго въ Уннахъ была пословица: послѣ Алазара не будетъ Алазара.

Баламиръ препровелъ дни свои въ мирѣ; ибо мудрое его царствованіе, подкрѣпляемое совѣтами Милосвѣты, умѣло пресѣкать всѣ вражды съ сосѣдями въ ихъ началѣ. Во все время его жизни мечи Унновъ ржавѣли, а сохи блистали и корабли на морѣ Меописскомъ не перевозили ничего кромѣ купцовъ съ поварами. Нѣжный бракъ его награжденъ великимъ попомствомъ, и Милосвѣта еще до смерти своей имѣла щастіе

щастіе лобызати съ нимъ обще чадъ
сыновъ своихъ, подававшихъ законы
разнымъ странамъ, въ коихъ были
они Государями.

Конецъ X и послѣдней Части.

AUG 31 1976

